

Май 20
бек

По следам АДАМА
Тур Хейердал

Annotation

Тур Хейердал (1914–2002), норвежский этнограф и археолог. Страсть к географическим исследованиям «воспринял от великих соотечественников — Фритьофа Нансена и Руаля Амундсена». Первые путешествия (на Маркизские острова и в Британскую Колумбию) совершил еще в юности. Участвовал во Второй мировой войне — служил радистом в диверсионном отряде. В 1947 году мир, затаив дыхание, следил за броском группы энтузиастов на плоту «Кон-Тики» через восточную часть Тихого океана. Потом были плавания папирусной лодки «Ра» через Атлантику, тростникового суденышка «Тигрис» по Персидскому заливу, Аравийскому и Красному морям. А еще — путешествия на Мальдивские острова, на остров Пасхи, археологическая экспедиция в Перу... О своих экспедициях Тур Хейердал написал несколько книг, получивших широкую известность во всем мире, в том числе и в нашей стране.

- [Тур Хейердал](#)
 - [Жизнь, сотканная из парадоксов](#)
 - [Начало](#)
 - [Время для размышлений](#)
 - [Вода над головой](#)
 - [Голова над водой](#)
 - [По следам Дарвина](#)
 - [У подножия лестницы Иакова](#)
 - [Танцы с дьяволом](#)
 - [Без времени на раздумья](#)
 - [Давид и Голиаф](#)
 - [Научная братия](#)
 - [По ту сторону «железного занавеса»](#)
 - [Красный остров на голубой планете](#)
 - [Райские кущи](#)
 - [По стопам Ноя](#)
 - [Водная гладь и небесная твердь](#)
 - [Красная нить](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
-

Тур Хейердал
По следам Адама

Жизнь, сотканная из парадоксов

Тур Хейердал безусловно является, как это модно говорить сейчас, знаковой фигурой ушедшего XX века. В самом деле, мы не задумываясь ставим его в один ряд с Ф. Нансеном, Р. Амундсеном, Ж.-И. Кусто. Разумеется, между ними нельзя поставить знака равенства, но все же есть нечто, их объединяющее. На мой взгляд, это преданность своему делу, искренняя потребность принести человечеству пользу, способность к первооткрывательству и, как следствие, мировая известность. Последняя, кстати, возникла не в результате их научных достижений, а скорее, вопреки. И, пожалуй, еще одно обстоятельство: все они страстно стремились познать

окружающий их мир, поэтому людская молва всех их называет выдающимися путешественниками.

Разумеется, Тур Хейердал — выдающийся путешественник, хотя бы уже потому, что именно он открыл новую страницу в современном мореплавании — он стал реконструировать маршруты древних мореходов. И надо признать, что весьма на этом поприще преуспел: все знают о бальсовом «Кон-Тики», папирусных «Ра» и камышовом «Тигресе». Многие слышали и читали о том, что у него появился добрый десяток последователей, таких как Тиммоти Северин или Уильям Уиллис и др. Однако сам Хейердал считает себя ученым, специалистом в области древних цивилизаций, археологом, этнографом, антропологом. Сейчас этот факт ни у кого сомнений не вызывает, ведь он доктор наук, профессор, член не менее десяти научных Академий, почетный доктор многих университетов, в том числе и Московского. Но это сейчас. А что же пришлось Туру Хейердалу претерпеть на пути к этому признанию?

Именно об этом книга, которую Ты, читатель, держишь в своих руках.

Эта книга не похожа на все то, что Тур Хейердал написал прежде. Его перу принадлежит добрый десяток приключенческих книг и добрая сотня научных статей и монографий, несколько книг написано о нем самом. Безусловно, во всех книгах о его путешествиях или экспедициях изложена часть его жизненного пути, они документальны. Но еще ни разу Тур Хейердал не рассказывал о своей жизни, начиная с самого раннего детства. Долгая жизнь Тура Хейердала может служить примером истинного служения своему делу, своему увлечению, своей науке. Читатель узнает о том, что Тур очень рано, еще будучи студентом, увлекся изучением древнего человека, древних цивилизаций и с удивительным упорством, настойчивостью, изобретательностью, смелостью, риском для жизни и бескомпромиссностью занимался одним этим делом. Перерыв пришлось сделать лишь один раз на несколько лет — помешала Вторая мировая война. Военные приключения Тура Хейердала — одна из увлекательнейших страниц его жизни, правда, с одним допущением — он легко мог погибнуть.

Часто, наблюдая жизнь особо одаренных и талантливых людей, обыватель говорит: «Везет же...» Действительно, везунчик — все у

него получается, все легко, все просто, протянул руку, а в ней уже птица счастья. На самом деле так не бывает, и жизнь Хейердала — тому пример. Чем больше он работал, чем больше он изучал и познавал, чем больше он популяризировал свои идеи и открытия, чем более известным и популярным он становился, тем зачастую жестче и непримиримей встречал его ученый мир (правда, не весь, но большинство). Большая часть научных авторитетов не брала на себя труд ознакомиться с научными публикациями Тура Хейердала, они (кстати, с удовольствием) читали его приключенческие книги, в которых, разумеется, отсутствовала строго научная аргументация. Читали и делали строго научные выводы.

Парадокс? Да.

Хейердал все умеет делать сам и все сам делает. Он не только вдохновитель и организатор, но и непреременный участник всех своих экспериментов. Человек, сидящий безвылазно в своем кабинете и расшифровывающий письма древних пасхальцев на деревянных дощечках, так называемые «ронго-ронго», не может взять в толк, что это понесло Хейердала на остров Пасхи на целый год?

А Хейердалу нужно было не только увидеть все своими глазами и копать там, но и ощутить загадочную, мистическую ауру острова и его идолов. Попытаться узнать и понять живущих там людей. И ведь именно они открыли Хейердалу свою главную тайну — родовые пещеры, о существовании которых не знал даже пришлый миссионер Патер Себастьян, проживший на острове Пасхи двадцать лет, учивший и лечивший местных жителей.

Парадокс? Да.

Как удалось Хейердалу настолько расположить к себе пасхальцев? Ответ, на мой взгляд, в главной сути Тура — он искренне и глубоко любит себе подобных, ему действительно все равно, араб ты или еврей или еще кто-то, какого цвета твоя кожа и какому Богу ты молишься. Искренняя доброта и отсутствие какой-либо агрессивности, честность и открытость — главные источники удивительного обаяния Тура Хейердала. Именно эти свойства его натуры открывают перед ним все границы и позволяют чувствовать себя комфортно в любой ситуации и обстановке. Мне много раз приходилось это наблюдать и слышать из рассказов общих друзей.

Герман Карраско, наш друг и участник экспедиции «Тигрис», о котором Тур упоминает в этой книге, рассказывая о «болотных арабах», поведал мне о приключениях Хейердала в Перу. Район Тукуме, где Тур производил раскопки, славился напряженной криминальной обстановкой. Разного рода бандиты и мафиози буквально заполонили эти места, и появляться там без охраны приезжим не рекомендовалось. Тур, однако, просто не обращал на это внимания и свободно один скакал по окрестностям верхом на лошади, общался с рыбаками и крестьянами и приобрел среди них множество друзей.

Опять парадокс? Да.

Но вернемся к книге.

Пожалуй, это первая книга, в которой Хейердал так много и подробно рассказывает о нашей стране (и о бывшем СССР), о своих друзьях, встречах, приключениях и отношениях с партийными боссами и учеными.

Читатель узнает из этой книги и то, о чем Тур не писал никогда. О его личной жизни. О его отце, матери, женах и детях. Тур повествует в этой книге о своей жизненной философии: отношению к Богу, религии, политике, окружающей среде и будущему Планеты. Помимо всех своих талантов, Тур Хейердал обладает явным писательским даром. Книга написана легко и интересно. Начав ее читать, трудно остановиться.

Ю. Сенкевич

Начало

Сотворение мира или эволюция?

Праотец Адам или обезьяна?

В кого вы верите — в Господа Бога или в Дарвина?

Я оставляю эти вопросы без ответа. Мне слишком часто их задавали. Даже мой собственный немногословный аку-аку в часы, когда я вел безмолвные беседы с самим собой.

Все мои попытки сосредоточиться над страницами незаконченной рукописи оказались напрасными — слишком уж я нервничал, ожидая, пока моя будущая жена выйдет из ванной комнаты, готовая для обряда церковного бракосочетания.

Церковного бракосочетания? Неужели это происходит со мной? Со мной, который в молодости был абсолютно уверен, что жениться надо один-единственный раз и оставаться вместе до гробовой доски?

Увы, мои юношеские идеалы не выдержали испытания временем. И теперь я сижу в гостиничном номере городка, затерянного среди песков Западной Сахары, перед тем как в третий раз в жизни пойти к алтарю. На сей раз — в католическом соборе в Эль-Аюне, городе, где все жители — мусульмане, кроме священника — настоятеля храма.

Первый раз был в Норвегии, в Бревике, родном городе моей невесты. Молодой лютеранский священник обвенчал нас в присутствии родителей и двух наших сокурсников. На следующий день мы распрощались с ними и отправились на остров Фату-Хива в Тихом океане, чтобы, подобно Адаму и Еве, прожить целый год в первозданных джунглях, вдали от цивилизации. Ее звали Лив. Удивительный человек. Не встречал никого другого, кто обладал бы достаточной силой духа и мужеством, чтобы вынести все ожидавшие нас испытания — ведь мы были полностью изолированы от внешнего мира и не имели ни лекарств, ни радио, ни спичек — ничего, кроме собственных рук.

Второй раз — в Мехико — нас поженил шериф города Санта-Фе, а в качестве свидетелей выступали лежавший на полке револьвер да некий Билл, которого шериф крикнул из соседней комнаты. Ивонна.

Разве можно сравнить с ней кого-нибудь? У кого еще хватило бы гордости и преданности, чтобы оставаться рядом со мной на протяжении всех тех долгих лет, когда порой казалось, будто весь мир академической науки объединился в борьбе против новых знаний и в защиту старых догм?

И вот сегодня — третий раз. Я едва успел написать несколько первых строк вступления к новой книге, как дверь ванной комнаты распахнулась, я отшвырнул ручку и бумагу и последовал за Жаклин в холл гостиницы. В кармане брюк лежала коробочка с двумя маленькими деревянными кольцами. Я сам их вырезал из сухой ветки, валявшейся в саду. Вообще-то я терпеть не могу, когда мужчины вешают на себя украшения — да и женщины, на мой взгляд, вполне могли бы без них обойтись — и никогда не носил колец, но на сей раз отвертеться не удалось. Еще требовались разнообразные свидетельства о рождениях, смертях и разводах, выданные в Норвегии и Соединенных Штатах, переведенные на испанский язык и заверенные священником и епископом с Канарских островов. Иначе я, урожденный протестант из Норвегии, и женщина, родившаяся в католическом Париже, никак не могли бы пожениться в соборе, расположенном посреди мусульманской (некогда испанской) Западной Сахары.

Мы бегом спустились по ступенькам, чтобы не заставлять священнослужителей ждать. За дверьми отеля нас встретил мир песка, берберов в белых балахонах и ооновских солдат из шестидесяти разных стран, в голубых беретах и с нашивками в виде флага на рукавах. Так выглядела страна, по которой марокканский король Хасан II во главе 250 000 соплеменников провел «зеленый марш мира» под красными флагами, чтобы не допустить проведения референдума о независимости Западной Сахары. С тех пор, как пять лет тому назад мы с Жаклин впервые приехали сюда, чтобы исследовать фигуры, высеченные из камня в пустыне, здесь мало что изменилось. Разве что ООН сократил свой контингент до пятисот человек.

Солнце жарило нещадно.

— А где же букет для невесты? — поинтересовалась Жаклин, глядя на мир, в котором не было не то что цветка — даже травинки. Она вернулась во внутренний дворик отеля и отыскала там несколько

пальмовых листьев и одинокий гибискус, украшенный единственным большим красным цветком. А затем, мимо мусульман и военных, мы направились в большой католический собор, оставшийся в мусульманской стране как напоминание об испанском владычестве, закончившемся после Второй мировой войны. Она — с огромным красным цветком в руках, я — с парой деревянных колец в кармане.

Я гадал, что ждет нас впереди, изо всех сил старался не думать о времени и не заметил, как мы подошли к собору. Два католических священника в белых одеяниях ждали нас, один на улице, второй внутри здания. Для человека, не привыкшего ходить в церковь, все это казалось несколько необычным, но я никогда ничего не имел против ритуалов, которые соблюдают люди в поисках своих богов.

Как и следовало ожидать в этой стране, вернувшейся к исламу, собор был абсолютно безлюден, за исключением двух свидетелей, личных друзей священника. Из них только дон Энрике, единственный оставшийся представитель интересов Испании в Западной Сахаре, исповедовал христианскую веру. Посольство давно было закрыто, а все попытки Организации Объединенных Наций провести свободные выборы с целью присоединения к Марокко завершились неудачей. По странной случайности, дон Энрике родился и вырос на Канарах, где мы сейчас жили и где в местечке Гальдар испанские археологи недавно обнаружили фундаменты домов тысячелетней давности, как две капли воды похожие на исландские времен эпохи викингов. И еще они нашли остатки меча, вроде тех, какими пользовались завоеватели с севера.

Другим свидетелем был очень интеллигентный доктор-араб по имени Абдель Хафид. С улыбкой он объяснил, что увлекался христианством в годы учебы в университете, но личные убеждения привели его назад к исламу.

Я огляделся по сторонам. Голые белые стены из бетона, такие же пустые скамьи, без единой статуи святых. Где безжизненная фигура распятого Иисуса? Его не было нигде, даже в алтаре. Может, это дань уважения приверженцам иудейской веры, которые, за неимением синагоги, могли заглянуть сюда в поисках тишины и уединения? В конце концов, этот храм тоже посвящен Богу племени Авраамова. Возможно, именно поэтому здесь нет статуй страстотерпцев и

евангелистов. Только маленькая одинокая фигура Девы Марии, кротко сложившей руки в молитве, стояла возле амвона.

Скромный алтарь не блистал ни золотом, ни роскошной резьбой, но взгляд тем не менее останавливался на Всемогущем Создателе, скупыми линиями изображенном на троне в день седьмой, день отдохновения. Он сидел, босой, в простом кресле, возвышаясь над головами четырех смиренных евангелистов, нарисованных в той же сдержанной манере. И только кроткий голубь парил над всеми этими изображениями.

Такая нейтральная сцена вряд ли могла оскорбить чьи-либо религиозные чувства. Ведь царящий в Небесах Господь — един для всех трех религий, которые даже сейчас, в век космических путешествий, продолжают вести между собой кровавые войны.

Так ради чего же они воюют?

Раздавшееся с хоров пение отвлекло меня от моих антирелигиозных (или надрелигиозных) размышлений. Затем прошествовали два священника в своих великолепных белых одеяниях. Паства — все четыре человека — поднялась. Два свидетеля, мы — жених и невеста — и два священника между нами, стояли лицом к алтарю и к Господу, смотревшему на нас со стены. Только теперь я заметил, что на фреске не было прорисовано лицо. Наверное, это сделано специально, подумал я, чтобы не раздражать мусульман, чья религия запрещает изображать лица, особенно Создателя. Ведь и Библия, и Коран утверждают, что Он невидим. Но затем я понял, что все гораздо проще. Дождевая вода, стекая по стенам из-под прохудившейся крыши, смыла краску. Но только там, где было лицо. Мне не терпелось расспросить об этом священников. Позже они подтвердили, что все дело в дырявой крыше. Совпадение. Иногда я задаюсь вопросом — а есть ли вообще на свете такая вещь, как совпадение?

Я с трудом вслушивался в слова, произносимые священниками на французском и испанском языках и эхом отдававшиеся среди пустых стен. Скорее всего, речь в проповеди шла об Адаме и Еве, потому что вчера, когда мы летели сюда с Канарских островов, маленький отец Луи обсуждал со мной тему сотворения мира. Отца Луи многое интересовало, но прежде всего археология. Он давно переписывался с Жаклин, и именно его красочные рассказы об идолах, вырезанных из

камня посреди Сахары, побудили нас впервые посетить Эль-Аюн пять лет назад. А теперь Жаклин уговорила его приехать сюда из мавританского города Нуадибу, где находился его новый приход. Из-за отсутствия нормальных дорог ему пришлось лететь самолетом до Канар. И вот сегодня он стоял на две алтарные ступеньки выше нас, рядом со своим начальником по церковной иерархии отцом Акачио, у босых ног Бога, нарисованного на стене, и казался ничуть не менее счастливым, чем мы с Жаклин, хотя мы олицетворяли собой те радости жизни, от которых он добровольно отрекся.

Нам было не по себе в гулкой пустоте собора. Что скажут, что предложат нам сделать эти два клирика? Но они смотрели на нас с дружелюбными улыбками, и Голубь мира парил высоко на стене, и все тревоги африканской жизни, казалось, отступили далеко в прошлое. Рядом с большим и более серьезно настроенным испанцем, похожим на гигантского, но доброго мишку, наш маленький французский друг в своей длинной белой робе священника напоминал младенца перед обрядом крещения. Об испанском священнослужителе мы мало что знали помимо того, что он являлся настоятелем этого храма, последнего оплота христианства на границе Западной Сахары, контролируемой силами ООН, и Алжира, где свирепствовали исламские экстремисты. Отец Акачио прекрасно представлял себе всю шаткость сложившейся ситуации, потому что он только что вернулся с церковной конференции в Марокко. Вместе с ним ездил его друг, архиепископ Оранский, о котором нам скоро предстояло услышать.

Впрочем, сейчас, когда мы стояли перед двумя священниками в белых одеждах, осененные крыльями священного голубя, проблема ненависти между различными последователями единого Бога любви казалась очень далекой.

Отец Луи светился от радости, и нам даже показалось, что именно таким должно было бы быть лицо у фигуры, нарисованной на стене храма. Он заговорил о любви. Об истоке любви. О сотворении мира.

— Мир был создан, когда Большой взрыв привел Вселенную в движение, — заявил он и с улыбкой посмотрел на меня.

Я покосился на второго священника. Тот стоял, благоговейно скрестив руки, и казался совершенно невозмутимым.

— Нельзя понимать буквально историю об Адаме и Еве и о сотворении мира за шесть дней, — услышали мы далее. — Ведь

написано, что для Господа тысяча лет как один день, и один день, как тысяча лет. Вся Библия состоит из притч. Иисус почти всегда говорил образами. Адам и Ева — это символ любви, это автопортрет невидимого Бога. Легенда о прародителях была необходима для того, чтобы создать материальный образ Бога всеобщей любви.

«Как верно!» — хотелось воскликнуть мне. Я настолько разделял его мысли, что едва мог дождаться главного вопроса — согласен ли я жениться на Жаклин. Ведь мы и в самом деле рассуждали о теории Большого взрыва, когда летели на самолете с Канарских островов. И я согласился, что, хотя наука и установила, что Вселенная ведет свое начало от мощного взрыва, должны были существовать некие сверхсилы, которые организовали этот удачный взрыв, а затем привели к порядку хаос.

— А жених (биолог по профессии) признал, что за Большим взрывом должна была последовать тепловая волна такой силы, что без усилий Создателя ничего живого на Земле никогда бы не родилось, — продолжал святой отец.

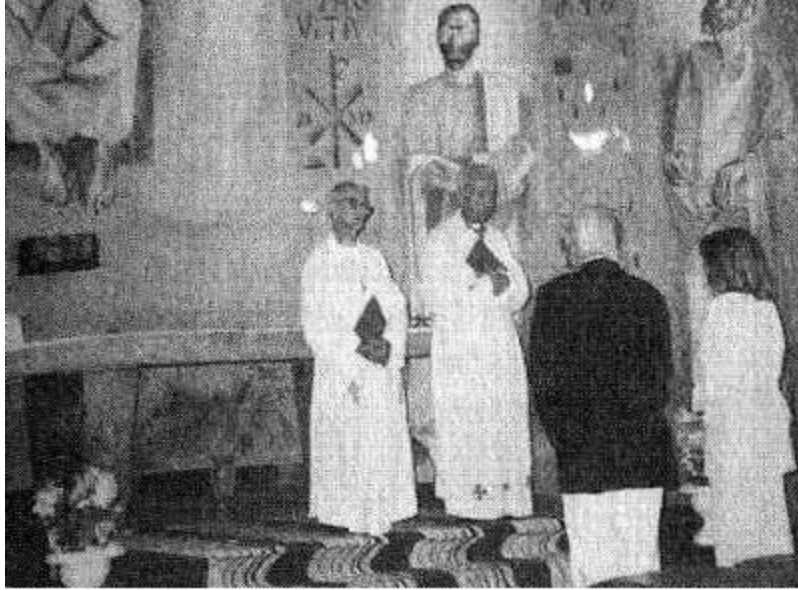
Я действительно так говорил. И еще одна умиротворяющая мысль пришла ко мне в голову: если современная наука может прозвать могучую созидательную силу «Большим взрывом», то как можно отказывать нашим древним предкам в праве дать ей имя Аллаха или Господа? Нельзя не признать — вера в то, что мощь Большого взрыва может создать бесчисленное количество звезд, гораздо больше соответствует мышлению атомной эпохи, чем образ Святого духа, кротко парящего над водами. И пусть священник не обмолвился об этом, именно его слова привели меня к такому выводу. Еще меня поразило — как этот человек в белом одеянии, давший обет безбрачия, мог с такой теплотой говорить о любви. Для него понятие «любовь» не содержало ничего плотского, она жила в его душе, чистая и свободная, как птица. Большие взрывы могут породить ненависть среди живых существ, но им не по силам вдохнуть любовь в мертвые атомы и холодные звезды. Любовь не обнаружить под микроскопом и не удалить хирургическим скальпелем, но она живет в наших сердцах, будь ты стриптизершей или священником в белой сутане.

Отец Луи посмотрел на одного из наших свидетелей и процитировал несколько строк из Корана в качестве свидетельства того, что пророк Мухаммед тоже прибегал к притче об Адаме и Еве.

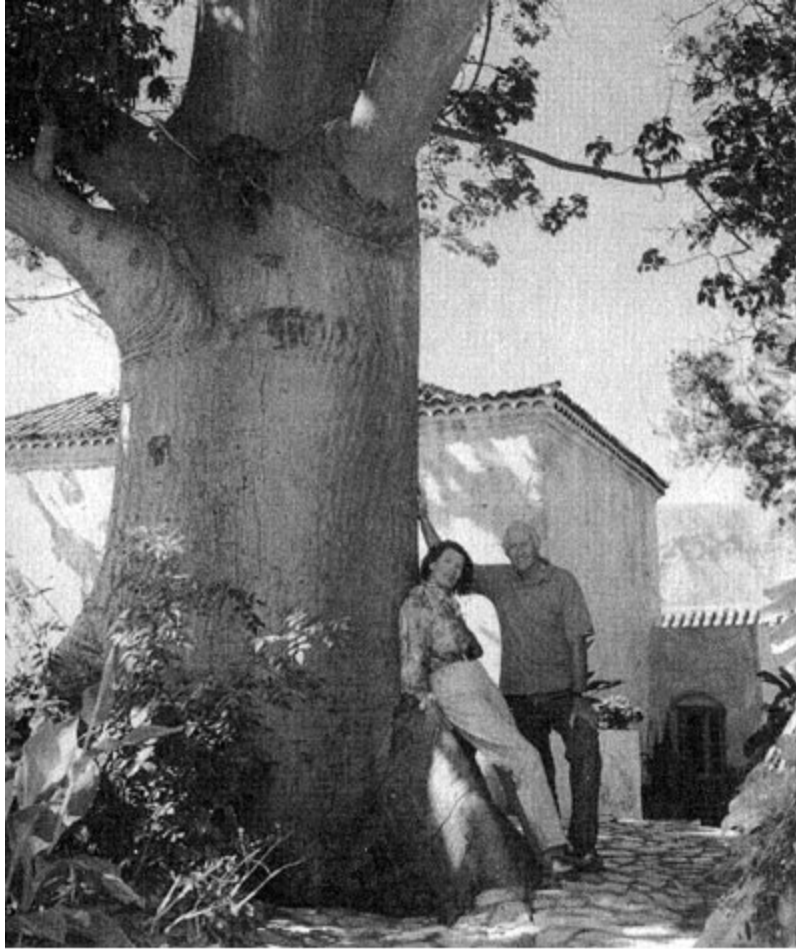
Невидимый Аллах создал мир за шесть явм, а явм — это не только день, но и период времени неопределенной длительности.

Христиане начали рисовать Бога на стенах храмов где-то в начале средних веков, а мусульмане до сих пор не допускают у себя в мечетях никаких изображений людей. Священники, один по-французски, другой по-испански, говорили о Боге в соответствии с древними канонами. Их Бог вовсе не походил ни на морщинистого старика с белой бородой, ни на мужчину, ни на девственницу. Символический портрет Создателя — это нечто, объединяющее мужское и женское начало, зримый символ созидательной любви. Именно она вдохнула жизнь во время и пространство, привела Вселенную в движение и посвятила шесть дней своего времени тому, чтобы заселить пустынную планету мужчинами и женщинами, способными в девятимесячный срок воспроизводить новые поколения себе подобных.

Чувство восторга переполняло меня. Я был готов сказать «да» всему на свете, и когда меня наконец спросили, хочу ли я взять Жаклин в жены, мой ответ прозвучал с такой силой, что согласие невесты показалось лишь слабым эхом моего согласия. Потом мы все вшестером обнялись, и когда мы с Жаклин, надев деревянные кольца, покинули пустой храм, нам казалось, что есть еще надежда на мир и понимание между потомками адамовыми, пусть даже сейчас в Западной Сахаре не обойтись без солдат ООН.

**В маленькой церкви на краю Сахары:
венчание с Жаклин**

Мы с Жаклин на Тенерифе
возле нашего дома (1994)

Сегодня на месте храма, снесенного островитянами в XII веке, стоит мечеть

В тот же самый день, несколько часов спустя, недалеко от алжиро-марокканской границы прогремел взрыв. Бомба, брошенная исламским экстремистом, унесла жизнь архиепископа Оранского, друга отца Акачио.

И доморощенные террористы, и военные сверхдержавы одинаково верят и в Бога, и в Сатану. И в большие взрывы.

Ученые изучили в телескопы звезды и разглядели через микроскопы молекулы, но нигде не обнаружили ни рая, ни ада. Поэтому никакая наука не скажет, в чем разница между добром и злом.

Норвегия - моя родина

Время для размышлений

В отличие от нас, затерянных в глуши Западной Сахары, Господу не пришлось ждать завтрашних газет, чтобы узнать об убийстве архиепископа Оранского. Один из его самых верных слуг принес последнюю жертву, приняв смерть во имя креста, и в тот же самый миг другой человек, простершись ниц в сторону Мекки, вознес слова благодарности за успех святого дела. И оба они искренне верили в Бога любви, некогда вдохнувшего жизнь в их общего праотца Адама.

На сей раз мусульманин убил христианина в Африке. Судя по прессе, в Европе спокойствием тоже не пахло. В бывшей Югославии, где раньше мир между конфессиями держался только на авторитете Тито, после его смерти христиане и мусульмане принялись тысячами вырезать друг друга. На зеленом острове по другую сторону Европы, где мусульман вообще-то днем с огнем не сыскать, христиане убивали других христиан за то, что одни из них в вечерних молитвах обращались к Господу напрямую, а другие — через посредничество Девы Марии. И христиане, и мусульмане, и иудеи согласны, что мы все исходим от одного корня. У Адама и Евы родилось два сына, Каин и Авель, и один из них убил другого, потому что дым от его жертвенного костра поднимался к небу не Таким прямым и ровным столбом.

У нас в Скандинавии религиозный фанатизм давно уже пошел на убыль. Мы переболели непримиримостью и гневом еще в эпоху викингов. Но когда в конце первого тысячелетия новой эры Евангелие, наконец, достигло наших краев, наши предки долго не рассуждали — подняли паруса над своими длинными кораблями и отправились в Иерусалим рубить головы мусульманам. Будучи добросовестным норвежским школьником я, разумеется, запоем читал королевскую сагу «Круг земной» Снорри и восхищался тем, как викинги совершали походы в Святую Землю в XI и XII веках и как заодно уничтожали неверных вдоль берегов Португалии, Испании и Северной Африки. Некоторые из них вполне могли бросить якорь в удобной бухте алжирского Орана и заблаговременно отомстить за убийство, совершенное, когда мы слушали об Адаме и Еве, за закрытыми

дверьми католического собора. Именно под знаком креста могущественный король Сигурд Крестоносец предпринял поход на Святую Землю и, расчищая путь на Иерусалим для крестоносцев, разорил прибрежные города Северной Африки. Все золото, отнятое его людьми у последователей Аллаха, он отдал митрополиту Константинополя и поставил весь флот и почти всех воинов под флаги борцов с мусульманами. А сам вместе с остатками армии вернулся домой, проехав верхом через всю Европу. Его предшественник на норвежском троне, король Олаф II, к тому времени был уже причислен к лику святых за то, что крестил Норвегию простым и эффективным способом — отрубая голову каждому, кто отказывался верить во Христа. История учит, что христиане далеко не всегда склонны жить по канонам своей веры.

На следующий день после свадьбы нам с Жаклин предстояло вернуться в наш дом на Канарских островах. Тем же рейсом отправлялся назад в свою епархию и отец Луи. По какому-то недоразумению прошла информация, что на рейс из Касабланки осталось только одно свободное место, и Жаклин поехала вместе с обоими священниками в аэропорт, чтобы усадить на самолет хотя бы кого-нибудь одного из них. Отец Луи уже находился на борту, когда в Эль-Аюн пришло известие о трагедии в Оране. Мы же узнали страшную новость только вечером, из уст отца Акачио. Он оставался внешне спокойным, в его словах не звучало ни ненависти, ни жажды мщения. Еще менее он казался озабоченным собственной участью, хотя вскоре должен был остаться единственным христианином в краю, где все прочие молились Аллаху. «Церковь всегда имела своих мучеников», — спокойно заметил святой отец. Мученичество зародилось гораздо раньше, чем появился на свет Мухаммед. К тому времени христианство вело борьбу за существование уже более пяти сотен лет. Почти двухтысячелетняя история церкви освящена именами многих мучеников. И на смену его другу в Оран уже едет новый проповедник христианства, архиепископ Клавери.

Проводив Жаклин в аэропорт, я оставался в таком же незамутненном состоянии духа. Утреннее солнце мирно освещало изумляющие своей новизной извечно юные пески Сахары, с которыми

связано столько исторических событий и вершин человеческой мысли. Внезапно я понял, что мне совершенно нечего делать и что я свободен, как птица. Никаких обязательств, никакого графика. Я не планировал этого отдыха, но тем не менее он пришел как замечательный и долгожданный подарок.

Я отыскал кресло на плоской крыше отеля, куда не доносился навязчивый визг транзисторов и где можно было наслаждаться тишиной под голубым небом. Кроме неба, в поле моего зрения попадали лишь верхушки пальм из близлежащих садов да беззвучно чертившие по небу узоры птицы. Время исчезло, как исчезает оно на плоту посреди океана. Никакой почты. Никакого телефона. Только звенящая тишина, под которую так хорошо думается.

— Наконец-то ты сможешь отдохнуть, — напутствовала меня Жаклин перед отъездом. По ее словам, за все пять лет нашего знакомства у меня не было ни одной недели, свободной от каких-нибудь планов или проектов. Возможно, она права, но все дело в том, что мои программы не только и не столько работа, сколько любимое увлечение.

У постороннего наблюдателя может создаться впечатление, что я — упрямый авантюрист, перепрыгивающий с одного плота на другой и безнадежно погрязший в научных баталиях. На самом же деле я очень миролюбивый человек, прежде всего заинтересованный в том, чтобы найти решение той или иной проблемы, докопаться до ее корней. Но чем больше я делаю и чем больше я вижу, тем сильнее я поражаюсь ужасающему уровню неграмотности, царящему в научных кругах, среди так называемых «авторитетных ученых». И они еще претендуют на исключительное знание! С этим надо разобраться.

Должен признаться, что если бы всякий раз, когда я очертя голову бросался в новую экспедицию или исследование, меня постигала бы неудача, я, скорее всего, в конце концов сдался бы и нашел себе какое-то другое занятие. Но неизменно, когда я делаю открытие, которое оказалось мне по силам, я увлекаюсь, и мне хочется продолжать. И дело тут не только в интересе ученого. Я просто получаю от всего этого удовольствие.

И тем не менее, Жаклин сказала чистую правду. Стоит мне закончить экспедицию или книгу, как я начинаю что-то новое. Между

путешествиями, перепиской и рукописями никогда не бывает перерывов. Наверное, я сумасшедший.

«Сумасшедший, — подумал я и вдруг услышал, как это слово эхом отозвалось где-то в глубине моего сознания. — Наверное, в разговор вступил мой аку-аку», — усмехнулся я.

Жители острова Пасхи утверждали, что у меня есть аку-аку. Все их предки, и многие из ныне живущих, имели аку-аку, маленьких невидимых спутников, в нужную минуту подававших добрые советы. Никто, кроме очень толкового аку-аку не мог бы посоветовать мне приехать на их пустынный остров и начать копать именно там, где лежали скрытые от людских глаз статуи.

Я всегда с удовольствием вспоминаю о тех нескольких месяцах, когда на острове Пасхи работала первая археологическая экспедиция. Тогда там не было ни причала, ни аэропорта. На самом одиноком острове в мире жило не более тысячи человек, и только раз в году, на Рождество, туда приходил чилийский военный корабль с очередным запасом провизии для потомков тех мастеров, что некогда воздвигли сотни гигантских каменных статуй, ныне бесславно сброшенных с пьедесталов. Сейчас на острове Пасхи есть и пристань, и аэродром, а когда в 1950-х годах наше исследовательское судно бросило якорь в заливе Анакена, местные жители питались только сладким картофелем да тем, что удавалось взять у океана.

Тогда, как и сейчас, у меня оставалось много времени для размышлений и фантазий. Пока мы раскапывали статуи или отдыхали на древней каменоломне, я думал о неведомых мореходах и о носителях ушедших традиций. Дни и ночи, в которые не ощущалось бега времени. Мои мысли унеслись в прошлое, а над головой сияло все то же синее небо. Скоро я уже не мог вспомнить, где я нахожусь. Мне показалось, что я слышу голос аку-аку.

— *Иа-ора-на. Каоха-нуи. Здравствуй. Давно не виделась.*

Внутренне я улыбнулся. Очевидно, мы оба в хорошем настроении и не прочь пошутить. «Давненько я не слышал тебя, — подумал я. — Трудно было не потеряться с тех пор, как я покинул мирный остров Пасхи?»

— *Я не покидал тебя ни на минуту. Это ты пропал. Сперва ты перенес меня из Полинезии в джунгли Южной Америки, затем на бревенчатых и папирусных плотах мы переплыли три океана, а*

теперь ты засунул меня на крышу дома посреди Сахары. В чем смысл такой гонки? Ты ученый или авантюрист?

— За исключением четырех лет в армии, куда я записался добровольцем, чтобы воевать против нацистов, всю свою жизнь я занимался только научными исследованиями. Началось все в восемнадцать лет, когда я принялся за изучение биологии. А приключения? Приключения только делали жизнь интереснее. Я никогда не ищу приключений ради них самих, но с радостью принимаю их как приятное дополнение, если к ним приводят эксперименты с древними инструментами, или поиски неизвестных культур, или борьба с закостеневшими догмами относительно доисторических судов.

— *Люди говорят, что ты везунчик.*

— Дело не столько в удаче, сколько в умении избегать неудач.

И тут вернулась Жаклин. Да, мне действительно повезло. Не встретить ее было бы большой неудачей.

Мы дремали в шезлонгах на крыше с видом на Сахару, а мой аку-аку все не унимался со своими вопросами.

— *Не пора ли и честь знать? Свой первый медовый месяц ты проводишь на Фату-Хива, потом с другой невестой едешь на остров Пасхи, а вот теперь взял и женился посреди Сахары — прямо как мусульманин. Третья жена! Может, остановишься?*

Да, действительно пора остановиться. Девять жизней и три брака. Всему должен быть предел. А в мусульманскую веру я не обращался. Просто мы с Жаклин познакомились именно здесь, благодаря священнику, который показал нам изваяния, вырезанные из камня.

— *Ты веришь в Аллаха?*

— У Аллаха есть много разных имен на разных языках. Я думаю, что Бог христиан — он же и Яхве иудеев, и Аллах мусульман.

Дело не в том, веришь ты в Библию или в Коран. Дело в вере в того Бога, о котором написаны эти книги. А Он един. Отец научил меня вечерней молитве. Исконный норвежец, он никогда даже не заговаривал об Аллахе, но и слово «Бог» никогда не слетало с его уст. Он всегда говорил: «Всевышний».

В школе нас учил закону Божьему священник. Меня восхитили Адам и Ева, а еще Ной с его животными. Когда мы дошли до Иисуса, я тоже слушал с интересом — у Него было чувство природы, и Он мог

сказать: «Поглядите на птиц в полях, ни один знатный человек не имеет таких богатых нарядов»^[1]. Но когда учитель начал рассказывать, как Иисус пришел на свадьбу и превратил воду в вино, я решил, что тут вкралась ошибка, и поднял руку.

— Тур, — обрадовался он, — что ты хочешь нам сказать?

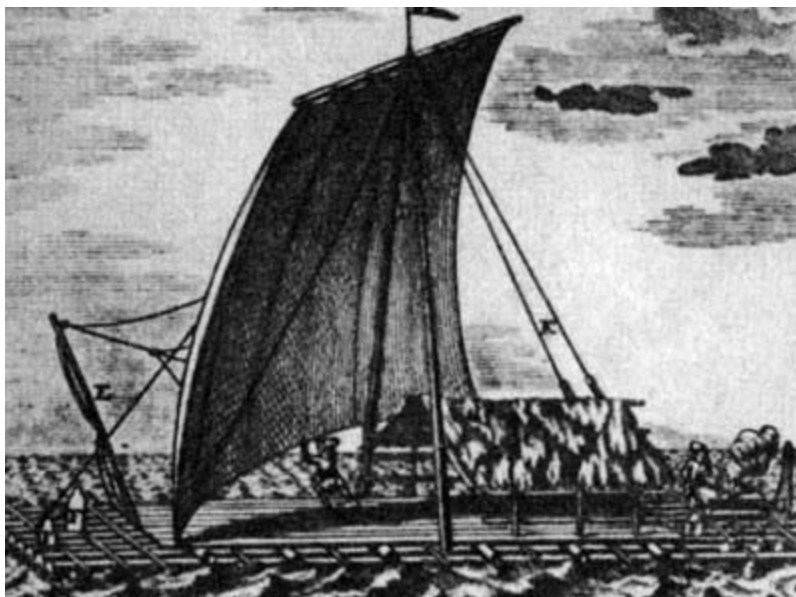
Мой отец работал директором городской пивоварни, поэтому я не мог не высказать экспертное мнение.

— Не думаю, что это было вино, — заявил я. — Скорее, пиво. Оно вкуснее и полезнее для здоровья.

Священнику мое выступление не понравилось. Он рассердился и выгнал меня из класса, и я стоял один, дрожа от холода, в то время как мои одноклассники слушали о чудесных творениях Иисуса.

С древних времен мы поклоняемся Богу, которого принес нам Авраам из страны Ур. С тех пор, как Моисей спустился с горы с каменными скрижалями в руках, мы знаем, что нельзя лгать, воровать и убивать. Но мы по-прежнему не можем прийти к единому мнению, следует ли молиться Богу Авраамову под знаком звезды Давида, креста или полумесяца, следует ли считать днем соиздания пятницу, субботу или воскресенье, грешно ли есть свинину и пить вино и допустимо ли вкушать от плоти и крови Христовой. Мы продолжаем спорить о вещах, не упомянутых в заповедях Моисея. И тем самым оскорбляем память и Моисея, и Иисуса, и Авраама.

Во время плавания на плоту, когда ты словно паришь без движения в центре сферы, образованной синим морем и синим небом, без телевизора, без гула самолетов над головой, остается много времени для неторопливых размышлений. В 1947 году, когда мы собирались переплыть Тихий океан и достичь Полинезии на «Кон-Тики», плоту из бальсового дерева, американский посол в Перу подарил мне Библию. Его столь же доброжелательный военный атташе поспорил с нами на ящик виски, что мы не вернемся из плавания. И хотя Библия так и пролежала нераскрытой в своей коробке, Всеблагой Господь позволил нам сто один день спустя достичь атолла Рароиа. Атташе за это время перевели на другое место службы, так что виски мы так и не получили, но Библия позже все-таки пригодилась.

Старинная зарисовка бальсового плота (1748)

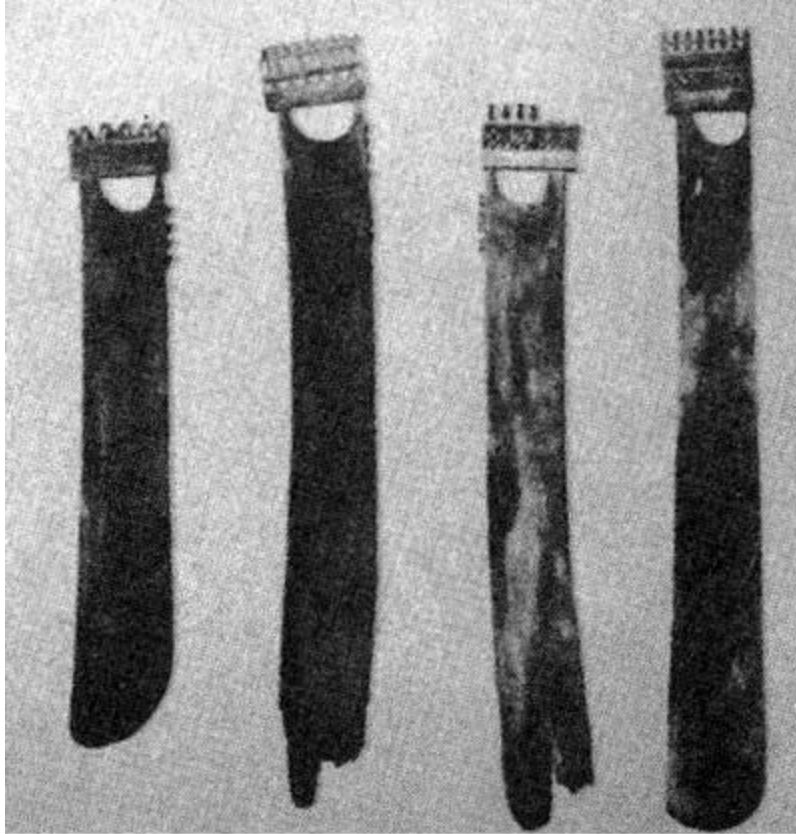
Бальсу рубили в эквадорских джунглях

Мы валяли большие деревья и ошкуривали их зигзагами по методу индейцев

Когда мы строили плот "Кон-Тики", мы связали пеньковыми тросами девять самых крупных бревен

Гуары, с помощью которых плот мог двигаться против течения

“Кон-Тики” на всех парусах в открытом море

Экипаж «Кон-Тики» состоял из пяти норвежцев и одного шведа. Все были протестанты, и когда океан вспучился и швырнул нас на берег, я услышал, как Торстейн крикнул Кнуту: «Кто верит в Бога, лучше молитесь!» Я думаю, молились в тот миг не менее половины из нас.

Участники экспедиции. Слева направо: Кнут Хогланд, Бенгт Даниельссон, Тур Хейердал, Эрик Хессельберг, Турстейн Раабю и Герман Вапцингер

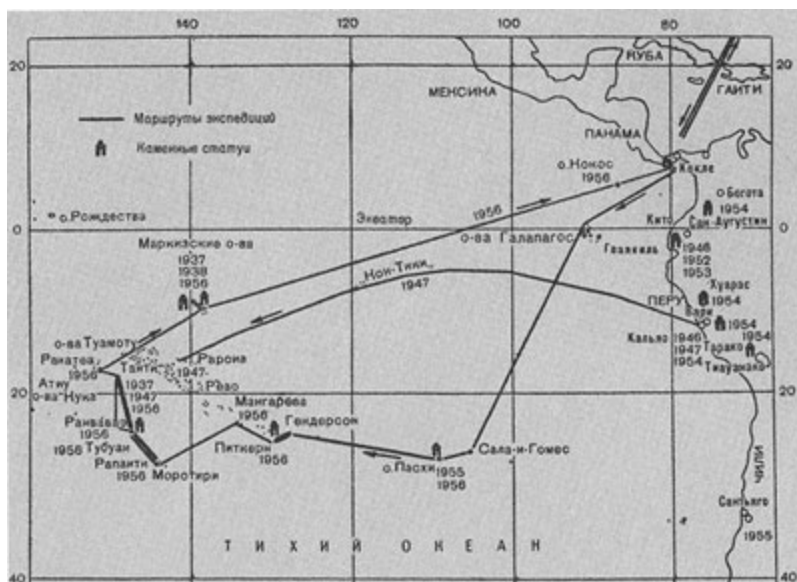
Двадцать два года спустя, когда мы собирались спустить на воду в Марокко тростниковый плот «Ра» в надежде пересечь Атлантику, нас было уже семеро, и все принадлежали к абсолютно различным культурам. Я хотел доказать, что люди могут отлично уживаться на ограниченной площади и в состоянии опасности, независимо от цвета кожи, религии и политических убеждений. На протяжении почти двух месяцев араб и еврей укладывались плечом к плечу в тесной бамбуковой хижине, а штурман из США спал, уткнувшись лицом в ноги доктора из Советского Союза. Араб из Египта был не мусульманин, а копт, представитель древнейшей христианской группы. Абдулла из Центральной Африки, черный как смоль, не будучи арабом, верил в Аллаха. На сей раз паша из Сафи подарил нам Коран, но поскольку Абдулла не умел читать, Коран так и пролежал рядом с моей Библией до нашего следующего путешествия. Тогда на борту оказался грамотный мусульманин, бербер из Марокко, и он читал его каждый день.

Бамбуковая хижина на плоту защищала нас от ветра
и палящих лучей тропического солнца

Ели мы на краю плота, у входа в хижину

Карта двух экспедиций - от берегов Перу до Полинезии на "Кон-Тики" (1947) и на остров Пасхи (1955-1956)

И Библия, и Коран, сопровождавшие нас в океанских плаваниях, завершили свой путь на моей книжной полке, где они мирно стоят бок о бок рядом с другими материалами о происхождении мировых цивилизаций. Я еще не раз буду к ним ко всем возвращаться.

Многие не понимали, почему я включил Абдуллу, обитателя Центральной Африки, в состав трансатлантической экспедиции на древнем тростниковом плоту. Никто не забирается так далеко в глубь континента в поисках моряков, а сам Абдулла никогда не бывал даже близко у океана. Но дело в том, что в Египте папирус давно исчез, и только после путешествия «Ра» каирский Институт папирологии занялся его разведением, а строителей лодок из тростника сейчас можно найти только на внутренних озерах Эфиопии и Республики Чад.

**Заросли папируса, из которого
будет построена “Ра”**

Я часто замечал, что подготовка к путешествию часто оказывается более сложной, чем само путешествие. А иногда и более опасной. Когда я вместе с французским фотографом приехал в Чад искать строителей лодок из тростника, там было неспокойно. В столице государства, Форт-Лами (ныне Нджамена), я нанял джип, чтобы по длинному караванному пути добраться до озера Чад, места обитания темнокожих из народности бамбунду. Многие из них живут посреди озера на плавучих островах из тростника. Нас предупреждали об опасностях путешествия и о том, что на обочине дороги недавно нашли отрезанные головы медицинских сестер из миссии. Уже темнело, когда мы, наконец, добрались до деревни Бол на берегу озера Чад. Вся деревня состояла из очень красивых конусообразных хижин из тростника, а в конце дороги имелся сарай, в котором любой путник мог бесплатно переночевать. Три стены, цементный пол и цементная же крыша.

Мы уже спали на полу, когда вдруг я проснулся от звуков далекой музыки — ритмичного стука барабанов и завывания духовых инструментов. Деревня казалась пустой и безжизненной, любопытство мое разыгралось не на шутку, и я выскользнул из сарая в ночь. Почти сразу же я наступил на лежащего верблюда, тот истошно заорал, и я долго еще приходил в себя, пока не нашел силы продолжить путь.

Стук барабанов становился громче, я завернул за угол и увидел открытую площадь. Вокруг единственной керосиновой лампы кружились в танце молчаливые фигуры в развевающихся одеждах. Постепенно мои глаза привыкли к свету, и я разглядел двух музыкантов. Я плотно прижался к стене хижины и не сомневался, что в непроницаемом мраке африканской ночи увидеть меня невозможно.

К моему удивлению, одна из фигур медленно отделилась от других и, не прерывая танца, двинулась туда, где я стоял. Я надеялся, что незнакомец не подойдет настолько близко, чтобы заметить меня, но тут он вытащил меч и, по-прежнему в ритме танца, принялся делать выпады в мою сторону. Меня прошиб холодный пот, когда я понял, что мое белое тело отлично видно в темноте, и именно я являюсь объектом его атаки.

Остальные продолжали как ни в чем не бывало плясать вокруг лампы. Угрожающая фигура приблизилась настолько, что меч в любое мгновение мог вонзиться в меня. Я был безоружен и не мог убежать. Казалось, выхода не было, и тут я инстинктивно начал перебирать ногами в такт барабанам. Через мгновение я уже танцевал на пару с человеком, который держал меч у моей груди. Казалось, он находится под воздействием какого-то наркотика. Постепенно он начал отступать, а я последовал за ним, по-прежнему вплотную к его мечу. Когда мы приблизились к кругу танцующих, они расступились, чтобы дать нам место. Меч исчез в ножнах, и мы танцевали друг с другом и со всеми остальными.

В скудном свете керосиновой лампы я разглядел даму роскошных форм рядом с музыкантами, и еще я с удивлением заметил, что танцоры, похоже, начали уставать. Один за другим они выходили из круга, все в поту и тяжело дыша, и выкладывали по мелкой монетке в качестве отступного. В конце концов, мы остались только вдвоем, а через несколько минут я уже танцевал в одиночестве. Очевидно, я выиграл какое-то соревнование. Чтобы чувствовать себя в полной безопасности, я положил довольно крупную купюру в чашу, куда остальные кидали монетки. Как потом оказалось, победителю доставалась та самая пышная красотка, и никто не понял, почему я не взял ее с собой, когда свалился без сил на цементный пол нашего сарая.

На следующее утро выяснилось, что я завоевал огромное уважение среди жителей деревни. В числе моих новых друзей был и Абдулла, строитель тростниковых лодок.

Во время путешествия из сердца Африки к океанскому побережью Абдулла узнал много нового для себя, а мы узнали немало нового от него. Он единственный из всех своими глазами видел настоящий папирус и знал, как строить из него лодки, загибающиеся к носу и корме, чтобы скользить по волнам. Абдулла никогда не видел другого водоема, кроме озера Чад в южной оконечности Сахары, и не представлял волн более крутых, чем те, что поднимаются там. Оказавшись на борту «Ра», он больше доверял Аллаху, нежели нам, ничего не понимавшим в папирусных лодках, но на всякий случай привязал себе на пояс маленький кожаный мешочек с когтями леопарда и заговоренными камнями. Снаряженный таким образом, он пугал нас до полусмерти, беззаботно балансируя без страхующей веревки на скользком борту лодки. А если и соскальзывал в воду, то просто хватался за пучок тростника и со смехом забирался назад на борт.

Волею Аллаха, Абдулла появился на свет в той части Африки, которая знавала лучшие времена. Сегодня Сахара наступает на юг со скоростью около двух километров в год. Примерно пять тысяч лет назад аборигены, жившие к северу от родных мест Абдуллы, украсили пещеры на плато Тассилин-Аджер наскальными изображениями сцен охоты с лодок на гиппопотамов. Две тысячи лет назад Северная Африка все еще оставалась житницей Римской империи. Когда Абдулла пришел в этот мир, бесчисленные песчаные дюны с севера уже миновали озеро Чад и медленно наступали на тропические джунгли. Вокруг озера невозможно увидеть ни единого кустика, только бескрайнее море песка, ярко-зеленую поросль тростника вдоль кромки воды да искусственные плавучие острова, служащие домом для людей и скота.

В то время как мы живем в мире небоскребов и полетов в космос, Абдулла и двое его соплеменников, которых я привез в Египет для постройки судна, никогда не знали даже обыкновенной лестницы. Первую лестницу в своей жизни они увидели в аэропорту Форт-Лами. Они родились и выросли в живописных конусообразных тростниковых хижинах с земляным полом, и когда мы поднимались на третий этаж

отеля в Хартуме, они высоко задирали ноги, словно карабкались на крутую гору. Их выхватили из мира, где единственным предметом обстановки была циновка, брошенная на пол. Поэтому, несмотря на все объяснения Абдуллы, который говорил по-французски и, следовательно, исполнял роль переводчика, один из них все же улегся спать, засунув голову под кровать. С еще большим недоверием они выслушали инструкции по использованию туалета — ослепительно чистого, с бачком, полным прозрачной воды. Сам Абдулла реагировал на все увиденное со стоическим спокойствием, и когда мы, наконец, добрались до Каира, никто, глядя на моих черных, как ночь, спутников, не мог бы заподозрить, что они меньше чем за неделю совершили прыжок из каменного века в век атомный. Всего за неделю... Но видели бы вы их глаза, когда мы привезли их в наш лагерь под сенью пирамиды Хеопса! Я выбрал именно это место, чтобы наше строительство точь-в-точь повторяло сюжеты древних рисунков. Трое из племени бамбунду ошарашенно глядели на пирамиду.

Кто здесь живет? — поинтересовался, наконец, Абдулла, сравнив размеры наших жилых палаток и пирамиды.

— Никто, — пояснил я. — Это могила.

— А сколько человек там похоронено?

— Только один.

Даже для Абдуллы это оказалось слишком.

Врут эти египтяне, — заявил он. Его скептицизм ничуть не уменьшился, когда ему сообщили, что египтяне построили это за три с половиной тысячи лет до рождения Магомета.

Коран позволял Абдулле иметь до четырех жен. Финансовая ответственность за благосостояние бамбундской красавицы, оставленной им на берегах озера Чад, легла на мои плечи. Но прошло совсем немного дней после нашего приезда в Египет, как Абдулла пригласил нас всех в Каир на свадьбу — настоящую арабскую свадьбу с музыкой, песнями и танцем живота. Мне была оказана высокая честь и доверие положить несколько банкнот в лифчик невесты, и к моменту отплытия из Марокко я уже являлся кормильцем двух жен Абдуллы в разных концах Африки. Счастливый миг третьего бракосочетания со скрытой под вуалью берберской дамой надвигался со стремительностью курьерского поезда, но тут нам удалось заманить

Абдуллу на борт тростниковой лодки и уговорить повременить со свадьбой до окончания путешествия.

На календаре была весна 1969 года. В то же самое время американские астронавты заканчивали подготовку к первому полету на Луну. НАСА предложила установить нам на лодку какое-то оборудование, чтобы мы, находясь посреди океана, могли бы общаться с разгуливающими по Луне астронавтами. Мысль о том, чтобы воткнуть антенну в тело папирусного судна, названного в честь бога Солнца, для разговоров с людьми на Луне, показалась мне неуклюжей пародией, и я вежливо, но твердо отказался. К моему великому удивлению, в день отплытия на пристани Сафи появился человек из НАСА с коробкой в руках. Оказывается, там не поверили в серьезность моего отказа. Я был непоколебим, и коробка осталась у посыльного. Когда мы вышли в воды Атлантического океана, он, наверное, пролетел в самолете над нашими головами.

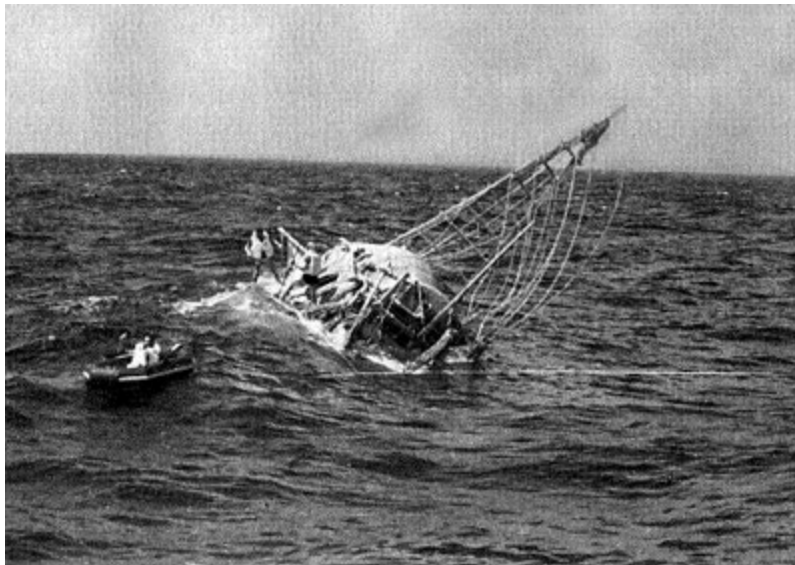

**25 мая 1965 года из марроканского порта Сафи
наша лодка отправилась в путь.**

Я изучаю вахтенный журнал

Последние дни плавания оказались особенно тяжкими. В 1200 км от острова Барбадос океан обрушил на нас свирепые штормы.
На снимке: Сориал ремонтирует борт

Так выглядела наша лодка 16 июля,
когда к нам подошла яхта “Шенандоу”

Абдулла оказался весьма толковым человеком, гораздо более сообразительным, чем многие другие. Сафи еще не скрылся за горизонтом, а он уже освоился с компасом и во время молитв определял по нему местоположение Мекки. Ветер и течение увлекали нас прямо на запад, как в свое время суда Колумба, поэтому направление на Мекку почти не менялось. Однако в первое же утро в открытом океане при, восходе солнца возникла неожиданная проблема.

Абдулла сообщил, что кто-то рассыпал в воду соль. Согласно мусульманскому ритуалу, он зачерпнул воды и омыл лицо и руки по локоть. Затем раздался вопль. Вода оказалась не только соленой, но еще и грязной! Всю океанскую поверхность покрывал тонкий маслянистый слой мазута, в котором плавали тряпки и прочий мусор. Правда, на воде грязь бросалась в глаза сильнее, чем на черной физиономии Абдуллы. Для отправления религиозных церемоний Абдулле требовалась чистая вода. Поскольку все на борту с уважением относились к Аллаху, проблему решили быстро, решив на первое время выдавать Абдулле дополнительную порцию питьевой воды, которая хранилась в больших глиняных кувшинах. Вообще-то, в крайних случаях Коран позволял путешественнику очищаться песком, но Сахара осталась позади и с каждой минутой удалялась все дальше и дальше.

Мы уверили Абдуллу, что скоро вода очистится и будет такой же прозрачной, как двадцать два года назад, во времена «Кон-Тики». Тогда мы проплыли восемь тысяч километров по глади Тихого океана и не увидели ни единого пятна нефти и вообще никаких свидетельств, что кроме нашей шестерки на планете есть еще хоть одна живая душа.

Таким образом, Абдулла первым предупредил нас о страшной опасности: океан подвергается загрязнению!

А он у нас один, перегородки между Атлантикой и другими океанами нет. Материки, подобно островам, поднимаются из вод единого Мирового океана.

Во все последующие дни мы только и делали, что доставали из воды сгустки нефти. Некоторые по размеру не превышали зернышка риса, другие были не меньше картофелины или апельсина и служили домом рыбам-прилипалам и крошечным крабам. А я-то предвкушал, что покажу моим новым друзьям великолепный, девственно чистый океан, знакомый мне по плаванию на плоту из бальсового дерева! Моя тревога достигла таких размеров, что я послал сообщение о нарастающем загрязнении мирового океана Генеральному секретарю ООН У Тану. Он дал нам разрешение поднять над «Ра» флаг ООН, поскольку мы хотели осуществить в миниатюре главную цель этой организации — быть единым миром в центре общего океана.

Ничем другим море Абдуллу не разочаровало. Наоборот, при первой встрече с китами он, как ни в чем не бывало, закричал:

— Гиппопотамы по левому борту!

Нам не удалось достичь цели с первой попытки. Мы были еще новичками. В двадцатом веке нашими самыми авторитетными консультантами были только каирские ученые, которые изучали древнеегипетские рисунки и фрески с изображениями тростниковых лодок, да еще африканцы народности бамбунду, сохранившие старинное мастерство плетения лодок из папируса, но жившие на озере Чад, а вовсе не на берегу, омываемом могучими океанскими волнами.

**Мы строим лодку по образцу древнеегипетских
кораблей, на которой собираемся пересечь
Атлантику и достичь берегов
Южной и Центральной Америки (1961)**

Никто из них не понимал, почему фараоны строили свои корабли в форме серпа, с высоко задранной кормой, часто даже загигавшейся внутрь. Все решили, что главным соображением здесь служила красота, загнутая корма — лишь продукт воображения строителя, плотники из Чада убрали веревку, соединявшую ее с палубой, подобно тетиве лука. Мы и не подозревали, что это решение окажется роковым. Судно сразу потеряло эластичность, не могло больше легко скользить по гребням волн, и пучки тростника, из которых оно состояло, начали

расползаться. Когда мы достигли Барбадоса, стало ясно, что они скоро просто рассыплются.

Ровно через год после отплытия «Ра» в том же самом марокканском порту Сафи подошло к концу строительство «Ра II». Мы были готовы к новому штурму Атлантики.

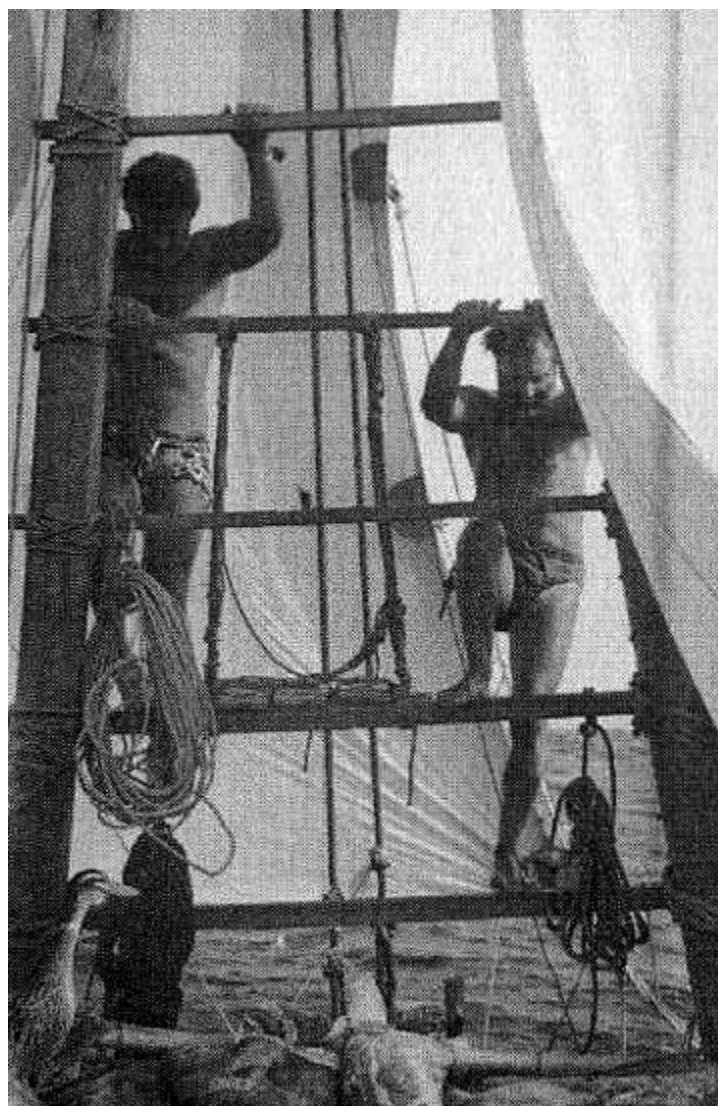
Все члены экипажа первого «Ра» вызвались плыть снова. Абдулла из Чада, Норман из США, Юра из СССР, Карло из Италии, Джордж из Египта, Сантьяго из Мексики и ваш покорный слуга, норвежец. Но на сей раз я довел число участников до восьми и впихнул в крошечную бамбуковую хижину на тростниковой палубе еще и Кей из Японии.

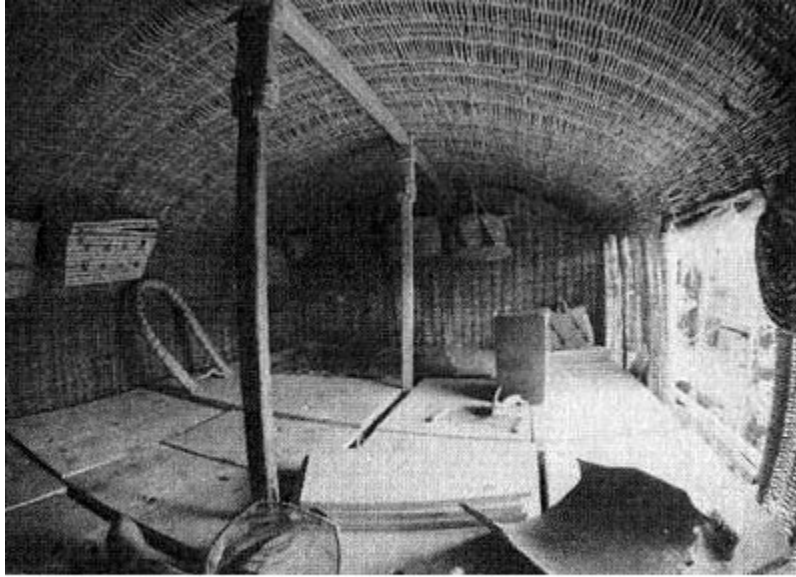
Это наша «Ра-2»

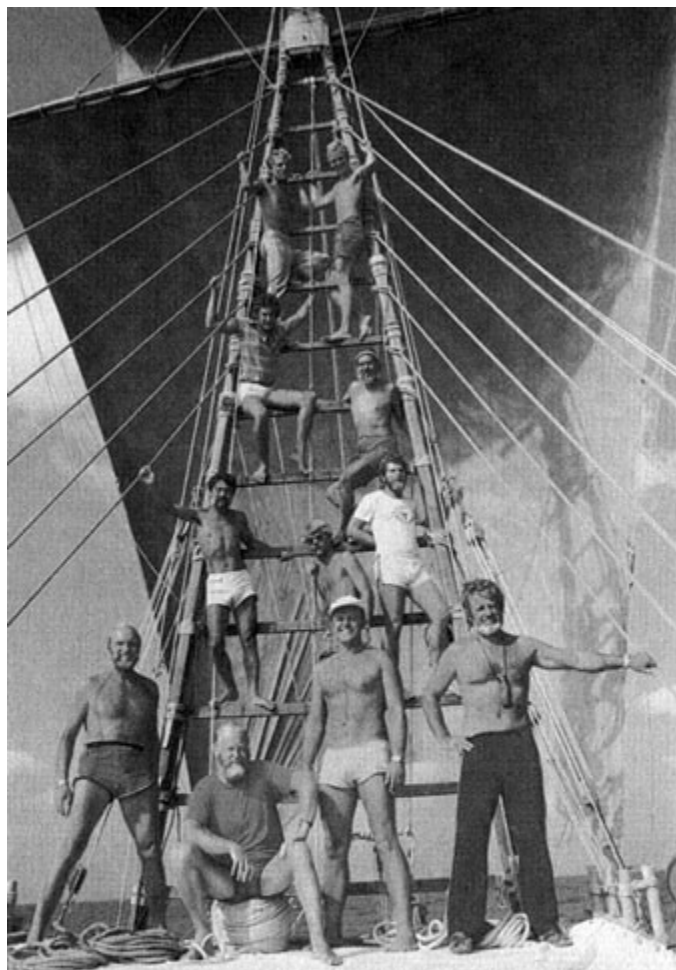
Экипаж (слева направо): марроканец Ант Мадани, японец Кей Охара, я, американец Норман Бейкер, итальянец Карло Маури, египтянин Жорж Сориал, советский врач Юрий Сенкевич и мексиканец Сантьяго Геновиес

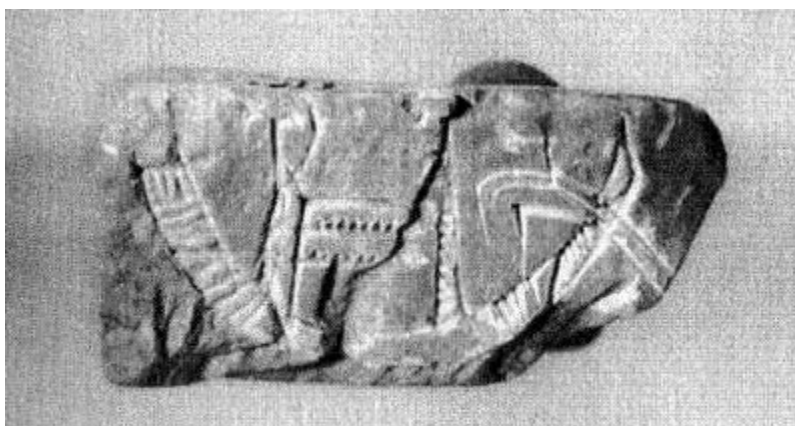
Мы поднимаем паруса!

**Внутренний вид хижины -
жилого отсека на лодке**

На крыше каюты - четыре ветерана-путешественника
на папирусных и тростниковых кораблях -
Норман Бейкер, я, Юрий Сенкевич, Карло Маури.
На лестнице - Норис Брок, Тору Сузуки, Детлеф
Зойтцек, Герман Карраско Франко, Рашад
Низар Салим, Асбьерн Дамхуз, Ганс Питер Бем

На печати изображена лодка с хижинной

Весь этот год Абдулла ждал в доме своей египетской жены. Теперь он твердо решил жениться на берберке, которую он оставил в порту в прошлый раз. И вдруг в норвежское посольство в Каире пришла телеграмма: Абдулла стал отцом! У него родился сын! Аллах сделал ему такой подарок, рядом с которым померкла перспектива путешествия в Америку. Счастливый папаша оказался в Каире со скоростью, которая посрамила бы все ракеты мира. Мы стояли на тростниковой палубе и махали ему вслед, и среди нас стоял и прощался с остающимися на земле новый член экспедиции, бербер с Атласских гор. Днем раньше будущий мореход служил носильщиком в нашем отеле в Сафи. Он тоже впервые увидел океан, только спустившись со своих Атласских гор, но он, как Абдулла, был мусульманин, а горное солнце и ветры пустыни сделали его кожу почти такой же черной.

Мадами умел читать, и в сумке у него лежали плавки, коврик для принятия солнечных ванн и Коран на арабском языке. Абдулла первым обратил внимание на загрязнение океана, поэтому Мадами получил задание ежедневно вести наблюдения за чистотой воды, а также сачок для вылавливания комков нефти. Мы снова плыли под флагом ООН, только на сей раз Генеральный секретарь сам попросил нас составить отчет о загрязнении океана и предоставить образцы мусора. Мы добросовестно собирали большие и маленькие комочки нефти на протяжении сорока трех из пятидесяти семи дней нашего путешествия через Атлантику. На сей раз мы доплыли до Барбадоса. В том же году на Первой конференции по вопросам экологии в Стокгольме Генеральный секретарь У Тан включил наш отчет в качестве приложения «А» к своему докладу.

Несмотря на отсутствие антенн НАСА, мы очень хорошо пообщались с Нилом Армстронгом в Лондоне на конгрессе Всемирного фонда дикой природы. Мы оба подтвердили, что человек живет на очень маленькой и хрупкой планете. На Земле так мало суши и так много воды, что с Луны она показалась Нилу окрашенной в голубой цвет. А мировой океан, в свою очередь, оказался таким маленьким, что его можно пересечь за несколько недель на тростниковой лодке без мотора. Лодке, которая плыла только чуть-чуть быстрее, чем комочки нефти.

Вода над головой

Я проснулся на крыше отеля и мутным со сна взглядом обвел панораму пустыни. Жаклин ворчала, что нельзя спать на солнце.

— Не забывай про озоновую дыру. Мир уже не тот, что во время твоего детства.

Когда мы пошли на обед, я рассказал ей, что в юности нарисовал футуристическую карикатуру: как будут выглядеть пляжи, когда люди разрушат тонкий слой земной атмосферы. Тогда никто и не слышал о движении «зеленых». Но работы некоторых ученых заронили мне в душу подозрение, что война человека с природой может нарушить тонкий атмосферный баланс, установившийся благодаря деятельности океанского планктона и первобытных лесов задолго до появления гомо сапиенс.

— Как ты мог думать о таких вещах вместо результатов чемпионата Норвегии по футболу? — поразила Жаклин. Все пять лет нашего знакомства она полагала, что я относительно нормален.

Почему мои мысли текли в подобном русле? Непростой вопрос. Вернувшись на крышу, мы передвинули шезлонги в тень, и Жаклин заснула быстрее, чем я смог сформулировать ответ.

Я чувствовал себя таким отдохнувшим, что мог обойтись без моей обычной десятиминутной послеобеденной сиесты. Вместо этого я лежал и смотрел на птиц, парящих под синим полотном неба, как в дни моего детства, когда мир казался вечным и бескрайним. Тогда никто никуда не спешил, кроме, возможно, меня, когда я опаздывал в школу. И еще мне приходилось почти бежать, чтобы не отстать от отца в те редкие случаи, когда мне позволялось сопровождать его в контору на пивоварне. Но он-то быстро шел, помахивая палкой, только для того, чтобы поддерживать форму и хорошо выглядеть в глазах встречных, которых он приветствовал, поднося к шляпе кончики пальцев. Он тоже не спешил.

Загрязнение окружающей среды? Где угодно, только не в крошечном городишке Ларвик. Его белые деревянные домики стояли на крутых склонах гор, а ветер приносил из леса чистый прохладный воздух. Тысячи окон смотрели на фьорд, а тот в свою очередь выходил

в океан. Городок жил за счет моря и леса, в том числе за счет добычи китов в Антарктике. От пристани во все концы света уходили за горизонт корабли. Позади города рос единственный в Норвегии приморский лес, а вдоль озера Фаррис и далее, до далеких внутренних гор, тянулись бесконечные сосновые боры. Промышленность была представлена бумажной фабрикой Трещова, судоремонтной мастерской Альфреда Андерсена да пивоварней, наполнявшей воздух около городской площади приятным ароматом. Улицы регулярно подметались, а черный как смоль трубочист регулярно чистил трубы. В моем самом раннем детстве с улиц ежедневно убирали конский помет. Если рядом с лесной тропинкой вы видели брошенную корку от апельсина, обрывок бумаги или ржавую консервную банку, возмущению вашему не было границ. Во всех ручьях текла питьевая вода.

**В детстве меня поили козьим молоком.
На снимке - я со своим отцом**

Я с мамой в Ларвике (1920)

Идеальное место для детей. Почти при каждом доме имелся задний дворик для игр, сады были обнесены деревянными заборами, по которым так здорово лазить, а в лесах и на пляжах можно было гулять, где угодно.

Мои родители переехали туда из главных, по их мнению, городов Норвегии: отец из столицы, Осло, тогда еще Христиании, а мама из Тронхейма. В таком маленьком городке, как Ларвик, наша семья наверняка служила темой для пересудов. Развод в те годы считался чем-то, свойственным исключительно миру богемы. А моя свободомыслящая мама прошла через два развода, в то время как более консервативный отец развелся только один раз, чтобы жениться на ней.

Отец, способный бизнесмен, открыл собственную пивоварню. Когда он начал разливать по бутылкам местную минеральную воду, то получил разрешение короля Хокона назвать напиток его именем. Затем он объединил усилия с коллегой, и их общая пивоварня стала единственной в городе. Другая стояла заброшенная, и мы, мальчишки, замечательно играли в ее больших темных цехах, сводчатых погребах,

опустевших конюшнях и на просторном дворе, обнесенном высоким деревянным забором. Тем более что она напрямую примыкала к заднему двору нашего дома.

Именно там я впервые почувствовал себя самостоятельной личностью, а не частью теплого материнского тела. Осень, вечер, начало Первой мировой войны. Кажется, я даже помню завывания осеннего ветра и хлопанье веревки на флагштоке во дворе. Я боялся темноты и вообще был трусоватым мальчиком.

— *Ты, которого так все защищали?*

— Возможно, именно поэтому. Мои родители были немолоды. Они так боялись, что с их единственным ребенком случится какая-нибудь беда, что у меня создалось впечатление, будто опасность скрывается повсюду. Другим детям разрешалось одним ходить в порт и играть на улице после темноты. Но не мне. Другие мальчики могли вытесать топором биты, вырезать острым ножом лук и стрелы. Но не я.

Если мои родители в чем-то и соглашались друг с другом — кроме подхода к моему воспитанию — так это в их вере в прогресс. Папа — потому что и его отец, и его дядя одними из первых в Норвегии использовали электроэнергию и сельскохозяйственную технику. Мама — поскольку была дарвинисткой и не сомневалась, что прогресс со временем принесет еще более замечательные плоды. Когда мы с отцом рассматривали его семейный альбом, он рассказывал, что его предки пришли из дремучих лесов на границе со Швецией и что среди них можно проследить двенадцать поколений землевладельцев, пока его отец и дядя не перебрались в столицу и не основали компанию «Хейердал и компания». Они провели первую в стране телефонную линию между офисом фирмы и складом. Отец хранил вырезки из столичных газет 1880 года с рассказом о том, как жители города впервые увидели электрическую лампочку:

«И по всей улице Карла Юхана, насколько можно видеть, стоя у пожарной части, горел свет, похожий на сияющую звезду и так же не похожий на желтые и тусклые газовые лампы, как свет газовой лампы не похож на свет лампы масляной».

Два года спустя их ждал главный триумф: мой дед, майор национальной гвардии, шел впереди королевской процессии, а два его брата зажгли два электрических фонаря перед входом во дворец. Газета «Афтенпостен» писала: «Словно по мановению волшебной

палочки, возник из темноты дворец, сияя, будто под лучами солнца. Все собравшиеся восторженными криками отозвались на неожиданное возвращение из ночи в день».

— *И вот, спустя два поколения, ты отказываешься от спичек, чтобы стать ближе к природе?*

— Возможно, я унаследовал еще кое-что и от матери. Ее семья, наоборот, стремилась уйти подальше от городской жизни. Ее старший брат изучал теологию и мечтал стать деревенским священником. Его отличала большая рассеянность. Свою первую службу он проводил в годы объединения со Швецией. Он сложил руки и вместо «Наш Господь во облацех...» почему-то начал: «Наш Господь во Швеции...» Подобное заявление не могло встретить теплого приема среди норвежских фермеров того времени, и его отец увез сына назад в город. Двое других братьев моей матери изучали философию в Германии. Вернувшись в Норвегию яркими последователями Руссо, оба купили по наделу земли в глуши Силенских гор. Один через какое-то время сдался, другой — нет. Мама получала от него письма, в которых он описывал себя сидящим на телеге, полной навоза, и с томиком Шопенгауэра в руках. Его дети построили автомобильную дорогу, чтобы приобщить долину Тидален к цивилизации.

Уже в раннем возрасте я начал сомневаться, правильно ли мы понимаем слово «прогресс»?

Сперва оно означало движение вперед к чему-то лучшему, но едва будучи произнесено, вырвалось из-под контроля и приобрело смысл решительного расставания с природой. Мы достигли того, что забыли свой долг перед породившей нас природой. Мы — часть природы, она в нас и вокруг нас, независимо от нашего мнения о собственном месте в мироздании.

Непросто объяснить, почему в таком раннем возрасте я начал подозревать, что, нанося вред окружающему миру, мы можем навредить себе. Возможно, дело в том, что с самого детства я привык воспринимать мир вокруг себя как нечто неустойчивое, постоянно меняющееся. Мать постоянно говорила о Дарвине, об эволюции. Ничто не казалось мне вечным.

Мама потеряла свою мать в детстве, и с тех пор у нее были сложные отношения с Иисусом. Ее мать, болезненная женщина, часто говорила, как ей не терпится снова встретиться с Христом. В юности

маму отправили учиться в Англию, и вернулась она убежденной дарвинисткой: все, в том числе и люди, от поколения к поколению становятся лучше и умнее. Отец, в отличие от матери, был не столь вольнодумен. Из Германии, где он учился пивоваренному делу, он вывез убеждение Мартина Лютера, что Господь создал этот мир и не в людских силах изменить его. Он с радостью принимал жизнь такой, какая она есть, и не тратил времени на неразрешимые проблемы. Он никогда не произносил таких слов, как «Бог» или «Иисус», но возносил свои молитвы некоей силе на небесах и, похоже, в равной степени уважал и того, и другого.

«Вот они, плоды прогресса», — говаривала мама, указывая на пылесос или электроплиту. Человек ее поколения все-таки воспринимал как чудо воду, вскипевшую от каких-то проволочек, без помощи огня. Отец не был столь убежден, что человечество становится лучше. Газеты пестрили сообщениями о новых видах смертельного оружия, о политических бурях, о гонке вооружений, развернувшейся буквально на другой день после кошмарной мировой войны с ее ипритом, взрывчаткой, минами и подводными лодками. Норвегия держала нейтралитет, но немало невинных норвежских рыбаков пошло ко дну вместе со своими кораблями. Океан превратился в огромное кладбище и начал казаться мне чем-то зловещим.

Одно из моих первых воспоминаний: я на улице и пытаюсь вскарабкаться на старую, выветрившуюся ступеньку на невысокой горке. Никогда не забуду этот первый в жизни миг самостоятельности. Я уполз от своих одеял и от своей няньки и попробовал забраться на такую высокую ступеньку, что, в конце концов, решил ползти в обход. И вот тогда, уткнувшись лицом в траву, я обнаружил, что муравьям приходится так же тяжело, как и мне. Один попробовал забраться на травинку. Совсем уж крошечные жучки усеяли лист красными точечками, и рядом с ними зеленая гусеница казалась огромным драконом, сидящим опершись на хвост и, раскачиваясь из стороны в сторону, осматривающим окрестности. И вдруг откуда-то налетела Лаура, подхватила меня и утащила далеко-далеко от вновь обнаруженного мира.

Когда я стал немного постарше, меня как-то вели мимо небольшой горки золотого морского песка. Я вырвался из рук взрослых, запустил пальцы в мелкий легкий песок и внезапно обнаружил, что горка куда-то исчезла, а вместо нее я смотрю на волшебный мир крошечных игрушек. Они были такие маленькие, что взрослые не могли бы их разглядеть, а мои пальцы оказались слишком толстыми, чтобы схватить их. Одни походили на кукольную посуду, другие — на трубы, третьи — на морские раковины, только уменьшенные в тысячи раз. Когда меня оттаскивали, я горько рыдал от огорчения. Ну как мог я рассказать о своих открытиях этим взрослым, таким большим, что они даже не могут увидеть фантастический мир, скрытый в обыкновенной горке песка? Именно тогда я понял впервые в жизни, что есть вещи, скрытые от взгляда даже самых больших и самых умных людей.

А потом пришла очередь исследовать подводный мир. Мне стукнуло пять лет, и я не обнаружил там ничего хорошего. Впрочем, я был не готов. Даже не захватил купального костюма. Зима была в самом разгаре, и мама одела меня в теплую одежду, тяжелые башмаки и шапку с ушами. Я стоял на толстом льду — настолько толстом, что, по утверждению отца, он и слона бы выдержал. По крайней мере, он выдерживал вес стоявшей рядом со мной коренастой лошади, запряженной в сани. На самом краю льда двое одетых по-зимнему мужчин то вытаскивали из черной воды огромную пилу, то вновь опускали ее под воду. Они выпиливали здоровые куски стеклянного льда и складывали их на сани.

Отец купил плотину, лежавшую в границах города. Во время длительной датской оккупации она являлась частью графского парка. Теперь замок стал городским музеем, а моя мама — его председателем. Но отца больше всего интересовала плотина и пруд, источник льда для пивоварни.

Я просто ждал, когда взрослые, наконец, уедут. Мальчики, большие и маленькие, прижавшись носами к проволочному забору, ждали того же. Двое с пилой были работники пивоварни, и скоро им предстояло увезти свежевypиленные льдины в ледник. Круглый год клиенты фабрики получали ледяные блоки, равно как пиво и содовую воду. Тогда еще не изобрели холодильников, но люди заводили

специальные ящики, куда раз в неделю укладывался лед. Лед хранился на огромных складах пивоварни под толстым слоем опилок.

Наконец, работники уехали, и, дождавшись, когда утихнет колокольчик, я побежал к воротам с ключом в руке.

Помню, с каким восторгом я наблюдал за мальчишками. Самые старшие из них с разбега прыгали на плававшие около берега льдины и тут же прыгали назад. Они проделывали все так быстро, что возвращались на толстый лед раньше, чем льдины успевали перевернуться.

Их занятие показалось мне интересным. Я решил показать себя во всей своей красе. Сосредоточился, разбежался, прыгнул. Но не успел развернуться для прыжка назад, льдина перевернулась у меня под ногами, и я очутился в совершенно другом мире.

Изо всех сил я старался вернуться к приятелям, но не мог найти дорогу обратно. Казалось, я помнил, где находилась черная полынья, но моя голова и нос встречали только темный и холодный ледяной потолок. Я не знал тогда, что если сверху прорубь кажется темной, а лед светлым, то изнутри все наоборот. Если смотреть снизу, через отверстие под воду проникает свет, а сплошной лед отражает лучи. Я совершенно запутался и ничего не соображал, и это все, что я запомнил из своего заплыва. Очевидно, кто-то из мальчишек схватил меня за отчаянно дергавшуюся ногу и вытащил наружу. Я пришел в себя от собственных воплей, которыми я разразился, когда кто-то предположил, что я мертв. Это допущение так меня напугало, что я постарался убедить всех в его ошибочности. Замерзший и мокрый, я припустил к дому, к теплой постели и к материнской заботе, которая окончательно уверила меня, что я все-таки выжил.

Однако полностью в безопасности я почувствовал себя, только когда отец вернулся с работы и мы с ним произнесли слова молитвы. Это был наш с ним общий секрет, дававший нам ощущение тепла и спокойствия. Мама никогда не присоединялась к нашим молитвам. Иногда, когда до нас доносился скрип ступенек под ее ногами, я быстро нырял в кровать, а отец тут же уходил из моей спальни. Однажды они встретились прямо за порогом моей комнаты, и я услышал, как мама спросила дружелюбно, но с упреком: «Ну и чему ты учишь мальчика?»

Папа никогда не водил меня в церковь. Он и сам туда не ходил. Не в этом проявлялось его христианство. Он не выносил свою веру на суд посторонних. Про нее знал только я. Для нас с ним вера и совесть были чем-то интимным, о чем ведали только мы двое да Господь Бог. Возможно, отец сам с собой заключил тайную сделку: если он будет достойно вести себя во всем остальном, то ему простится увлечение красивыми женщинами.

Будучи атеисткой, мама больше верила в Дарвина, нежели в Бога, но она строго придерживалась христианской морали. Когда в юности она вернулась из Англии в модном шелковом белье и с колодой карт в саквояже, ее тетушки-лютеранки швырнули и белье, и карты в печь. Кстати, слово «белье» вслух никогда не произносилось, его заменял термин «неупоминаемые».

— *Как могли ужиться вдвоем два таких разных человека?*

— Возможно, ради меня. Но я никогда не видел, чтобы они ссорились. Когда они, попрощавшись со мной на ночь, спускались на первый этаж нашего старого деревянного дома, я прикладывал ухо к полу, но никогда ничего не слышал, кроме звуков классической музыки из трубы престарелого граммофона.

После своего ныряния под лед я начал часто задумываться о жизни и смерти. Вообще, меня больше интересовали животные и растения, чем та сила, которая их породила и поддерживала в них жизнь. Наверное, я никогда не сомневался, что за гранью видимого мира существует некая субстанция, и здесь я был ближе к философии отца. Однако материальные объекты привлекали меня гораздо сильнее, чем невидимые абстрактные ангелы на небесах, о которых нам рассказывал, впрочем, без особого убеждения в голосе, учитель Закона Божия.

Над кроватью моей худощавой няни Лауры висели застекленные картинки кудрявых ангелочков, а наша крепко сбитая повариха Хельга пела песни об ангелах, когда к ней на кухню на чашечку кофе заходили подруги. Однажды, будучи совсем маленьким, я выскользнул из кровати, прильнул к замочной скважине и увидел нечто такое, что потрясло меня до глубины души. Воспользовавшись отсутствием моих родителей, объемистая Хельга с кряхтением усаживалась в нашу ванну. В ужасе я бросился на кровать и закрылся с головой одеялом. До того момента я никогда не видел маму даже в нижнем белье, и эта

сцена стала для меня настоящим откровением. Это было очень волнующе и познавательно, но я ни за какие коврижки не осмелился бы посмотреть еще раз. Хельга была нагая, как ангелы, но она с трудом помещалась в ванну. Что же произойдет с ней, которая так божественно поет, когда она попадет в рай и получит ангельские крылышки?

Нельзя сказать, что Хельга пробудила во мне интерес к противоположному полу, но расплескавшаяся по полу вода направила мои детские мечты в совсем другое, новое русло. Теперь, после того как я оставался у себя в комнате один, у меня появились новые ритуалы. Летом я на цыпочках подкрадывался к окну и забирался на широкий подоконник, откуда открывался вид на фьорд Ларвик. Наш дом стоял на крутом склоне холма, спускавшегося к морю, и с высоты третьего этажа я видел тянувшиеся до самой гавани черепичные крыши, а дальше — открытый океан. Вернувшись в постель, я фантазировал о том, что скрывалось дальше, за горизонтом. Потом я засыпал, и если мне везло, то мне снились негры и удивительные африканские звери. Но зимой вылезать из-под теплого одеяла не хотелось, тем более что мама настаивала, чтобы в моей комнате окна стояли нараспашку круглый год. В такие ночи я представлял, что стою в ванной, один, без Хельги. Вот я открываю оба крана, вода наполняет ванну, переливается через край, течет по полу, подбирается к двери в спальню. Затем подхватывает мою кровать и несет меня вниз по склону, во фьорд и дальше, дальше, пока я, наконец, не слезаю с кровати в стране пальм и новых друзей, гораздо более забавных, чем прежние.

В другой моей фантазии мне не требовалось никуда плыть. Я просто возводил огромный стеклянный купол над заброшенной пивоварней, а в получившейся оранжерее сажал тропические растения и приглашал туда то двух маленьких индейцев, то двух маленьких арабов, то негров — как Ной в его ковчег. Ну и животных, конечно.

— *Ты был мальчик не от мира сего?*

— Тихим и застенчивым я стал только в период полового созревания. Я никого не знал в своей новой школе. Все жившие по соседству дети покинули школу после семи классов. А до тех пор я был в центре внимания нашей компании. У меня были ключи от плотины, неограниченное количество содовой воды и оранжада в

леднике, а когда я отправлялся в очередную экспедицию в лес, все стремились ко мне присоединиться.

Может быть, на меня оказали такое сильное впечатление принадлежавшие маме книжки о великих открытиях, диких животных и чужеземцах. Прежде всего, о чужеземцах. Но в те дни в окрестностях Ларвика даже завалящего чужеземца не удалось бы отыскать днем с огнем. Помню, как-то раз в город приехал цирк, и все бежали со всех ног, чтобы увидеть живого негра. Каково же было наше разочарование, когда один из мальчишек заметил, что у него светлые ладони. Мы пришли к единодушному выводу, что негр — поддельный.

Примыкавший к городу лес — в основном сосновый, переходящий в лиственный на востоке и в кедровый на западе — кишел всякой живностью. Мы часто откладывали в сторону наши игрушечные ружья и луки со стрелами и, вооружившись сачками и сетями, отправлялись ловить зверей. В те времена опасность могла исходить только от крупных млекопитающих. Никто и слыхом не слыхивал о токсичных пестицидах и загрязнении окружающей среды. В наших реках водилась рыба.

В маленьких озерах и ручьях мы ловили головастиков, цветных саламандр и крупных черных водяных жуков. На суше — дикобразов, мышей, жуков, кузнечиков и змей. В воздухе — все, что летало, от летучих мышей до бабочек. Несли в обнаруженном нами птичьем гнезде было много яиц, мы и яйцо добавляли к своей коллекции. Отец отдал в мое полное распоряжение заново обшитую панелями комнату в заброшенной конюшне, и мы повесили на ее дверь вывеску: «Зоологический музей».

В повседневной жизни я был конечно белоручкой, но когда дело касалось пополнения экспозиции «музея», во мне просыпались скрытые силы. Однажды, явившись домой с ватагой приятелей, я чуть не довел маму до обморока. Она открыла дверь на мой звонок, и перед ней предстал ее сынок, держащий за хвост живую гадюку. Змея шипела, извивалась и пыталась ужалить меня, но я каждый раз встряхивал ее, и она повисала головой вниз. Мама метнулась стрелой и принесла кувшин со спиртом, куда мы и опустили яростно шипящего гада. Когда пресмыкающееся затихло на дне, свернувшись в кольца, я исхитрился выудить его оттуда с помощью раздвоенной палочки, не повредив его волшебной красоты.

— *Ты самый тихий и скромный мальчик в классе?!*

— По крайней мере, так писал обо мне Арнольд Якоби, мой лучший приятель в новой школе. Если бы не он, мне грозила бы репутация маменькиного сынка. Я не интересовался спортом, не блистал в футболе и не любил скакать на батуте во время уроков физкультуры. Вместо всего этого я часами мог разглядывать крошечных насекомых на булавках под стеклом.

Отец не одобрял мои склонности. Он даже не смог выучить меня плавать, во всяком случае, я твердо отказывался заплывать на глубину. В качестве крайней меры он решился на хитрость. В один прекрасный день он явился в компании молодой красивой дамы. Дама держала в руках длинный шест с веревочной петлей. Предполагалось прицепить меня к шесту и заставить бултыхаться, как лягушку, в глубокой воде у пирса. Оскорбленный до глубины души, я коротко распрощался и оставил его в обществе красотки. Никогда еще я не чувствовал себя таким униженным.

К тому времени многие из моих друзей буквально помешались на спорте и знали с точностью до секунды и до сантиметра, как Нурми пробежал полторакилометровую дистанцию и как Рустадуен прыгнул с трамплина на соревнованиях в Хольменколлбакене. Когда они устраивали состязания по марафонскому бегу в городском лесу, я всегда присоединялся, хотя и финишировал неизменно последним, потому что обязательно останавливался, если во время бега замечал нечто интересное. Впрочем, однажды посмотреть на забег пришли три симпатичные девочки. Я тут же вспомнил про даму с шестом и пришел первым.

Разве мог я тогда представить, что настанет день и я в качестве знаменитости буду приветствовать сорок тысяч болельщиков на открытии зимних Олимпийских игр у себя на родине? Это казалось ничуть не более вероятным, чем то, что я буду запросто беседовать с человеком, ходившим по Луне.

Мое увлечение бегом по лесным тропинкам пробудило в отце новые надежды. Пусть меня никак не удастся затащить в воду, но ведь я зачитываюсь книгами о короле джунглей Тарзане, а значит, можно попробовать новую хитрость. По его приказу плотники из пивоварни поставили у нас на заднем дворе два высоких столба, соединенных переключиной. К переключине мы прицепили канат для лазанья и

гимнастические кольца, и с тех пор я мог играть в Тарзана и раскачиваться на воображаемых лианах, сколько душе угодно. В результате ежедневных упражнений у меня стали такие сильные руки, что я мог удерживать свой вес на одной, к тому же согнутой в локте руке.

Но в прыжках через козла на школьных уроках физкультуры я оставался по-прежнему безнадежен. А после того, как отец заманил меня на финал чемпионата Норвегии по футболу, мой интерес к этому виду спорта упал до минимума. Мне пообещали, что если команда Ларвика выиграет, я получу новую удочку. Они проиграли.

Бег в лесу, лазание по канату и ночевки под открытым небом во время походов бойскаутов сделали меня почти таким же здоровым мальчиком, как в первые годы жизни, когда мной занималась мама. Здоровая диета и свежий воздух были ее пунктиком. На заднем дворе нашего городского дома мы держали двух коз, и мама заставила служанку освоить процесс доения, чтобы я мог пить парное козье молоко. Даже в дождь меня выставляли играть на улице. По утрам мне не разрешалось спуститься в гостиную, прежде чем я не продемонстрирую, что у меня все в порядке с пищеварением, и это было так стыдно, что однажды я засунул в горшок шарф и шапку, опустошил его в унитаз и дернул за цепочку.

Хорошо помню, как отреагировали мои родители на случившийся неподалеку пожар. Весь Ларвик состоял из деревянных домов, и незадолго до моего рождения полгорода выгорело дотла. Ночью, когда мы все спали, загорелась почта, стоявшая у основания холма. Снопы искр поднимались высоко вверх и достигали нашего дома. Отец объявил, что если дом загорится, мы спрячемся в винном погребе старой пивоварни. Услышав его слова, мама тут же послала меня на горшок, чтобы процесс произошел прежде, чем мы окажемся запертыми под землей. К счастью, скоро приехала пожарная команда, и к списку моих детских страхов не прибавилась боязнь огня.

С другой стороны, вода и второй раз едва не послужила причиной моей гибели.

Утес, на котором городские жители строили свои бани, отделяла от материка глубокая и широкая расщелина. Сильное подводное течение затягивало туда воду из ларвикского фьорда и затем с силой выталкивало ее назад. Когда-то там утонул сын сторожа с пивоварни.

Также по городу ходили жуткие слухи о некоей женщине, которая бросила в расщелину своего незаконнорожденного младенца. Осенью бани стояли пустые. С материка на остров вел небольшой деревянный мостик без перил. Однажды я не устоял перед искушением и повел туда ватагу мальчишек, намереваясь поиграть в салочки. Я бегал быстро и упивался своим умением. Спасаясь от преследователя, я прыгнул наискосок на деревянный мостик, но оступился и упал в бездну. Даже хорошему пловцу трудно было бы выкарабкаться наверх по осклизлым стенам расщелины. Нелепо взмахнув руками, я рухнул в воду в каскаде брызг. Помню только, что я дважды выныривал на поверхность — а затем мир померк перед моими глазами. Один из мальчиков, застенчивый малыш по прозвищу «американец», сломя голову помчался к баням, схватил спасательный круг с привязанной к нему веревкой и швырнул его в бурлящий водяной котел. Как я сумел ухватиться за круг, остается тайной, но, тем не менее, мне это удалось, а ребята объединенными усилиями вытащили меня за веревку на сушу. Мой отец сделал все для того, чтобы скромный «американец» стал героем нашего класса, и подарил ему серебряный нож, который тот постоянно отныне носил на поясе.

После этого случая никто не мог убедить меня, что я тоже смогу удержаться на плаву с помощью ритмичных движений руками и ногами. Я попробовал и больше не хотел, увольте. Отцу пришлось смириться с тем, что боязнь воды останется со мной на всю оставшуюся жизнь. Только через много лет, после завершения плавания на «Кон-Тики», он признает, что я победил детский страх. Но к тому времени я уже научился плавать.

Голова над водой

Воспоминания о днях раннего детства внезапно растаяли в лучах ослепительного солнечного света.

«Время собирать вещи. Наш самолет вылетает сегодня».

Жаклин встрепенулась в своем шезлонге. Я проснулся, а мой аку-аку, наоборот, погрузился в глубокий сон.

«Достаточно, — решил я про себя. — Довольно тишины и лени».

Я представил себе груды писем, которые еще предстояло разобрать, и рулоны оставшихся без ответа факсов, устилающие пол моего нового дома на Канарских островах.

Но я встречу их во всеоружии. Недаром я заранее позаботился об идеальной обстановке для работы, вдали от толп туристов, в старинном, уединенном и забытом всеми поселении. Там, на заброшенной плантации авокадо, в тени огромных деревьев, земля успела позабыть о мотыге. Старинные дома не торопились сноситься из уважения к Их почтенному возрасту и к памяти местной знаменитости — поэта, когда-то нашедшего прибежище за здешними высокими стенами и разросшимися посадками.

Поскольку в сутках оставались все те же двадцать четыре часа, мне по-прежнему приходилось вставать в шесть утра — существенная смена распорядка для Жаклин. Ради любимого супруга ей пришлось выходить к завтраку на шесть часов раньше привычного времени. Но в награду, в качестве свадебного подарка, она получила восход солнца над океанскими просторами. За годы, проведенные под прицелом голливудских кинокамер, она, возможно, ни разу не видела рассвета! А теперь Жаклин каждое утро могла подойти к окну и увидеть, как солнце, первый и лучший художник на свете, доставало из-под скатерти океана кисти-лучи и ласковыми прикосновениями окрашивало волны, небо и горные пики в нежнейшие цвета, подобные обретшим плоть нотам. А что еще нужно преданному любителю живописи и археологии?! В такие часы я часто думал — может, не будь ее рядом, мой аку-аку дал бы знать о своем присутствии? Ведь скорей всего он притаился здесь, неподалеку, как и мы, лишившись дара речи от этой красоты.

В других частях острова целые города из небоскребов выросли на радость современным солнцепоклонникам, готовым платить целые состояния ради нескольких дней под чистым, голубым небом. Однако меня и Жаклин привели на этот остров и в эту долину настоящие, древние жрецы Солнца, и над нашими головами ежедневно совершал свой путь из Африки в джунгли Южной Америки настоящий, нетронутый суетой символ их божества.

В глубине долины с незапамятных времен скрывалось несколько ступенчатых пирамид. Никто уже не знал, кто их построил. Древние старцы слышали от своих дедов, что пирамиды стояли там всегда. Более молодые поселенцы относились к ним без особого интереса, просто как к живописным, но бесполезным грудам камня, возможно оставленным испанскими завоевателями при расчистке полей. До недавнего времени местное население уважительно оберегало район пирамид, и город рос вокруг древних сооружений, не задевая их. Вдоль улиц, заботливо огибавших запретную зону, плечом к плечу стеной встали дома. Дети в своих играх за все годы не вытащили из вековых стен ни одного камушка! Словом, сознательно или бессознательно, но люди почтительно хранили эти пирамиды, и только разрозненные группки странных чудаков собирались здесь, чтобы медитировать и общаться с духами жителей Атлантиды и с пришельцами с иных планет. А затем городской совет взял да и разрешил застройку пустыря, на будущих улицах которого не осталось бы места ни для науки, ни для суеверий.

Я приехал сюда как раз вовремя, чтобы успеть спасти пирамиды. На местных картах присутствовало название «Пирамиды Чакона», но конструкции неизвестного происхождения не имели статуса памятника истории. Ни один закон не стоял на страже пирамид, выросших на острове посреди Атлантики. Единственным охраняемым зданием была старинная испанская постройка, возвышавшаяся посреди пирамид и, судя по обилию маленьких комнатушек, служившая чем-то вроде монастырского общежития. Вот она-то, наравне с купленным мною домом, и считалась национальным достоянием.

Мне удалось узнать о пирамидах по чистой случайности. Именно благодаря подобным случайностям я порой чувствовал себя марионеткой, которую невидимый кукловод перебрасывает с острова

на остров и заставляет «открывать» для мира то, о чем давным-давно знало местное население.

Невозможно открыть то, что было у тебя перед глазами со дня твоего рождения. Норвежскому туристу по имени Сервик пришлось в голову прислать мне вырезку из местной газеты с фотографией одной из пирамид. Подпись под картинкой намекала на то, что перед читателем — результат деятельности сверхъестественных сил, но изображенный объект был явно создан руками человека. Человека, добравшегося до Канарских островов через бурные воды Атлантики и знавшего о таких же ступенчатых пирамидах, возведенных на заре истории по обе стороны океана.

Я дважды посещал Канарские острова в надежде узнать что-нибудь о людях, живших там до прихода португальцев и испанцев. Многие из коренных обитателей Тенерифе внешне напоминали выходцев из северной Европы — такие же высокие, светлокожие и светловолосые. Но это описание подходит и к берберам, жителям северной Африки. Такими же были, согласно легендам ацтеков и инков, таинственные мореплаватели, открывшие их предкам цивилизацию и секрет строительства пирамид. Вот зачем я впервые приехал на Канарские острова — узнать хоть что-нибудь о таинственных мореходах, похожих на скандинавов, но бороздивших Атлантику задолго до Колумба и Лейфа Эйриксона. На своих судах они перевозили семьи и скот и подобно древним египтянам владели искусством мумификации умерших и навыками трепанации черепа.

В то время я работал на раскопках огромного комплекса пирамид в Тукумане на перуанском побережье, но дела заставили меня ненадолго вернуться в Осло, где меня и застигло письмо с газетной вырезкой. Из всех знакомых только один человек знал Канары как свои пять пальцев — мой старый приятель Фред Ольсен. Ему там досталась в наследство от отца кое-какая собственность и небольшая судоходная компания. Именно его отец Томас предоставил убежище Лив и моим ребятишкам, пока меня швыряло по фронтам северной Европы.

Фред ничего не слышал о пирамидах на Тенерифе. По занятой случайности, он жил на соседнем острове под названием Гомера, откуда Колумб отправился в свою первую экспедицию на поиски Нового Света. Жена Фреда и его дочь Кристин, отличный фотограф, отправились на пароме на Тенерифе. Именно на этом острове, куда

сегодня в погоне за загаром каждый год съезжается по четыре миллиона бледнолицых горожан, светлокожие и бородатые туземцы дали бой морякам Колумба — тем самым, которых безбородые американские индейцы встретили как вернувшихся богов.

Двум увешанным фотоаппаратами норвежкам потребовалось немалое мужество, чтобы найти дорогу к пирамидам. Но в конце концов они добрались до Гуимара. Там не роились туристы, не сверкали огнями отели, но зато в глубине поселка таились загадочные пирамиды.

Когда я получил от Кристин увесистую бандероль с фотографиями, то тут же собрался и первым же рейсом вылетел на Тенерифе. Миновав ряды безликих цементных домов Гуимара и оказавшись перед отлично сохранившимися ступенчатыми пирамидами, я испытал острое чувство восхищения и восторга — прямо в глаза мне глядели минувшие века. Такие же эмоции я испытал тремя годами ранее в Перу, когда мы с Вальтером Альва свернули в какой-то переулок и мой провожатый показал мне тамошние пирамиды, более высокие, чем здесь, но такие же заброшенные и всеми позабытые. Интересно, что и тут, и там на местных жителей памятники старины не производили абсолютно никакого впечатления.

— А разве у вас в Норвегии нет пирамид? — удивлялись они в Перу.

— Какие же это пирамиды? Они здесь всегда были, — уверяли меня на Тенерифе.

В ту ночь я расстался со своими провожатыми и снова вернулся к пирамидам. Стоя у подножья древних стен, мне с трудом верилось, что я нахожусь в трезвом уме и здравой памяти и посреди модного туристического курорта.

Вдруг сердце у меня ушло в пятки. За моей спиной, на платформе древнего храма, бесшумно возник огромный белоголовый незнакомец.

— Вы Тур Хейердал? — спросил он.

— Да, а вы кто? — отозвался я.

— Я из племени гуанчи, — невозмутимо ответил незнакомец.

— Но говорят, на острове не осталось никого из гаунчи, — неуверенно возразил я.

— Мой отец гуанчи, и мать тоже.

От предвкушения удачи у меня застучало в висках.

— Если вы гуанчи, то вы знаете, что это такое, — указал я на силуэт самой высокой из пирамид.

— Люди говорят, просто груда камней с полей.

— И вы тоже так считаете?

Гигант усмехнулся.

— Они так думают, и тем лучше для них.

Моего нового друга звали Карлос Кампос, и он работал в местной полиции. Высоко в горах, окружающих долину Гуимар, я познакомился с его матерью и прочими родственниками, такими же светловолосыми и голубоглазыми, как и он. По их словам, почти у всех, кто живет в горах по эту сторону долины, в жилах течет кровь гуанчи. Здесь пролегла последняя линия их обороны, испанские каратели не совались сюда, опасаясь кинжалов горцев. Во времена Франко принадлежность к племени гуанчи и даже знание их языка означало одно — смертный приговор. Считалось, что завоеватели окончательно стерли с лица земли примитивные местные племена, но теперь, после падения диктатуры, Карлос и его соотечественники снова смогли наслаждаться правом говорить на родном наречии.

Пока городской совет собирался послать бульдозеры, чтобы снести пирамиды, Фред не терял времени даром и в одночасье скупил всю землю в этом районе. Никто и оглянуться не успел, как вокруг пирамид вырос забор, а на листах ватмана появились планы реконструкции древних домов племени гуанчи как свидетельств параллельного развития цивилизации на противоположных берегах Атлантического океана. Фред рассчитывал в дальнейшем финансировать проект за счет прибыли от туристов. Я должен был организовать комитет из археологов, который отвечал бы за функционирование выставки и распределял бы денежные потоки. Фотограф пирамид Кристина, яростная сторонница Фреда, наняла мою младшую дочь Беггину, чтобы та занималась практическими вопросами, пока я буду мотаться взад и вперед между пирамидами Перу и Канарских островов. Другой моей дочери, Марион, художнику по керамике, предстояло графически оформить доказательства родства культур, разделенных водами Атлантики.

Так появился на свет ФРИ — Фонд развития и исследований.

На вершине одной из этих ступенчатых пирамид я и познакомился с Жаклин. Какая-то газета поместила статью, что я приехал на остров с

целью спасти пирамиды и что эти пирамиды — ближайшая родня перуанских и мексиканских. Этого оказалось достаточно, чтобы разбудить любопытство Жаклин, и она первой перебралась сюда с другого края острова. Та встреча круто изменила нашу жизнь, и долине пирамид отныне суждено было стать нашим общим домом.

Когда Жаклин прервала мой диалог с аку-аку на крыше гостиницы в Эль-Аюне, мы как раз собирались вернуться в эту долину. Мы решили сделать все, что в наших силах, чтобы спасти древний комплекс, а заодно и обгорелые руины испанского монастыря, где вполне мог бы разместиться музей. А для себя мы планировали восстановить старый флигель в саду. Когда-то я уговорил моего старого друга Фреда Ольсена купить землю, на которой стояли пирамиды, — ведь он с детства связал свою жизнь с Канарскими островами. Жаклин, не теряя времени даром, организовала мою встречу с местными властями, а те запустили бюрократическую машину, чтобы объявить этот район памятником культуры и взять его под охрану государства. «Пирамиды Чакона» должны были стать исследовательским центром, со своей страничкой в Интернете, посвященном изучению древних культур и старинным путям морских коммуникаций.

Свадебное путешествие в Западную Сахару планировалось как короткий перерыв в работе, однако из-за бюрократических проволочек оно затянулось на целых семь дней. Но вот теперь мы наконец были на борту самолета. Жаклин спала, а я наслаждался видом африканского побережья, похожего на золотую цепочку, брошенную на границе земли и моря. Пески Сахары постепенно уплывали вдаль, уступая место голубым водам Атлантики. Я и сам начал клевать носом, но тут вновь подал голос мой невидимый спутник.

— *Посмотри вокруг — узнаешь?*

Я бросил взгляд в иллюминатор и не увидел ничего, кроме голубых вод Атлантического океана. Наверное, мы находились уже на полпути между Африкой и Канарскими островами. Ну конечно же, я ведь проплывал здесь и на «Ра», и на «Ра И» перед тем, как выйти в открытый океан. Отсюда, сверху, океан вовсе не казался таким могучим, просто бескрайнее голубое пространство. Даже не видно белых верхушек волн, несущихся к берегам Америки. Да, чтобы

составить правильное впечатление о нашей планете, ее надо разглядывать либо в упор, либо откуда-нибудь с Луны.

— *Ты веришь в легенду о затонувшей Атлантиде?*

Но тут как раз шасси самолета коснулись посадочной полосы, и в последующей суете и беготне я позабыл о заданном мне вопросе. А дома, в долине пирамид, меня ждали рулоны факсовых сообщений и ворох новостей о новорожденном проекте под названием ФИОК — Фонд исследования очагов культуры. Так что если мой аку-аку даже и пытался до меня докричаться, то я ничего не заметил.

— Тебе пора стричься, — заметила Жаклин несколько дней спустя. Я как раз собирался побриться, и зеркало тут же подтвердило справедливость ее слов. Вообще-то моя шевелюра вовсе не отличается пышностью, но зато шея зарастает с невероятной быстротой. Короче, несколько часов спустя она подбросила меня на машине до столицы острова, и едва я с наслаждением погрузился в глубокое кресло парикмахера, мой внутренний собеседник оказался тут как тут.

— *Ты так и не ответил на мой вопрос. Может, ты боишься науки или, наоборот, страшишься, что тебя отнесут к числу тех, для кого пирамиды — лишь повод порассуждать об инопланетянах или таинственных обитателях океанских глубин?*

— Я боюсь и того, и другого. Но больше всего — тех «авторитетных» личностей, кто утверждает, будто пирамиды — это всего лишь бестолковые груды камней. Остальные не так опасны. Лично я считаю, что пирамиды возводили обыкновенные люди, задолго до европейцев приплывшие из Африки на незамысловатых судах, груженных запасами семян и домашними животными. Но и гипотеза об Атлантиде не достойна того, чтобы ее с пренебрежением отбрасывали ученые мужи или дискредитировали заумные парapsихологи. Слишком просто с важным видом водрузить очки на нос и уверить себя, будто все о прошлом можно узнать, покопавшись в современных книгах, а свидетельства древних авторов — не более чем примитивное отражение мифов и легенд.

— *Например, легенда о Ное и Потопе?*

Положение становилось более серьезным. Парикмахер хотел узнать, следует ли ему постричь волосы, торчащие у меня из ноздрей, а аку-аку интересовался Ноем и Потопом.

«И в носу, и в ушах», — ответил я первому. Тонкий же вопрос Потопа и Атлантиды остался ждать своего часа.

На следующий день, к удивлению Жаклин, я отказался от привычной послеобеденной сиесты и вместо этого устроился с ручкой и блокнотом в гамаке под сенью авокадо.

Аку-аку не заставил себя долго ждать.

— *Как получилось, что ты, с детства боявшийся воды, в зрелые годы вышел в море на старинных судах, в надежность которых никто не верил?*

Я согласился, что логикой здесь и не пахло. И действительно, чему я обязан проснувшейся во мне в молодые годы уверенностью в своих силах? Я вспомнил, как я рассуждал в те, уже очень далекие, времена.

В студенчестве я часто ходил в горы, невзирая на непогоду. Моим единственным компаньоном была собака гренландской породы. Снег сдирал кожу у меня со щек, словно наждачной бумагой, а я твердил про себя: «Только так мальчик становится мужчиной!»

Я просто устал от самого себя. Устал от собственной робости и скромности. Мне надоело теряться в присутствии девочек и проигрывать в играх со сверстниками. Я хотел обрести уверенность в себе. Заставить себя расстаться со скорлупой, в которой я привык прятаться. И я сознательно пытался освободиться от своих внутренних оков. Снежный вихрь словно выдувал меня из теплого убежища.

После того, как я чуть не утонул во второй раз, к воде я начал испытывать примерно такие же чувства, как к дантистам и к темным кладбищам. Все мои друзья выучились отлично плавать и летом весело резвились во фьорде Ларвика. У каждого из них в семье была либо яхта, либо катер. К счастью, мы не имели ни того, ни другого, и я возносил хвалу Создателю, что мои родители только недавно переехали в Ларвик и что им принадлежали два домика в горах. Отец предпочитал свой, расположенный в лесу над деревушкой Эстейтс. Там была железнодорожная станция, множество дачных домиков и вообще масса возможностей для развлечений. Мама купила свою избушку в Восточной Норвегии, недалеко от моря, в горах между долинами рек Гудбансдаль и Эстер даль. Туда вела дорога, по которой не смог бы проехать ни один автомобиль, но зато в деревне имелась

гостиница — правда, она редко могла похвастаться хоть одним постояльцем. Еще там была дюжина низеньких бревенчатых домиков. Зимой они стояли пустые и занесенные снегом по самые соломенные крыши. Но летом в них кипела жизнь. Одни использовались как небольшие летние фермы — их хозяева держали коз и варили сыр. В другие, как на дачи, приезжали отдохнуть горожане. Горожане держались замкнуто и ловили с лодок форель в горном озере либо уходили в долгие пешие прогулки высоко в горы.

Херншё стал моим вторым домом. Сюда приезжали на каникулы мамины родственники и мои взрослые кузены. Теплые воды Гольфстрима обходили этот край стороной, и каждая попытка искупаться заканчивалась очень быстро и с громкими воплями, так что я не чувствовал свою неполноценность.

Скорее всего бессознательно, но именно мама направила меня на тот путь, который хотел показать мне отец в день, когда он появился с удочкой и с незнакомой женщиной. К тому времени мои руки уже окрепли от ежедневных упражнений на гимнастических кольцах и от гребли на лодке в водах горного озера.

А затем, однажды летом, произошло нечто совершенно неожиданное. Из дикого, словно заколдованного леса, что лежал на противоположной стороне озера Херншё, вышел высокий человек, похожий на героя из детских сказок. На нем был старомодный поношенный охотничий костюм. Он постучал в дверь нашего дома и предложил купить у него горную форель невиданных размеров. Мама решила, что человек из сказки, должно быть, голоден, и пригласила его пообедать с нами. Какие удивительные истории рассказывал незнакомец! Никогда я не слышал и не читал ничего подобного о животных, которых нам доводилось видеть только изредка и мельком, в сосновом лесу или выше в горах. О лосях и оленях, о росомахах и куницах, о зайцах и даже о горностаях, о снежных мышах, леммингах, лесных гусях, журавлях и прочих диких созданиях, которые жили в чаще леса своей, неведомой нам жизнью. Все они составляли мир Уля Бьёрнебю, с ними он встречал восходы и закаты, им был обязан удивительным спокойствием духа и неизменным простым юмором.

Мой тренер и учитель Уля Бьёрнебю (1932)

Он нарубил нам дров и заработал еще несколько шиллингов. Мама даже не протестовала, когда он показал мне, как правильно вырезать биты. А потом случилось чудо. Однажды, возвращаясь из города, он позволил мне помочь ему донести покупки до его хижины в долине среди гор. Я вернулся домой без рук, без ног, но настолько взбудораженный и восхищенный увиденным, что через несколько дней мама, к моему неописуемому счастью, отпустила меня пожить у него короткое время.

Долина, в которой поселился Уля, была почти полностью оторвана от остального мира, с которым ее связывала только одна узенькая тропинка.

«Хюнна» — так называлась заброшенная горная ферма, где он нашел себе пристанище. Новое волшебное слово вошло в мою жизнь, когда мы прыгали с камня на камень там, где река вытекала из озера и начинала свой стремительный бег под густой кровлей соснового леса. Уля жил в бывшей овчарне, маленьком строении с земляным полом и бревенчатыми стенами, немного не доходившими до земли. Еду он готовил на жаровне посреди единственной комнаты, а дым от костра уходил через отверстие в крыше. Мебелью служили камни, пни и сучья деревьев. Самое длинное бревно одним концом лежало в

кострище под жаровней и с каждым днем становилось все короче и короче, так что я был избавлен от необходимости рубить дрова, разве что для растопки.

Там, в мире старого Уля, я впервые понял, насколько, в сущности, проста жизнь. Сложной ее делают люди, в силу привычки сами того не замечая. С первых шагов нас учат: чтобы спать, необходима кровать, чтобы есть, нужны стол и стулья. Однако после первого же дня, проведенного в доме Уля, я вдруг осознал, что можно прекрасно обходиться вовсе без мебели.

Уля любил поговорить, но никогда не рассказывал о себе. Окольными путями мама выяснила, что он, как говорится, знал лучшие дни. Сын некогда богатого, но спившегося и разорившегося землевладельца, Уля был слишком горд, чтобы просить подачек под видом помощи, и вместо этого в один прекрасный день просто взял да ушел в горы, захватив с собой только отцовскую охотничью и рыболовную снасть. Когда он нашел хижину в Хюннае, то решил остаться там навсегда.

Уля жил тем, что давал ему лес, и еще немножко браконьерствовал, но никогда не заступал слишком далеко за грань закона. Его любили все в округе, в том числе и егеря, и длинная рука правоохранительных органов редко дотягивалась до долины Аста. Таким образом, Бьёрнебю добывал себе пропитание на свой манер и ни от кого не зависел, подобно Робинзону Крузо наших дней. Как-то раз он принес на продажу в деревню горную форель таких невиданных размеров, что «доброжелатели» донесли на него лесникам. Страж закона, повинаясь приказу, отправился в долгий путь к озеру Лунг, расположенному высоко в горах Остердали. Он спрятался с биноклем за кустами и вскоре увидел, как мы с Уля, ничуть не таясь и ничего не подозревая, вышли на озеро на маленькой лодке. Уля решил научить меня ловить на наживку, которую в здешних местах называли «выдрой», и представлявшую собой кусок дерева с добрым десятком прикрепленных к нему крючков. Деревяшку цепляют на длинную леску и тянут вслед за лодкой. Таким образом, за один заход удается поймать сразу несколько рыб. Этот метод рыбалки считался допустимым для местного населения, но строго запрещенным для горожан и других посторонних.

Уля греб, внимательно глядя по сторонам, и вдруг заметил блеск стекол бинокля. Он тут же отнял у меня леску, а меня самого посадил на весла. Грести я имел полное законное право, а вот Уля, хотя и считался местным жителем, непременно угодил бы за решетку за то, что позволил мне держать «выдру». Я греб так, словно от этого зависела вся моя жизнь, и ни за что не признавался, что устал, даже когда совсем выбился из сил. Хорошо было этому типу лежать себе с биноклем! Мои руки покрылись волдырями, а скамейка казалась такой жесткой, что пришлось подложить подушку из свернутой несколько раз оленьей шкуры. С каждой минутой у меня на руках оставалось все меньше и меньше кожи, а на заднице — все больше и больше обнаженных нервов. Только вечером, когда мы пристали к берегу, бдительный стражник собрался в обратный путь. Мы же двинулись в противоположном направлении. Лесник торопился дотемна добраться до цивилизации, а мы спешили в хижину в Хюнне.

Победа на озере была одержана, но мой путь домой никак не напоминал триумфальное шествие победителя. Каждый шаг отдавался в задней части моего тела, словно удар хлыстом, и я никак не мог угнаться за моим наставником, хотя именно он нес большую часть нашего пятидесятикилограммового улова. «Не беда. Мы переночуем здесь и пойдем дальше рано поутру», — сказал Уля, улегся на оленью шкуру и моментально уснул. Обычно, если ночь застигала нас в лесу, мы забирались под шатер из еловых Веток. Что может быть лучше, чем лежать на спине под открытым, усеянным звездами небом! На сей раз, однако, я упустил возможность насладиться любимым зрелищем. Плюхнувшись животом на гранитный валун, я уснул как убитый.

Летние каникулы, проведенные в обществе Уля, многому научили меня, и эти уроки остались со мной на всю оставшуюся жизнь. Но главное — я понял, что являюсь частью природы, независимо от того, какая на мне одежда. Стоит один раз испытать это чувство, и вы везде будете как дома, даже если до ближайшего жилья много дней пути, а вокруг — лес, горы, пустыня или океан. В лесу мы с Уля не только видели диких зверей, но стали свидетелями их повседневной жизни. Мы все замечали — где спал лось, где проходила лосиха с лосятами, где заяц обгрыз ствол дерева, где лиса охотилась за птенцами. Когда я вернулся в школу и засел за учебники, я знал уже почти все про живую природу.

Налившаяся красным цветом рябина предвещала скорый приход осени. С тяжелым сердцем я променял свободные горы на цивилизованный Ларвик.

Мне исполнилось пятнадцать лет — возраст конфирмации. Однако я отказался участвовать в этом обряде. Другие школьники прошли его, но только из-за полагающихся по случаю подарков. Мне не нравился священник, и я не хотел, чтобы он клал руки на мою голову.

Когда мы с Арнольдом принимались философствовать, разговор обычно вертелся вокруг девочек из нашего класса и вокруг таинства любви. Тем не менее, как ни интересовали нас девочки, для нас они оставались чем-то совершенно неведомым. В те времена сексуальное образование было неизвестно в школе и невозможно в семье. Свои познания в этом вопросе мы черпали из собственных наблюдений за животными, а также из надписей на стенах общественных туалетов. Как-то раз мальчик постарше решил преподать мне первый урок символики секса. Он нарисовал мелом круг, перечеркнутый пополам и окруженный лучиками.

Знаешь, что это такое? — спросил он.

— Солнце, — ответил я невинно.

Он тяжело вздохнул.

— Это что-то отвратительное, — прошептал он мне на ухо.

— Неужели черт? — тоже шепотом предположил я.

В своей невинности я считал девочек и взрослых женщин существами совершенно отличными от нас, нормальных людей. Как и о чем говорить с ними — казалось неразрешимой загадкой. Один из моих одноклассников назначил девочке свидание. Чтобы быть в состоянии поддерживать беседу с этим таинственным созданием, он весь день перед встречей читал и запоминал спортивные новости.

Мы с Арнольдом пребывали в уверенности, что любовь — нечто совершенно божественное. И как раз тогда мои родители решили разойтись. Они не стали подавать на развод — отец просто продал свою долю в пивоварне и переехал в гостиницу в Осло на то время, которое потребуется нам с мамой, чтобы тоже перебраться в столицу. Шел 1933 год, и я собирался поступать в университет. В те дни я дал себе клятву, что ни за что не разведусь со своей будущей женой.

— *И в итоге — ты дважды разведен и так и не прошел обряд конфирмации?*

— Да, я прошел через процедуру разводов, но по-прежнему верю в любовь. Меня крестили в младенчестве, а от конфирмации я отказался, потому что не хотел, чтобы окружающие подумали, будто я верю в того мрачного, мстительного Бога, каким Его рисовал ларвикский священник. В отличие от него, я верил в бога Любви и не сомневался, что этот бог пожалеет несчастную женщину, которая бросила своего мертворожденного незаконного ребенка в реку, потому что ей не позволили похоронить его в священной земле кладбища.

Мы с Арнольдом часто говорили о религии и морали и пытались предугадать свою будущую жизнь в нашем крохотном городке, вымиравшем с наступлением темноты. Церковь тогда уже потеряла власть над юными умами, и наши сверстники ходили туда только на конфирмацию, потому что вслед за обрядом следовали обязательные подарки — часы, запонки или первая в жизни пара длинных брюк. Арнольд, как и остальные, принял причастие, чем, вкупе с красивым низким баритоном и умением играть на пианино, снискал расположение священника. Мы оба любили музыку, хотя я и не отличался хорошим слухом. Зато у меня дома имелся внушительных размеров граммафон.

Моей религией постепенно стала вера во всемогущую и всеобъемлющую созидательную силу, породившую природу и все, что растет и движется на нашей планете. Сын садовника, Арнольд любил цветы и охотно слушал мои философствования о том, что цивилизация ступила на неверный путь развития. Когда же я признавался другим людям, что ненавижу машины и моторы и что в конечном итоге эти изобретения не смогут улучшить жизнь человечества, на меня смотрели, как на идиота.

— *Но как ты пришел к такому выводу?*

Возможно, причина — в инстинктивной вере в природу как творца и хозяина человечества. Если существует некий высший разум, в чьей власти находится все на Земле, то почему он сам не изобрел машины на потребу людям? Я опасался, что когда-нибудь машины окажутся сильнее природы и заменят собой все то, что Господь подарил нам.

— *Ты не верил в прогресс?*

Верил, но я не считал, что каждый шаг, удаляющий нас от природы, может называться прогрессом. У меня появилось ощущение, будто мы, люди, начали ставить на себе эксперимент на выживание. Вырубали леса. Как само собой разумеющееся считаем, что прогресс заключается в движении от фермы к заводу. В детстве я любил рисовать. Излюбленной темой моих рисунков было ярко-желтое солнце, сияющее над круглыми африканскими хинами, пальмами и стаями обезьян. Затем я сменил кисти и краски на карандаши, ластик и тушь, из-под которых выходили ироничные чертежи, высмеивавшие слабые стороны цивилизации. Я был непоследователен. Я любил ездить поездом и, как и все, пришел в восторг, когда кто-то из одноклассников принес в школу предмет со странным названием «радио». Мы по очереди одели наушники и с удивлением убедились, что из них действительно доносится далекая музыка.

После жизни на природе с Уля Бьёрнебю, я стал уделять больше внимания своему физическому развитию. Особенно близко я сдружился с огромным парнем по имени Эрик — он участвовал в наших марафонских забегах по окрестным лесам. Этот весельчак ничем не походил на Арнольда. Они так никогда и не сдружились, потому что Эрик не стал, в отличие от нас, получать высшее образование, а ушел в моряки. Оба они обладали недюжинной силой, но поскольку Арнольд увлекался музыкой и поэзией, с ним мы вели исключительно философские беседы. Эрик же любил путешествия, и в мои последние школьные годы, после общения с Уля Бьёрнебю, мы с ним все свободное время проводили в самых необжитых горах Норвегии.

При первой встрече мы не были готовы понять друг друга. Я в многочисленной компании приятелей направлялся в пригородный лес ловить саламандр, и тут мы столкнулись с Эриком. Во главе целой когорты мальчишек, вооруженных игрушечными пистолетами и деревянными мечами, он шел строить в лесу пиратский корабль. Позже, когда мы начали вместе устраивать марафонские забеги по лесам, я как-то заглянул к нему домой. Сперва меня бросило в дрожь при виде кровожадного пирата, целившегося в меня с картинки на стене его комнаты, но позже я научился ценить его озорные рисунки.

Эрик стал моряком, и мы потеряли друг друга, но спустя много лет именно Эрика Хессельберга я пригласил принять участие в

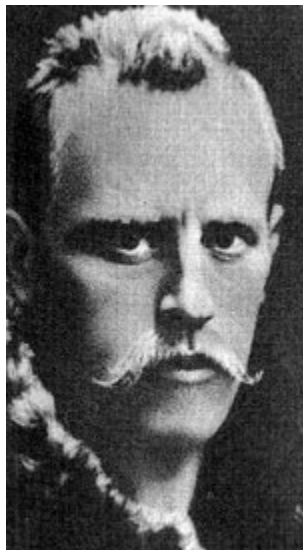
путешествии на «Кон-Тики» в качестве штурмана.

Подобно мне, Арнольд после школы переехал в Осло. Я выбрал биологию и географию, он — искусство и со временем стал профессиональным художником и писателем. Его книга «Это касается и тебя» пользовалась большим успехом. В ней шла речь об единственной в Ларвике еврейской семье. У них было двенадцать детей, и все они, кроме самого младшего, погибли в газовых камерах во время фашистской оккупации. Мы, одноклассники Самуэля, и не задумывались о его национальности — мы только знали, что он никогда не ходит в школу по субботам. Что это за вера в бога Любви, из которой произрастает ненависть? Хотя и друзья, и враги могут верить в Единого Создателя, они порой расходятся во мнении относительно того дня недели, в который он решил отдохнуть.

Я был абсолютно убежден, что наша так называемая «цивилизация» стала опасной для нас самих. Что орудия уничтожения, стоящие наготове во всех уголках Земного шара, неизбежно втянут мир в новую ужасную бойню. Альфред Нобель верил в прогресс и вечный мир, когда изобретал динамит. Количество людей, погибших от динамита во время Первой мировой войны, значительно больше, чем число спасшихся благодаря противогазам. А когда мы учились в школе, нам рассказывали об изобретении гигантских военных машин без колес, способных передвигаться по любой местности. Казалось, с их появлением война потеряет всякий смысл. Мы с Эриком надеялись убраться подальше от Европы, пока люди не придумали и не пустили в ход еще какие-нибудь ужасные механизмы. Эрик мечтал основать идеальное общество где-нибудь в Центральной Африке, подальше от опасностей цивилизации. В то время на карте мира еще оставалось немало белых пятен.

Меня часто спрашивают: что значили для меня великие исследователи времен моего детства, Руаль Амундсен и Фритьоф Нансен. Трудный вопрос. Конечно, мы, мальчишки, видели в них героев — оба они тогда были живы. Еще до нашего рождения Амундсен первым достиг Южного полюса и лидировал в гонке покорителей Северного полюса. Никогда не забуду — в 1928 году я был в лагере скаутов в Андалсенсе. Дирижабль итальянца Нобиле потерпел аварию в районе Северного полюса, а самолет Амундсена, в отчаянной и благородной попытке спасти конкурента, рухнул посреди

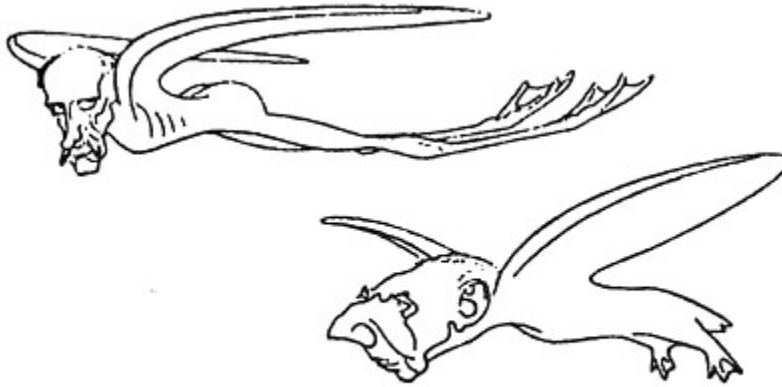
скованного льдом океана. И тут к нам в лагерь пришло известие, что Амундсена нашли живым. Что тут творилось! Все повыскакивали из палаток, прыгали и кричали, как сумасшедшие. Тем сильнее было наше горе, когда известие оказалось ложным.

Фритъоф Нансен

Великие норвежские путешественники Амундсен и Нобиле на "Св. Виктории" после завершения экспедиции на "Норге"

Нансен и Амундсен летят к Северному полюсу.
Рисунок Улафа Гюльбранссона (1924)

Мне исполнилось всего восемь лет, когда Нансен получил Нобелевскую премию за помощь беженцам — жертвам Первой мировой войны. Больше всего мы восхищались им за то, что он сознательно позволил своему судну «Фрам» вмерзнуть в дрейфующие льды и вместе с ними подошел к Северному полюсу ближе, чем кто-либо в истории (за исключением его спутника Йохансона). Все мы слышали, что в 1888 году он пересек на лыжах Гренландию. Тогда, в годы моего детства, никто другой не забирался так далеко во льды Гренландии, чтобы сообщить географам, что же на самом деле представляет собой этот огромный полярный остров — нагромождение диких горных хребтов или плоскую ледяную равнину. Затем произошло событие, сыгравшее важную роль в моей собственной судьбе. В 1931 году два отважных студента из Норвегии пересекли на собачьих упряжках самую неизведанную часть Гренландии и написали книгу о своем путешествии. Один из них, Мартин Мерен, привез в Осло несколько собак из той упряжки.

Моя мать обожала собак и в годы первого замужества держала двадцать белых лаек — близких, хотя и несколько более изнеженных родичей могучих псов гренландских эскимосов. Начиная с того времени, когда я пил молоко нашей козы в Ларвике, я привык к спокойным животным, помогавшим скрасить одиночество единственного ребенка стареющих родителей. Затем школьные годы закончились, и мы с мамой переехали в Осло. Одиночество продолжалось в стенах большой квартиры на верхнем этаже дома на улице Камиллы Коле. Для маминой обширной коллекции антиквариата требовалась именно такая — с просторной гостиной во всю ширину

здания и с узкими балконами по обеим сторонам. Сюда, в приобретенную для нас отцом квартиру в центре города, она и принесла с победоносным видом щенка гренландской лайки, которого купила у самого Мартина Мерена. Трудно описать охвативший меня восторг. Но едва она закрыла за собой дверь и опустила щенка на пол, как наш новый жилец стрелой бросился в гостиную и принялся прыгать, словно леопард, по столам и диванам. Затем он заметался с одного балкона на другой, вскочил на перила и опомнился, только увидев под собой многометровую пропасть.

**Верный друг,
лайка Казан (1936)**

С появлением Казана — так называли собаку — моя жизнь совершенно изменилась. Три следующих дня я никуда не выходил из дома, даже в университет, а занимался воспитанием щенка. По команде «лежать» я силой укладывал его на коврик и удерживал его в таком положении, пока не следовала команда «встать». В оправдание пса мама говорила, что в нем, по словам Мерена, половина волчьей крови. Однако случилось чудо — Казан со временем превратился в послушную и умную собаку. Я даже брал его с собой в университет, а когда я изредка выбирался куда-нибудь в ресторан, он молча лежал под столом, не привлекая ничьего внимания. Зимой он без труда тащил груженные сани весом в пятьдесят килограммов, а летом Мог нести такой же вес на спине. Мы не расставались ни миг ни в городе, ни во время загородных прогулок.

Ничто не доставляло нам обоим больше радости, чем забраться как можно дальше от Осло и как можно выше в горы. Пес так далеко зашел в своей привязанности ко мне, что не позволял больше никому

дотрагиваться до моего рюкзака и горных ботинок. А если рычание не помогало, в ход шли клыки.

Эрик чаще других сопровождал меня в моих вылазках в горы; старые друзья всегда были мне особенно дороги. В те времена ночевки под открытым зимним небом еще не пользовались большой популярностью, но мы с Эриком находились под влиянием Нансена и Мерена и никогда не заботились о том, чтобы найти на ночь крышу над головой. Мы научились отыскивать хорошие, плотные сугробы и выкапывали в них нечто вроде берлоги.

Мои товарищи по походам считали, что я готовлюсь к полярным экспедициям. Никого, кроме Эрика и Арнольда, я не посвящал в свои крепнущие с каждым днем планы отправиться в дальние страны. Репортажи в газетах о моих предыдущих путешествиях, снабженные фотографиями и рисунками, позволяли мне скопить деньги на следующие поездки. В тридцатые годы ночевки под открытым небом, да еще в снегу, были в новинку в Норвегии. Людям нравилось читать о том, как построить ледяной дом-иглу из блоков льда.

Ничто не может сравниться с чувством, которое испытываешь, проснувшись зимним утром на самой вершине горы Стор-Рунден и глядя на раскинувшуюся внизу родную страну. Пусть снаружи завывает вьюга — в иглу или даже в простой яме в снегу тепло и безопасно, главное, чтобы небольшое отверстие в потолке обеспечивало нормальную циркуляцию воздуха, а вход располагался ниже уровня пола. Обычной свечи достаточно, чтобы поддерживать внутри плюсовую температуру, если за стеной столбик термометра упал ниже нуля — дело в том, что внутренняя часть иглу быстро превращается в лед, это прекрасный термоизолятор, созданный самой природой.

Я всегда предпочитал заранее готовить пути отхода на случай непредвиденных обстоятельств. Только один раз я отступил от этого правила. Когда мы путешествовали на плотках, то всегда припасали бревно или связку тростника, чтобы было на чем плыть, если плот развалится. Но однажды мы с Эриком пошли на риск, о чем я очень пожалел, хотя все и обошлось. Мы решили взойти на гору Глиттертинн, покрытую никогда не тающей шапкой снега и потому ставшей на какое-то время выше соседнего Галькепиггена, самой высокой точки Норвегии. Итак, Эрик и я отправились в путь на лыжах,

а Казан следом за нами тащил груженные сани. Мы рассчитывали, дойдя до вершины, построить иглу, но вскоре началась такая пурга, что не удавалось разглядеть даже кончиков лыж. Справа и слева зияли глубокие пропасти, но их тоже скрывала снежная пелена, и поэтому нам ничего не оставалось, как продолжать восхождение.

Когда мы наконец достигли каменного столба, установленного на вершине Глиттертинна, ветер превратился в настоящий ураган и буквально валил с ног. Пришлось снять лыжи. Кроме каменного столба, мы ничего вокруг не видели, а снег бил в лицо так сильно, что невозможно было открыть глаза, и дышать было трудно. Все вокруг покрывала ледяная корка такой прочности, что ни построить иглу, ни вырыть яму не представлялось возможным. Мы изо всех сил цеплялись за лыжи, чтобы их не унесло ветром, и у нас не было ни секунды, чтобы спокойно обдумать сложившееся положение. Мы выпрягли Казана из упряжки, по компасу определили ту сторону, откуда только что пришли, сели на сани и помчались вниз. Сперва нам удавалось тормозить сани и даже иногда останавливаться, чтобы Казан мог нас догнать, но затем мы не сладили со скоростью и больше не могли контролировать полет саней. Вот это была поездочка! Мы неслись все быстрее и быстрее и в конце концов перевернулись, но уже на ровной поверхности и в глубоком снегу. Мы понятия не имели, где именно находимся, и мысленно уже попрощались с бедным Казаном. Казалось, прошла вечность, и тут наконец собака вынырнула из-за снежной пелены, по брюхо увязая в сугробах и напрягая все силы в попытке догнать нас. Мы догадывались, что вокруг нас на многие километры тянется дикая равнина без признаков жилья, но видели только друг друга, сани да собаку. Весь мир исчез за белой плотной завесой, и невозможно было различить, где право, где лево, где верх, где низ.

В незнакомой местности, да еще когда не видно ни зги, компас и карта — плохие помощники, но мы примерно представляли, где находимся, и направились туда, где, по нашему разумению, лежала ближайшая долина. Ничего удивительного, что вскоре дорога пошла на подъем и с каждым шагом становилась все круче и круче. Мы уже не катились, а карабкались вверх. Все мысли были только о следующем шаге, а единственная надежда — на то, что нас не погребет под собой лавина. Бедному Казану досталась самая тяжелая задача — тащить

сани, и когда мы взобрались на перевал, сил у собаки уже совсем не оставалось. На смену метели пришел густой туман, за которым по-прежнему ничего не удавалось разглядеть. Поэтому, когда вдалеке показался большой дом, мы оба приняли его за галлюцинацию. Но он оказался реальным — правда, не большим, а маленьким, зато всего в двух шагах от нас. Когда туман рассеялся, мы поняли, что добрались до приюта путников под названием Спитерстулен. Через много лет нам рассказали, что до нас никто не переходил через этот перевал на лыжах.

— *С тех пор ты стал осторожным?*

— Скажем так: более осторожным. Спустя какое-то время я отправился в другое путешествие на лыжах; на сей раз один, если не считать Казана. Но тут мною руководили особые соображения.

Дело было в середине тридцатых годов. В начале Пасхи в горах дали штормовое предупреждение. Я провожал своего двоюродного брата на поезд. Мы с ним прожили некоторое время в снежном доме в Троллхеймене и вместе с Казаном дошли до Снохетта. Оттуда кузен возвращался в Тронхейм, а я собирался пересечь плато у горного хребта Довр и добраться до Гудбрансдаля. Но на полпути меня застигла метель. Я укрылся от нее в горном домике и всюду наслаждался огнем в камине, какао и печеньем. Снег бился в стены дома, а Казан терпеливо ждал под столом. Хороший пес должен знать, что о нем непременно позаботятся, и никогда ничего не выпрашивать. Вот и Казан отлично понимал, что я сам испытываю удовольствие, когда сытно и обильно кормлю свою любимую собаку. А сегодня его ждало нечто лучшее, чем привычная сушеная рыба. Когда мы оба насытились, шторм достиг невиданной силы. Ураганный ветер завывал и бился в окна, и на улицу можно было выйти, только не выпуская из рук привязанную к двери веревку.

И тут я решил принять вызов. На плато Довр нет ни обрывов, ни скал. Здесь не растут деревья, а все кусты, камни, озера и заборы лежали под толстым слоем снега. Все в доме пытались удержать меня, но безрезультатно. Я запряг Казана в сани, встал на лыжи и через несколько мгновений исчез за пеленой снега.

Каждый шаг давался с трудом. Чтобы противостоять порывам ветра, мне приходилось сильно нагибаться вперед. Даже Казан, с его волчьей силой, двигался еле-еле. В идеальных условиях, по ровной

поверхности, для него не составляло труда тащить груженные сани, даже если я сам садился сверху. Сегодня же ему приходилось пробираться по глубоким рыхлым сугробам, а то, что сыпалось с неба, не шло ни в какое сравнение с теми зарядами снега, которые ветер поднимал с земли и швырял нам в глаза. Время от времени пес пропадавал из вида, и тогда мне приходилось останавливаться и ждать его — часто с перевернутыми санями за спиной.

— *Но в чем суть этого бессмысленного поединка с природой?*

— Я все время твердил про себя: «Только так мальчик становится мужчиной! Только так мальчик становится мужчиной!»

Я знал, что уже нашел себя здесь, посреди гор. Но мне еще оставалось определить свое место в городе. Всякий раз, возвращаясь из похода, я гордо шел вдоль городских улиц — чего мне бояться здесь после того, что я испытал там? Но уже на следующий день дома начинали давить на меня. Я казался себе крошечным и ничтожным. Мне не оставалось другого выхода, как сдаться и принять чужие правила игры. Возможно, Казан, трусивший рядом со мной и задиравший лапу на каждом углу, испытывал то же самое.

Пришла пора преодолеть это чувство неуверенности, почти страха, которое охватывало меня на асфальте или в городской гостинной. Мне предстояло закалить свой дух и осознать, что я остаюсь самим собой, где бы я ни находился — среди деревьев и скал или среди оклеенных обоями стен.

Возможно, я тогда еще просто не до конца повзрослел. В любом случае, давало о себе знать неправильное воспитание.

«Только так мальчик становится мужчиной!» Идти дальше не имело смысла. То, что мы находимся здесь, посреди диких гор, что мы одержали победу над силами природы, что мы можем в любой момент просто лечь и заснуть во время бури — уже триумф человеческого духа! Легкий снег не позволял вырыть яму или построить иглу. Мне удалось разыскать палатку в поклаже саней, но ветер не давал ее установить. «Ничего страшного», — подумал я, просто расстелил ее на снегу, забрался внутрь и затащил за собой Казана. Так мы и лежали, постепенно превращаясь в один большой сугроб, — я в своем спальнике из оленьей шерсти и Казан в шубе из гренландского меха.

Вдруг сердце замерло у меня в груди. Неподалеку раздался паровозный гудок. Где-то здесь проходила железнодорожная ветка

между Осло и Тронхеймом. Еще гудок — все ближе и ближе. Интересно, не под нами ли лежат скрытые под снегом рельсы? До моих ушей уже доносился звук паровозного двигателя. Поезд на всех парах несся прямо на нас!

Казан испугался не меньше моего. Надо было побыстрее выбираться и из спальника, и из палатки. Поскольку рельсы лежали под снегом, я совершенно не представлял, откуда ждать опасности. В подобных ситуациях даже закоренелый атеист вспоминает о Боге и обещает больше никогда не грешить. Ни жив, ни мертв от страха, я ждал неизбежного. Грохот паровоза достиг высшей точки, и тут в нас швырнуло густой снежной массой от пролетевшего в двух шагах состава. А затем все стихло. Никто в поезде так никогда и не узнал, что в ту вьюжную ночь рядом с рельсами лежал мальчик в обнимку с собакой. Мальчик, который хотел стать мужчиной.

По следам Дарвина

Из нашего сада на Тенерифе открывался прекрасный вид на сосновый лес, покрывающий основания гор. Одна из них, Тейде, простирала свою покрытую снегом вершину на 3700 метров над уровнем моря. В дни моего детства путь от Ларвика до нашего коттеджа в горах занимал целых три дня и включал в себя две ночевки, несколько пересадок с поезда на поезд и семичасовую поездку на запряженной лошадьми повозке. Теперь от Тенерифе до Херншё можно добраться всего за день. Но меня не тянет в край моего детства. Бульдозеры и новостройки мало что оставили от того Херншё, который вставал перед моим мысленным взором, когда я беседовал со своим аку-аку, лежа в гамаке под южным синим небом.

— *Ты почти ничего не говоришь о девочках.*

— К сожалению, в моем детстве они играли очень маленькую роль. Когда я был совсем маленьким, у меня была подружка, миленькая черноволосая и кареглазая девчушка, стриженная под пажа. Однажды я увидел ее голой, и хотя зрелище показалось мне интересным, я так и не понял, где у нее зад, а где перед. В шестилетнем возрасте, когда я пошел в школу, я уже кое-что соображал и пребывал в уверенности, что мальчику стыдно водиться с девочками. Они играли в куклы, а мы — в войну. Мальчикам и девочкам не разрешалось учиться вместе — даже наши игровые площадки разделяла высокая кирпичная стена.

Разница между мужским и женским началом настолько угнетала меня, что на уроках танцев я не мог заставить себя пригласить девочку. Целых три года, повинаясь родительскому приказу, я посещал эти классы — в ботинках из патентованной кожи и матросском костюмчике. Это искусство давалось мне нелегко: мне приходилось рисовать на бумаге последовательность шагов в вальсе и танго, и, несмотря на все мои старания, я все время наступал партнершам на ноги и сбивался с шага.

Именно своей неловкости я обязан первым шансом на успех у противоположного пола..

Когда дети становились постарше, их объединяли в классы совместного обучения, так что общение становилось неизбежным. Но я уклонялся от участия в сборищах, если они включали в себя танцы.

Итак, мои школьные годы подходили к концу, а опыта у меня так и не прибавилось. Однако я все сильнее предвкушал надвигающееся чувство. После окончания школы, увенчанный традиционной кепкой с красным козырьком и счастливый оттого, что все экзамены остались позади, я принял участие в школьном спектакле. Я сам помогал писать сценарий и получил главную роль профессора Пикара, реального человека, незадолго до того впервые поднявшегося в стратосферу на воздушном шаре. В моей пьесе он оказался столь рассеянным, что забыл вернуться на Землю и предстал перед райскими вратами и охранявшим их святым Петром. Это был мой первый театральный опыт, и ему сопутствовал успех.

Выпускники из всех окрестных городков получили приглашение на прощальный вечер нашего класса. В лучшем ресторане Ставерна, на берегу ларвикского фьорда, нас ждали накрытые столы, вино, оркестр и танцы. Танцевали все, даже Арнольд. Я сидел в одиночестве, потягивал пиво, разглядывал яхты в заливе и изо всех сил пытался показать, что я выше этих жалких развлечений.

Тут ко мне подошел Арнольд и представил свою партнершу девушку из соседнего города. После этого я не видел никого, кроме нее. У нее были кудрявые светлые волосы, ярко-голубые смеющиеся глаза, алые губы, не знавшие помады, и к тому же вид умного и уверенного в себе человека. Будь на то моя воля, я бы прикрепил крылья к ее белому летнему платью — так идеально она подходила на роль ангела в моей пьесе.

Она хотела танцевать.

Я растерялся, не находя приличной отговорки.

— Так пойдем потанцуем? — повторила она.

Упускать ее я не собирался.

— А может, погуляем вдоль берега? — в панике выпалил я.

К моему великому облегчению, она согласилась. Огни ресторана и свет звезд отражались в воде. Моя спутница тоже не осталась равнодушной к красоте вечера. Мы вернулись назад и сели рядом.

— Ты хотела бы вместе со мной вернуться назад к природе? — брякнул я.

— Но это должно быть по-настоящему, а не как в кино, — вдруг ответила она.

Эмоции лишили меня дара речи. Она согласна жить в первобытном лесу, примитивной жизнью — и со мной! Как только я получу диплом географа, мы найдем какой-нибудь остров в южных морях или где-нибудь еще!

Я вглядывался в ее ласковое, но серьезное лицо, пытаюсь понять, не шутит ли она, но все больше убеждался в ее решимости. То были минуты наивысшего блаженства. Но вечер уже подходил к концу. Как оказалось, Лив должна была окончить школу только в следующем году. Сюда ее пригласил молодой человек из соседнего Бревека: он воспринял свое поражение по-мужски и позже стал нашим другом. Автобус уже ждал, и мы расстались, пообещав друг другу, что мы еще увидимся.

В те времена молодым людям из разных городов было совсем не просто общаться. Как отнесутся родители Лив к междугородному звонку от незнакомого парня? А она, как благовоспитанная девушка, не могла сама набрать номер моего телефона.

Мы встретились спустя почти два года.

За это время робкий мальчик стал студентом университета. В черной студенческой кепке я гордо шел по широкой лестнице университетского здания, располагавшегося по соседству с королевским дворцом. Большинство моих друзей, выбравших юриспруденцию, медицину или гуманитарные науки, училось в новом здании на окраине Осло. Только я поступил на зоологический факультет, и меня переполняло предвкушение нового мира, который вот-вот откроется, стоит только распахнуть массивную дубовую дверь в конце лестницы. Я и понятия не имел, что Фритьоф Нансен тоже проходил через эту дверь, что он тоже изучал зоологию и, в отличие от Амундсена, был профессиональным ученым и автором многих серьезных статей. Более того, он был удостоен звания профессора зоологии и до самой смерти, наступившей несколькими годами ранее, преподавал здесь. Теперь же мне предстояло встретиться с его преемником, моим будущим наставником в науках.

— *Но зачем тебе наука, если ты собрался вернуться назад к природе?*

— Я планировал нечто большее, чем просто добраться до Африки, раздеться догола и рыскать в поисках пропитания. Меня снедало желание узнать как можно больше о белых пятнах на карте мира, а если у меня ничего не выйдет, необходимо было иметь достойную профессию.

Преисполненный смутными надеждами, я распахнул Дверь факультета зоологии и невольно вспомнил о тех временах, когда на двери моей комнаты висела шутливая табличка: «Зоологический музей». Я ожидал увидеть комнату, набитую чучелами животных, но первое, что бросилось мне в глаза, был человеческий скелет. Он стоял, подобно молчаливому дворецкому, и на каждой кости висело по этикетке с латинским названием. Студенты звали его Ольсеном. Я решил, что поскольку человек являет собой высшую форму развития животного мира, его не захотели выставлять в виде простого чучела. Но на полу и на полках стояло множество скелетов других животных. Исключение составляли только несколько эмбрионов и желудков, плававших в высоких колбах со спиртовым раствором. Единственным существом из плоти и крови оказался мой будущий профессор, точнее профессорша. Кристин Бонневи, объект восторженного поклонения моей матери, была одной из трех женщин во всей Норвегии, добившихся профессорской мантии, и единственной — в области зоологии. Я поклонился от порога и в ответ ощутил крепкое рукопожатие приветливой женщины со старомодным лорнетом. Про себя я подумал: хорошо бы, если уму она предложит больше, нежели взгляду.

Она поинтересовалась, почему я выбрал именно зоологию, и честно предупредила, что по окончании университета мне трудно будет найти другую работу, кроме как учителем в школе.

В ответ я рассказал о своей детской мечте стать путешественником, о давнем интересе к жизни животных, от насекомых до млекопитающих, которых я наблюдал в лесу. Она заметила, что ее лично больше интересуют микроанатомия и законы наследственности. Однако Кристин позволила мне посещать ее лекции и посоветовала зайти в соседний кабинет к профессору Хальмару Броху, специалисту по коралловым полипам.

Когда я повернулся, чтобы уйти, она окликнула меня и показала маленькую любительскую фотографию, запечатлевшую стоявшего

вдалеке лося на фоне леса.

— Что это — лось или олень?

«Первая проверка», — подумал я и ответил:

— Конечно, лось.

— Откуда вы знаете?

— Ну, по всему видно — по позе, по общему виду.

Ученая дама со смущенным видом пояснила, что ей дали эту фотографию для идентификации, как эксперту, а в справочниках написано только, что олень и лось отличаются тем, что у оленя ноздри расположены ближе друг к другу.

— А на фотографии ноздрей не разглядеть, — с улыбкой добавила она.

Так в самый первый день в университете я узнал важную истину: специалист и энциклопедист — вовсе не одно и то же. Даже наоборот.

Я надеялся узнать от профессора зоологии гораздо больше о животных, чем от моего приятеля Уля Бьёрнебю. А выяснилось, что ведущий специалист в стране мог отличить лося от оленя только по расположению ноздрей!

Однако из всех женщин, которых я знал в дни моей молодости, профессор Бонневи оказала на меня самое большое влияние после моей матери и Лив. Тогда я этого не осознавал, но за несколько дней она преопределила весь мой жизненный путь. Для начала она придумала такую тему для моей курсовой работы, что я смог убедить всех в необходимости моей поездки в Полинезию. Во-вторых, поскольку она рассматривала человека как часть животного мира, она рассказывала нам о различных типах черепов и о том, что группа крови передается по наследству. Набор и последовательность хромосом интересовали ее больше, чем живые животные в их естественном окружении. Прошло совсем немного времени, и переход от изучения чистой зоологии к науке о происхождении человека и о развитии культуры стал для меня совершенно естественным шагом.

На следующий год Лив окончила школу и тоже переехала в Осло, чтобы продолжить образование. Я представил ее маме и Казану, но не своим профессорам, поскольку отец Лив определил ее на факультет социальной экономики. Разумеется, мы сразу же продолжили разговор, начавшийся на школьном выпускном вечере, и я сообщил ей, что план остается в силе.

Никому, кроме Лив и двух моих друзей из Ларвика, я не рассказывал о своем намерении покинуть цивилизацию ради того, чтобы изучить ее под другим углом зрения. Но моя учебная программа позволяла накопить достаточно знаний, чтобы правильно выбрать место для отшельнической жизни. К тому времени мое мнение о профессоре Бонневи полностью изменилось. Она оказалась чрезвычайно эрудированным человеком, хотя сфера ее интересов была мне довольно чужда. Зоология оказалась раздробленной настолько узко специальных тем, что даже в стенах одной лаборатории один ученый не понимал, чем занят его коллега. Исследования ради исследований. Главное — сделать открытие и опубликовать статью. Потом, может быть, кто-нибудь найдет ему применение.

Лив пришла в ужас, когда узнала, что я часами сижу над микроскопом и пересчитываю волоски на спинках у крошечных банановых мух: на их примере мы доказывали справедливость закона Менделя о наследственности. Пер Хост, самый старший в нашей группе, заслужил всеобщее восхищение, когда открыл банку с мухами и выпустил их на улицу. «Мы и так знаем, что Мендель прав, — пояснил он. — Так зачем зря тратить время?» Еще Пер пришел на спину саламандре пятую ногу. Эта нога двигалась сама по себе, независимо от четырех остальных. Однажды на вечеринке он посадил пятиногую саламандру на плечо крепко подвыпившего гостя. Студент аккуратно поставил стакан и принялся тщательно разглядывать свое плечо — правда, Пер к тому времени уже успел забрать уродца назад. Впрочем, Пер же сам и пострадал — его гостю стало так плохо, что тот стремглав бросился к окну и его вырвало прямо на улицу. Пер жил на седьмом этаже, и наутро обитатели первого этажа предъявили претензии жильцам второго. Те переправили их на этаж выше, и искатели справедливости поднимались вверх до тех пор, пока Пер не остался единственным подозреваемым. Ему ничего не оставалось, как вооружиться ведром и тряпкой и уничтожить следы ночного веселья.

Только Пер, Ингвар Хасен и Эдвард Барт разделяли мой интерес к жизни обитателей леса. Шурин Пера работал управляющим крупнейшего фотомагазина, и мы могли одалживать у него шестнадцатимиллиметровые кинокамеры в обмен на запечатленные на пленку сцены из жизни лосей, сов и других существ, которых встречали во время вылазок на природу.

Остальные наши сокурсники предпочитали писать о более любопытных вещах. Например, совершенно нормальный и приятный в общении парень по фамилии Стоп-Бовиц принялся изучать цветовую структуру морского трубчатого червя. Не думаю, что это ему пригодилось в дальнейшей жизни, но хорошую отметку он получил.

Мы все понимали, что по мере развития науки узкая специализация становится необходимостью. Каждый ученый должен определить конкретную сферу своих интересов и стремиться к совершенствованию познаний в ее рамках. Но уже тогда я чувствовал, что здесь что-то не так. Специалисты узнавали все больше и больше о все меньшем и меньшем, а в результате невежество все глубже проникало даже в их ряды. Ведь для них не составляло секрета, что человечество не знает еще очень и очень многое.

Разумеется, ученые должны углублять свои знания в выбранных ими областях науки, но нельзя же за деревьями не видеть леса! В университетах должны быть подразделения, отслеживающие общую картину и систематизирующие достижения более узких специалистов. Кто-то Должен складывать кусочки мозаики в панно.

Когда Лив приехала в Осло, я, по совету моих наставников, кроме зоологии занялся еще и географией. Математическая география позволила мне осознать последствия того, что Земля имеет форму шара. Древние географы узнали это задолго до Колумба, но даже антропологи с их теориями миграции народов не до конца понимали, что следует из того, что Тихий океан — тоже часть этого шара. Они рисовали стрелки на карте мира и распространялись о прямой линии вдоль экватора и о кривых линиях, идущих вдоль побережья от тропической Азии на север и затем снова на юг к тропикам Южной Америки. На самом же деле прямая между побережьем Юго-Восточной Азии и Южной Америкой пройдет через центр Земли, поскольку Земля круглая, а Тихий океан настолько велик, что занимает целое полушарие. Если идти по линии экватора, то Юго-Восточная Азия и Южная Америка противоположны друг другу, поскольку расстояние между ними равно ста восьмидесяти градусам. Следовательно, путь через Северный полюс не длиннее, чем вдоль экватора. Согласно теории «Большого кольца», все линии, проведенные по поверхности Тихого океана между Филиппинами и Перу, одинаковы по длине. Но ведь все, что может держаться на воде,

начиная от кокосовых орехов и заканчивая примитивными судами древних мореходов, могло под влиянием ветров и течений доплыть от Америки до Азии вдоль зоны экватора, а от Азии до Америки — благодаря теплomu Японскому течению.

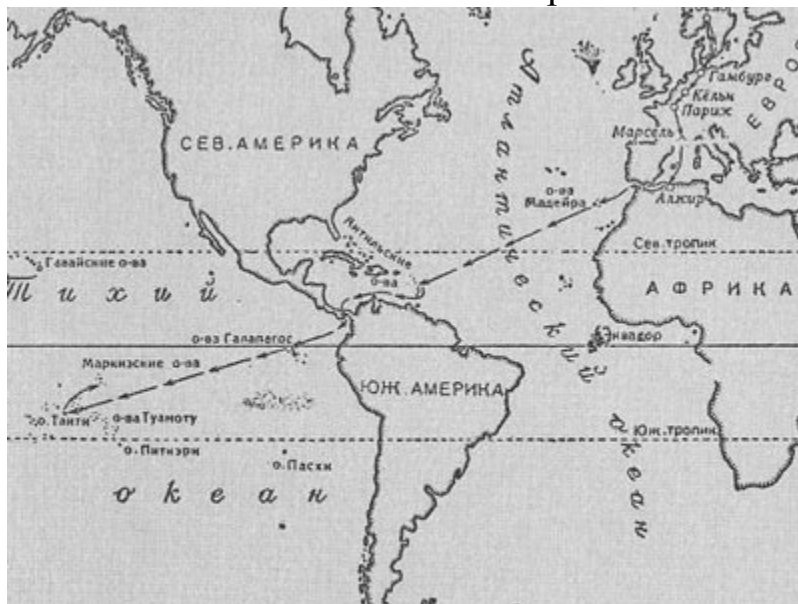
Я быстро понял, как важно знать математическую географию, хотя сам учебник вызывал у меня отвращение. Позже, когда я поближе познакомился с его автором, профессором Вернером Веренскойльдом, он признался, что специально написал книгу столь заумным языком, чтобы показать, что география — тоже наука.

Лекции по географии были очень информативными, и приобретенные знания тут же отразились на моих первоначальных планах. В результате мы с Лив сузили район поисков до нескольких тысяч островов, разбросанных в просторах Тихого океана. Веренскойльд рассказывал нам о доисторических лесах и о том, что солнце не могло пробиться сквозь сомкнутые кроны их деревьев. Следовательно, в джунглях невозможно было собирать ягоды и цветы. В поисках пропитания приходилось лезть высоко на деревья только затем, чтобы выяснить, что обезьяны уже обобрали все мало-мальски съедобное и ничего не оставили своим бесхвостым родичам. Лив поняла, почему я отказался от «белых пятен» в Африке и Южной Америке: в джунглях все съедобное росло слишком высоко для нас.

Когда профессор Бонневи узнала, что я собираюсь на острова Тихого океана, она предложила мне пойти по следам Дарвина. Теория происхождения видов возникла у кумира моей матери на Галапагосских островах у побережья Южной Америки. Разбросанные на большом расстоянии друг от друга Полинезийские острова расположены еще дальше от континента. Некоторые из них поднялись над поверхностью Тихого океана в результате вулканической активности, другие выросли благодаря деятельности коралловых полипов, но у них у всех одно общее: в момент появления на них не было никакой жизни. Как же там появились растения и звери? Бонневи только что прочитала работу одного американского зоолога, изучавшего земляных улиток на Маркизских островах — на каждом острове, в зависимости от его высоты над уровнем океана, развились уникальные виды и подвиды.

Маркизские острова. Мы все пришли в восторг — мама, влюбленная в Дарвина и его теорию, моя руководительница и мы с

Лив. Мы просиживали часами напролет, вычеркивая из списка острова, уже испорченные цивилизацией, страдающие от нехватки питьевой воды или не подходящие по каким-либо другим причинам. Скоро нам стало ясно, насколько важны расчеты профессора Веренскойльда относительно «Больших колец» и воздействия вращения Земли на океанские течения и ветра.

Наш путь на Маркизские острова

Однако больше всего пригодились мне в дальнейшей жизни университетские вводные курсы по логике и философии, которые я прослушал в университете. Особенно мне нравилась философия древних греков. Мне по душе были Диоген с его бочкой и Сократ, любивший бродить по базару и радоваться, что на свете есть такое множество вещей, без которых он отлично обходится.

Простая логика подсказала мне, что плот из бальсового дерева может проплыть путь от Перу до Полинезии. Во-первых, ведущий специалист по флоре Маркизских островов ботаник Ф. Б. М. Браун выяснил, что несколько полезных южноамериканских растений, которые не могли самостоятельно преодолеть океанские просторы, уже росли там задолго до появления европейцев. Во-вторых, крупнейший эксперт по древнему мореплаванию доказал, что в те времена не существовало других судов, кроме плотов из бальсы. Следовательно:

бальсовый плот может совершить такое путешествие, хотя все — ни разу не попробовав — утверждали обратное.

— *Сам ты тогда плыть не собирался?*

— Даже мысли не возникало. Я и плавать-то еще не умел. В моих мечтах о будущем я всегда рассчитывал иметь твердую почву под ногами, пусть и босыми.

Летом, когда Лив уже настолько хорошо познакомилась с моей матерью, что я рискнул пригласить ее в Хорнсо, я предложил ей снять туфли и ходить по траве и жнивью босиком, как я. Я считал, что ступни наших ног должны стать твердыми и закаленными. Еще мы пробовали добыть огонь трением, правда безрезультатно. Во всем остальном я настолько хорошо подготовился, что даже читал в университете лекции о Маркизских островах.

Возможно, одним из первых счастливых совпадений в моей жизни стало то, что именно в Осло находилась знаменитая полинезийская библиотека Бьярне Крёпелина. Мои родители были знакомы с владельцем этого самого богатого в мире собрания литературы по Полинезии, преуспевающим винным импортером. Он разрешил мне читать драгоценные книги. В молодости Бьярне побывал на Таити и влюбился в Туимату, прекрасную дочь могущественного вождя Териероо. Последствия этого романа повлияли на мою жизнь сразу в двух аспектах. Во-первых, Бьярне начал собирать свою библиотеку, а во-вторых, через много лет Териероо объявил меня своим приемным сыном. Когда юный Крёпелин жил на Таити, там разразилась эпидемия испанки. Полинезийцы умирали, как мухи. Бьярне и Туимата помогали хоронить умерших, пока она сама не заразилась и не умерла. Бьярне не забывал ее до последних дней жизни. Он написал замечательную книгу о своей любви, которая заканчивалась словами: «Там, где лежит под могильной плитой Туимата, и мое сердце». Всю свою оставшуюся жизнь он собирал книги о Полинезии — переписывался с издателями и коллекционерами со всего мира и покупал все о Полинезии, невзирая на цену.

За годы студенческой жизни я провел в его библиотеке не меньше времени, чем в аудиториях университета.

Позже мне очень пригодились приобретенные в юности познания. Мои оппоненты во всем мире воспринимали меня просто как моряка, в чьих жилах течет кровь викингов, а антропологи не желали слушать

мнение зоолога о Древних мореходных судах. Прочитав все, что публиковалось вплоть до 30-х годов о первооткрывателях, миссионерах, мореплавателях и ученых, я мог достойно отстаивать свою точку зрения. Из года в год я пополнял библиотеку Крепелина, а после его смерти вся коллекция перешла в исследовательский отдел музея «Кон-Тики».

По своему географическому положению Полинезия идеально подходила под определение «рай на земле», хотя значительную часть ее населения выкосили эпидемии и заразные болезни, занесенные европейцами. Я знал, что восемьдесят процентов обитателей Маркизских островов вымерло от различных заболеваний, и поэтому мы имели все основания рассчитывать найти там достаточно диких плодов и ягод для пропитания.

Я прекрасно знал, что происхождение полинезийцев все еще оставалось покрытым завесой тайны, и никак не мог понять, почему антропологи упорно не желали замечать последних открытий ученых-ботаников. Сам я намеревался собирать все зоологические достопримечательности, какие только можно сохранить в глиняных горшках и стеклянных контейнерах. Вопрос о том, как полинезийцы попали в Полинезию, ни капельки меня не занимал. Гораздо больше нас волновало, как нам самим туда добраться. В тридцатые годы ни в одном туристическом агентстве Норвегии и слыхом не слыхивали ни о каких Маркизских островах. Все, чем они тогда занимались, сводилось к пароходным круизам вдоль побережья Скандинавии, эмиграции в Америку да изредка — к поездкам на острова Средиземного моря. Пассажирских авиарейсов тоже почти не было, а через океан — и подавно. Когда кто-нибудь из знакомых решал перебраться в Америку, остававшиеся прощались с ним навсегда.

Так мы и бились, как рыба об лед, пока в столичном Бюро путешествий «Беннетта» не связались с Парижем и не выяснили, что до расположенного в относительной близости от Маркизских островов Таити можно добраться французским пароходом, который раз в месяц отплывает из Марселя в Новую Каледонию. Еще можно было сесть на норвежский корабль, ежемесячно курсировавший между Сан-Франциско, Самоа и Таити. В конце концов, мы выбрали судно под названием «Морской курьер», совершавшее шестимесячное плавание через Атлантический океан и Панамский канал.

— *Это звучит вполне обыденно.*

— Ничего обыденного. Лив было двадцать лет, и она считалась еще несовершеннолетней, а все мои капиталы сводились к пятидесяти кронам в месяц, которые я получал от отца.

Помню — мы с Лив сидели в Театральном кафе в Осло и смотрели на толпы вечно озабоченных горожан, которые сновали туда-сюда в плащах и под зонтиками. Никто ни с кем не здоровался, никто никому не улыбался. Я заказал по стакану содовой с пирожным и принялся убеждать Лив, что родители поймут наше желание пожениться и уехать в Полинезию. Лив представила реакцию своего отца, и ей стало страшно и смешно одновременно. Тем не менее, мы выработали план действий, после чего я вытащил Казана из-под стола, проводил Лив до троллейбуса и отправился через парк домой обрабатывать маму.

Ее не пришлось долго убеждать. Профессора Бонневи и Брех подтвердили ей, что после семи семестров ни на одной лекции по зоологии я не услышу для себя ничего нового, а их авторитет был для нее беспрекословен. Кроме того, Брех согласился с Бонневи, что мне следует набрать на островах материал для диссертации о происхождении местных видов флоры и фауны. К Лив мама тоже относилась очень хорошо, к тому же она считала, что в край соблазнительных полуголых островитянок лучше ехать в сопровождении и под присмотром законной жены.

Согласия отца я добился с гораздо большим трудом. Источником его опасений были все те же знойные островитянки, но в отличие от матери он считал, что ехать туда с женой — то же, что везти снег на Северный полюс. Он соглашался рассматривать мою поездку как составную часть учебной программы и профинансировать ее, но со свадьбой я должен был подождать, пока не вернусь и не найду себе работу. Впервые в жизни я не мог переубедить отца. Он просто не желал слушать моих доводов.

Однако я знал, что больше всего на свете он хочет восстановить хорошие отношения с мамой. Она же до сих пор не желала его видеть. Тут-то и был мой шанс.

— А вот мама согласна, — бросил я невзначай.

Тогда я должен с ней поговорить, — немедленно отозвался он.

Предвидя его реакцию, я заранее подготовил почву и уговорил мать пригласить его на чашку кофе. В результате мои родители и я пришли к полному взаимопониманию. Это была лучшая чашка кофе в моей жизни.

Лив пришлось гораздо труднее. Ее родители жили в городке под названием Бревик, и она написала им красноречивое письмо. В письме говорилось, что она встретила парня из Ларвика по имени Тур, что они решили пожениться и уехать жить на Маркизские острова. Мать Лив, очень умная и добрая женщина, так описывала первую реакцию ее отца: кровь прилила к его щекам, он поднялся из своего уютного кресла и медленно подошел к книжному шкафу. В старой, конца прошлого века, энциклопедии он нашел под буквой «М» статью о Маркизских островах и зачитал вслух, что это — затерянный участок суши в Тихом океане, населенный дикарями и каннибалами.

Мой будущий тесть категорически отказался отпустить свою единственную дочь к дикарям и каннибалам и слег с сердечным приступом. Бесплодные дискуссии длились до тех пор, пока моя мама не уговорила отца съездить в Бревик. Там он пустил в ход все свое обаяние, и в итоге все сошлись во мнении, что наш план — само совершенство, тем более что медовый месяц оплачивает мой отец. Мы поженились под Рождество, и на следующий день после скромной церемонии наши родные попрощались с молодоженами, которых ждал поезд до Марселя, а далее — пароход до Таити.

Тогда мы думали, что едем в рай. Но к концу экспедиции мы пришли к выводу, что в рай невозможно купить билет. Путь туда пролегает через собственную душу человека и не стоит ни гроша. Весь мой опыт убеждает меня, что рай и ад расположены по соседству, и как далеко бы вы не забрались, вам всегда будет рукой подать и до того, и до другого. Правда, невозможно находиться и там, и там одновременно, но достаточно ненадолго остановиться, и за относительно короткое время вы испытаете и райское наслаждение, и муки ада.

**Мы с Лив на карнавале, который
устроили пассажиры “Комиссара Рамеля”.
Впереди - Таити, жемчужина Южных морей**

По билетам, купленным отцом в Норвегии, мы могли добраться только до Таити (Французская Океания). В тридцатых годах Таити оставался точно таким же, как тогда, когда Крепелин отдал свое сердце прекрасной Туимате. По узким улочкам столичного города Папезте, ни разу не видевшим автомобиля, сновали торговцы — китайцы со своими ручными тележками. Среди деревянных домов один носил гордое имя отеля — если сесть на кровати, можно было поверх стенки заглянуть в соседний номер. Регулярного сообщения с далекими Маркизскими островами не было и в помине, и приходилось ждать долгие недели, пока не подвернется попутная шхуна с грузом копры. На всем острове не было проложено ни одного шоссе, но зато до долины Палено ходил живописный автобус с местными девушками — «вахинес», словно сошедшими с полотен Гогена. Девушки перевозили живых кур и свиней, — на коленях хозяек или на крыше автобуса.

Мы втиснулись в автобус и доехали до Папено, где до сих пор жил Териероо, отец прекрасной Туиматы и самый могущественный из

семнадцати вождей острова. Этот колоритный персонаж, которого природа не обделила ни плотью, ни духом, происходил из знатного и древнего полинезийского рода. Мы привезли подарки от Бьярне Крёпелина, и нас приняли с распростертыми объятиями как членов семьи. В доме Териероо нам предстояло провести четыре недели, пока автобус не привез известие о том, что на Маркизы наконец-то отправляется шхуна. За этот месяц мы многое узнали. Целыми, днями мы оба расхаживали босиком, завернувшись в цветастые «парео». Лив почти всегда можно было найти в обществе Фауфау и других женщин вокруг кухонного очага, а я вместе с вождем и его сыновьями бродил по окрестным лесам и полям.

Главное, что со мной произошло на Таити, — я научился плавать. И это умение пришло ко мне помимо моей воли.

Я поскользнулся, упал в речку Папено, и меня подхватило течением. В какой-то момент я оказался в тихой заводи, но меня неудержимо несло к ревущей стремнине. Отчаянно сражаясь за свою жизнь, я как-то умудрился проплыть несколько метров и выбраться на берег. Мне так понравилось плавать, и это оказалось так легко, что я тут же нырнул в заводь еще раз.

Лазить на кокосовые пальмы оказалось гораздо труднее. Когда же одна из них мне все-таки покорила, на вершине ее я обнаружил гнездо шершней. Поскольку быстро спускаться я еще не умел, пришлось просто съехать вниз по шершавому стволу. Когда я, наконец, достигнул земли, почти вся моя кожа осталась на пальме, к тому же я был весь в огромных занозах, и Териероо, вооружившись щипцами, долго и мучительно их из меня извлекал.

Но вот, наконец, мы оказались на борту шхуны, отправлявшейся на Маркизы. Через несколько дней спасательная шлюпка доставила нас на остров, на котором не было ни белых людей, ни радио, ни вообще какой-либо связи с окружающим миром.

— Ты помнишь, о чем ты тогда думал?

— О том, что наша планета невероятно велика. Только путешествие на корабле заняло более двух месяцев. А на Таити мне рассказывали, что Маркизские острова настолько оторваны от цивилизации, что о начале Первой мировой войны 1914 года там узнали только после ее окончания в 1918-м — и это при том, что германские суда бомбардировали Папезте.

Прощание всегда несет в себе привкус горечи, и если бы мне не надо было подавать Лив пример мужества, я, возможно, не смог бы побороть слезы, глядя вслед удаляющейся шлюпке. Шхуна подняла паруса и вскоре скрылась за горизонтом, а мы остались на берегу совсем одни. «Может быть, я вернусь через год», — пообещал капитан Барндер. Наконец, мы отвели взгляд от океанской глади и обнаружили, что из-под сени кокосовых пальм на нас с любопытством смотрят несколько дюжин коричневых физиономий. И у них, и у нас было множество вопросов друг к другу, но мы не знали, на каком языке их задавать. Хорошо помню, что я подумал, глядя на усеянные плодами верхушки пальм: «Уж голодать-то нам здесь не придется».

Странно вспоминать все эти мелочи по прошествии стольких лет. Иногда мне кажется, что с тех пор я прожил не одну, а несколько жизней. Но с другой стороны, все это было словно вчера.

О чем это ты задумался? Разлегся, ручка и тетрадка на животе... раздался рядом со мной задорный голос. Я поднял взгляд, и мой аку-аку растворился в густой листве авокадо. Сквозь ветки на меня смотрело веселое лицо Жаклин.

— Я думал о Фату-Хива, — пояснил я. — О моей первой попытке найти рай.

— Но вы с Лив не нашли его на островах Южных морей. Ты же сам говорил, что искать его надо внутри себя, а на Земле ближе всего к раю — это возделанный твоими руками сад.

Все верно. Поэтому я хочу вспомнить не остров Фату-Хива и мои приключения на нем. Мне важнее понять, что же мне открылось после года жизни на полном пансионе в открытом всем ветрам и пустынном курорте посреди джунглей.

Жаклин не хотела мне мешать, ей только надо узнать, устроят ли меня сыр с зеленью на ужин. Едва она ушла, как аку-аку снова занял место около моего гамака.

— *Итак на Фату-Хива ты не нашел рая на земле даже несмотря на то, что он, по твоим собственным словам, самый прекрасный и плодородный остров во всем Тихом океане?*

— Мы видели рай, когда Фату-Хива появился посреди океанских просторов, словно гигантская корзина с цветами, и морской бриз донес до нас его волшебные ароматы. Мы ступали по райской земле, когда

шли от берега к буйному дикому саду под жарким тропическим солнцем.

Маленькие пушистые облачка, словно белые мирные овечки, прикорнули на склонах каменистых красных гор, протянувшихся через весь остров. Даже немного погода, когда в полдень смолкло волшебное пение птиц, когда под воздействием невыносимой жары образовались тяжелые темные тучи и прогнали утренних белых овечек, мы все еще оставались в раю и наслаждались журчанием протекавшего по долине ручья. Проходили недели, но нас по-прежнему переполняла любовь к природе, мы по-прежнему чувствовали себя как дома посреди диких джунглей. Мы ни на миг не ощущали себя одинокими, не тосковали по родине, хотя окружавшие нас пейзажи совершенно не походили на наши любимые сосновые леса. Плоды хлебного дерева, бананы, апельсины и папайя свисали прямо над нашими головами, и обезьяны не успели добраться до них раньше нас. Мы наслаждались плодами, завезенными с востока и запада людьми, преодолевшими огромные расстояния и мучительные болезни. Ведь до появления человека на островах Полинезии не росло ничего съедобного, кроме разве что орехов.

Если и есть рай на земле, то мы нашли его в долине Омоа, и никто не мешал нам поселиться там. Мы обнаружили высокую плиту из массивных каменных блоков — «паэ-паэ». Подобные конструкции виднелись в долине то там, то здесь. Когда-то на них ставили хижины из пальмовых листьев, чтобы их не заливало во время сезона дождей. Рядом с нашим «паэ-паэ» протекал ручей с холодной, кристально чистой водой. Ручей впадал в речушку, кишашую рыбой. Некогда здесь жила последняя королева острова — так утверждали ее соплеменники, пережившие свою властительницу и перебравшиеся в крошечную деревушку на берегу океана. На этой-то платформе мы и построили дом из бамбуковых стеблей под пальмовой крышей и с видом на этот рай. Мы поселились в своем райском саду.

Но в настоящем райском саду, скорее всего, не было москитов, если конечно не москиты изгнали из рая Адама и Еву. Когда начался сезон дождей, эти мерзкие насекомые выкурили нас из джунглей. До этого на протяжении многих недель мы бродили по своей долине нагие и босые. Единственными четвероногими зверьми были ящерицы и небольшие фруктовые крысы да еще кое-какие одичавшие домашние

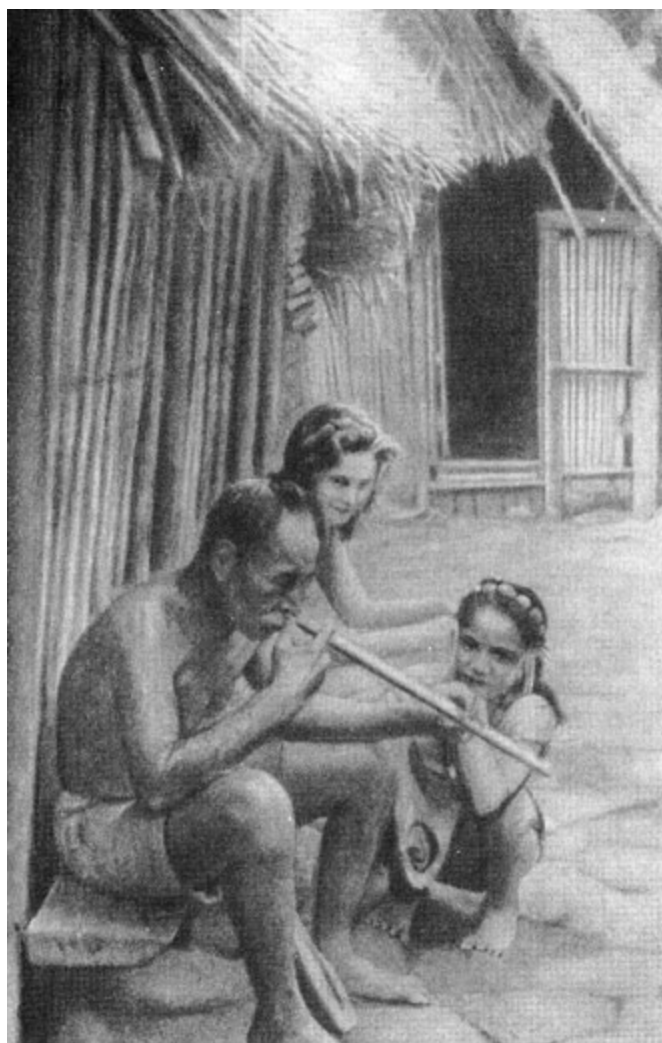
животные. Никаких змей. Семейство ядовитых насекомых представляли огромные жуки, жившие под камнями и никогда не проявлявшие агрессивных намерений — за исключением одного-единственного случая, когда пьяный и злобный туземец по прозвищу Наполеон спрятал несколько штук посреди банановых листьев, служивших нам постелью. Он рассчитывал, что Бог католических священников будет благодарен тому, кто избавит округу от двух протестантов.

Но начался сезон дождей, и с ним пришли полчища mosкитов. Это был конец рая. Мы чесались, скреблись и быстро сходили с ума. Вид Лив, с воплями и стонами катающейся по полу нашей бамбуковой хижины под толстым слоем mosкитов, окончательно убедил меня — наш рай превратился в ад. Я никогда не видел, чтобы она пугалась, не слышал от нее ни единого слова жалобы, но отсюда надо было бежать. В наши дни в раю на островах Южных морей можно выжить только при наличии противомоскитной сетки. Добрый сборщик копры из деревни выручил нас такой сеткой. Единственный полукровка среди островитян, он был сыном Греле, друга Поля Гогена, жившего на острове в начале века.

Но не только mosкиты выжили нас из рая. Мы знали, что рано или поздно не уберемся от филарии — ужасного червяка, вызывающего слоновью болезнь. В деревне у каждого десятого были либо руки толщиной с ляжку, либо ноги как колонны. Проказа тоже свирепствовала вдоль побережья, и, разумеется, ни о врачах, ни о больницах никто здесь и не слышал. Жизнь стала совершенно невыносимой, когда у Лив на ногах образовались огромные нарывы — по-местному «фе-фе», — которые лопались и превращались в незаживающие язвы. Мы бежали из джунглей и обосновались в прибрежной части долины Оуиа, с подветренной стороны острова, куда дувшие со стороны Южной Америки ветра приносили мелкие белые облака. Постоянный восточный ветер загнал насекомых обратно в леса, и на несколько чудесных недель мы снова вернулись в рай.

Занятно, но именно островитяне отговаривали нас переезжать на подветренную часть острова, потому что там круглый год бушевали волны и никто не рисковал выходить в океан на каноэ. Там жил только один человек — Теи Тетуа, последний представитель эпохи каннибалов.

— Вот бы твоему отцу это увидеть, — заметил я, когда мы с Лив преодолели горный хребет и спустились в долину Омоа. Навстречу нам бежал старик, абсолютно голый, если не считать набедренной повязки. Его лицо сияло от счастья встречи с людьми, и он обратился к нам с традиционным приветствием островитян: «Хамай те каикай» — «Заходите и поешьте». Но для Теи Тетуа это была не пустая фраза. Полинезец старой закалки, он единственный из всех обитателей острова жил так, словно за окном стоял не двадцатый век, а времена, когда Тихий океан еще не видел ни одного европейца. Кроме приемной дочери, двенадцатилетней Тахиа Момо, никто в целом свете не разделял его одиночества.

Теи играет носом на бамбуковой флейте. Лив и Момо зачарованы мелодией

То, что отец Лив прочитал о каннибализме на Маркизских островах, вовсе не являлось досужим вымыслом. Официально считалось, что каннибализм закончился в 1887 году, когда в долине Пуамао на острове Хива-Оа состоялось последнее кровавое пиршество. Последним человеком, про которого точно известно, что он был съеден, являлся некий шведский плотник, погибший в 1879 году. Теи Тетуа скромно поведал нам, что он попробовал человечинки всего-то однажды в жизни, да и то в раннем детстве, когда в соседней долине кого-то забили до смерти. А вот его отец, Ута, был настоящим каннибалом. Он не только соблюдал ритуал обрядного поедания павшего противника, но и вообще предпочитал человеческое мясо свинине.

Волосатые свинки вольготно хрюкали и копались в земле долины, где Теи Тетуа со своими собаками и веревочным лассо был единственным охотником. Трудно себе вообразить свинину лучше той, которой угощал нас старик, — с гарниром из плодов хлебного дерева, запеченных в банановых листьях. Он помог нам построить хижину в форме птичьего гнезда из трех стен. Чтобы избежать ночного нашествия диких свиней, хижина возвышалась над землей на высоких шестах.

С тех пор нам больше не пришлось готовить еду. Все, что нам было нужно, ежедневно приносила прелестная маленькая полинезийская девушка Тахиа Момо на подносе из огромных листьев таро. Ей не приходилось далеко ходить — ДОМ Теи находился в двух шагах от нашего жилища. Еды было в изобилии, и гораздо более разнообразной, чем в джунглях, откуда все перебрались на побережье еще в прошлом веке. Еще Теи Тетуа держал цыплят, а на окружавших долину холмах росли замечательные помидоры и ананасы. Ботаник Ф. Б. М. Браун пришел к заключению, что их занесли на острова пришельцы из Южной Америки во времена, когда европейцы не подозревали о существовании островов в Тихом океане.

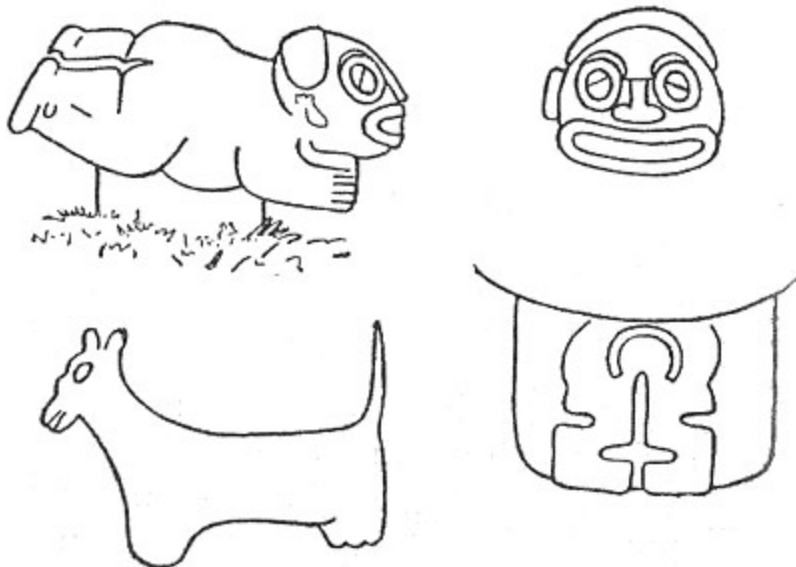
Океан. Восемь тысяч километров гнал он свои могучие волны от берегов Южной Америки, чтобы наконец с грохотом обрушить их на наш остров. Круглые отполированные водой камни безостановочно крутились и стучались друг о друга в струях, набегавших и скатывавшихся с берега волн, сливаясь в удивительную симфонию звуков. В углублениях окружавших долину скал скапливались

небольшие озера соленой морской воды, и в них ни на миг не затихала жизнь. Крабы и рыбки ползали и плавали посреди моллюсков, анемонов и водорослей. После джунглей океан показался нам гораздо более добрым приемным родителем.

К счастью, на земле немало хороших и дружелюбных людей, и со многими из них я знаком. Но мне не встречался никто добрее и щедрее, чем этот бывший людоед. Порой, сидя на корточках и вгрызаясь в сочную кость, мы чувствовали, как у нас мороз пробежал по коже от его рассказов о другой жизни и о другом мире. Он вспоминал, как его папаша Ута брал в руки богато украшенную резьбой дубинку — ныне ценный музейный экспонат — и отправлялся отомстить врагам из Ханативы или шел пешком в далекую долину Омоа, единственное место, где у Теи оставались родственники.

Теи Тетуа не был еретиком. В один прекрасный день священник из католической миссии в Хива-Оа спустился с гор и обратил всех островитян в христианство. С тех пор Теи знал, что Тики по-французски будет «Дьё», «Бог», а когда он выкопал себе могилу рядом с хижинкой, то на всякий случай положил рядом с ней крест. Если в смертный час ему не хватит сил, чтобы самому спуститься в могилу, ему поможет маленькая Тахиа Момо.

Он твердо помнил рассказы предков о первых людях, явившихся из-за океана. Их возглавлял Тики, и пришли они с востока, из Те-Фити, где встает солнце. Из книг Крёпелина я уже знал, что немецкий этнограф Карл фон ден Штейнен много лет назад записал предание туземцев с Маркизских островов о большой стране Фити-Нуи в краю, где восходит солнце. Американский этнолог Ханди, посетивший Хива-Оа годы спустя, слышал от стариков, что их предки пришли из огромной страны на востоке под названием Те-Фити. Ханди так удивился, что островитяне помещали свою прародину в район Южной Америки, что даже переспросил еще раз. И ему снова подтвердили, что до земли предков можно доплыть, если держать курс на «те тихена оумати» — «туда, где встает солнце».

Лежащий бог-великан (сверху)
и рисунок на колонне (снизу) -
древние памятники
с Маркизских островов

То же утверждал и Теи Тетуа. Мы сидели на краю леса, наслаждаясь отсутствием москитов, и смотрели туда, где по утрам над океаном поднималось солнце. Ночной ветер гнал по небу маленькие белые облачка. Теи пересказывал нам легенды, заученные в юности, и было ясно, что он хорошо выучил свои уроки, хотя не написал в жизни ни слова. Он не читал трудов по ботанике, но рассказывал то, о чем я знал из ученых книг. Он прекрасно знал, что дикий ананас и маленькие помидоры были завезены на остров его предками — он звал их «эната», «люди», в отличие от чужеземцев. Даже молодежь из долины Омоа знала о происхождении этих вкусных плодов. Сейчас на острове росло два вида ананасов («фаа хока»), но только один звался «эната» и считался настоящим. Другой, «оаху», сравнительно недавно посадили миссионеры с Гавайских островов.

Еще на острове было два вида американской папайи. Та, что крупнее, звалась «ви оаху», более мелкая — «ви эната». Вообще слово «эната» неизменно входило в название тех растений, которые были завезены из Южной Америки до прихода европейцев.

Именно благодаря Теи Тетуа я понял, что устная традиция является богатейшим источником бесценной информации, которую

часто сбрасывают со счетов, как «сказки», «легенды» и «мифы». В Полинезии легенды заслуживают не меньшего доверия, чем записанные на бумаге повествования средневековых историков.

— *Что нового ты понял о своем мире, увидев его глазами Теи Тетуа?*

— Я понял, что мы обманываем сами себя, считая себя более сложными, чем так называемые «примитивные народы». Мы отказываемся признать, что изменился лишь антураж, а мы сами не стали ни лучше, ни хуже, чем столетия назад. Поколения за поколениями рождаются на свет точно такими же, как Адам и Ева. Хромосомы Каина и брата его Авеля до сих пор живут в каждом из нас.

Мы убеждаем себя и окружающих, что в искусстве убивать себе подобных мы достигли невиданного прогресса. В прошлом веке на всех островах Полинезии миссионеры без устали твердили, что нельзя бить человека дубинкой по голове только за то, что он тебе не нравится. Но прошло всего несколько десятков лет, и мы вернулись в военной форме и сказали, что, надев ее, убивать можно сколько угодно — лишь бы на убитых была униформа другого образца.

Нам было непросто объяснить, что дальнобойные орудия позволяют убивать, не видя своих жертв, и что так гораздо лучше. Великий воин и вождь, отец Теи Тетуа, всегда знал, с кем он сходил в смертельной схватке.

Антропологи утверждали, что причиной межплеменных войн на Маркизских островах являлось их перенаселенность, и рассказы Теи Тетуа только подтверждали этот вывод. Он нисколько не удивился, когда я сказал, что опасаясь новой мировой войны, поскольку после первой выросло уже целое поколение. Наш друг из долины Оуиа считал такое положение вещей совершенно естественным. Он также делал свои, совершенно оригинальные выводы из моих рассказов о жизни в больших городах, вроде Лондона и Нью-Йорка.

Мы размножаемся так быстро, что наши леса исчезают; нас так много, что мы строим дома стена к стене, а потом начинаем громоздить их один на другой.

Я рассказывал, что, хотя мы не едим людей, мы питаемся коровами, курами и животными, которых находим вкусными. Впрочем, мы предпочитаем, чтобы животных и рыб убивал кто-нибудь другой.

Это очень удивило Теи. По его мнению, глупо отказывать себе в удовольствии самому порыбачить, и еще глупее потом менять полезные вещи на рыбу, пойманную другими. Наш друг ничего не знал о таких понятиях, как деньги и цена, а я не стал усложнять наш разговор рассказами о магазинах и посредниках.

Теи Тетуа согласился с тем, что каннибализм — плохо. Но затем и я, в свою очередь, неприятно поразил его. Теи спросил, что мы делаем с телами погибших на войне.

— Хороним, — ответил я.

— Как, просто зарываете в землю?!

По лицу старика было видно, что я его очень сильно разочаровал.

У подножия лестницы Иакова

— *От межплеменных войн к всемирной войне — вы это называете прогрессом?*

На сей раз аку-аку заглянул ко мне в кабинет, где я просматривал старые заметки, чтобы освежить в памяти дела минувших дней. Давно я не листал эти записи и не вспоминал о событиях, им предшествовавших!

Судьба выкинула странный фортель. Мы оставили цивилизацию, чтобы убежать от неизбежности новой мировой войны, но жизнь среди мирных туземцев оказалась настолько отравленной москитами и опасностью всевозможных инфекций, что мы вернулись в двадцатый век — как раз под те самые бомбы, от которых рассчитывали ускользнуть.

Всего лишь через год после нашего возвращения с Фату-Хива норвежские газеты оповестили о вторжении немецких танков на территорию Польши. Тех самых танков, о которых говорили, что после их изобретения война становится бессмысленной. Увы, совершенное оружие не гарантирует мира.

Мы купили замечательную бревенчатую избушку высоко в горах неподалеку от Лиллехаммера и жили там круглый год. Из избушки открывался замечательный вид на озеро Мьёса, на раскинувшийся на берегу город и на почти непроходимый сосновый лес, который поднимался в горы, постепенно переходя в заросли кустарника и альпийские луга.

Я устроил себе кабинет в маленькой пристройке, отделенной панельной стенкой от дровяного склада и туалета. В моей душе царил абсолютный покой. Ежечасно я благодарил судьбу за полученное образование. На хлеб я зарабатывал тем, что писал книгу и читал лекции о своей попытке вернуться в первозданный рай.

Но кроме этого я напряженно работал над научным трудом. Полки моего кабинета ломались от выписок из библиотеки Крёпелина, и я забросил биологию ради антропологии Полинезии. Рукопись все больше разбухала от цитат и ссылок. Я назвал ее «Полинезия и Америка».

Моя работа принципиально отличалась от научных трудов того времени. Я пытался решить загадку Полинезии, словно писал детективный роман. Представители самых разных наук уже собрали множество фактов, а я поставил своей целью собрать разрозненные сведения в единое целое. Этот метод нарушал все существующие правила, но он давал отличные результаты.

В те времена все ученые признавали, что Полинезия испытала по крайней мере две волны миграции, причем последняя случилась буквально перед самым приходом европейцев; жители островов, отстоящих на тысячи километров друг от друга, по-прежнему еще говорили на одном языке. Однако, поскольку каждый исследователь изучал тайну Полинезии под углом своей научной специальности, все они приходили к диаметрально противоположным выводам. Согласие царило только среди филологов, доказавших, что полинезийцы имели общие языковые корни с жителями Малайзии, хотя и принадлежали к совершенно другой расе и культуре.

Но пути их миграции все еще скрывались под покровом тайны. Малайзийцы и полинезийцы жили на противоположных концах необъятного Тихого океана, к тому же между ними барьером в четыре тысячи километров лежала Меланезия с ее негроидным населением. И нигде на огромном пространстве между Полинезией и Малайзией — ни единого следа великого переселения. Все это было очень странно, поскольку полинезийцы достигли конечной точки своего маршрута во времена европейских средних веков. Их культура носила ярко выраженные черты классического каменного века. Следовательно, они покинули прибрежные районы Азии до окончания каменного века на этом континенте, то есть между вторым и третьим тысячелетием до Рождества Христова. Вопрос: где они скитались все это время?

Не один ученый ломал голову над главной загадкой полинезийцев. Их далекие предки вышли в открытый океан в районе Филиппин примерно в третьем тысячелетии до нашей эры и где-то пропадали целых четыре тысячи лет. Где?

Существовало две основные теории. Одни считали, что переселенцы так быстро преодолели острова Меланезии и Микронезии, что не успели оставить там никаких следов. С хронологической точки зрения эта гипотеза не выдерживала никакой критики. По второй версии, они путешествовали против ветра тысячи

лет, от одного острова к другому, и в ходе миграции под влиянием процесса «микроэволюции» из малайзийцев превратились в полинезийцев. Но и здесь было больше вопросов, чем ответов.

Ученое противостояние как раз достигло своего апогея в то время, когда я отправился на Маркизские острова, чтобы увидеть Полинезию глазами биолога и географа и сопоставить увиденное с прочитанным ранее. Самым авторитетным экспертом по Полинезии был тогда новозеландец сэр Питер Бак. Он поддерживал тех, кто считал, будто волна миграции шла через Меланезию, но только потому, что она уж точно не могла идти через Микронезию. Другой светоч науки, французский этнолог доктор Метро, исследовал состав крови у разных племен и утверждал, что любая попытка разместить прародину полинезийцев в Меланезии «является преступлением против истины».

Я не видел абсолютно никакого смысла в этих спорах. Ни Меланезия, ни Микронезия не могли служить непреодолимым препятствием. Земля круглая, а филиппинское течение проходит севернее этих островов и, минуя Британскую Колумбию, упирается в Гавайские острова.

Британская Колумбия. Никто даже не предполагал, что полинезийцы могли сделать остановку так далеко на севере. А ведь теплое океанское течение, проходящее мимо берегов Японии и омывающее острова у берегов Британской Колумбии, создает там такой климат, что можно круглый год ходить босиком, находясь на одной широте с Гудзоновым заливом и Лабрадором. Проведя год в Полинезии, теперь я должен был найти способ посетить эти американские острова. Никто из ученых не обратил на них внимания, несмотря на то, что они располагались как раз посередине пути возможной миграции, а население их, придя из Азии во времена каменного века, так и жило в каменном веке до появления европейцев.

Грузовые корабли судоходной компании Фреда Ольсена ходили и в Британскую Колумбию. Мои родители знали Фреда, а его сын Томас одним из первых узнал мою теорию. Сам я считал, что решение полинезийской проблемы просто лежит на поверхности, и ужасно боялся, что кто-нибудь украдет мое открытие прежде, чем я его опубликую. Томас Ольсен проникся моей идеей, и мы с Лив и годовалым Тором получили билеты до Ванкувера за совершенно символическую плату.

Лив, Казан Второй и я

Мы еще находились в Норвегии, когда пришло известие о начале войны между Англией и Германией. Из-за этого нашему кораблю пришлось огибать Шотландию с севера, чтобы избежать возможной встречи с немецкими подлодками в проливе Ла-Манш. Ужасы межплеменных стычек в Полинезии померкли по сравнению с тем, что происходило в Европе.

В Британской Колумбии и моя семья, и моя теория встретили исключительно теплый прием — сперва в университете стремительно растущего Ванкувера, а затем и в идиллическом городке Виктория на острове Ванкувер, где находился Музей провинции. Антропологический факультет университета пока еще оставался только на бумаге, но я познакомился с замечательным специалистом по

языкам северо-западных индейцев, профессором Хилл-Гоутом. Дружелюбный пожилой ученый вместе с коллегой из Оттавы в свое время написал две статьи о значительных различиях в языках племен, обитающих вдоль побережья Британской Колумбии, труднообъяснимых различиях ввиду очевидного сходства их культур и антропологических черт. Самое странное, на что независимо друг от друга обратили внимание оба исследователя, это то, что в языке некоторых племен прослеживалось полустертое временем, но вполне отчетливое влияние полинезийских и малайзийских диалектов.

Престарелый профессор не испытывал в этом никаких сомнений. Он допускал, что полинезийские каноэ могли в далеком прошлом добраться до Британской Колумбии. Но теперь ему стало ясно, что отсюда они с точно таким же успехом могли доплыть и до Гавайских островов. Незадолго до этого некий капитан Восс вышел из Ванкувера в океан на похожем каноэ, миновал Гавайи и, попав в зону действия северо-восточных ветров, достиг земель маори в Новой Зеландии.

Неплохое начало нашей поездки получило еще лучшее продолжение в музее столицы провинции. Этнографические и археологические находки со всего побережья хранились в картонных коробках в подвале здания, но у директора имелись ключи, а сам он был ученым-зоологом.

Как коллеге по науке, а также благодаря тому, что я подарил музею несколько заспиртованных фруктовых крыс с Маркизских островов, мне выделили для работы уголок просторного директорского стола и разрешили пользоваться замечательной библиотекой.

Сидя в кабинете директора и жадно поглощая новые для себя факты, я чувствовал себя, как в раю. Исследователи Полинезии никогда не обращали своих взоров в сторону островов, разбросанных вдоль побережья Британской Колумбии. Их интересовали исключительно острова Южных морей. Они просто упустили из виду, что Земля имеет форму шара, а двухмерные карты искажают реальное расстояние между объектами. Непредвзятому же сознанию сразу становится ясно, что острова Британской Колумбии лежат вовсе не на отшибе, но, наоборот, являются частью весьма рационально проложенного морского пути.

Именно в результате работы в музее мне со всей очевидностью открылся тот факт, что, начиная еще с капитанов Кука и Ванкувера и

вплоть до двадцатого века, многие наблюдатели отмечали удивительное культурологическое и антропологическое сходство между индейцами северо-запада Америки и населением Полинезии.

То, что другие отмечали не покидая пределов Полинезии, я увидел своими собственными глазами, когда, оставив город, вместе с семьей поселился среди индейцев племен Белла Кула.

Местная пресса много и доброжелательно писала о моей научной теории, и как-то раз один журналист разыскал меня даже в долине Белла Кула. Я как раз занимался тем, что очищал ото мха и других наслоений древние наскальные рисунки на скалах вдоль реки, и моим глазам представляли лица богов с концентрическими кругами вместо глаз — точно такие же, как на Фату-Хива. Еще мы во множестве находили необычной формы каменные топоры и колотушки для отбивания коры, знакомые нам по Маркизским островам, а среди местных жителей каждый день встречали лица, живо напоминавшие нам о нашем приемном отце Териероо и добром приятеле Теи Тетуа.

Наконец на мою гипотезу откликнулась солидная «Нью-Йорк Таймс». Впрочем, рядом был помещен комментарий госпожи Маргарет Мид, специалиста по полинезийской антропологии, незадолго до этого прославившейся на весь мир благодаря своей книге о любовных обычаях на Самоа. Она опровергала мою теорию и предполагала, что я, скорее всего, нашел лишь предметы, случайно оставленные экспедицией капитана Кука. Я не стал отвечать, что с трудом представляю себе такую картину: капитан Кук карабкается на скалу и копирует полинезийские наскальные рисунки. В то время происходили более важные события и в моей жизни, и в жизни всего человечества.

Через много лет после войны я встретился в Осло с Маргарет Мид, моим первым ученым оппонентом. К счастью, нам пришлось констатировать, что мы оба делали свою научную карьеру в совершенно разных областях. Маргарет согласилась, что о наскальных рисунках в Британской Колумбии она знает ничуть не больше, чем я о любовных обычаях на Самоа.

А тем временем произошло событие, полностью изменившее нашу с Лив жизнь. Я отправился на медвежью охоту с индейцем-полукровкой Клейтоном Маком, позже написавшим знаменитую книгу «О медведях гризли и о белых парнях» — там есть и рассказ о нашем с

ним приключении. Все кончилось тем, что Клейтон ранил медведя, а тот принялся гонять меня кругами вокруг дерева. Клейтон добил зверя, а тот, умирая, так душераздирающе закричал, что это отбило у меня тягу к охоте на всю оставшуюся жизнь. Затем мы отбуксировали медвежью тушу на каноэ, и когда достигли длинного и узкого залива Белла Кула, кто-то окликнул меня с берега:

— А Норвегия капитулировала!

Я сложил ладони рупором и крикнул в ответ:

— Перед кем?

У меня в голове не укладывалось, чтобы кто-то мог напасть на нейтральную Норвегию, не воевавшую со времен викингов. В глазах обывателей всего мира Гитлер оставался скорее комической фигурой, а США еще не вступили в войну. Уже через неделю мы с Лив и маленьким сынишкой поднялись на борт корабля, совершавшего прибрежный рейс. Я собирался вернуться в Ванкувер и, как полагается военнообязанному, явиться для получения указаний в консульство Норвегии.

Мы возвращаемся с охоты на медведя с Клейтоном Маком (после этого я дал себе клятву никогда не охотиться). Белла Кула (1940)

Вообще-то в консульстве меня ждал довольно холодный прием.

Консул по фамилии фон Штальшмидт сообщил мне, с явным немецким акцентом, что Германия и Норвегия остаются добрыми друзьями и что мне лучше вернуться к моим индейцам и спокойно ждать окончания войны.

Я приехал в Канаду по студенческой визе и с обратным билетом в кармане, но сейчас и то, и другое превратились в бесполезные

бумажки. К тому же денег у нас оставалось всего на несколько дней, а Лив ждала второго ребенка. Положение складывалось хуже некуда.

Вдобавок некий американский журналист, которого интервенция застала в Осло, написал абсолютно лживую статью, будто бы норвежцы приветствовали завоевателей. Статью опубликовали как в Америке, так и в Канаде. И уж разумеется, немцы ни словом не обмолвились о том, что норвежцы пустили ко дну крупнейший корабль германского ВМФ, «Блюхер», с тысячью человек на борту, а также о сражениях, которые продолжались на севере Норвегии еще много недель после капитуляции.

Насколько доброжелательно нас встречали по приезде из Норвегии, настолько все от нас отвернулось теперь. Мы даже боялись разговаривать на родном языке в общественных местах. Понадобилось больше года, чтобы неприязнь к моей стране постепенно уступила место уважению. Когда США, наконец, вступили в войну, президент Рузвельт произнес речь, в которой отметил, что Германия могла бы выиграть Битву за Европу, если бы норвежцы не увели от нее и не передали союзникам свой торговый флот, третий по численности в мире.

Вообще, жизнь открылась нам своей мрачной стороной. Нам пришлось выехать из отеля и перебраться в дешевую комнатуху с видом на задворки портовых зданий. Вся обстановка состояла из газовой лампы, колченогой кровати, стола, стула да видавшей виды колыбельки для маленького Гора. Окно без занавески выходило на большой угольный склад, освещенный одним-единственным фонарем. Хозяйка нам досталась не лучше комнаты — вредная, подозрительная и крикливая, и ее характер отнюдь не улучшился, когда она узнала, что мы из Норвегии.

Никто не мог сказать, сколько продлится война. Мне предстояло найти какую-нибудь временную работу. Каждый день у дверей бюро по трудоустройству выстраивалась длинная очередь. Я долго присматривался к ее завсегдатаям, а затем отпустил щетину, надел потрепанную кепку и встал в самый хвост. Сотрудники бюро интересовались у каждого его специальностью, и почти все называли себя плотниками или сантехниками — независимо от того, держали ли они хоть раз в жизни в руках пилу или гаечный ключ. Когда подошел мой черед, я отрекомендовался зоологом. Никто не знал, что это такое.

Тогда я добавил: и этнолог. Тоже не помогло. В конце концов, меня спросили, умею ли я возить тачку. Я гордо отрекомендовался мастером этого дела, но работу все равно не получил. Дело в том, что я приехал в Америку по студенческой визе и не имел права на трудоустройство.

Дни шли и складывались в недели. Наши финансы таяли с угрожающей быстротой — мы уже получили наличные по последнему чеку, а Лив к тому же ждала второго ребенка. Нам приходилось экономить каждый кусок хлеба. Только тогда я осознал, как мне повезло родиться в той среде, где ежедневные завтрак, обед и ужин считались чем-то само собой разумеющимся.

На Фату-Хива во время сезона дождей нам доводилось оставаться без продуктов, но тем не менее в ручье всегда копошились раки, а с пальм время от времени падали кокосовые орехи. Здесь нас окружали только асфальт, закрытые окна да запертые двери. Только тот, кто испытал подобное, может понять чувства голодного человека, у которого дома сидят не менее голодные жена и ребенок, когда он смотрит на витрину ресторана и видит медленно вращающегося на вертеле золотистого цыпленка и вдыхает восхитительный аромат пищи всякий раз, когда открывается дверь, выпуская сытых посетителей и впуская новую порцию счастливцев.

Когда такой человек становится революционером, в основе его решения лежит вовсе не политика. Сытые люди не бунтуют.

И я тоже не мог отогнать от себя мысли о социальном несовершенстве мира. Почему я должен стоять здесь, без копейки, чтобы заплатить за жилье, смотреть на роскошные витрины магазинов и знать, что не смогу побаловать чем-нибудь вкусненьким моих дорогих Лив и Тора. И я был не одинок. Тысячи и миллионы людей, фактически половина обитателей Земли, страдали так же, как я, если не больше. Благополучные счастливицы любят порассуждать об истощении ресурсов и перенаселении планеты и предрекают грядущую катастрофу. Но для многих и многих катастрофа уже давно наступила, только они не могут читать и писать и никто не слышит их стоны.

Однажды, остановившись перед хлебной лавкой, я вдруг понял, что само существование моей маленькой семьи находится под угрозой.

Лив вела себя исключительно мужественно, точно так же, как на Фату-Хива. Ни одной жалобы, ни одного резкого слова. Я же часами

расхаживал взад и вперед по комнате, то кипя от ярости, то впадая в пучину отчаяния. А затем наступил самый тяжелый день. Это было воскресенье. Завтра предстояло платить за жилье. Из денег оставалось всего несколько жалких грошей. Тридцать центов. Я мерил комнату шагами, как тигр в клетке. Лив встала, ничего не говоря, вышла на улицу и на последние деньги купила три сладкие булочки. Вместе с маленьким Тором мы отправились погреться на солнышке и сели на скамейку в парке Стэнли, глядя на каноэ, которое проделало путь отсюда и до самой Новой Зеландии. К черту мою замечательную теорию! Старый тотем, установленный рядом с каноэ, гораздо больше соответствовал нашему настроению. Гротескные фигуры карабкались вверх по шесту, а венчал его победитель, обладатель длинных когтей и хищных клыков. Я был готов упасть перед ним ниц и просить о помощи все силы рая и ада, где бы они ни находились, в небесной вышине, в подземных глубинах или в самых дальних тайниках моей собственной души.

Возможно, то, что произошло потом, было просто случайностью. Но и в последующие годы, в самые критические моменты, со мной происходили подобные случайности, поэтому я считаю, что на них всегда стоит надеяться и рассчитывать.

Когда на следующее утро хозяйка постучала в нашу дверь, у нас не осталось ни цента. Не было ни выхода, ни времени, ни надежды. Мы проиграли.

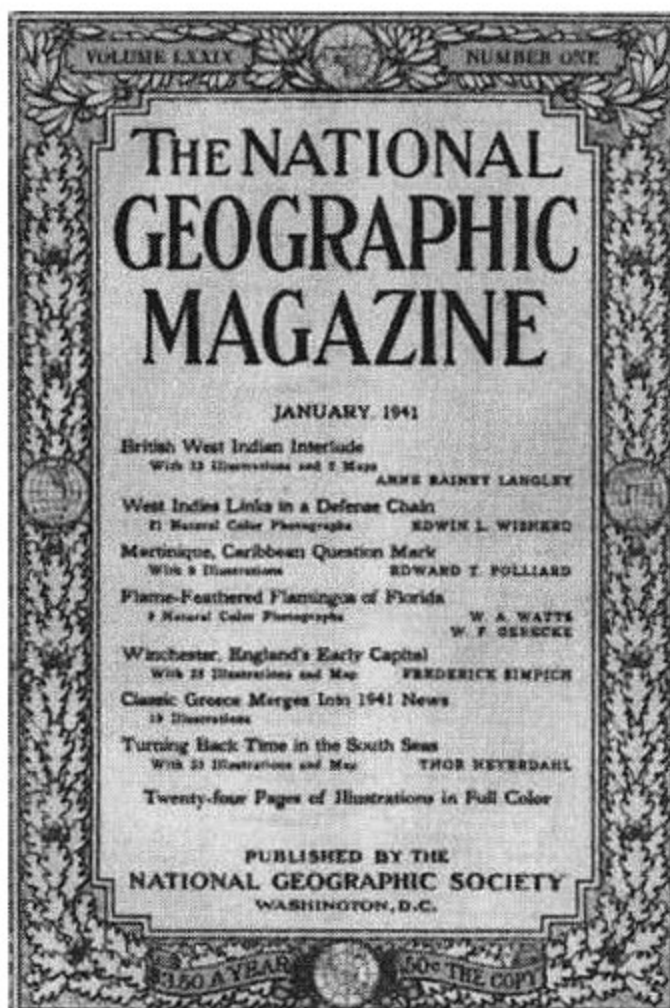
Помимо счета за жилье, у нее в руках было письмо. Письмо от судоходной компании Фреда Ольсена, доставленное нам стараниями представителя компании в Ванкувере.

Судовладелец Фред Ольсен с семьей сумел вырваться из оккупированной Норвегии. Все его суда теперь были приписаны к конвоям союзников. Из своего нового офиса в Лондоне Ольсен послал телеграмму, что его агент должен найти всех пассажиров компании, застрявших в Ванкувере без малейших шансов вырваться оттуда. К тому же, мне полагался заем на сумму, необходимую, чтобы дожить до окончания войны.

Мне казалось, что я вижу чудесный сон. Жизнь продолжалась! Радость и благодарность переполняли меня, но я не хотел быть неблагодарным и попросил всего пятьдесят долларов в месяц. Даже в те времена это была весьма скромная сумма, но мы уже убедились на

собственном опыте, что доллар состоит из ста центов. А три сладкие булочки мы купили на последние тридцать.

С новыми силами я сел за работу и вскоре закончил две статьи на английском языке. Одну, строго научную, я послал в «Интернэшнл Сайенс», вторую, научно-популярную, — в «Нэшнл Джиографик». Обе были приняты, а из «Нэшнл Джиографик» мне пришел чек на двести долларов. Вскоре после этого Лив положили в родильный дом, и деньги оченьгодились для нее и для новорожденного Бьёрна. Между собой мы прозвали его Бамсе в честь медвежонка, которого мы как-то видели в долине Белла Кула, когда он карабкался на дерево с маргариткой в зубах.

Моя первая публикация
в американском журнале
“Нэшнл Джиографик” (январь, 1941)

Впрочем, беззаботная жизнь в долине Белла Кула осталась в прошлом. Начинаясь другая, совсем непохожая. Из Оттавы мне пришло разрешение на работу, и благодаря отцу одного знакомого студента из Норвегии у меня появились и работа, и гарант. Господин Роберт Лепсо занимал должность инженера на крупной фабрике в Скалистых горах. До него уродливые заводские корпуса отравляли дымом всю округу, погубив леса и поля до самой американской границы.

Лепсо установил на фабрике систему очистки, и теперь большая часть серы не улетала в небеса, а оказывалась в железнодорожных вагонах и превратилась в солидный источник дохода. Благодаря его протекции меня взяли на фабрику разнорабочим — вот тогда-то я действительно научился катать тачку. В бригаде нас собралось семнадцать человек, и, кажется, мы говорили на семнадцати разных языках. Мы работали ежедневно, и скучать нам не приходилось, потому что каждый день нас ждало новое задание, в то время как все остальные монотонно трудились на конвейере. В первый день меня послали на погрузку мешков с цементом. Я поискал взглядом тележку, но оказалось, что их надо таскать на себе. Когда гигант-поляк взвалил мне на плечи первый мешок, я чуть не упал. Хуже всего было ковылять по узкой доске, ведущей в вагон, в то время как все остальные гоготали и издевались над зеленым новичком. К концу дня я едва мог стоять на ногах, а все тело болело так, что я едва сумел раздеться.

Назавтра мне не пришлось таскать мешки. Для цемента нашлись большие емкости.

— Иди-ка сюда, Мак, — крикнул бригадир. — Для тебя есть работенка получше.

Я вежливо объяснил, что меня зовут не Мак, а Тур.

— Мне наплевать, как тебя зовут, — ответил он. — Для меня ты Мак.

«Работенка получше» заключалась в том, чтобы забрасывать цемент в огромный вращающийся барабан. Мы выстроились вереницей, и каждому в тележку высыпали по мешку цемента. Весь фокус заключался в том, чтобы, не отставая от предыдущего и не мешая последующему, подняться по узкой доске к жерлу барабана, высыпать туда содержимое тачки и налегке вернуться за новой порцией. Двигаться надо было в едином ритме и с такой скоростью,

что пот заливал глаза, а напряжение хотелось сорвать на ком-нибудь. Несколько раз я делал шаг назад, чтобы разогнать тачку и подняться наверх по доске, и каждый раз сзади неслась ругань, что я сбиваю всех с ритма. После полудюжины кругов я так устал, что оступился и высыпал на землю все, что было в тачке. Бригадир с воплями бросился ко мне, но тут как раз объявили перекур — на этой работе он полагался каждые пятнадцать минут. Пока остальные затягивались вонючими сигаретами, я быстро убрал следы своей оплошности и растянулся во весь рост, наслаждаясь мгновениями отдыха.

Но зато я никогда не ел с таким аппетитом, как в те дни.

Всем известно, что голод — лучший повар. Но услуги этого повара невозможно купить.

Как любой обеспеченный человек, я люблю устроиться поудобнее и наслаждаться какими-нибудь деликатесами, вроде устриц или икры, запивая их бокалом шампанского или просто сухого мартини. Но ничто не сотрет в моей памяти восхитительные обеды в «Консолидированной рудодобывающей и рудоплавильной компании», когда мы падали на кирпичи и доставали бутерброды с маслом и сыром и бутылку холодного шоколадного молока.

Физическая работа тяжело дается тем, кто использует свою мускульную силу от случая к случаю. На третий день я почувствовал себя значительно лучше. У меня появилась уверенность в себе, и я стал меньше уставать. Но это приятное состояние длилось недолго. Бригадир направил меня и еще одного парня на менее тяжелую работу. Какой-то всезнайка шепнул, что нас, скорее всего, пошлют чистить какие-то огромные баки — адская процедура, которую делают раз в пять лет.

Нам выдали скребки на длинных ручках и высокие резиновые сапоги, доходившие до паха. Прежде чем спуститься внутрь, нас предупредили, чтобы мы ни в коем случае не потеряли равновесие. На дне бака скопилась серная кислота. Стоило нам поскользнуться и упасть, как кислота в мановение ока проела бы и одежду, и кожу, и плоть.

Когда я спустился в темное чрево бака, то прежде чем отпустить лестницу, я потрогал дно ногой. Его покрывал толстый слой слизи, скользкой, как мыло. Со всей осторожностью мы сделали первые шаги, в то время как бригадир, свесившись в горловину бака,

выкрикивал команды. Впрочем, из-за эха мы не могли разобрать ни слова. Однако мы поняли, что кислотные отложения надо выгребать через отверстие в дальнем углу бака. То была жуткая работа. Широко расставив ноги, мы медленно скользили по направлению к отверстию, скребками гоня перед собой отвратительную субстанцию и одновременно опираясь на них для равновесия. Стоило нажать на ручку чуть сильнее, как нас тут же отбрасывало назад, а потеря равновесия означала падение в смертельную жижу. Порой мне начинало казаться, что я по недоразумению попал в котелок к гигантским людоедам.

Потом меня ждали и более сложные задания. Например, я чистил топку плавильной печи. Наша фабрика в основном специализировалась на выплавке металлов и выполняла некоторые экспериментальные задания. На внутренней стороне некоторых печей образовался нагар, и я, вооружившись отбойным молотком и зубилом, полез его отчищать. Внутри было пыльно и темно, поэтому мне дали респиратор и фонарь. Как только я начал колотить по стенам топки, мне сразу же вспомнилось мое собственное описание современной цивилизации — грязь, шум и нездоровая атмосфера. Все это в самой что ни на есть концентрированной форме окружало меня сейчас. Отбойный молоток грохотал, как сотня пушек, я задыхался от пыли и духоты, пот заливал мне глаза — было от Чего сойти с ума. Я не мог расслышать даже собственного голоса, но я отчетливо помню, как при каждом оглушительном ударе по железной стене я выкрикивал одни и те же слова:

— Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Когда мои мучения, наконец, закончились и я выполз на свет божий, я поразился: почему тысячи и тысячи фермеров добровольно оставляют свои поля и приезжают в города, где их ждет работа, подобная этой? Как можно променять чистый сельский воздух и здоровую жизнь на безумное поклонение золотому тельцу современности — бездушным машинам? Но некоторое время спустя, смыв под душем грязь с тела и ожесточение с души, я все же пришел к выводу, что возвращение назад к природе тоже не дает ответа на все вопросы.

Бывали на фабрике занятия и полегче. Каждое утро после развода — на работу оставалась небольшая группа не-востребованных

счастливец. Их посылали чистить бывшие старые кирпичи. Мы рассаживались, клали по кирпичу на колени и принимались сбивать с них остатки засохшего раствора. Потом очищенные кирпичи складывались в аккуратные стопки, а мусор и обломки выносились на помойку. С каждым днем мы все глубже вгрызались в огромную гору необработанных кирпичей, а чистые научились складывать таким образом, чтобы они скрывали нас от бдительного ока начальства.

Мои коллеги относились к тому социальному слою, с которым я раньше практически никогда не общался. Вопреки ожиданиям, они не так уж и отличались от бизнесменов и ученых. Большинство из них на своем опыте познакомились с безработицей, и только война, породившая новые вакансии, позволила им, наконец, найти работу. Больше всего мне нравились так называемые «бродяги» — их отличала столь понятная мне тяга к путешествиям и замечательное чувство юмора. Каждому из них довелось объездить на поезде всю Канаду и большую часть США, причем подчас в товарных вагонах, а то и под вагонами.

Со временем даже с нашим суровым бригадиром у нас установилось взаимопонимание. Более того, он стал мне симпатичен. Что с того, что ему было наплевать, как меня звали на самом деле? Ведь его настоящего имени тоже никто не знал, только прозвище — «Секретный». «Почему „Секретный“? Потому что никто никогда не видел его отца», — объяснили мне. В гневе он переходил на итальянский. Насколько он умен от природы, я понял, когда выяснил, что он не умеет читать. Дело было так. На моих глазах кто-то дал ему записку. «Секретный» не глядя сунул ее в нагрудный карман рубашки. Когда он думал, что его никто не видит, он засунул обе руки в бочку с чем-то липким, а потом подошел ко мне и попросил достать у него из кармана и прочесть записку, потому что, дескать, у него все руки грязные. Больше всего он любил управлять маленьким паровозиком, который ходил по территории завода. Знаки и надписи вроде «Стоп», «Тихий ход» он запомнил по их внешнему виду и никогда не путал.

Наверное, ради моего же собственного блага он послал меня работать на крыше нового заводского цеха. Он видел, как я ненавижу едкий вонючий дым, обволакивавший нашу фабрику. Ежедневно тяжелое облако пыли, дыма и ядовитого пара сползало в долину, где в маленьком городке Трайл жили наши рабочие. Только заводская

аристократия имела возможность поселиться на близлежащем плато, находившемся вровень с корпусами. Там был чистый воздух, красивые дома и зеленые лужайки. Я же решил, что лучше подольше добираться до работы, чем рисковать здоровьем своих близких, и снял комнату в местечке Росланд, куда не доходил насыщенный серой дым фабричных труб. Этот опасный для здоровья дым долетал даже до американской территории. В конце концов, американцы обратились в суд и выиграли дело. На фабрике поставили фильтры, но полностью искоренить угрозу не удалось. Все рабочие со стажем болели силикозом из-за отложений, годами накапливавшихся у них в легких. Помню, как-то после работы один из них, худой как тростинка, повернул ко мне свое бледное лицо и печально пошутил: «День прошел. Мы стали на доллар богаче и на шаг ближе к могиле».

Свежий воздух — это прекрасно, но я был отнюдь не счастлив, когда «Секретный» послал меня карабкаться по шатким лестницам и ненадежным доскам на крыше строящегося здания. Не помню сейчас, сколько там было этажей, шесть или восемь, но отчетливо помню свежесть воздуха в разгар канадской зимы на высоте 1400 метров над уровнем моря посреди Скалистых гор. К тому же, я побаивался высоты. В годы учебы я едва не свалился в километровую пропасть в районе долины Ромсдаль. И теперь мне предстояло лежать на животе на краю крутой крыши, головой вниз, и прибивать гвоздями рубероид. Крыша была необъятная, а гвоздей — просто видимо-невидимо. Меня определили в подручные к опытному кровельщику. Он спокойно ходил по крыше во весь рост и мазал расплавленным асфальтом края листов рубероида, чтобы следующий слой намертво прилипал к предыдущему. Постепенно мы отходили все дальше и дальше от опасного карниза, и я мог уже обращать внимание на что-то еще — в частности, я обратил внимание на жуткий холод и пронизывающий ветер. К счастью, мой тезка Мак, варивший для нас асфальт на земле, оказался парнем опытным. Каждый раз, когда я спускался с пустым ведром за новой порцией асфальта, он давал мне по несколько горячих кирпичей, завернутых в тряпку. Я совал один такой кирпич себе под спецовку, а когда он остывал, менял его на новый.

Но потом «Секретный» вспомнил, что я умею писать, и моей верхолазной эпопее пришел конец. Мне вручили карандаш и толстую амбарную книгу и поставили рядом с плавильной печью, одной из тех,

которые я так хорошо знал как снаружи, так и изнутри. Кому-то из инженеров понадобился письменный отчет. Он потребовал, чтобы наш бригадир фиксировал показания термометра, когда начинала плавиться руда, отмечал движение магмы и цветовую структуру плавящейся массы. Естественно, «Секретный» перепоручил это дело мне, а в конце каждого рабочего дня забирал мои записи и передавал их далее по команде. Причем всякий раз он внимательно смотрел на заполненную страницу и глубокомысленно изрекал. «Неплохо. Очень неплохо».

Как-то раз я решил убедиться, что он действительно не умеет читать. Я дал ему книгу вверх ногами. Он не стал ее переворачивать.

— Неплохо. Очень неплохо.

Но однажды инженер явился лично и изъявил желание посмотреть, кто пишет отчеты. «Секретный» вынужден был представить ему своего помощника. «Хорошо пишешь», — сказал инженер, и я получил повышение. Бригадире пришлось искать мне замену. К счастью, в бригаде нашлись другие грамотеи.

А я стал контролером на недавно построенной фабрике по производству магния. Я понятия не имел, в чем суть происходившего на ней процесса, знал только, что мы делаем магниевый порошок, очень нужный для победы над нацистами.

Моя новая работа длилась недолго. В один прекрасный день, когда наш автобус подъехал к проходной, фабрики на месте не оказалось. На ее месте громоздилась груда бесформенного железа. Оказалось, что фабрику уничтожило взрывом во время ночной смены. Никогда не забуду рассказ одного из рабочих дневной смены, раньше других оказавшегося на месте катастрофы. Первое, что бросилось ему в глаза, была металлическая балка, на которой висела чья-то оторванная рука.

Так прекратила свое существование фабрика по производству магниевых порошков. Но я получил другую работу.

К тому времени мы уже перебрались в принадлежавший Лепсо летний домик возле озера Эрроу. Цивилизация была далека, под полом у нас жили сунсы, и мне приходилось вставать затемно, под вой койотов, и добираться до работы сначала на велосипеде, потом на лодке, а уж затем на автобусе. Я так и не пробился в число заводской аристократии, но зарабатывал достаточно, чтобы полностью расплатиться за кредит с пароходным агентом в Ванкувере. Затем я купил билет на автобус и отправился через границу, в Нью-Йорк,

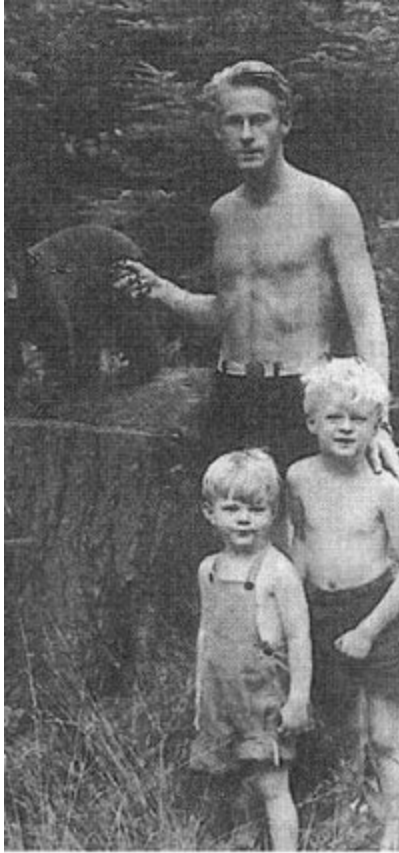
чтобы в Генеральном консульстве Норвегии предложить свои услуги родной стране.

Королевская семья Норвегии и все правительство нашли убежище в Англии. Там же разместилось и армейское начальство, которое собирало моряков и беженцев из Норвегии, готовых сражаться в одних рядах с союзниками. В ожидании ответа я устроился на временную работу табельщиком в доках Балтимора. Это была непыльная сидячая работенка, которая заключалась в проверке нарядов кто из докеров работал над пропеллером, кто — над корпусом, а кто возводил надстройку строящегося корабля. В то время как другие готовили корабли к спуску на воду, я с чистой совестью мог целыми днями читать книги по американской антропологии. Я посетил двух профессоров в университете Джона Хопкинса и получил от них подробный список литературы по интересовавшему меня вопросу. Оба ученых мужа нашли время, чтобы терпеливо выслушать табельщика из доков, который почему-то прочитал много научных книг. Профессор Рут Бенедикт первой дала мне очень важную подсказку. Очевидно, полинезийцы пришли из региона, где господствовало иерархическое общество, возглавляемое обожеествляемым королем-первосвященником. Это было очень существенное наблюдение, связывавшее племена Полинезии с их соседями из Мексики и Перу.

Тем временем я перевез в Штаты Лив с малышами. Бьёрна давно уже следовало окрестить. Вдень, когда мы понесли его в Норвежскую морскую церковь в Балтиморе японцы разбомбили американский флот в гавайской бухте Пирл Харбор. Соединенные Штаты объявили войну Германии и Японии. Я много думал о Териероо и Теи Тетуа — возможно, на их дома тоже начали сыпаться бомбы.

Конечно, нет ничего хорошего в молчаливых рейдах полинезийских дикарей, когда они убивают дубинками и съедают своих врагов.

Но что бы они сказали, если бы им довелось пережить Пирл Харбор?

С сыновьями -
Туром и Бьёрном

Танцы с дьяволом

Любой противник агрессии и насилия одновременно является борцом за свободу. Миротворитель человек не потерпит, чтобы чужеземцы врываются в его дом и наводят там свои порядки. Когда военное безумие распространяется по миру, как эпидемия чумы, заражая своим дыханием одну страну за другой, в противнике начинаешь видеть само воплощение вселенского зла. Знать, что твоя родина захвачена врагами, само по себе тяжело. Но до нас доходили известия, что наши соотечественники вынуждены питаться листьями и корой деревьев!

Война — это танец с дьяволом. Ненависть к общему врагу гораздо сильнее, чем дружба с теми, кто стоит с тобой по одну сторону баррикад.

Когда я был маленьким, взрослые боялись русских и Красной Армии. Отец не разрешал мне даже смотреть на первомайскую демонстрацию с ее красными флагами. Боязнь новой революции передавалась от одного к другому, как инфекция. Разумеется, во время русско-финской войны весь свободный мир сочувствовал отчаянным ребятам в белом камуфляже, отражавшим нашествие красных орд.

Теперь все изменилось. Уже через неделю после того, как Гитлер совершил роковую ошибку и напал на Россию вместо Англии, слова «Красная Армия» приобрели совсем другой оттенок. Теперь их произносили, словно говорили о красных ангелах, помогающих нам бороться с фашистами. Среди моих знакомых мало кто смог бы внятно объяснить разницу между коммунизмом и нацизмом, и тем не менее Сталин и русские стали нашими союзниками против Гитлера и немцев.

Много лет спустя, когда и Гитлер, и Сталин канули в вечность, я понял, что большинство русских и немцев были против и коммунизма, и фашизма. Я жил на севере Италии, среди бывших врагов, и был благодарен судьбе, что мне не довелось убить никого из этих замечательных людей. И я не встретил ни одного итальянца, который в свое время защищал фашизм с оружием в руках. Те, кто имел такую возможность, скрывались и делали все, что в их силах, чтобы бороться

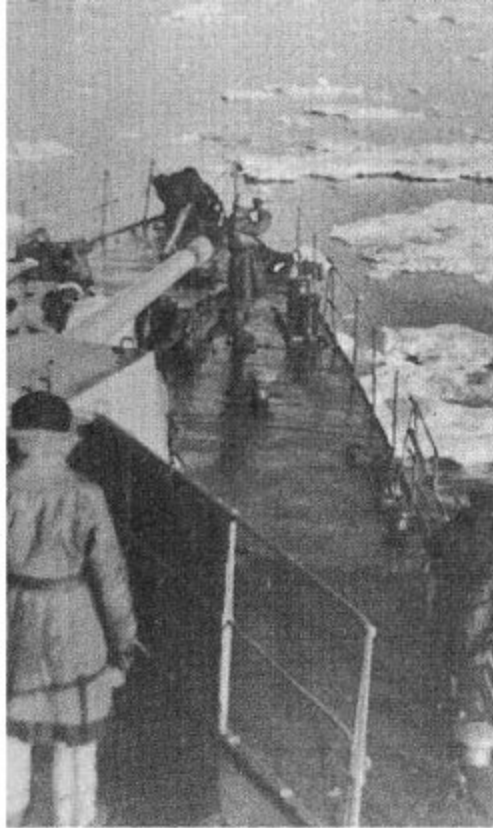
с тем, что они считали немецкой оккупацией. То есть большинство людей чувствовали одно и то же, и я никак не мог понять, почему же миллионы людей позволили втянуть себя во вторую в двадцатом веке братоубийственную войну?

— *У тебя самого есть ответ?*

— Разумеется, я сочувствовал тем, кто стремился дать отпор агрессорам, но никогда не связывал слово «враг» с понятием национальности. На самом деле, как только окончилась война, я заключил сам с собой пари, сколько времени пройдет, прежде чем мы лишим русских ангельского чина и вновь пририсуем им дьявольские рога и зубцы. И вот я был с ними рядом под лучами северного солнца, но не замечал ни того, ни другого. Обыкновенные замерзшие солдаты, такие же, как мы, четко усвоившие что форма одного цвета означает врага и в него надо стрелять, а форма другого цвета — друга. И еще они очень хотели вернуться домой, причем желательно целыми и невредимыми, а не по кусочкам.

**Норвежские стрелки - их храбростью и мужеством
восхищались солдаты союзных войск**

Баренцево море.

“Для немецких подлодок мы представляли желанную добычу, поэтому наш корабль мчался на всех парах, погасив огни и постоянно меняя курс”.

Солдаты Красной Армии
переходят финско-норвежскую границу

Если уж искать воплощение воинственного духа, надо обратиться к полинезийцам или индейцам с северо-запада Америки. Они даже избегали пользоваться луком и стрелами, чтобы не отказывать себе в удовольствии заглянуть противнику в глаза, прежде чем хрястнуть его по голове дубинкой такого же образца, что и у него. Мы же предпочитали сбрасывать бомбы на мирные дома в час семейного обеда или запускать от своего порога ракеты, несущие смерть тысячам женщин и детей. Но с другой стороны, мы компенсируем рецидивы собственного варварства тем, что постепенно становимся более гуманными, претворяем в жизнь социальные программы и даже улучшаем условия труда. Лучший пример — мой плавильный заводик в Трайле. Некогда настоящее преддверие ада, царство отравленного дыма и вопиющего неравенства, за последние пятьдесят лет он превратился в образцовое предприятие, на котором работают счастливые люди и даже лес потихоньку возвращается на склоны окружающих холмов.

После наступления мира я так же не хотел становиться профессиональным военным, как не хотел быть профессиональным политиком после того, что я увидел на фабрике в Трайле. Однако, несмотря на то, что я видел, как живут солдаты разных видов войск в разных странах, я пошел по военной стезе. Как и в гражданской

жизни, я не сделал захватывающей дух карьеры, но успел побывать в шкуре рядового и офицера. Если бы сейчас мне довелось вновь стоять перед таким же выбором, я предпочел бы трудиться на благо родной страны самостоятельно и независимо от других, нежели влиться в ряды тех, кто носит форму и отдает или получает приказы. По собственному опыту я знаю, что не очень-то мудро поступает тот, кто высказывает свое мнение людям в погонах и начищенных сапогах.

Я попросил направить меня на такой участок, где я мог бы сражаться в тылу врага, среди лесов и гор. К тому же я умею общаться с собаками. В то же время я абсолютно безнадежен в технических областях и даже не умею водить машину, да что машину, я и батарейку в радиоприемнике меняю с трудом.

Меня внимательно выслушали и направили в школу радистов.

В Лондоне было изготовлено специальное телекоммуникационное оборудование, и сейчас оно направлялось в Канаду. Там оно найдет себе применение, когда начнется битва за освобождение Норвегии. В обстановке строжайшей секретности отобрали десять человек, которым предстояло это оборудование использовать. Я оказался в числе этой десятки. По каким-то неясным мне причинам нашей группе присвоили кодовое название «Группа И». В ожидании прибытия оборудования мы изучали волшебные слова «На-аправо, на-алево, кругом!» в норвежском тренировочном лагере в Луненберге, в Новой Шотландии. Когда мы научились маршировать, нам выдали авиационное обмундирование и принялись нас учить на воздушных телеграфистов в лагере «Маленькая Норвегия» недалеко от Торонто. Получив удостоверения, что мы еще и корабельные телеграфисты, мы отправились в затерянный в лесах лагерь для летчиков, расположенный на берегу маленького идиллического озера. Там четыре инструктора в армейской форме принялись обучать восемь человек, оставшихся в нашей группе (одетых в форму военно-воздушных сил) всем новейшим премудростям радиодела — от устройства передатчиков со скрытыми антеннами до основ только зарождавшейся телевизионной технологии. Мы бегали по Мускокским лесам со специальными мегафонами и орали «Раз-раз-раз, ты меня слышишь?» — так громко что жители Хантсвилла писали нам записки: «Конечно слышим, и в Гравенхерсте вас слышат тоже».

**Меня, лейтенанта Хейердала, готовили
стать радистом в диверсионных отрядах**

Никогда опасность утонуть не была так близка ко мне, как во время поездки на байдарках в Алгонкинском национальном парке. Мы с несколькими другими солдатами внимательно изучили карту обширного лесного массива и наметили места, где можно волоком перетащить лодки из одного озера или реки в другое. Помимо возможности увидеть лосей и медведей, больше всего нас привлекал Большой водопад — место, где потоки воды с ревом устремлялись вниз с огромной высоты и где на наших глазах огромные бревна разлетались на части, словно стеклянные. Согласно карте, нам следовало пройти пятьдесят метров по тропе вдоль русла реки выше водопада и там спустить байдарки на воду. Тропа заканчивалась, упираясь в крутую гору, и поскольку дальше идти было некуда, карта, очевидно, не врала. Мы все считали, что риск слишком велик,

поскольку после весеннего половодья течение набрало очень большую силу. Я предложил не искушать судьбу и закончить путешествие, однако Пер и Рулле настаивали, что надо пройти намеченный маршрут до конца. Чтобы не испортить друзьям удовольствие, я подчинился.

У нас хватило ума не выплывать на середину потока. Цепляясь за ветки и сучья руками, мы проводили лодку вдоль берега. Но через несколько сотен метров нашу байдарку подхватило боковое течение, и наших сил не хватило, чтобы удержать ее. Рулле моментально оценил опасность и, не теряя времени, бросился в воду, пока оставался шанс доплыть до берега. Но, прыгая, он сильно качнул байдарку, и я очутился в холодной воде. Я и так был плохим пловцом, а сейчас мне еще мешали зимняя армейская форма и тяжелые ботинки. Ледяной ужас охватил все мое существо. Водопад! Его рев доносился все ближе и ближе. Спасение казалось невозможным. Рулле мчался вдоль берега, как сумасшедший, но течение неумолимо тащило меня к утесу, после падения с которого от меня мало что осталось бы.

Я отчаянно работал руками и ногами, но в глубине души понимал, что у меня не оставалось ни единого шанса добраться до твердой земли. Еще несколько секунд — и я узнаю, что такое смерть и что случается после нее.

Этой мысли оказалось достаточно, чтобы я начал искать в себе — не на небесах, не в других, а именно в себе — ту всемогущую созидательную силу, которую принято называть Богом. Рулле ничем не мог мне помочь — он бежал вдоль берега, безнадежно протягивая ко мне руки, но не приближался ко мне ни на сантиметр.

Внезапно чувство решимости преисполнило все мое существо. С новыми силами я начал медленно, но верно выгребать к берегу под углом к потоку.

Вода неслась все быстрее, водопад грохотал все оглушительнее, но берег перестал удаляться от меня. Рука Рулле почти дотягивалась до меня. Еще немного... Еще... Наконец-то! Наши пальцы переплелись, и через несколько секунд я уже лежал на берегу, абсолютно обессиленный.

Но где же Пер?!

Перевернутая байдарка плясала на волнах у самого края водопада. Огромный камень, к которому ее прибило течением, не давал ей соскользнуть в пучину. Нам удалось ухватиться за нос лодки. Она

оказалось на удивление тяжелой. Когда мы, наконец, подтащили ее к берегу, то увидели Пера. Висевший у него на спине рюкзак встал враспор поперек узкой лодки и не дал течению утащить нашего товарища.

Мы освободили его и заметили на противоположном берегу трех великолепных оленей. Величественные животные неподвижно стояли на гребне горы, похожие на каменные изваяния.

— Я думаю, это знак, что мы все втроем выживем в войне, — пробормотал Пер.

Через пару месяцев самолет, в котором он летел, был сбит над Норвегией.

Самое яркое воспоминание, оставшееся у меня от моих солдатских дней, это рядовой с идентификационным номером 1132, в миру художник Стенерсен. Он очень старался стать хорошим солдатом, но беда в том, что он вкладывал в это понятие отличный от других смысл. Главное, чему каждый должен научиться в армии, — это слепо и без рассуждений повиноваться. Первый урок, который вам преподают: как стоять по стойке «смирно». Пятки вместе, носки врозь под углом шестьдесят градусов, позвоночник прямой, как ствол винтовки, глаза устремлены вперед, голова свободна от любых мыслей в ожидании приказа. Мы быстро освоили эту науку и по первому требованию выстраивались, словно оловянные солдатики. Только Стенерсен постоянно портил картину. В мешковатой гимнастерке и тесной фуражке, он стоял в строю с блуждающей ухмылкой на губах, и при виде этой улыбки у сержанта не оставалось сомнений, что именно номер 1132 думает о нем и об армии вообще. Сержант набрасывался на него и гневно уличал, что между его носками никак не шестьдесят градусов. Стенерсен спокойно отвечал, что как раз шестьдесят, просто сапоги великоваты, и бодро шел на гауптвахту. Самое страшное, он пребывал в абсолютной уверенности, что норвежцы победят фашистов, даже если угол между носками их сапог будет составлять всего-навсего сорок градусов!

В один прекрасный день Стенерсен явился на утреннюю поверку в красном шарфе художника, и с тех пор ему было приказано снять форму и заняться своим делом — писать пейзажи норвежской природы для офицерской столовой.

Классовые различия, с которыми я столкнулся на заводе, царили и в армии. У нас в лагере было три кухни и три столовые — одна для рядовых, другая для сержантов и третья для офицеров.

Как только будущие телеграфисты ВВС закончили обучение и получили звания сержантов, им запретили питаться вместе с остальными членами «Группы И», поскольку мы оставались рядовыми. Также было строжайше запрещено солдату и офицеру общаться как-либо иначе, чем по службе.

Мало кто из обладателей звезд и нашивок на погонах ходил в любимцах у нас, рядовых. Я могу припомнить только двоих. Один — командир лагеря, полковник Уля Рейстад. Благодаря ему я понял, что уважение подчиненных можно завоевать по-разному. Например, тем, чтобы отдавать приказы таким тоном, что подчиненный чувствует себя таким же человеком, что и начальник. Второго звали майор Вигго Ульман, единственный во всем лагере, кроме меня, кто привез в Торонто жену и ребенка. Мы снимали квартиры в городе. Когда я получал увольнительные, то, в нарушение всех правил, мы ходили друг к другу в гости. Взрослые сидели за столом, а мои два малыша возились на полу с его двумя дочками, Лив и Биттен. Кто мог тогда предположить, что маленькая Лив Ульман со временем станет знаменитой кинозвездой и что настанет день, когда мы с ней будем открывать зимние Олимпийские игры в свободной Норвегии?!

Самым ярким воспоминанием, которое осталось у меня от учебного лагеря Весле Скаугум в Мускокских лесах, был визит одного шестилетнего норвежца. Когда он без предупреждения оказался среди нас в обществе своей матери, это стало не меньшей сенсацией, чем его появление, уже с двумя собственными сыновьями, в королевской ложе на открытии тех же Олимпийских игр много лет спустя. Мы с Лив, нашими двумя малышами и любимцем семьи, маленьким медвежонком, жили в крошечной бревенчатой хижине в стороне от лагеря. Каждое утро по дорожке мимо хижины совершал утреннюю пробежку принц Харальд в сопровождении командира лагеря. Как-то раз они заметили нашего медвежонка, важно восседавшего около стола, в то время как мальчишки старательно расчесывали его лоснящуюся шубу. Он был такой чистый, что Лив разрешила мне укладывать его на ночь в ногах нашей кровати — так я хотел приучить его к людям. Я выменял медвежонка у дровосеков на бутылку виски, и

поначалу он вовсе не торопился высказывать свою благодарность. Со временем он прибавил в весе, мне стало тяжело удерживать по ночам его тушу на ногах, и я начал использовать его вместо подушки. Не сказать, чтобы Лив была в восторге от этого.

Я с медвежонком Пеком (1943)

Мне дали увольнительную на день, чтобы я показал принцу и принцессе трюки, которые научился делать наш любимец. Принцесса умоляла разрешить ей прокатиться на байдарке. Они видели, как я катался на лодке с медвежонком и как он прыгал в воду и вытягивал байдарку за веревку на берег. Итак, медвежонок Пейк устроился на носу, принцессы Рангильда и Астрид заняли места пассажиров, и я бережно провел свое суденышко мимо причала, на котором сидела с вязанием на коленях их венценосная мать принцесса Марта, а юный принц Харальд возился с кинокамерой. Больше всего на свете Пейк любил мед. Именно намазав палец медом, я завоевал его дружеское расположение при первой встрече. По мере приближения к пристани стрекот королевской камеры все больше напоминал гудение пчелиного улья. Медведь встал в байдарке на задние лапы, и мы, естественно, перевернулись. Я-то часто переплывал через озеро, но я понятия не имел, умеют ли плавать принцессы. Впрочем, все закончилось очень весело — там было так мелко, что мы просто встали на ноги и вышли на берег пешком.

Но самое страшное еще не произошло. Вода стекала с Пейка ручьями, но он направился напрямик к принцессе Марте, встряхнулся, забрызгав все кругом, а потом запустил свои длинные кривые когти прямо в ее почти законченное вязание. Принцесса не уступала, и между ними разгорелось настоящее сражение. К счастью, положение спасла Лив, достав откуда-то кусок медового пирога.

Наконец наступил день, когда рядовой ВВС Хейердал, идентификационный номер 2209 (бывший рядовой сухопутных войск номер 1136), равно как и семь его коллег из «Группы И», узнал об электронике больше, чем кто бы то ни было во всей норвежской армии. Одна беда — никто из нас понятия не имел, какое найти практическое применение нашим выдающимся знаниям. И кажется, этого не знал никто.

Теперь, когда война давно закончена и бесценное оборудование «Группы И» покоится на дне океана, я наверное имею право кое-что рассказать о нашем вкладе в победу.

Когда океанский лайнер «Королева Мэри» установил рекорд, приняв на борт восемнадцать тысяч пассажиров, я был одним из них. Из Лондона пришла секретная телеграмма, и восемнадцать тысяч военнослужащих союзных войск из тренировочных лагерей в Канаде, Австралии и Новой Зеландии в обстановке строжайшей тайны были доставлены ночью на сборный пункт в Галифаксе. В их число вошли и восемь курсантов из «Группы И». Там нас запихнули, как сельдей в бочку, на огромный корабль и отправили за океан, в район боевых действий. Нашей восьмерке досталась одноместная каюта, но спали мы в ней через ночь, меняясь с теми, кто оказался на переполненной палубе и не имел возможности даже вытянуть ноги. Никогда не забуду свирепых приступов морской болезни и бесконечную, безрадостную очередь в туалет. Для немецких подлодок мы представляли собой желанную добычу, поэтому наш корабль мчался на всех парах, погасив огни и постоянно меняя курс.

Через пять дней наше путешествие закончилось. В небе было темно от самолетов союзников. Сойдя на берег, все пассажиры дружно закурили. Во время плавания курить запрещалось категорически.

Итак, мы пересекли океан. Но никто понятия не имел, кто и зачем нас сюда вызвал. Двое из наших офицеров носили форму сухопутных

сил. Глядя на них, мы тоже решили избавиться от авиационных мундиров. Так я перевоплотился в рядового пехоты номер 5268. Наверное, это еще больше запутало ситуацию, потому что теперь нас точно никто не мог найти. По прибытии в Лондон Главнокомандующий приветствовал нас такими словами: «Мы долго вас ждали, и нам вас очень не хватало!» Через четыре дня нам объявили, что никто не может понять, кому же именно нас не хватало. Поэтому нас послали в учебный лагерь в Шотландии и велели ждать до прояснения ситуации. Еще через какое-то время нам выдали новое оружие и амуницию и перевели в роту связи норвежской армии, базировавшуюся в заброшенном шотландском замке.

Командир роты встретил нас с распростертыми объятиями — под его началом служило множество офицеров и почти ни одного рядового. Каждое утро капитан Петерсен тщательно строил своих людей, и лейтенанты и сержанты браво рапортовали ему, что все на месте и чрезвычайных происшествий не произошло.

Поскольку у бойцов «Группы И» не имелось в наличии их мудреного оборудования, то каждый день нас либо отправляли в наряд по кухне, либо посылали помогать местным фермерам. Своих офицеров мы видели только на утренних построениях, поскольку пищу мы принимали в разных помещениях. Наконец спустя месяц на нас пришел приказ, и мы покинули замок капитана Петерсена, но только для того, чтобы расположиться неподалеку, в чудесной шотландской деревушке Калландер. Через несколько дней нас перебросили в университетский город Сент-Эндрю, где мы воссоединились с капитаном Петерсеном и его ротой связи. Разместились мы на сей раз в Вестерли, огромном старинном замке с широкими каменными лестницами, длинными коридорами и некрашеными деревянными полами. Целыми днями мы мыли эти лестницы и полы — именно мыли, а не протирали, потому что если пол не мокрый, то как доказать, что здесь убирались? Вскоре весь замок провонял сыростью и плесенью.

Мы жаловались и просились на фронт — все бесполезно. В качестве представителя группы я регулярно встречался с командиром роты и втолковывал ему, что с каждым днем мы все больше забываем то, чему нас учили. Тогда нам открыли доступ к передатчику Морзе. Надо сказать, за время учебы мы в совершенстве освоили азбуку

Морзе, а чтобы записывать принимаемые сообщения, научились печатать десятью пальцами.

Меня беспокоило не только то, что мы ни на шаг не приближались к Норвегии. В довершение всех неприятностей ни одно письмо жены не доходило до меня из Канады. Я знал, что моего денежного довольствия не могло хватить Лив и детям на жизнь, даже на ту незатейливую жизнь, которую они вели в хижине в Мускокских лесах. Поэтому мне пришлось принять непростое решение продать Бруклинскому музею мою бесценную этнографическую коллекцию, собранную на Маркизских островах. Я не расставался с ней с того дня, когда покинул Норвегию. Помимо прочего, она включала редкие фотографии местных богов, королевскую мантию из человеческих волос, скрепленных волокнами кокосового ореха, а также великолепную корону из резного черепашьего панциря, инкрустированного перламутром. Откуда мне было знать, что в мое отсутствие Томас Ольсен предложил Лив и малышам пожить до окончания войны вместе с его семьей в их очаровательном загородном домике под Нью-Йорком?!

Когда я стоял в строю, расправив носки под углом шестьдесят градусов и бессмысленно уставившись перед собой в ожидании приказов, моя прошлая научная карьера казалась чем-то далеким и нереальным. Душа моя не засохла только благодаря книгам из библиотеки университета Святого Андрея, которые я набирал огромными пачками. В дневнике того времени я записал: «Снова принимаюсь за антропологию, поскольку, похоже, нас здесь нарочно маринуют. После обеда все, как всегда, мыли лестницу».

В нашей особо секретной группе из Канады зрело недовольство. Каждое утро начиналось с осточертевшего утреннего развода. Капитан-связист не хотел, чтобы его солдаты занимались под началом майора инженерных войск, расквартированного в том же замке. Поэтому он проводил занятия со своими подчиненными, а также с «Группой И» на заднем дворе замка. В утренних сумерках со всех сторон древнего здания зычно разносились приказы, и могло показаться, что здесь собрались целые батальоны, а не жалкие группки по шесть-восемь человек, которыми самозабвенно командовали толпы офицеров. Капитан приходил с фонариком, чтобы убедиться

собственными глазами, что мы пришили на форму эмблему связистов, а не какую-нибудь другую. Затем двое из числа рядовых отправлялись на ритуальное мытье лестницы, а остальных распускали по казармам.

Так больше не могло продолжаться. Уж на что нам надоело драить лестницу и ходить в наряды по кухне, а тут еще разнесся слух, будто официанта из офицерской столовой переводят в другую часть. Значит, не за горами еще и эта работенка. Нам угрожала полная деградация. Мы договорились, что если кого-нибудь назначат на его место, он откажется, а остальные его поддержат. Только так можно напомнить о себе вышестоящему командованию. Нашу предыдущую жалобу мы обнаружили в корзине для мусора, когда убирались в кабинете капитана Петерсена.

Развязка наступила на разводе на следующее утро. Рядовому Байер-Арнесену (номер 5269) следовало заступить на дежурство в офицерскую столовую.

В ответ раздалось громкое и четкое: «Я отказываюсь».

Повисла зловещая тишина. Байер-Арнесену приказали выйти из строя и явиться к капитану в кабинет. Сперва капитан пытался его убедить, что служить в офицерской столовой — большая честь. Байер-Арнесен стоял на своем. Капитан в ярости схватил телефонную трубку и вызвал наряд военной полиции. Солдат и ухом не повел. Через некоторое время он собрал свои пожитки и под конвоем отправился на гауптвахту в Сент-Эндрю.

Меня, как представителя нашей группы, вызвали к начальству, чтобы я повлиял на товарища. Я сообщил капитану, что Байер — взрослый человек и сам знает, что ему делать. А если его арестовали, то следует арестовать и нас всех, потому что мы все отказываемся подчиняться этому приказу. В ответ мне заявили, что никто из нас еще не имел возможности отказаться, и такая возможность нам не представится, а вот Байера ждет трибунал. Более того, случись такое в немецкой армии, его давно бы уже расстреляли. Когда я поинтересовался, стоит ли брать пример с фашистов, то услышал в ответ: «На войне как на войне».

«Группа И» собралась на совещание. Поскольку на мне была форма связиста со всеми соответствующими нашивками и эмблемами, я взял ящик с инструментами и отправился в город, прямо в здание военного трибунала. Там я сказал, что что-то случилось с проводкой в

одной из камер. Меня впустили и позволили проверить камеры. Проводка во всех камерах оказалась в порядке, кроме той, в которой сидел Байер. Там я задержался, передал заключенному шоколад и сигареты и кое-что получил от него. В штабе Верховного командующего норвежской армии в Лондоне служил в чине лейтенанта друг детства Байера, между прочим, сын министра обороны Оскара Торпа. Мне следовало передать ему письмо.

Капитан Петерсен не стал чинить мне препятствий, и я получил увольнительную в Лондон. Лейтенант Торп пришел в ужас, когда узнал, что его приятель сидит в тюрьме в Шотландии, и тут же организовал мне встречу со своим отцом. Когда я зачитал министру обороны выдержки из своего дневника, тот огорчился еще сильнее. Он сказал, что «Группе И» действительно отводилась важная роль в планах командования и что, наверное, произошла какая-то ошибка. Он обещал лично разобраться в нашей ситуации. Я, в свою очередь, получил следующие инструкции: спокойно возвращаться и передать товарищам, что нам надо вести себя паиньками до скорого решения вопроса. Я еще не успел покинуть Лондон, когда до меня дошло известие, что колеса завертелись и Байер уже освобожден.

В Сент-Эндрю наша праздная жизнь продолжалась, как и прежде. Прошло целых пять месяцев, прежде чем мы наконец сделали нечто более существенное, чем мытье лестницы и сгребание в кучу листьев. Лежа на койках, мы целыми днями обсуждали, как унижительно ничего не делать, что наше дорогостоящее обучение пропадает впустую, в то время как наши одноклассники из летной школы давно уже воюют. Все мы, естественно, знали о подвигах норвежских летчиков и моряков, не говоря уж о героях Сопrotивления.

Мы прочитали опубликованное в прессе выступление британского министра иностранных дел Антони Идена, в котором он отдал должное норвежскому торговому флоту, обеспечивавшему транспортировку сорока процентов всего горючего, необходимого союзным армиям. Так почему же нам, профессиональным телеграфистам, не находится применения? Английский адмирал Диккенс во всеуслышание произнес: «Мы понесли тяжелые потери в живой силе и технике. Поэтому не будет преувеличением сказать, что вклад Норвегии бесценен». А мы сидели без дела в шотландской глуши. Даже когда одного из нас послали мыть туалет в казарме

инженерных войск, куда мы никогда не ходили, мы все равно не протестовали.

Незадолго до Рождества 1943 года меня вызвали в военную полицию и спросили, остается ли в силе отказ «Группы И» служить в офицерской столовой. Если да, то нам грозило обвинение в мятеже. Но мы остались солидарны с Байером.

Сразу после Нового года на «Группу И» наконец пришел приказ. Всех нас распределили в разные части. Меня, к моей неопишуемой радости, направили в роту норвежских горных стрелков, расквартированную в холмах Шотландии. Мои новые товарищи оказались отличными солдатами, а командир, по прозвищу Тарзан, пользовался всеобщим уважением и любовью. Мы много занимались спортом и целыми днями лазили по горам, как заправские альпинисты. Я снова почувствовал себя человеком.

Однажды на утреннем построении нам отдали команду «смирно». Когда Тарзан развернул перед строем какую-то бумагу, я понял, что сейчас произойдет нечто важное. Бумага оказалась постановлением трибунала. Рядовой Хейердал (личный номер 5268) приговаривался к шестидесяти дням заключения с отсрочкой исполнения на год за — тут Тарзан выдержал паузу — за отказ прислуживать в офицерской столовой.

По застывшим рядам прошло легкое шевеление, а некоторые даже позволили себе ухмыльнуться. Тарзан быстро навел порядок, но в уголках его рта тоже играла улыбка.

Мы все получили по году отсрочки, и Верховное Командование постаралось сделать так, чтобы до конца войны мы не имели больше возможности создавать начальству проблемы. Нас снова собрали вместе, но уже под командой не капитана Петерсена, а маленького, жилистого и коренастого лейтенанта-связиста, награжденного норвежскими и английскими орденами. Лейтенант Бьёрн Рорхольт только что вернулся из-за линии фронта и был одним из героев Сопrotивления. Мы скоро поняли, что он — беспокойная душа, человек, преисполненный энергии, из тех, кто начинает искать новое дело, едва закончив предыдущее. При первом знакомстве он выразительно нам подмигнул — многие были наслышаны о нашем «подвиге» — и рьяно взялся готовить нас к настоящему делу.

После того, как мы вдоволь повозились с портативными передатчиками и скрытыми антеннами и восстановили свои познания в электронике, нам предоставили несколько дней отпуска. Мы провели его в английских семьях. Однако даже на время отпуска мы получили задание — каждую ночь мы должны были незаметно ускользать из дома и, оставаясь незамеченными, передавать закодированные сообщения, которые принимали наши английские коллеги по всей стране. Что касается женщин, с которыми мы встречались по вечерам в пабах, то тут похвастаться нечем. Особенно мне. Единственное мое уникальное достижение того периода — это то, что за всю войну я не убил ни одного вражеского солдата и не соблазнил ни одной девушки, хотя Рорхольт меня и пытался знакомить. Надо сказать, то, что я появлялся в обществе офицера и орденосца, производило определенное впечатление на представительниц прекрасного пола, даже несмотря на мои скромные погоны. Кажется, многие из них подозревали, что я нарочно, с какой-то тайной целью, переодеваюсь солдатом.

А потом нас послали учиться прыгать с парашютом.

Нам всем было жутко страшно, когда нас выстроили перед самолетом, и лейтенант Рорхольт сообщил, что решение прыгать или не прыгать нам предстоит принять самостоятельно, а приказывать нам никто не имеет права.

У одного хватило духу признаться, что он не сможет себя пересилить. Как я им восхищался, когда он вышел из строя!

Никогда не забуду того ощущения, которое испытываешь, сидя в самолете рядом с люком и ожидая команды к прыжку. Парашюты были маленькие, а для того, чтобы мы быстрее спускались под вражеским огнем, в куполах были проделаны отверстия. После того, как мы вываливались из самолета, и до того момента, когда открывался парашют, в ушах стоял жуткий гул, от которого можно было сойти с ума. Зато когда он все-таки открывался, на смену страху приходило совершенно волшебное чувство, словно сам Господь Бог подставлял тебе руку. Иногда в такие моменты мне казалось, будто в прошлой жизни я был птицей. Правда, эта иллюзия заканчивалась, как только земля стремительно подскакивала под пятки и я грохался об нее с такой силой, словно выпал с третьего этажа.

Теперь мы прыгали с пугающей частотой. Однажды нам предстояло приземлиться на площадку, которую отмечали в темноте только три горящие свечи. Многие тогда сильно ушиблись, потому что не видели землю и не успели вовремя сгруппироваться. Я приземлился удачно благодаря тому, что еще в самолете зажмурился и открыл глаза, только когда вокруг было темно. Но вообще-то, самое трудное — это наземная подготовка к прыжку. Посудите сами: надо выпрыгнуть из окна высокой башни, а единственная страховка — это веревка, одним концом привязанная к вам, а вторым — к оси установленного на крыше пропеллера. Теоретически, по мере того как веревка начнет разматываться, пропеллер начнет вращаться и замедлит падение. Но что-то покажет практика? К счастью, все обошлось.

Но самым страшным был другой прыжок. Кто-то решил проверить на нас новый способ десантирования.

Нам предстояло выпрыгнуть из самолета с рюкзаком, в котором лежало оружие и прочая амуниция, причем рюкзак был привязан веревочной петлей к нашим ногам. Перед приземлением надо было ослабить петлю, после чего рюкзак повисал на восьмиметровой веревке. В результате он падал на землю с той же скоростью, что и парашютист, только немного раньше. В итоге двое из нас оказались в госпитале с переломанными ногами. Со мной могло быть еще хуже. У меня не раскрылся парашют. Он висел над моею головой, как пустая оболочка от сосиски. Земля летела мне навстречу, и я уже слышал, как инструктор орал в мегафон, чтобы я распутал стропы. А тут еще петля и тяжелый рюкзак на ногах... Парашют все-таки раскрылся в самый последний момент, и мне даже удалось избавиться от рюкзака, но когда я заученным движением покатился по земле, все потемнело у меня перед глазами.

Как-то раз, когда я растянулся на скирде сена в перерыве между прыжками, ко мне подошел маленький и щуплый человечек в форме лейтенанта. Вся грудь его была увешана боевыми наградами. Острые черты бледного лица и резко очерченный рот выдавали сильный характер и твердую волю. Его звали Кнут Хогланд, и он был радистом из знаменитой группы подпольщиков, которые сорвали планы немцев получить тяжелую воду для их первой атомной бомбы. Передо мной стоял герой-норвежец, подпольщик, спаситель родины! Британский премьер-министр Уинстон Черчилль придавал огромное значение

судьбе норвежского завода по производству тяжелой воды в Рьюкане, и лейтенант Хогланд уже был удостоен аудиенции у короля Норвегии Хокона и у Черчилля, а также получил награду из рук короля Англии. В день нашей встречи он как раз вернулся из Норвегии с очередного задания. Три года спустя, будучи радистом на «Кон-Тики», он рассказывал, как гестаповцы окружили его вовремя сеанса радиосвязи, который он вел из вентиляционной шахты женской больницы в центре Осло. Отстреливаясь, он сумел перелезть через стену больницы, хотя пули так и свистели вокруг него.

Мы быстро подружились. Впоследствии он утверждал, будто в день нашего знакомства я лежал на сене, мечтал о Полинезии и бурчал, что если маститые старцы из Академии не желают мне верить, я построю плот и докажу всем, что моя теория верна. Не знаю, в моем дневнике ничего такого не записано. Но зато я точно знаю, что Кнуту в самом ближайшем будущем предстояло высадиться с парашютом на окраине Осло и координировать работу доброй сотни подпольных радиопередатчиков, разбросанных по территории Норвегии. Он предложил мне стать его заместителем, и я согласился.

Советские войска наступали через Финляндию на север Норвегии. Двухсоттысячная немецкая армия в панике бежала из Финляндии, оставляя за собой выжженную землю, но все-таки сумела зацепиться за новые рубежи. На некоторое время на фронте воцарилось затишье. В такой вот неопределенной ситуации малочисленные норвежские части в спешке перебрасывались к театру боевых действий, чтобы стоять на страже интересов своей родины.

Первая норвежская горнострелковая рота в составе союзнического конвоя отправилась в Мурманск. Лейтенант Рорхольт получил приказ следовать за ним во главе группы из двух человек с целью обеспечивать связь между опустошенными после отступления немцев районами Финляндии и норвежским правительством в Лондоне. Вся «Группа И» тут же получила повышения в звании, а прапорщик Хейердал и прапорщик Стабел были включены в группу лейтенанта Рорхольта.

Следовательно, парашютный рейд с лейтенантом Хогландом не состоялся. Что ж, война есть война, как сказал бы капитан Петерсен. Более того, надо мной все еще висел приговор.

После войны, когда я предложил Хогланду и Рорхольту присоединиться к экспедиции на «Кон-Тики», они оба согласились. Правда, потом Рорхольт изменил свое решение, но он все же обеспечил нам связь — предоставил портативный военный радиопередатчик и настроил его на любительскую частоту. Хогланд же поехал и выполнял функции радиста.

По сравнению с плаванием на плоту миссия Рорхольта оказалась гораздо более опасной. В ноябре 1944 года Рорхольт, Стабел и я отправились в местечко Скапа-Флоу на Оркнейских островах, а оттуда на огромном американском авианосце в составе союзнического конвоя двинулись на Мурманск. Конвой состоял почти из восьмидесяти кораблей, половина из них была боевыми судами, а остальные — грузовыми, многие из которых я помнил еще по работе в доках Бетльхема.

Едва мы оказались на борту, как пришла телеграмма о том, что прапорщики Стабел и Хейердал получили очередное воинское звание лейтенантов. Лейтенант же Рорхольт получил капитанский чин. Позже, когда мы окажемся на советской территории, это повышение обернется неожиданными неприятностями.

Мы шли на север и вскоре пересекли Полярный круг. Нас поглотила полярная ночь, зловещая и непроглядная. Оттого, что суда шли с потушенными огнями, небо и вода сливались в единое черное море. Днем на юге проглядывала узкая полоска красного цвета, и тогда мы могли различить силуэты больших и маленьких кораблей, разбросанных по простору безбрежного океана. На палубе ближайшего к нам грузового судна стояли два огромных паровоза, предназначенных американцами в дар русским. Казалось, весь окружающий нас мир состоял только из стали, льда, пушек и черной воды.

С английских складов нам в спешке выдали зимнюю амуницию. Я, как опытный путешественник, пришел в ужас. Мне едва хватило времени купить несколько упаковок жевательного табака, чтобы потом обменять их у лапландцев на спальные мешки из оленьей шкуры. Наши никуда не годились. Стоило их развернуть в вертикальном положении, как набитая в них ерунда тут же проваливалась вниз. До нас дошли слухи, что на нашем авианосце есть маленький склад, где можно купить кое-какое арктическое снаряжение. Мы отправились

туда. Спустившись по каким-то лестницам и миновав несколько переборок, мы наконец добрались до цели. Когда Рорхольт и я примеряли длинные меховые куртки, вдруг раздался зловещий грохот. Инстинктивно мы бросились вверх по лестнице, но переборки оказались задраены. Снаружи раздался звук еще одного удара, сопровождаемый серией взрывов. Это бросали глубинные бомбы наши корабли сопровождения. Мы поняли, что где-то неподалеку находятся вражеские подводные лодки.

Я всегда подозревал, что худшее, что может случиться на войне, — это оказаться запертым на подводной лодке во время сражения, и мои опасения полностью оправдались. Мы сидели в замкнутом пространстве в чреве корабля, как мыши в мышеловке, а под нашими ногами и над головами гремел бой. Вдруг воцарилась мертвая тишина. Через некоторое время переборка открылась, и мы выбрались наверх, в царство ледяной полярной ночи. До Мурманского залива оставалось совсем немного. Как мы потом узнали, советские суда пришли к нам на помощь во время боя.

В Мурманске мы расстались с американцами. За время плавания я выучил несколько десятков русских фраз и решил проверить свои знания на первом встречном огромном бородатом мужике в меховой шубе. Он не понял ни слова и вообще оказался... англичанином, бежавшим из немецкого плена. Чтобы очутиться в Мурманске, он прошел через половину России, не зная ни единого русского слова. «Просто улыбайтесь им, — посоветовал он мне. — И они обязательно помогут».

Первого русского я увидел на борту советского торпедного катера. Катер, изрядно поврежденный огнем немецкой артиллерии, направлялся в недавно освобожденный финский порт Петсамо. Во время долгого шестичасового перехода по бурному морю я сидел рядом с советским офицером, человеком сурового и подозрительного вида. Я замерз и сильно проголодался. Вспомнив совет англичанина, я улыбнулся. Улыбка получилась дружелюбной, но боюсь, несколько неуверенной, потому что я впервые в жизни видел коммуниста. Русский широко осклабился в ответ, схватил меня за руку и потащил в каюту. Там он сдернул одеяло с койки, достал из-под него здоровенную буханку черного хлеба, разломил ее пополам и одну половину отдал

мне. За бортом бушевало холодное море, а мы сидели рядом на узкой койке, жевали сухой хлеб и лучезарно улыбались друг другу.

К полуночи мы достигли Петсамо, единственный не скованный льдом порт, находившийся в руках Красной Армии. У причала стояло крохотное норвежское суденышко, груженное тринадцатью ящиками с оборудованием для «Группы И». На борту оставалось место только для одного человека, поэтому я с радостью уступил его Стабелу, а сам вместе с Рорхольтом отправился по суше к цели нашего путешествия — на линию фронта, проходившего по территории Финляндии. Итак, я уселся в русский военный грузовик рядом с водителем. В кабине не было лобового стекла, зато в изобилии имелись пулевые отверстия. Холод стоял зверский, а в небе безмолвно сияло северное сияние.

Мы с шофером улыбнулись друг другу и надолго замолчали. Потом, несмотря на полное отсутствие слуха, затянули «Волгу-Волгу». За ней последовали другие русские и норвежские народные песни. Я все время порывался воспользоваться моим словарным запасом из пятидесяти русских слов, но они отказывались складываться во что-то членораздельное. Грузовик дергался и прыгал на ухабах, и ничто вокруг не указывало на то, что мы уже в Финляндии. Заночевали мы в землянке, где нас угостили горячей кашей и крупно нарезанными ломтями черного хлеба. Все вокруг кутались в меховые шубы, и мы старались покрепче прижиматься друг к другу, чтобы сохранить остатки тепла. Утром мы переехали длинный понтонный мост, и наш новый русский друг указал рукой на едва различимые в темноте очертания одинокого домика.

— Норвежский дом, — торжествующе произнес он по-русски, и я его сразу понял. Наш дом!

Итак, я снова оказался на родине. Здесь жили мой отец и моя мать. Но до южной Норвегии было еще несколько тысяч километров оккупированной фашистами земли. Так далеко на север я никогда не забирался. Край полярных дней и ночей лежал передо мной в руинах. То тут, то там над обгорелыми развалинами поднимался дымок от еще не погасшего огня. Отступая, немцы использовали тактику выжженной земли, они уничтожали все, что не могли унести с собой. В городке Киркенес уцелел один-единственный дом. Более того, фашисты угнали на юг все мирное население. Несчастливым беженцам пришлось целых

три дня идти пешком по пустынной земле, между двумя воюющими сторонами.

Рорхольт поселился в брошенном немецком бункере вместе с командиром роты горных стрелков полковником Арне Далем. Полковник приехал с предыдущим конвоем. Им не удалось установить прямую связь с Лондоном, и все сообщения они отправляли через расположенный неподалеку штаб русских. Мы все с нетерпением ждали прибытия корабля с оборудованием.

Через несколько дней пришло сообщение, что он потоплен врагом. Пять норвежских моряков вместе с тринадцатью ящиками для «Группы И» оказались погребенными на морском дне.

К нашему удивлению и радости, перед самым Рождеством к нам явился Стабел, в русском обмундировании и без единого, даже самого маленького, приборчика из нашего груза. Сигнал тревоги застал его на задней палубе, и он тут же помчался на мостик за указаниями, что делать. В этот миг вся задняя палуба взлетела на воздух, и Стабел оказался в ледяной воде. Жить ему оставалось считанные минуты, но его спас советский корабль. Еще он рассказал, что когда наш конвой покинул мурманский порт, его уже поджидали немецкие подводные лодки и пятьдесят «юнкерсов». По сообщениям англичан, противник потерял двенадцать субмарин, но и союзники недосчитались несколько кораблей, в том числе двух русских. На эскадренном миноносце «Кассандра» погибло шестьдесят один человек, и когда его на буксире дотащили до мурманского причала, у него была снесена вся носовая часть, а между кусками искореженного железа торчали трупы моряков.

Мы очень были рады возвращению Стабела и должным образом отметили это событие на Рождество. Лапландский охотник принес оленятины на жаркое, а русский интендант, услышав про норвежское Рождество, подарил ящик водки и мешок риса. Он заверил нас, что как только немецкое сопротивление будет сломлено, Красная Армия немедленно отправится домой. Мы пели Рождественские гимны и русские народные песни и желали ДРУГ Другу мира.

На второй день Рождества из русского штаба явился посыльный с приказом, согласно которому лейтенанту Хейердалу следовало немедленно возвращаться в Лондон, поскольку он не был включен в список личного состава, согласованный с советским посольством в Англии. Полковник Даль тотчас послал ответное сообщение, что имя

лейтенанта Хейердала включено в дополнительный список, к тому же ввиду острой нехватки офицеров его никак нельзя отсылать назад. Русские просмотрели дополнительный список и нашли там сержанта Хейердала. Что-то здесь было не так, и лейтенанту следовало немедленно убираться в Лондон. Так приказала Москва.

Это был полный бред. Мы с полковником Далем выработали план. Меня назначили помощником командира группы командос, отправляющейся на опасное задание, а полковник должен был меня прикрыть.

В последний день 1944 года наша маленькая группа из семи человек перевалила через горы у фьорда Смал и на реквизированном грузовике добралась до самых удаленных наших позиций, которые удерживали семьдесят горных стрелков. Позади лежала ничья земля, а впереди, по другую сторону фьорда, стояли немецкие войска. Мы отдохнули в оставленных немцами окопах, а затем вышли на задание. На противоположном берегу возвышался маяк, а рядом с ним стояли на якоре три немецких эсминца. Нам предстояло незаметно переплыть на лодке через фьорд, захватить охрану врасплох и взорвать маяк.

Перед началом операции меня мучили сомнения. Спящие в караульном помещении немецкие солдаты — я ведь их совсем не знаю. Конечно, они солдаты вражеской армии, но они же подневольные люди, и если они откажутся выполнять приказы, их расстреляют без разговоров. В армии нельзя даже отказаться прислуживать в офицерской столовой. Я ворочался всю ночь, решая дилемму: что лучше — бросить гранату в окно комнаты, полной беззащитных спящих людей, или предупредить их криком, но при этом подвергнуть огромному риску моих товарищей? Но тут раздалась трель полевого телефона. Советское командование потребовало, чтобы полковник Даль немедленно выслал патрульные команды на поиски лейтенанта Хейердала.

Приказ был короток и не подлежал обсуждению. Я попрощался с командиром группы, лейтенантом Альфредом Хеннингсеном — теперь ему предстояло выполнить задание силами всего лишь пяти человек — и сел в грузовик рядом с шофером. Надо было возвращаться в абсолютной темноте, через усеянную минами ничейную землю. Глупо, как глупо! Но главное теперь было вернуться в Киркенес прежде, чем все норвежские солдаты, вместо того, чтобы воевать с врагом, начнут

патрулировать местность, чтобы найти Хейердала и отправить его в Лондон за советской визой.

За все время войны я больше ничего не слышал о Хеннингсене и его людях. Позже выяснилось: немцы обнаружили их и открыли огонь. Лодка потонула, половина диверсантов погибла, а остальных взяли в плен. Хеннингсен оказался среди выживших и много лет спустя стал членом парламента Норвегии от города Тромсё.

Началась сильная метель, и грузовик застрял в сугробе. Неподалеку мы обнаружили брошенный и вмерзший в снег снегоочиститель от бульдозера. Мы с шофером начали его выдирать из льда, как вдруг заметили, что к нему присоединена мина. После этого нам как-то расхотелось к нему приближаться.

Медленно, постоянно откапываясь, мы все же продвигались вперед. Никаких указателей на дороге видно не было. Война не пощадила мосты через реки Гульюк и Тана, но нам удавалось переправляться на другой берег по замерзшему льду. Правда, один раз грузовик застрял посреди реки, и мы никак не могли сдвинуть его с места. К счастью, неподалеку оказалась хижина лапландца. Мы упросили его дать нам лошадь и с ее помощью вытащили машину. Наутро следующего дня, пересекая фьорд возле Нессеби, мы провалились под лед. Мне живо вспомнился мой детский ужас, связанный со льдом и водой, но до берега было недалеко, и мы сумели до него добраться, промокнув до нитки. Нам на выручку пришли три проезжавших мимо лапландца, но едва мы приступили к спасению грузовика, как сани тоже ухнули под лед. С помощью березовых лаг мы вытащили сани и лошадь, но машину пришлось бросить.

После нескольких дней таких приключений я наконец под утро добрался пешком до Вардё и уснул мертвым сном в первом попавшемся доме.

Перед тем, как пересечь фьорд, отделявший меня от Киркенеса, я встретил загадочного вида небритого прапорщика. Во время отступления немцев он прятался в снежном иглу. Когда он наконец вышел из своего убежища, то, подобно мне, оказался на нейтральной полосе. После того, как мы прониклись доверием друг к другу, он представился под вымышленным именем Торстейн Петерсен. Наша дружба, начавшись тогда, выдержала испытание временем. Через годы

он присоединился к экспедиции на «Кон-Тики». На самом деле его звали Торстейн Рааби.

Во время войны в Финляндии Торстейн не особенно распространялся о своем прошлом. Позже я выяснил, что он прошел подготовку в Англии и был выброшен с парашютом в Норвегию, в район Тромсё. Он жил по подложным документам неподалеку от места базирования немецкого броненосца «Тирпиц» и на протяжении нескольких месяцев каждую ночь отправлял радиogramмы в Англию, используя портативный передатчик и антенну, которой днем пользовался один немецкий офицер. Подобно Рорхольту и Хогланду, союзники высоко отметили его заслуги. Во многом благодаря ему британская авиация в конце концов потопила «Тирпиц» — второй флагман фашистского флота, нашедший упокоение на дне норвежского фьорда.

Когда стало известно, что лейтенант Хейердал появился в Киркенесе и собирается в Мурманск, чтобы с первым же конвоем вернуться в Англию, норвежское командование испытало чувство облегчения, а остальные мои земляки заметно переполошились. После гибели оборудования «Группы И» норвежский корпус не мог поддерживать связь ни с какой другой страной, кроме Советского Союза. У каждого нашлось, что передать или попросить сделать в Лондоне. Один сообщал, что в партии обуви, пришедшей с последним конвоем, были только ботинки на левую ногу. Мурманские коммунисты ли тому виной, навсегда останется загадкой, но факт остается фактом — на следующий день лейтенант отправился в патрулирование с восемью солдатами и только одним спальным мешком. Число восемь объяснялось очень просто — именно столько пар обуви было в его взводе, и солдат он подбирал по одному-единственному критерию — чтобы на них налезли ботинки. Еще патруль располагал тремя автоматными рожками и четырьмя котелками и кружками. Военная полиция хотела доложить о количестве норвежских нацистов, задержанных в районе Киркенеса. Врач посылал рапорт о состоянии здоровья личного состава и умолял прислать лекарства, а начальник склада рапортовал об отсутствии практически всего — от оружия и боеприпасов до обувного крема, варежек и солнцезащитных очков.

11 января 1945 года за мной заехал советский бронетранспортер. К моему великому удивлению, я оказался не одинок. Со мной ехали два лейтенанта норвежских ВМФ, тоже объявленных Москвой «персонами нон грата». Наша тройка возвращалась в Лондон с одним и тем же конвоем. Более того, вскоре к нам присоединились еще три человека в форме майоров. Они не производили впечатления профессиональных военных, но их мундиры украшали офицерские знаки отличия, поскольку все они были важными чиновниками. В Лондоне от них ждали отчета о настроениях и образе жизни гражданского населения. В холоде и темноте мы стучались друг о друга, шесть норвежских офицеров и один русский водитель, а бронетранспортер неумолимо вез нас на восток, через понтонный мост, прочь от Норвегии. Дни ничем не отличались от ночей, и в прорези в бортах машины мы видели только снег да бесконечные колонны машин и одетых в овчину солдат. Мы ехали и ехали, изредка останавливаясь, чтобы перекусить и выпить чаю в каком-нибудь занесенном снегом бункере в обществе полуодетых русских солдат, молча сидящих вдоль стен. Потом мы увидели множество огней и поняли, что финская граница осталась позади и перед нами лежит Мурманск.

Советский флотский офицер распахнул люк бронетранспортера и приказал нам торопиться, поскольку мы прибыли с опозданием и конвой уже отплывал. Сперва он выудил на свет божий трех лейтенантов, а майорам сообщил хорошую новость: им разрешено вернуться в Киркенес! Один из них, в обычной жизни директор банка, изобразил самую завораживающую улыбку и попытался объяснить благодетелю, что тут какая-то ошибка. Это три майора должны вернуться в Англию, а трем лейтенантам, наверное, можно остаться.

«Никаких ошибок. Приказ Москвы», — твердо ответил русский. С этими словами он захлопнул люк, бронетранспортер отправился назад в Киркенес, увозя в своем чреве трех майоров, полумертвых от холода и горя.

Мы, лейтенанты, решившие было, что остаться разрешено именно нам, тоже испытали жуткое разочарование. Однако нас, не слушая никаких возражений, усадили со всеми нашими пожитками на советский противолодочный корабль, и тот на всех парах пустился догонять конвой, уже покинувший бухту Полярную. Когда мы

выходили из бронетранспортера, один из майоров случайно поставил свою сумку рядом с моей. Я знал, что помимо личных вещей он вез секретные документы и пистолет, поэтому я сделал вид, будто у меня было две сумки.

Менее чем через два часа мы догнали замыкавшие колонну конвоя два английских эсминца. Не снижая скорости, опасно раскачиваясь на бурных волнах, корабли обменялись пассажирами. Один лейтенант оказался на «Зебре», а я вместе со вторым — на «Замбези». Мы отправились в офицерскую кают-компанию и немедленно заснули.

Но взлетая на гребне волн, то проваливаясь в бездну, корабли каравана вышли из фьорда в открытое море. А под водой нас караулили немецкие субмарины. Я проснулся от взрывов глубинных бомб. «Зебра» отбомбилась первой, но через несколько минут за кормой «Замбези» всплыла подводная лодка и передала кодированное сообщение. Это могло значить только одно — скоро у охраны конвоя будет много работы.

Мой товарищ-морьяк мучился от морской болезни и не мог оторвать голову от подушки. Мне тоже нелегко дался резкий переход от твердой земли к океанской качке, но тем не менее я нашел в себе силы проследовать за английским офицером в штурманскую рубку, где мне стала ясна структура построения конвоя. Он состоял из большого количества грузовых кораблей, возвращавшихся порожняком в порт приписки, и судов охраны: одного авианосца, одного крейсера, восьми эсминцев, девяти противолодочных охотников и нескольких судов поменьше. Мы ожидали вражеской атаки в любой момент, поэтому спать нам приходилось в гамаках, натянутых в открытом коридоре, не снимая спасательных жилетов.

Естественно, спалось нам плохо. На то имелось несколько причин. Во-первых, коридор был настолько узок, что при качке гамаки бились о переборки. Едва ты успеваешь заснуть после близкого контакта с одной переборкой, как тут же знакомился с противоположной.

Вскоре со всех сторон до нас стали доноситься взрывы. Англичане отнеслись к этому с мрачным юмором. «Мы обнаружили косяк макрели», — сказал капитан.

Но нет; Господь никогда не допустил бы, чтобы в океанах водилась подобная рыба. Эти дьявольские механические чудовища были порождением человеческого мозга с единственной целью —

уничтожать людей. Я часто задавался вопросом: что сказал бы Теи Тетуа о нашей замечательной цивилизации, доведись ему лежать в гамаке по соседству со мной.

Мои размышления прервал грохот близкого взрыва, и столб воды поднялся в воздух прямо рядом с бортом.

— Это мы, — гордо объявил стоявший в двух шагах от меня моряк.

Я поднялся на мостик узнать, что происходит. На борту царило лихорадочное оживление. Приказы отдавались и получались. Из катапульт в голубые беспокойные воды Атлантического океана широким веером сыпались похожие на бочки глубинные бомбы. Через несколько мгновений вода вокруг словно закипела и брызги взлетели выше мостика. Не покидая своего места в конвое, мы шли зигзагами, чтобы уменьшить вероятность попадания торпеды.

Чтобы сбить с толку основные силы противника, с авианосца пришел приказ изменить курс на восток, в направлении Сибири и Кольского полуострова. Затем мы вновь повернули на запад, только двумястами километрами севернее. Там нас поджидал настоящий шторм, и следующей ночью нас раскачивало с амплитудой в тридцать пять градусов.

Удерживать все суда конвоя вместе стало практически невозможно. Мы снова сменили курс и два дня шли на юго-запад, но шторм только усиливался. На третий день я услышал крик: «Человек за бортом!» Трех моряков смыло волной, но следующая волна чудесным образом забросила их назад на палубу корабля. Качка была просто непереносимой. Мостик кренился то вправо, то влево на сорок градусов, и удержать что-либо в руках не представлялось никакой возможности. В разгар снежной бури всего в пяти километрах от нас пролетел немецкий разведывательный самолет.

Попытка пообедать за столом окончилась полным фиаско на грани комедии. Я и еще двое офицеров изо всех сил пытались удержать блюда и столовые приборы, но, наконец, пришла огромная волна, и стулья, половики и посуда разлетелись по всей каюте. В самый последний момент я ухитрился зацепиться ногами за привинченные к палубе ножки стола, но зато корабельный доктор пролетел через всю каюту и закончил свой полет в углу, прижатый к переборке и накрытый половиком. Мичман вдруг побежал от стены к стене, как

сумасшедший, держа в руке нож с куском мармелада. И, словно этого было недостаточно, вдруг откуда-то появился стюард в одной рубашке и принялся плясать босыми ногами на осколках посуды и раздавленных сандвичах. Мы в недоумении смотрели на него, и тут из-под половика раздался голос корабельного доктора.

— Это что, стриптиз такой? — сухо поинтересовался он.

Следующая волна отправила стюарда обратно туда, откуда он пришел, и дверь с треском захлопнулась за ним, придав сцене недостающую завершенность.

На следующий день море стало поспокойнее, и тут же неподалеку от нас всплыла подводная лодка и передала очередное сообщение. Она неотступно следовала за нами на дистанции в тридцать километров со скоростью восемнадцать узлов и погрузилась, только когда с авианосца поднялся самолет. В подводном положении она не могла развить скорость больше шести узлов, поэтому конвой разогнался до двадцати узлов и ушел от нее. Но наше местонахождение перестало быть секретом, и вскоре нас со всех сторон окружили вражеские субмарины. «Замбези» первой приняла удар на себя.

Я только что проверил водонепроницаемые переборки и направлялся на мостик, как до моих ушей донесся странный металлический звук и весь корабль содрогнулся, словно от боли. Первым делом я решил, что в нас попала торпеда, но как оказалось, это мы сами вели огонь. Матросы на палубе суетились вокруг катапульт и запускали одну глубинную бомбу за другой, а в это время эхолот на мостике нашел еще одну цель с правого борта. Тем не менее командир конвоя приказал нам покинуть строй и вступить в бой с подводными лодками. Волны швыряли «Замбези» то вверх, то вниз, то вправо, то влево, а наблюдатели и акустики пытались вовремя заметить приближающуюся торпеду. Вскоре мы услышали сигнал эхолота и поменяли курс, чтобы перехватить еще одну субмарину. Через некоторое время она оказалась прямо под нами. Затем навигационные приборы начали давать сбои, и пока мы их чинили, оказалось, что мы отстали от конвоя. Мы разогнались до двадцати узлов и на Полярном круге догнали своих. Но тем временем шторм разыгрался совсем уж не на шутку. Волны вздымались, словно водяные горы, и обрушивали на бедный эсминец удары страшной

силы. Он вздрагивал, как породистый жеребец под кнутом, но продолжал бой с морским чудовищем.

Ближе к вечеру пришло сообщение, что авианосец вынужден свернуть с курса и пойти по ветру. Чуть позже до всех был доведен приказ: кто может, должны продолжать движение на юг, сохраняя строй. К десяти вечера нам тоже пришлось прекратить борьбу, и мы повернули на север. Некоторое время на борту царил настоящий хаос. Навигационные инструменты снова вышли из строя, и в полной темноте мы пошли наперерез остальным судам конвоя, лишь чудом избежав столкновения с транспортом, который внезапно вырос у нас прямо по носу. Шторм теперь представлял большую опасность, чем подводные лодки, и на всех кораблях зажглись бортовые огни.

Отдохнуть в гамаке не представлялось никакой возможности, потому что он раскачивался от стены к стене, и приходилось смягчать удары обеими руками. Поэтому я не спал, когда чудовищная волна обрушилась на «Замбези» и разнесла в щепки нашу единственную спасательную шлюпку. Затем вырвало с корнем одну из катапульти, и в образовавшуюся в палубе пробоину с каждой новой волной устремлялись потоки воды. Теперь самая серьезная опасность исходила не извне, а от нас самих. Глубинные бомбы, приготовленные к запуску, сорвались с креплений и катались по палубе. Из оружия для защиты они превратились в непредсказуемого врага. Судно швыряло из стороны в сторону, потоки воды носились по палубе, сметая все на своем пути, бомбы перекатывались от борта к борту. Казалось, коварный противник внезапно напал из-за угла и втянул нас в бессмысленную игру, ставкой в которой была наша жизнь. Наверное, все чувствовали себя такими же беспомощными, как и я. В какой-то момент я всерьез прикидывал, какие у меня шансы на спасение, если я прямо сейчас прыгну за борт и поплыву прочь от обреченного корабля.

И тут часть бортового ограждения, наконец, не выдержала, и первая из глубинных бомб скатилась в океан. Обычно при бомбометании корабль идет на полном ходу, чтобы в момент взрыва отойти как можно дальше от его эпицентра. Теперь же «Замбези» делал жалкие три узла, а бомба упала совсем рядом. В результате случилось то, чего и следовало ожидать. Одна за другой бомбы попадали за борт и под влиянием давления воды начали взрываться. Штормовое море, казалось, совсем взбесилось, и с каждым взрывом я

ждал, что корпус, наконец, не выдержит напряжения. Экипаж корабля предпринимал героические усилия, чтобы не дать упасть оставшимся бомбам, но после того, как одного матроса смыло за борт, остальные были вынуждены прекратить попытки. На сей раз беднягу не выбросило назад, и все попытки спасти его не увенчались успехом. Жутко было видеть его голову, то появлявшуюся, то исчезающую в ледяных волнах всего лишь на расстоянии вытянутой руки от корпуса судна. Только мгновение назад раздался крик «человек за бортом», и вот все уже было кончено. В таких условиях найти его было невозможно. Уже через несколько минут все тело будет покрыто коркой льда.

— Жаль, — пробормотал один из офицеров. — Он так хорошо играл на аккордеоне.

Он, так же как и я, мучился от собственного бессилия и не знал, как выразить словами свои чувства.

Шторм набрал такую силу, что никого нельзя было послать на палубу, даже привязав канатом. В общей сложности за борт упало двенадцать бомб. С флагманского корабля пришел приказ всем судам, которые еще держались вместе, сменить курс и самостоятельно добираться до Фарерских островов. Во время снежной бури столкнулись два транспорта. У одного образовалась огромная пробоина в борту, и он начал тонуть. Прежде чем мы достигли Фарерских островов, эхолот обнаружил цели с трех сторон от нас. Наш капитан не хотел лишаться последних бомб, поэтому «Зебра» и еще один эсминец принялись охотиться за вражескими лодками и прикрывали нас до тех пор, пока мы не вошли в порт.

С Фарерских островов я перелетел в Шотландию, а оттуда в Лондон, чтобы получить визу в советском посольстве и вернуться на фронт. Разумеется, я также доставил по назначению документы и прочие вещи, которые майоры предоставили в мое распоряжение.

Только через много лет после войны я выяснил, почему мои бумаги не понравились русским. Меня пригласили в советскую Академию наук на дискуссию, посвященную моей теории. В Москве на сцену вместе со мной вышел человек, занимавший один из самых высоких командных постов на Северном фронте, и нас представили аудитории как товарищей по оружию. Я не преминул воспользоваться

ситуацией и выяснил, что всему виной мое повышение в чине. В бумагах, поданных на визу, фигурировал прапорщик Хейердал. А приезжает лейтенант Хейердал — вдруг это другой человек?

В Лондоне оказалось, что я первым вернулся с норвежского фронта. Поэтому на Би-Би-Си вышла программа с моим участием на английском, французском и норвежском языках. Трудно описать чувства, которые испытала, слушая эту передачу, моя престарелая матушка. Все военные годы она жила в доме одной из моих племянниц в Лиллехаммере. На чердаке они прятали парашютистов и бойцов Сопротивления. Один из них как раз завершил свое задание и на следующий день собирался уходить в Швецию, а оттуда в Англию. Когда норвежский диктор Би-Би-Си объявил, что завтра лейтенант Тур Хейердал расскажет о положении дел на финском фронте, парашютист отложил свое возвращение, и шестого февраля 1945 года мама впервые за шесть лет услышала мой голос и убедилась, что я жив и здоров. После войны моя семидесятидвухлетняя мать тоже получила награду за вклад в победу над врагом фотографию Уинстона Черчилля с собственноручной благодарственной надписью.

Теперь мне предстояло вернуться на фронт с действительной визой в кармане. Но на сей раз мне не пришлось дожидаться следующего конвоя до Мурманска. К моему великому удивлению, в Лондоне я встретил капитана Рорхольта. Он сумел пробраться в Лондон через нейтральную Швецию с тем, чтобы раздобыть новые средства связи для норвежских войск, сражающихся за полярным кругом. Мы вместе продумали план дальнейших действий, и с его благословения я сам написал приказ, согласно которому мне предписывалось отправляться в Швецию и там наладить обучение норвежских беженцев радиоделу и технике прыжков с парашютом. Рорхольт зачитал бумагу на совещании высшего офицерства норвежской, американской и британской армий, и написанный мною приказ был немедленно завизирован одним высокопоставленным генералом. На следующий день после моего выступления на Би-Би-Си я уже летел над оккупированной Норвегией в маленьком английском самолете без бортовых огней. Я был единственным пассажиром, на мне красовался гражданский костюм с чужого плеча, а в чемодане лежали пистолет и лейтенантская форма. После приземления в Стокгольме я приехал в тренировочный лагерь норвежской военной

полицейских. Официально Швеция соблюдала нейтралитет, что помогло ей избежать фашистской оккупации, и в то же время она представляла собой райский островок безопасности для беженцев, в том числе и из Норвегии, да и вообще втайне Швеция сделала немало для победы над нацистами.

Рорхольт обнаружил, что в Швеции под видом «полицейских» находится около десяти тысяч норвежских военнослужащих и все они рвутся в бой. Моей задачей было отобрать подходящих людей для десантирования в тыл врага и для работы радистами по обе стороны линии фронта. Тем временем Рорхольт найдет необходимое радиооборудование, и мы переправим его нашим оторванным от мира ребятам на севере Финляндии.

В Стокгольме меня встречали с искренним радушием. Едва покинув пределы города, я переоделся в военную форму, чем вызвал полный восторг соотечественников. Вскоре я отобрал шестнадцать лучших «полицейских» — все бывшие студенты, недавно окончившие пятимесячные радиокурсы, а также одиннадцать профессиональных криптографов. Я начал обучать их приему и передаче по норвежским и британским стандартам, а также стал тренировать их выносливость.

Спустя три недели позвонил Рорхольт. Он раздобыл-таки оборудование, а также установил контакты с двумя независимыми офицерами, посвященными в наши секретные планы. Один из них — прапорщик «Петерсен», тот самый, которого я встретил в Финляндии и который помог потопить «Тирпиц». Он стал нашим агентом на норвежской стороне шведской границы. Другой, знаменитый норвежский пилот Бернт Бальхен, сейчас имел чин полковника американской армии. Его самолеты базировались на секретном аэродроме на территории Швеции. Я должен был привести туда своих солдат. Вылет был назначен на следующий день в шесть утра ровно.

К тому времени группа разрослась, и я уже командовал и обучал тридцать пять человек. Провезти через пол-Швеции тридцать пять переодетых в гражданское полицейских не представлялось возможным. Я решил рискнуть в расчете на то, что мало кто в нейтральной стране увидит различие между голубоватой формой норвежских полицейских и мундирами союзных войск цвета хаки с норвежским флагом на рукаве. И я оказался совершенно прав. Никто даже головы не повернул, когда наша группа промаршировала по

улицам Стокгольма по направлению к Центральному вокзалу и погрузилась в специально забронированный вагон.

На севере Швеции нас, соблюдая строжайшую секретность, расквартировали в летном тренировочном лагере Каллак, неподалеку от границы с Финляндией. Шведские летчики, наверное, были немало удивлены, когда поутру обнаружили вдоль взлетной полосы длинный ряд эскимосских иглу. К тому времени я уже начал обучать своих солдат технике выживания в условиях дикой природы, и у меня имелись все основания не очень-то доверять нашему снаряжению.

Рорхольт несколько задерживался, и мы посвятили образовавшееся свободное время тренировкам, отработке прыжков с парашютом и физической подготовке. Чтобы поддерживать дисциплину в группе, я своей волей произвел самых толковых ребят в сержанты, а некоторых — в капралы.

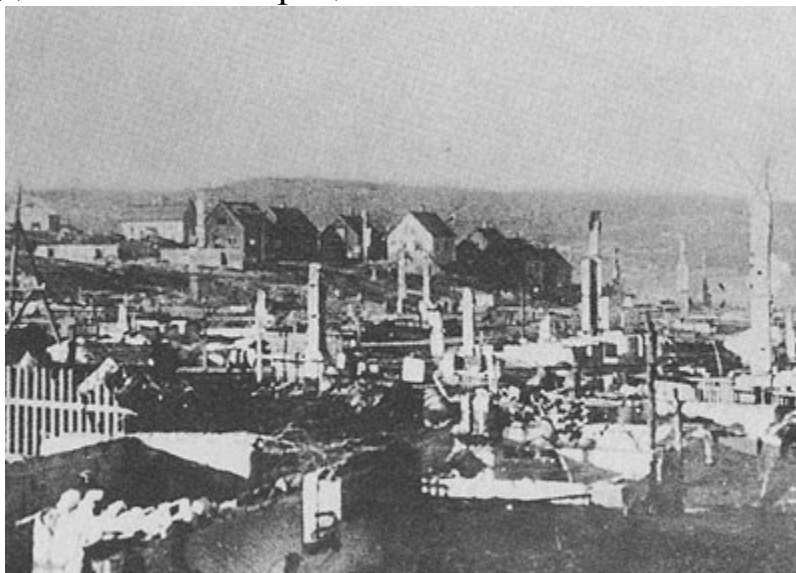
Наконец прибыл Рорхольт и привез оборудование. Бальхен разрешил нам, прежде чем посылать людей на настоящее задание, совершить несколько тренировочных прыжков с его «Дакот». Потом Бальхен лично доставил меня в Киркенес, где я тут же попал в объятия того самого русского офицера, который четыре месяца назад отправил меня в Лондон.

— Добро пожаловать, лейтенант Хейердал, — с широкой улыбкой сказал он. — Теперь ваши бумаги в полном порядке.

Он только что получил подтверждение из Москвы.

У развалин Киркенеса расположилось небольшое, но отлично подготовленное подразделение связистов. Мы наладили прекрасное снабжение: американское полярное обмундирование, английское и советское оружие и отличные шведские продукты. Надо мной не было ни одного прямого начальника. Полковник Даль и командование норвежскими войсками в Финляндии по-прежнему располагались в районе Киркенеса по соседству с советским штабом, но норвежские горные стрелки зашли глубоко в нейтральную зону после того, как Красная Армия приостановила свое наступление, выйдя на берег широкого фьорда Варангер, естественной границы между Норвегией и СССР. Мы с Рорхольтом договорились, что я буду продолжать командовать людьми, а он займется материальной частью и вопросами координации. В итоге, получив разрешение от шведского командования, он остался в тренировочном лагере в Швеции, где нам

отвели одну из казарм. Этой казарме предстояло стать головной базой всех наших дальнейших операций.

Разрушенные фашистами жилые кварталы Киркенеса
(Сев. Норвегия)

Высадившись на норвежской территории, я организовал лагерь ускоренной подготовки для финских добровольцев и одновременно, по заданию Рорхольта, создал цепочку маленьких радиостанций слежения. Однажды Рорхольт получил сообщение от одной из этих станций, что со стороны Нарвика навстречу наступающим норвежским войскам выдвинулась группа норвежских нацистов. Если они обнаружат, сколь малочисленны на самом деле наши силы на этом участке, немцы могут предпринять еще одну атаку в северном направлении, и тогда они сотрут наших с лица земли прежде, чем русские успеют прийти к нам на помощь через заминированную нейтральную полосу.

С благословения русского командования и полковника Даля, я снова отправился за линию фронта. Как раз вовремя под рукой оказался одинокий волк, прапорщик «Петерсен», и вместе с лейтенантом Стабелем, успевшим к тому времени переодеться в норвежскую форму, он присоединился к моей маленькой группе. Снег еще сковывал горные перевалы, и чтобы в третий раз не пробираться через минные поля нейтральной полосы, мы взяли две рыбацкие лодки и отправились морем.

В Батсфьорде мы высадили патруль, который должен был предупредить нас в случае возможного появления вражеских

разведчиков. Ни одно судно антигитлеровской коалиции не заходило в эти кишасие минами воды. Здесь по-прежнему курсировали немецкие субмарины. Каждый час я выходил на связь со второй нашей лодкой — она кралась за нами следом вне пределов прямой видимости. Перед отплытием мы договорились встретиться в Хопсейдете, но на подходе к нему у меня появилось дурное предчувствие, будто мы сами идем врагу прямо в руки, и я послал Стабелю, старшему на второй лодке, зашифрованное указание продолжать движение мимо Нордкина и далее в устье длинного фьорда Порсангер. Со стороны этот шаг казался чистым безумием — на западном берегу фьорда располагались немецкие позиции. В том-то и заключался мой расчет — им и в голову не могло прийти, что мы войдем во фьорд прямо у них под носом.

Перед тем, как мы сменили курс, немецкие наблюдатели нас засекли. Ночью три вражеские подлодки высадили в Хопсейдете десант. Пьяные десантники разоружили немногочисленную норвежскую охрану и, как рассказывали позднее очевидцы, арестовали шестерых гражданских, долго допрашивали их и, ничего не добившись, расстреляли. К тому времени мы уже давно шли вдоль восточного берега фьорда Порсангер.

Если в январе, когда я впервые попал на фронт, круглые сутки царила непроглядная полярная ночь, то теперь и ночью было светло как днем. Перед тем, как войти в бесконечно длинный фьорд прямо на виду у немецких позиций, мы, разумеется, погасили бортовые огни, но это был скорее символический жест. В мае ночью на суше и на море отлично видно на многие километры вокруг.

В девять утра мы высадились на берег и обнаружили там невероятные нагромождения колючей проволоки. Кроме того, земля была буквально нашпигована противопехотными минами. Двое несчастных подорвались на mine всего лишь за день до нашего появления. Еще мы нашли два нераскрытых парашюта и разбившийся при падении генератор — их сбросил для нас Рорхольт с одного из самолетов Бальхена. Мы вернулись на лодки и поплыли дальше до Хамнбукта, располагавшегося в самой дальней точке фьорда. Там мы со всеми мерами предосторожности разбили лагерь неподалеку от поселения лапландцев. Когда вечером мы вышли на связь с Рорхольтом, нам сообщили, что немецкие войска в Дании капитулировали.

Мы отметили радостную новость вместе с лапландцами, которые угостили нас своим национальным напитком «клонк». Правда, мы все равно старались не шуметь, поскольку орудия на противоположном берегу фьорда оставались заряженными и никто не мог поручиться, что соседи разделяют наше веселье.

В последующие дни и ночи я хорошо узнал, что такое современная война. Мы с осуждением говорим о тех варварских временах, когда наши предки мечами рубили друг другу головы, и тешим себя иллюзией, что в наши дни война стала значительно гуманнее. Конечно, запускать ракеты и устанавливать мины можно, даже не снимая белых перчаток.

Когда я впервые оказался посреди минных полей Финляндии, фашистские бомбежки Лондона были еще свежи в моей памяти. Я видел своими глазами, как на город дождем сыпались бомбы, и беззащитные, ни в чем не повинные женщины, дети и старики в отчаянии искали спасения в подвалах и в метро, словно первые христиане в катакомбах Римской империи. Я также видел, как эскадрильи союзников, словно сказочные драконы, заполняли все небо от края до края, отправляясь на миссию отмщения, чтобы сделать с немецкими стариками и женщинами то же самое. И вослед им неслись благословения священнослужителей! Однажды мне довелось увидеть незабываемую символическую картину: воплощение пяти тысяч лет технического прогресса. Дело было так. Я всегда мечтал посмотреть на знаменитые руины в Стоунхендже, и как-то раз, в свободное от мытья лестниц время, я сел на поезд до Солсбери, а дальше на попутных машинах добрался до забора из колючей проволоки. Как выяснилось, неподалеку разместилась военная база, и забором обнесли всю округу.

Однако я твердо решил не отступать, покуда не увижу своими глазами знаменитый храм древних друидов. В конце концов, не зря же меня учили военному ремеслу. Конечно, я не собирался наносить материальный ущерб союзникам. Я нашел пустой картонный ящик и, когда стемнело, проложил между соседними витками проволоки два слоя картона и пролез между ними. Сперва я сполна насладился видом величественных каменных глыб, а затем забрался на алтарь. Там я съел свой ужин, развернул спальный мешок и улегся, размышляя о том,

какая чудная штука — время. Надо мной сияли созвездия, которые точно так же светили, когда на Земле еще не было ни единого живого существа. Эти созвездия, вместе с луной и солнцем, вдохновляли древних строителей Стоунхенджа так же, как и нас, а может даже больше. Тут одна из звезд медленно пересекла ночной небосвод от края до края. Эту звезду создало мое поколение — бомбардировщик летел на задание.

Там, на алтарном камне в Стоунхендже, я по-новому увидел современную войну. Прошли месяцы, и на берегу фьорда Порсангер мы с лейтенантом Стабелем, прапорщиком «Петерсенем» и нашими солдатами готовились к старому как мир единоборству с противником. Правда, мы рассчитывали и на помощь со стороны современных технологий.

Мы сошли на берег в полузанесенной снегом долине, чем-то напоминавшей долину Белла Кула в Британской Колумбии. Но на сей раз мы охотились не на медведей. Великолепный березняк, когда-то покрывавший всю долину, был варварски вырублен. Только несколько уцелевших гигантов горестным укором торчали тут и там. Немцы усеяли землю невероятным количеством противопехотных мин и мин-ловушек. В свое время здесь, очевидно, скапливались большие силы. По пути мы встретили множество заброшенных лагерей, окруженных минными полями. На территории лагерей лежали груды пустых консервных банок и бутылок, а также обрывки бумаги, осколки стекла и даже сломанные машины и танки.

Новые конвои доставили в Мурманск свежее пополнение для норвежской армии, и она продвинулась далеко на юг, до лапландского города Карасйок, который находился гораздо ближе к Швеции, чем мы сейчас. Рорхольт десантировал им на помощь группу радистов, и сейчас его люди очищали от мин взлетную полосу аэропорта. Каждый день приходили сообщения о потерях среди солдат и среди мирного населения. Что касается нас, то мы воевали не столько против живого врага, сколько против различных механических приспособлений, которые он оставил после себя. Соблазнительного вида бутылка, полезное приспособление, да вообще все, что угодно, могло оказаться соединенным тоненькой проволочкой с адской машиной, специально оставленной для того, чтобы оторвать человеку руку, изуродовать ему лицо, просто убить.

Я думаю, что истинными героями современной войны следует считать тех, кто обезвреживает эти дьявольские ловушки, а также врачей, ведущих сложную, отчаянную игру со смертью. Враг может превратиться в друга на следующий миг после приказа о прекращении огня, но для смертоносного прибора, предназначенного нести смерть, не существует слова «мир». После того, как солдаты из плоти и крови разошлись по домам, я сделал отметку в своем дневнике: всю оставшуюся жизнь я буду помогать тем, кто трудится ради мира на земле. Тогда и только тогда я смогу жить в спокойствии и согласии со всеми населяющими нашу планету людьми, из какой бы страны и из какого социального слоя они бы не происходили. Никогда больше я не буду участвовать в танцах с Дьяволом.

У нас на северном фронте переход от войны к миру произошел буднично и незаметно. Вот что записано в моем дневнике шестого мая:

«Стабел брился... когда мы услышали взрыв. Все замерли. После того, как эхо вернуло отраженный звук, я вышел из палатки. лейтенант Андерсен и два санитары уже направлялись в сторону минного поля. В любую минуту под их ногами могла взорваться еще одна мина. Когда мы подошли поближе к эпицентру взрыва, из-под бесформенной груды железа, когда-то бывшей ангаром, раздайся стон. „Помогите Рольфу“, — попросил раненый солдат с изрезанным осколками лицом. С противоположной стороны песчаного холма мы нашли Рольфа. Он лежал на спине метрах в восьми от воронки. Белые стволы стоявших неподалеку берез были щедро забрызганы грязью и кровью. Вместо лица у бедняги была маска из сажи, грязи и крови, вместо волос — какая-то влажная масса. Он был в сознании и громко жаловался на боль в ногах. Мы обрезали ножом его окровавленные брюки, носки и белье. Огромные открытые раны тоже покрывай слой грязи. Здесь очищать их не имело смысла. Мы наложили повязку, чтобы приостановить кровотечение, и затем санитары унесли его в лагерь, старательно наступая в собственные следы».

Седьмого мая по радио передали неподтвержденные слухи, будто немцы в Норвегии сложили оружие. Наш горнист все порывался протрубить сигнал к окончанию боя, но мы успокоили его, поскольку вражеский авангард находился совсем недалеко — на другой стороне близлежащих холмов.

Девятого мая и мы, и немцы по-прежнему пребывали в состоянии боевой готовности, у нас по-прежнему хватало работы врачам, и постоянно прибывали новые раненые. Затем по радио началась трансляция из Осло. До нас доносился гул тысяч торжествующих голосов: норвежский десант из Англии высадился неподалеку от столицы и с минуты на минуту должен был в нее войти. Мы полностью разделяли радость своих соотечественников, хотя не могли удержаться от горькой улыбки, когда комментатор торжественно объявил: «В этот самый момент нога первого норвежского солдата ступает на родную землю».

Однако какое значение имеет приоритет! Мы вылезли из палаток и пустились в пляс от радости. В это время мимо проходил лапландец с частью оленьей туши за спиной.

— Мир! Война кончилась! — крикнул я ему.

Он остановился и вынул трубку изо рта.

— И кто победил?

— *Да, действительно, так кто же победил?*

— Многие из нас задавались потом этим вопросом. Когда немцы напали на СССР, Красная Армия в мгновение ока превратилась из дьяволов в ангелов, но стоило фашизму пасть, как русские снова стали исчадием ада. Германию приняли в НАТО, чтобы защищать нас от прежних освободителей. Когда через несколько лет я прожил довольно много времени в Италии, среди бывших врагов, это ни у кого не вызвало ни малейших эмоций. Точно также никто не удивился, что вместе со мной в путешествие на тростниковом корабле «Тигрис» отправились немец, русский и американец.

— *Так что же случилось с врагом?*

— Мы сами носим врага в себе, и время от времени Дьявол своими чарами пробуждает его и выпускает наружу, чтобы он принял участие в его дьявольских плясках. На самом деле неважно, кого мы избираем на роль врага в каждом конкретном случае. Главное —

выпустить заряд ненависти, который хранится в каждом из нас со времен Каина. В Библии сказано, что Каин убил Авеля, а поскольку у Адама не было других сыновей, то ясно, от кого мы все приходим.

Некоторое время мы не могли понять, что сейчас — мир или война. Приказ о прекращении огня пришел 13 мая, но за ним следовало странное разъяснение, что он применим только к соединениям в составе дивизии и выше. Поскольку в Финляндии нас было явно меньше, к нам он, получалось, не относился. Помню, что в тот день мы отправились на дорогу обследовать воронку от бомбы, которую надо было засыпать, и обнаружили рядом с ней семьдесят мин.

Стабел едва не утонул в Атлантике, когда мы в первый раз прибыли в Мурманск. Только чудом его не забросило прямо на небеса в один из тех дней, которые он провел в одной палатке со мной и «Петерсеном» — Рааби. 22 мая я записал в дневнике:

«Перебрались в новый лагерь. В нашем старом лагере разместились инженерные войска. Сегодня они проводили занятия с использованием миноискателя и представьте себе — нашли противотанковую мину на том самом месте, где стояла наша палатка!»

Теоретически, противотанковая мина не взрывается, когда на нее наступает такой легкий и «незначительный» объект, как человек, но теория это одно, а практика подчас — совсем другое. Что и доказал один прибывший в Карасйок офицер. Он положил на землю немецкую противотанковую мину и объяснил своим солдатам, что она рассчитана на вес танка или тяжелой машины. В доказательство своих слов он встал на мину обеими ногами, и она взорвалась! Результат лекции — двадцать два убитых и девять раненых. Один из наших радистов оказался на месте трагедии, он срочно связался с головной базой в Швеции. Рорхольт и Бальхен немедленно доставили к нам двух докторов и медсестру. Им пришлось прыгать с парашютом. К счастью, они приземлились в глубокий сугроб и не пострадали. Когда пришла пора хоронить погибших, церковное кладбище первым делом очистили от мин.

13 июля, почти через два месяца после освобождения, я отправил рапорт на имя главнокомандующего с просьбой об отставке. В просьбе мне отказали. Оказывается, я был нужен в Финляндии. Когда я попросил двухнедельный отпуск, чтобы увидеться с женой и детьми, которые недавно приехали из Америки, и со стариками-родителями, которых не видел шесть лет. На сей раз мне пошли навстречу.

Я поехал в Осло через Швецию. В лейтенантской форме я заявился напрямик в штаб главнокомандующего. Там я поймал двух прапорщиков, приказал им принести бланки приказа об увольнении, заставил эти бланки заполнить, отнести на подпись и доставить в соседний кабинет.

Через несколько дней, когда я наслаждался покоем в лоне моей семьи, мне по почте пришел приказ об увольнении из армии, подписанный двумя высокопоставленными офицерами.

Я снова стал гражданским лицом, свободным человеком, принадлежащим только самому себе, без всяких чинов, погон и личного номера.

Без времени на раздумья

Итак, я лежал в гамаке в саду своего дома на Канарах. Мой взор был устремлен вдаль, а воспоминания о бесцельно потраченном за годы войны времени отступили на задворки памяти, где им суждено лежать, подобно рулонам давно отснятой киноплёнки.

Пока я мысленно перебирал страницы дневника, заполненные в дни безжалостной бойни на берегу холодного океана, мой аку-аку куда-то исчез. Сперва я решил, что его напугали рассказы о моих друзьях и врагах, живших по бесчеловечным правилам войны, но потом взглянул на часы и понял, что на самом деле моего невидимого спутника отогнали охватившие меня волнение и нетерпение. Для аку-аку нет ничего страшнее часов — ведь он живет вне времени, в его мире нет различия между одним днем и тысячелетием.

Никогда моя жизнь не была столь наполнена событиями и никогда время не бежало так быстро, как сейчас, через пятьдесят лет после нашего путешествия на плоту «Кон-Тики» от берегов Перу до Полинезии. Повинуясь безмолвному приказу часовых и минутных стрелок, я вскочил на ноги, напугав своих верных четвероногих приятелей Кана и Оро, мирно спавших у меня в ногах. Втроем мы быстро побежали по направлению к дому. Солнце стояло еще высоко, но меня ждало множество дел. В последнее время я непривычно много перемещался по свету — не успел разобрать чемоданы после поездки в Японию и США, как настала пора собираться в Перу и на остров Пасхи. Какие уж тут неспешные беседы с аку-аку! Время бежало быстрее реактивных самолетов и телексов, и я едва за ним поспевал.

О пятидесятой годовщине путешествия на «Кон-Тики» во всем мире говорилось и писалось гораздо больше, чем в свое время о самом путешествии. Тогда нам было достаточно, что мы вернулись живыми и здоровыми. Пятьдесят прошедших лет придали событию особую значительность и торжественность. Я часто чувствовал себя виноватым, что то и дело бросаю собак и долину пирамид на Генерифе и тащу Жаклин на все эти торжественные собрания и мероприятия. Мы постоянно летали из конца в конец нашей планеты, оставляя далеко внизу так хорошо и близко знакомые мне океаны. И все это с

одной-единственной целью — засвидетельствовать тот факт, что прошло много лет после нашего путешествия в Полинезию.

Всегда приятно расслабиться в уютном самолетном кресле. Никаких встреч, никаких обязательств до того момента, когда шасси снова не коснутся земли. Когда самолет перевалил через Анды и нашим взорам открылся бескрайний Тихий океан, меня охватило такое чувство, словно я возвращаюсь домой. Невозможно сосчитать, сколько раз я бороздил его воды, особенно вдоль южноамериканского побережья, начиная от Чили, Перу и Эквадора, мимо Центральной и Северной Америки и до канадских островов у берегов Британской Колумбии. Именно там, по моей теории, останавливались древние переселенцы из Азии на пути в Новый Свет, прежде чем ветра и течения увлекли их на острова Полинезии. Я неоднократно повторил их путь — на корабле, на плоту, а в последние годы на самолете. Знаком я и с другими берегами океана. Я изучал следы, оставленные древними мореплавателями на Окинаве, на острове Чеджудо вблизи Южной Кореи, и особенно — в Японии. Всего лишь несколько недель назад я читал лекции в Токийском университете о влиянии океанских течений на древние миграционные пути. После этого, по пути на Канары, я ухитрился прочитать еще три лекции в Национальном географическом обществе в Вашингтоне. Только-только мы перевели дух, как надо было укладывать в чемоданы самое лучшее, что есть в нашем гардеробе — предстоял обед с королевскими особами в музее «Кон-Тики» в Осло, а оттуда путь лежал сюда, в Лиму. Шасси самолета коснулись земли. Мы прибыли в столицу Перу, чтобы принять участие в торжествах, посвященных тому, что 28 апреля 1948 года от причала здешнего военного порта отплыл плот под названием «Кон-Тики».

Я снова оказался в стране воспоминаний. В те дни я только что скинул лейтенантскую форму как знак перехода к новой жизни. Совсем недавно мне удалось преодолеть детский страх воды. Вместе со мной были мои боевые товарищи Кнут и Торнстейн; Эрик, с которым я в детстве играл в пираты; Герман, с которым я столкнулся в Нью-Йорке в ресторане для норвежских моряков; и наконец, швед Бенгт, с которым мы познакомились, когда он плыл на байдарке по Амазонке. Никого из них больше нет рядом со мной. Торнстейн завершил свой жизненный путь среди льдов Гренландии. Герман — на берегах озера Титикака, в царстве бога солнца Кон-Тики. Эрик

похоронен на нашей родине, в Ларвике, где мы вместе мечтали когда-то о дальних путешествиях. В живых остались только Кнут и Бенгт. Первый из них сейчас живет на пенсии в Осло. В свое время он внес большой вклад в организацию музея «Кон-Тики», а также музея норвежского Сопротивления.

Трудно поверить, что позади столько лет и что я ухитрился выжить после стольких опасностей — и неясно, что представляло большую угрозу: два перехода через океан или последующие за тем нападки со стороны всех тех, кто предпочел бы, чтобы я утонул. Тихий океан ничуть не изменился и все так же уходил за горизонт, как в те дни, когда я впервые увидел его, перелетев в Перу из Эквадора в поисках наилучшей строительной площадки для плота. Но вот Лима и портовый городок Кальяо превратились в огромный мегаполис с населением вдвое больше, чем во всей Норвегии. Там, где пролегла тропинка от гостиницы до бухты, выросли гигантские небоскребы. Среди них совсем затерялась наша скромная гостиница, отель «Боливар», который я помню гордо возвышающимся над окружавшими его домишками.

Даже импозантный президентский дворец съезжился и побледнел на фоне бетонных монстров новейшего времени. Заполненные машинами улицы, окружившие его со всех сторон, напоминали веревки, которыми связали по рукам и ногам потерявшего силы героя. Жилые кварталы, как змеи, расползлись по окрестным холмам и долинам, заражая все вокруг смогом и отбросами. Как во всех развивающихся странах, богатство и бедность здесь шли рука об руку. Напрасно здешние политики и чиновники пытались, опять же, как и везде в мире, решить проблему больших городов, задыхающихся от машин и заводов. Все шло своим чередом — богатые строили новые небоскребы, бедные — новые хижины, и чихать все хотели на расчеты специалистов.

Музей «Кон-Тики» вел археологические раскопки в Тукумане, на северном побережье, поэтому за последние не-сколько лет я часто бывал в Перу. Эта страна стала мне родной, у меня появилось здесь много добрых друзей, как среди богатых и знатных, так среди бедняков. Поэтому, когда я ступил на землю бывшей империи инков, чтобы принять участие в церемонии, посвященной юбилею «Кон-Тики», все эти контрасты и перемены меня вовсе не шокировали. Но

по сравнению с той страной, куда мы с Германом приехали, чтобы построить плот из девяти огромных бревен бальсового дерева, тут конечно все стало по-другому. Кстати, министр ВМФ тогда не дал нам своего разрешения. Точно так же, как и специалисты из Национального географического общества и прочие эксперты, он считал, что отправляться в океан на таком судне верный способ покончить с собой. Теперь же, пятьдесят лет спустя, тот же самый флот торжественно отмечал годовщину спуска плота на воду. Национальное географическое общество устроило в Вашингтоне такой же праздник несколькими днями раньше. Нас ждали в президентском дворце — ведь именно правивший тогда президент, Бустаманте-и-Риверо в конце концов приказал министру флота разрешить нам построить плот в доках его ведомства.

Теперь в красивом, старинном дворце был новый хозяин, в чьих жилах текла японская кровь. Еще недавно никто не знал о человеке по имени Фухимори, но, как часто бывает, его избрали потому, что разочаровались во всех более известных политиках. В итоге в перуанской политике появилось новое лицо, в котором невозможно разглядеть черт ни инков, ни испанцев.

Непросто управлять страной с таким пестрым по составу населением и с такой противоречивой историей. До сегодняшнего дня я встречался с пятью президентами, которые брались за эту задачу. Только один из них, тот самый, кто позволил мне строить «Кон-Тики», отработал положенный срок и покинул свой пост с гордо поднятой головой. После знакомства с Бустаманте-и-Риверо следующая моя встреча с перуанским политиком случилась у меня дома, в Осло. Прошло несколько лет после того, как я вернулся живым и здоровым после экспедиции «Кон-Тики». Кто-то позвонил в мою дверь. С огромной радостью я увидел своего веселого друга-художника, рядового Стенерсена (номер 1132) из тренировочного лагеря в Канаде. В свое время его признали негодным к несению военной службы, потому что он отстаивал свое право носить красный шарф вместе с солдатской формой. Я сразу узнал его по широкой улыбке и необычному галстуку, но вот маленького иностранца, стоявшего рядом с ним, я видел впервые.

— Милейший человек, — отрекомендовал Стенерсен своего спутника. Оказалось, они только что познакомились в баре, и

незнакомец захотел повидаться со мной, потому что я отправился на «Кон-Тики» от берегов его родины.

За чашкой кофе около камина мой гость поинтересовался, кого я знаю из его соотечественников. Я не хотел хвастаться и признал, что знаком только с министром флота да еще с министром авиации, который и организовал мне аудиенцию в президентском дворце.

— Оба они — мои лучшие друзья, — скромно заметил гость.

Я сделал вид, что поверил. Но после этого я уже не мог удержаться от искушения назвать имя президента.

— Именно я организовал ему победу на выборах, — не меняя спокойного выражения, объявил он.

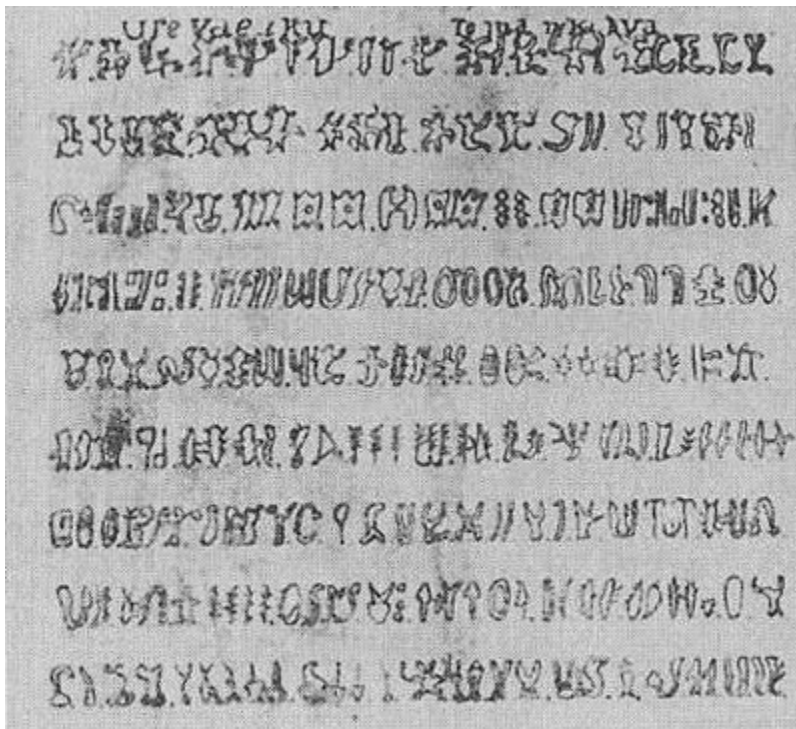
Я попросил его повторить, как его зовут.

— Виктор Рауль Айя де ла Торре, — прозвучало в ответ.

Это имя было мне знакомо. В тридцатых годах он основал партию АПРА, на протяжении нескольких лет остававшуюся крупнейшей в Перу. Причуды политической жизни сделали его изгнанником, и он уже много лет жил в Норвегии, даже научился говорить на ломаном норвежском.

Когда в конце восьмидесятых я снова приехал в Перу, у власти вновь стояла АПРА, а президентский дворец занимал яркий харизматический лидер Алан Гарсия. Я обратился к нему с просьбой выдать разрешение на раскопки в Тукумане. И президент, и члены его правительства впервые услышали это слово из моих уст, и когда министр культуры развернул свою карту, на ней не оказались отмеченными ни деревня Тукумане, ни близлежащий комплекс пирамид. Однако, когда мы начали раскопки и на вершине самой большой пирамиды обнаружили мумию последнего вице-короля времен империи инков, президент начал проявлять интерес. Покойный правитель сидел высоко над землей в ярком одеянии из перьев и серебряной короне, сжимая в руке скипетр. У его ног лежали кувшины для еды, а в удлиненных мочках ушей красовались массивные серебряные серьги. Первые испанские завоеватели записали легенду, согласно которой эти пирамиды построил правитель Наймлап, приплывший с севера во главе флотилии плотов из бальсового дерева. На стене храма мы обнаружили изображения кораблей из тростника. Ими управляли таинственные люди с птичьими головами — точно

такие же, какие нарисованы на египетских храмах и на скалах острова Пасхи.

Страница пасхальской рукописи Эстевана Агана

Все это очень заинтересовало молодого любознательного президента, и вскоре и он, и его свита стали частыми гостями в простом, но просторном доме, который я построил рядом с пирамидами из глиняных кирпичей, обожженных на солнце.

Ни в Тукумане, ни во всей долине Ламбаене никогда до сих пор не видели столько полицейских и военных в пышных разноцветных мундирах. Ночью они спали вповалку вокруг забора, на крыше, под кустами, в стойле и даже в курятнике. Между Тукумане и президентской спальней протянули шесть километров телефонного кабеля. Когда пришла пора обеда, в промежутке между стеной и нашим длинным столом едва хватило места для всех слуг и музыкантов. Наша скромная местная повариха совсем потерялась в окружении мастеров, которые готовили такие блюда, о каких она никогда и не слышала.

На следующий день рано поутру наш местный шофер Писарро отправился в ближайший город, чтобы к завтраку на столе у президента был его любимый сорт хлеба.

Когда все были наконец готовы к утреннему визиту на пирамиды, Писарро сел за руль большого экспедиционного грузовика и приготовился возглавить колонну. Мы вышли из дома, и президент тут же поинтересовался, на какой машине я поеду. Я указал на свой четырехдверный пикап. Не говоря ни слова, президент подошел к машине и выгнал из-за руля насмерть перепуганного Писарро. Президент указал мне место рядом с собой, завел мотор и тронулся с места. Писарро, который знал — что бы ни случилось, отвечать ему, — набрался смелости и вскочил на заднее сиденье, чтобы хоть как-то контролировать ситуацию. Высокопоставленный автолюбитель сорвался с места в тучах песка и пыли, и мотоциклисты его эскорта бросились следом в тщетной попытке нагнать своего патрона. Охранник на воротах успел распахнуть их настежь. К тому времени за воротами собралось все население Тукумане в надежде хоть глазком взглянуть на лидера нации. Каково же было их удивление, когда из ворот выскочил автомобиль, за рулем которого сидел сам президент, а на заднем сиденье, скромно помахивая односельчанам рукой, — их сосед Писарро.

Буквально через несколько недель после визита горячо любимого президента в Перу состоялись перевыборы. Партия АПРА потерпела поражение, и Алану Гарсия пришлось бежать из страны, спасаясь от тюрьмы. Победу же одержал никому не известный человек с ярко выраженными японскими чертами лица. Как и везде в мире, перуанцы перестали доверять обещаниям хорошо известных политиков.

Таким образом, спустя пятьдесят лет после начала экспедиции «Кон-Тики» мне предстояло встретиться в президентском дворце с главой государства, Альберто Фухимори. Всего несколько дней назад он взял штурмом японское посольство, захваченное террористами. Дипломатов продержали в заложниках целых сто двадцать шесть дней. За время, прошедшее после окончания операции, он еще ни разу не показывался на публике. Как и следовало ожидать, нас с послом Норвегии принял политик, находящийся отнюдь не в самом лучшем расположении духа. Президент Фухимори, человек с военной выправкой и каменным выражением лица, предложил нам сесть и указал на стойку с напитками. Обычно официальная обстановка таких визитов довольно быстро уступает место дружескому общению, но на сей раз все держались скованно очень долго. Первая улыбка озарила

лицо нашего хозяина только тогда, когда я напомнил ему, что мы уже встречались, и при каких забавных обстоятельствах.

Это случилось несколько лет назад. Я еще не был знаком с Жаклин. В Перу свирепствовала эпидемия холеры, и ходили слухи, что всему виной рыба, которую ловили вдоль побережья. В Тукумане тоже царила мрачная атмосфера. Помощник повара свалился с тифом, а Писарро только-только оправился от приступа холеры. Деревенский священник пригласил меня на прощальный обед. Террористы из банды, называющей себя «Сияющий путь», вывесили свой флаг на одной из пирамид. Священник, отец Педро, начал получать письма, что в его доме заложена бомба, и епископ приказал ему уехать на год из деревни.

Я плотно пообедал козленком и пивом у священника и уже собирался распрощаться, когда зазвучала музыка. Оказывается, от меня ждали, чтобы я открыл танцы. Мне удалось отговориться, поскольку из прибрежной деревни Санта-Роса пришло письмо с обещанием какого-то «сюрприза». Письмо подписал некто Николас, «президент профсоюза рыбаков».

Писарро уже ждал меня в машине. Я пригласил поехать со мной соседку по обеденному столу, местного архитектора. Она проводила все время на наших раскопках и тщательно зарисовывала то, что мы находили. Как и я, она думала, что «сюрприз» будет заключаться в гребле наперегонки. У меня установились замечательные отношения с рыбаками, потому что во многом благодаря моему заступничеству государство стало платить им за их усилия сохранить заросли редкого камыша «тотора». Из него они испокон веков сплетали свои рыбацкие лодочки.

Однако дорога на Санта-Роса оказалась перекрытой полицией, и как ни объяснял Писарро, что я — почетный гость сельчан, нас так и не пропустили. Писарро нашел объездную дорогу, и мы оставили полицейский кордон позади. Все население деревни высыпало на улицы. По главной улице маршировал духовой оркестр, но мы опоздали и не могли присоединиться к шествию. Чтобы хоть что-нибудь увидеть, я проталкивался сквозь толпу, таща за собой даму-архитектора. Наконец нам удалось протиснуться к самому оркестру, и мы влились в строй марширующих. Оркестр шел сразу за нами, а впереди — только небольшая группа людей. И тут я увидел, что один

из них — президент Фухимори собственной персоной. Рядом с ним вышагивал мэр деревни.

Выбраться из марширующей колонны мы не смогли, и нам пришлось идти следом за президентом, а оркестр наступал нам на пятки. В городскую ратушу вошли только президент и мэр, а нас прижало толпой к самой стене здания. Я поднял голову и увидел, что обе важные персоны стоят на балкончике прямо над нами. Мы с мэром встретились глазами, и я верноподданно помахал ему. Он исчез с балкона и внезапно оказался рядом со мной. Прошептав, чтобы я ждал в деревенском ресторанчике, он снова вернулся к президенту. С большим трудом мы выбрались из толпы и направились к ресторану, где обнаружили два длинных стола и множество народа. Все сидели за одним из столов, но там не оставалось ни одного свободного места. Поэтому мы уселись за другой стол, где не было никого.

Есть и пить нам не хотелось — мы ведь только недавно обедали у священника. Тут распахнулась дверь, и в сопровождении мэра вошли президент Фухимори и его младший сын. Мэр посадил их за стол прямо напротив нас и почтительно удалился.

«Ничего себе сюрприз», — подумал я и только тут понял, что произошло недоразумение. Фухимори этого не знал и грустно улыбнулся, когда я представился ему. Он явно решил, что мое присутствие за его столом каким-то образом входило в программу его визита, и после короткого разговора с сыном по-японски принялся поглощать свое любимое блюдо «севиче» — маринованную сырую рыбу.

На некоторое время воцарилась неловкая тишина, но потом президент, сориентировался и спросил, не я ли плавал на «Кон-Тики»! Получив положительный ответ, он коротко просветил своего сына по-японски, а затем подвинул поближе ко мне свое блюдо, приглашая присоединиться. Как ни пытался я, по-испански и при помощи жестикуляции, объяснить, что я не голоден, ничего не помогало. Итак, мы с ним ели из одного блюда сырую рыбу в районе, где свирепствовала эпидемия холеры, и я все больше и больше убеждался, что произошло серьезное недоразумение. Тем не менее мы мило беседовали о морепродуктах и об использовании океанских ресурсов, и я высоко вырос в его глазах, когда горячо согласился с его теорией,

что причина холеры не в рыбе, а в том, что ее перевозчики на земле не соблюдают мер санитарной предосторожности. Действительно, люди заболели и в Тукумане, и в других деревнях в глубине материка, а прибрежных рыбаков словно заговорили.

Случайно бросив взгляд в окно, я увидел вязаные шапочки Николаса и других рыбаков. Они стояли на улице и заглядывали в окно. Совершенно очевидно, в ресторан допустили только местную элиту. Наконец до меня дошло, что обещанным мне «сюрпризом» был вовсе не обед с президентом. Он прилетел на вертолете, чтобы поесть рыбы наедине со своим сыном, и они хотели только одного — остаться вдвоем. А потом мэр увидел, что я марширую в окружении президентской свиты, и по ошибке пригласил меня в ресторан. Еще одна ошибка привела меня за стол, предназначенный исключительно для высоких гостей.

Ситуация начала совершенно выходить из-под контроля, когда дверь тихонько приоткрылась, и пожилая женщина, стараясь казаться незаметной, на цыпочках подошла ко мне. Это была донна Перла, знатная дама, посвятившая всю свою жизнь борьбе за улучшение условий жизни рыбаков. Она сунула записку мне в руку и тут же удалилась.

«Не могли бы Вы представить президенту Николаса?» — гласила записка. Даже под угрозой смерти я не мог бы отказать этой замечательной женщине.

Тут в дверном проеме появился сам Николас. Скромно сжимая шапку в руках, он направился к президенту. Тот, увидев, что я встал, тоже поднялся на ноги. Что мне оставалось делать?

— Разрешите представить. Президент союза местных рыбаков, — сказал я. — Президент республики Перу.

На этом процесс знакомства завершился, но Николас вернулся к своим товарищам вне себя от гордости. Поскольку президент уже наелся не меньше моего, он встал из-за стола и направился к вертолету. Меня же рыбаки подхватили на руки и понесли к пристани. Там мне показали тот самый сюрприз, ради которого меня на самом деле приглашали — полностью готовые к регате камышовые лодки. Но сперва мы направились в бар. Николас теперь был на короткой ноге с самим президентом, и это следовало должным образом отметить.

Фухимори не забыл своего нового знакомого. Он подарил ему совершенно новый грузовик для перевозки чистой рыбы. А донна Перла получила правительственную поддержку для программы восстановления посадок камыша тотора, а также обещание больше не выдавать разрешения на строительство в местах произрастания камыша.

На камышовой лодке - к Галапагосским островам

К концу беседы Фухимори несколько расслабился и позволил себе кое-какие человеческие реакции. Мы с послом горячо поблагодарили его за аудиенцию и откланялись. Теперь нам надо было спешить в Национальный музей на открытие выставки фотографий, сделанных во время экспедиции «Кон-Тики» и «Ра». На прощание я из чистого озорства поинтересовался, не почитит ли господин президент

мероприятие своим присутствием, и, как и ожидал, получил в ответ кривую ухмылку.

Выставка развернулась в просторном холле музея. Народу собралось очень много, и людям пришлось потесниться, чтобы дать нам пройти. Жаклин ждала нас на подиуме вместе с директором музея и нашим добрым другом генеральным консулом Стимманом. Они уже начали волноваться, что мы опоздаем. Едва толпа успела сомкнуться за нашими спинами, как раздались крики полицейских и рев мотоциклов. Собравшимся опять пришлось расступиться перед прибывшим гостем. Им оказался сам президент Фухимори. Он напрямик направился навстречу директору музея, а тот почтительно проводил его на подиум. Директор был поражен и растерян не меньше остальных.

Таким вот образом президент Фухимори, долгое время державшийся затворником, появился на публике на открытии выставки. Сперва он произнес короткую речь о целях и достижениях нашей экспедиции, а затем торжественно разрезал шелковую ленточку.

Не дожидаясь окончания мероприятия, президент вернулся в свою резиденцию. На самом деле «Кон-Тики» отправился в путешествие от причала военного порта в городке Кальяо. Туда мы все и поехали. В честь годовщины военный исторический институт издал мою небольшую книжку о мореплавании в Перу в доколумбову эпоху. Адмиралтейство организовало торжественную церемонию как раз на том самом месте, где плот был спущен на воду.

Машина генерального консула неслась так быстро, что мы начали опасаться за свою жизнь. Наконец мы миновали ворота порта. Рядом с теми самыми стапелями, по которым спускали на воду «Кон-Тики», выстроился военно-морской оркестр.

Ради такого случая организаторы водрузили небольшую трибуну около стапелей. Ее заполнили офицеры в ослепительно белых мундирах с золотыми погонами и блестящими медалями. Нам с Жаклин отвели места в первом ряду, рядом с адмиралами.

Открывая церемонию, президент Института военной истории адмирал Арроспайд отметил, что именно из этой бухты отправились европейские мореплаватели, которым было суждено открыть острова Тихого океана. После покорения империи инков испанцы узнали от местных ученых, что в океане, в нескольких месяцах пути, лежат острова, о которых европейцам ничего не известно. Историк

Сармьенто де Гамбоа собрал настолько полную информацию о местоположении островов, что убедил вице-короля снарядить две экспедиции под командой Альваро де Менданьи и сам принял в них участие. Первая экспедиция добралась до Меланезии в 1567 году. Вторая открыла Полинезию в 1595 году.

Адмирал эффектным жестом указал на памятную табличку, посвященную путешествию Менданьи. Затем он попросил меня сдернуть занавеску с соседней таблички. Она оказалась посвящена экспедиции «Кон-Тики», покинувшего порт Кальяо в 1947 году и достигшим острова ароиа в Полинезии. Оркестр сыграл норвежский и перуанский гимны.

Мой аку-аку, ничем не дававший о себе знать ни во дворце, ни в музее, этого уже вынести не мог.

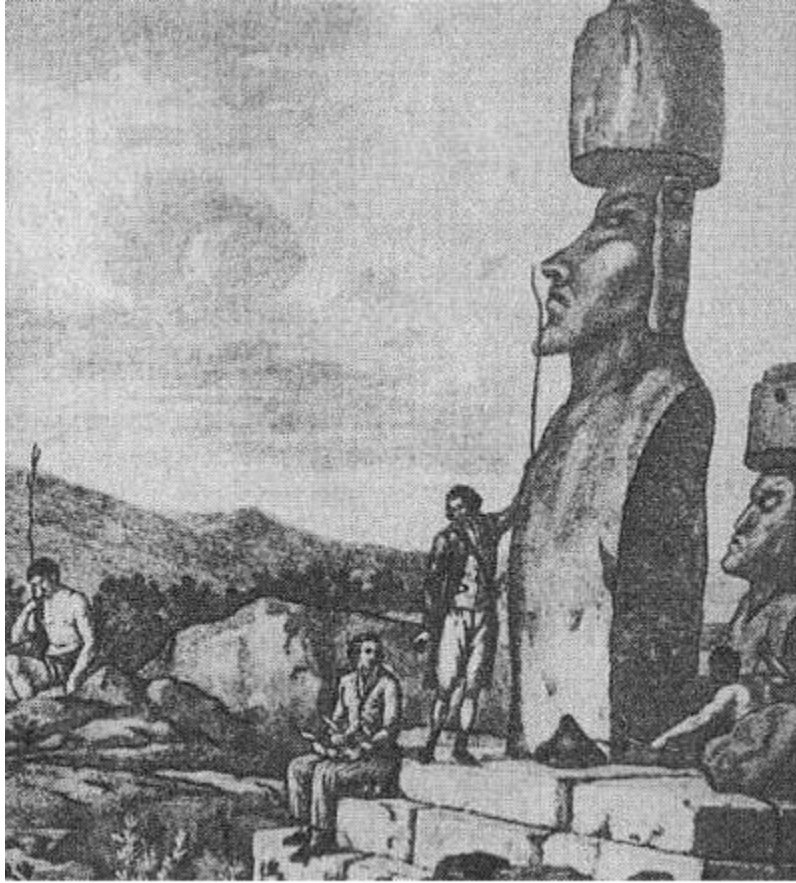
— *Что тебе еще остается желать?*

— У меня тоже комок подступил к горлу.

Впрочем, абсолютного счастья не бывает. На церемонию приехала съемочная группа из Москвы. В составе ее был и Юрий, мой приятель и спутник по плаванию на тростниковом корабле. Я обещал им показать пирамиды в Тукумане и статуи на острове Пасхи. Для поездки к пирамидам русские наняли небольшой самолет. Единственное оставшееся свободным место за безумные деньги выкупил какой-то норвежский журналист. Итак, мы полетели.

Стемнело, и я устало смотрел в иллюминатор на черные воды ночного океана. Мы летели на север, материковые огни горели по правому борту. Через некоторое время я обнаружил, что справа огни исчезли, а слева появились. Иными словами, мы на полной скорости летели в обратном направлении. Оставалось только надеяться, что мы дотянем до аэропорта, а не рухнем в океан, где сейчас наверняка не плавают ни одного бревна из бальсового дерева.

После приземления нам сообщили, что скоро подадут другой самолет, вот только найдут пилота. Мы с Жаклин и русскими телевизионщиками терпеливо ждали, а норвежский журналист отправился выяснить, что же все-таки произошло. Несколько дней спустя мы прочитали в его газете, что, оказывается, образовалась утечка топлива. Мы и не подозревали, что были гораздо ближе к смерти, чем пятьдесят лет назад на деревянном плоту.

Еще в 1786 году Лаперуз увидел статуи,
стоящие на аху

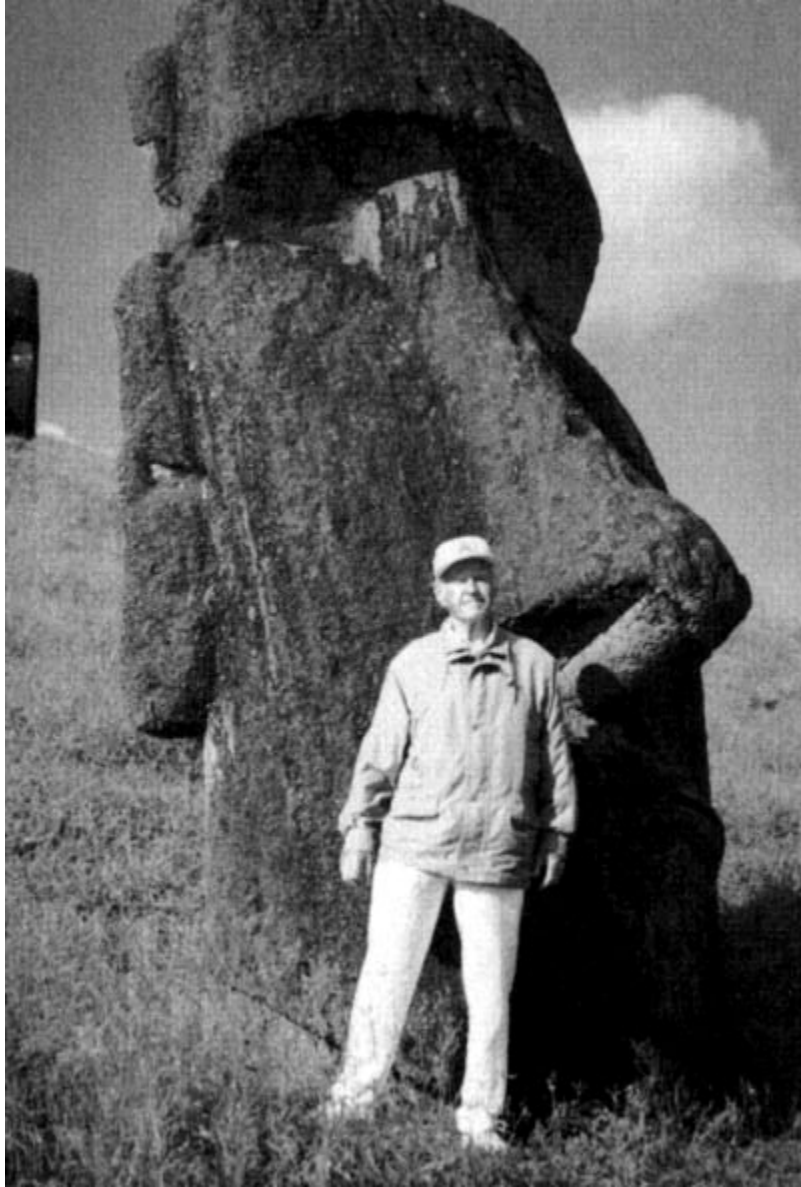

**Мы победили - нам удалось доказать, что колоссы
передвигались местными жителями
на десятки километров с помощью канатов**

Черепаше хватило мудрости оказать мне
дружеский прием

Давид и Голиаф

Когда мы совершили аварийную посадку в аэропорту Кальяо, празднование еще не закончилось. Наша интернациональная команда пересела на другой самолет, и за два дня мы вместе с любознательными русскими побывали у пирамид Тукумане, в Сантьяго де Чили и, наконец, на острове Пасхи.

Согласно местным легендам, предки островитян целых два месяца плыли на запад, прежде чем добрались до этого кусочка суши, самого уединенного места в мире. Под предводительством Хоту Матуа и его супруги Ава-реипуа, им пришлось искать спасения в открытом океане после поражения в кровопролитной войне. Нам, сегодняшним, так же трудно представить себе, что можно целых два месяца плыть по бескрайнему океану, как древним первооткрывателям — вообразить, что возможно облететь все побережье империи инков и добраться до острова Пасхи за каких-нибудь два дня.

Гигантские статуи терпеливо дожидались нас на своих вековых постаментах. Русские расчехлили кинокамеры и разбежались по всему острову. Я же воспользовался редкими моментами одиночества, чтобы предаться неторопливым размышлениям посреди знакомого пейзажа и еще раз подняться к старым заброшенным каменоломням около вулкана Рано-Параку.

Давным-давно, когда я вместе с четырьмя профессиональными археологами приехал сюда в мою первую экспедицию, много месяцев подряд мы изучали этих каменных гигантов. В кратере погасшего вулкана и рядом с горой они лежали в хаотичном беспорядке, сложив руки на груди и уставившись незрячими глазами в небо, похожие на нерожденных детей. Но у подножья горы они уже стояли на ногах, решительно сжав губы, и ждали последних, завершающих прикосновений резца, чтобы отправиться в путь к месту своего назначения.

Я отыскал каменную приступку рядом с лежащим исполином, на которой я ночевал когда-то много лет назад. Отсюда открывался замечательный вид на долину. Яне переставал поражаться, до каких вершин мастерства и искусства поднялись древние скульпторы. Почти

сразу после того, как Хоту Матуа и его подданные высадились на острове, они в совершенстве освоили технику изготовления и транспортировки массивных каменных изваяний. Благодаря раскопкам, нам удалось восстановить эту картину. Потомки «длинноухих» продемонстрировали нам, как их предки топорами из крепчайшего базальта высекали каменных истуканов, как они ставили их в вертикальное положение с помощью жердей и булыжников. Легенды утверждали, что статуи сами «шли» туда, куда их направляли скульпторы. Что ж, спустя столетия мы доказали, что так оно и было. После того, как изваяния оказывались в вертикальном положении, их обвязывали веревками и медленно, враскачку, доставляли на предназначенное им место.

Жаклин отыскала меня в моем убежище. Ей хотелось узнать, где находится статуя, на груди у которой изображена камышовая лодка с тремя мачтами. Она знала, что именно этот моряк с вытатуированным на груди кораблем зародил во мне идею пересечь Атлантический и Индийский океаны на таком же судне. Это случилось после моей первой экспедиции на остров Пасхи. К тому же, именно при ней была поставлена точка в эпопее с камышовыми лодками. Альфредо занимался раскопками храма в Тукумане, и он сообщил нам, что нашел интересный рисунок. Сперва он обнаружил изображения птичьих голов, а затем его взору открылись и человеческие тела. Когда же он тщательно удалил остатки песка, мы увидели, что фантастические существа стоят на палубе плывущей на веслах камышовой лодки.

Я понимал, как важно для Жаклин оказаться здесь, на острове Пасхи. Здесь произошли решающие события моей жизни. Я видел, как жадно впитывает она в себя те картины, о которых я ей столько рассказывал и о которых она читала в моих книгах. Но больше всего она обрадовалась знакомству с моими прежними друзьями-островитянами. Не все из них дожили до нашей встречи. Но Жаклин подружилась со старым Лазарусом — в молодые годы он руководил бригадой «длинноухих», когда они подняли огромную статую, долгие годы лежавшую лицом вниз у подножья собственного постамента в заливе Анакена. С тех пор почти шестьсот «аху», каменных статуй, вновь поднялись над землей, куда их сбросили «короткоухие» во время восстания, случившегося за несколько поколений до прихода первых европейцев.

Радостный крик известил меня, что Жаклин нашла статую с кораблем. Ей повезло, впрочем, так же, как и мне. По чистой случайности, на следующий день после того, как мы вместе с русскими телевизионщиками прилетели на остров Пасхи, был запланирован спуск на воду большого трехмачтового корабля из камыша. Местом спуска была избрана бухта Анакена, то самое место, где в свое время высадился Хоту Матуа. Судно построил мой испанский друг Китин Муньос, взяв за образец изображение лодки на статуе. Величиной камышовый корабль был точно таким же, как «Санта-Мария», знаменитая каравелла Колумба. И вот теперь «Мата-Ранги» — так окрестили судно из золотистого камыша — мягко покачивалась на воде, словно реинкарнация трехмачтового корабля, высеченного на груди у каменного гиганта.

Через несколько недель выяснилось, что я не даром волновался, не увидев на корабле Муньоса толстого каната вдоль бортов. Этот канат предназначался для того, чтобы во время шторма волны не вырывали из корпуса судна наиболее короткие куски камыша. В свое время я внимательно изучал картинки лодок, нарисованные в древнем Египте и на острове Пасхи, и в точности скопировал их, включая канаты, когда строил три свои папирусные лодки. Через три дня после того, как Муньос и его команда, состоящая из полинезийцев и индейцев с берегов озера Титикака, вышли в море, разыгралась сильная буря. Под ударами волн корпус лодки переломился пополам. На любом другом корабле экипаж погиб бы вместе с судном. Но капитан «Мата-Ранги» собрал всю команду на носу, предоставив корме плыть по воле стихий. Три недели их носило по океану на половинке лодки, а затем их обнаружили и доставили на остров Пасхи, где они немедленно принялись готовиться к новому путешествию.

На заре мореплавания, когда у древних вождей хватало рабочих рук и времени, чтобы строить пирамиды размером с горы, постройка больших кораблей не представляла проблем. И папируса, и времени имелось в избытке. Так почему бы, в самом деле, не построить лодку размером с каравеллу? Сегодня все не так. Время — деньги, что на земле, что на море, и спешка сказывается на безопасности. В средние века в кораблекрушениях погибло гораздо больше моряков, чем в древности, когда связки тростника успешно заменяли спасательные круги.

Постоянный цейтнот — один из самых больших недостатков цивилизации, нечто совершенно непонятное для людей, живущих посреди дикой природы. Мы, дети прогресса, смирились с такими его негативными сторонами, как шум, загрязнение воздуха, консервированная пища и болезни сердца — лишь бы скорость не снижалась, лишь бы мы успели переделать как можно больше дел. Скорость вырвалась из-под контроля. В недалеком будущем развлечений и удовольствий будет больше, чем в состоянии одолеть человек. Наши потомки, как и мы сами, будут стремиться к нормальной, простой жизни, но в этом стремлении надорвут свой разум. Наша нервная система не в состоянии вместить в себя столько шума, жестокости и секса, столь быструю смену самых разнообразных впечатлений и постоянное возбуждение.

Можно обожраться до смерти. Но точно так же можно убить себя развлечениями.

В заброшенной каменоломне царил тишина. До моих ушей едва-едва доносились шепот ветра среди камней и безжизненных статуй да отдаленный гул прибоя. Время, казалось, тоже остановилось. Я лежал на спине и неотрывно смотрел в голубое, бесконечное как вечность небо.

Вот мы уже и празднуем пятидесятилетие годовщины экспедиции «Кон-Тики». Сколько всего произошло с тех пор! И нельзя сказать, что прошлое усеяно исключительно розами. Ученые со всего мира ополчились против меня. К тому же, наш брак с Лив начал давать трещину. Когда мы, наконец, встретились после многих лет разлуки, что-то изменилось между нами. Несколько последних лет мы провели совершенно по-разному. Она беззаботно жила вместе с детьми в уютном доме Томаса Ольсена под Нью-Йорком, а я познал всю грязь и жестокость войны. Теперь мы воспринимали жизнь с противоположных точек зрения. Там, где она видела героизм и патриотизм, я не замечал ничего, кроме смерти и людских страданий. Лив потеряла веру — она не могла представить, как Всевышний мог допустить такую ужасную войну. Я же, наоборот, укрепился в вере в Бога, который запрещал людям убивать себе подобных, будь то добровольно или волею обстоятельств. В конце концов, мы с Лив решили, что нам лучше расстаться друзьями. А если один из нас

захочет связать свою судьбу с другим человеком, то никто не даст ему лучшего совета, чем бывший супруг.

Вскоре после путешествия на «Кон-Тики», на вечеринке у друзей я познакомился с Ивонной. Когда я представил ее Лив, реакция была однозначной:

— Она — просто ангел!

Я не мог не согласиться. Ивонна удивительным образом сочетала в себе красоту, дружелюбие и неизменно ровное расположение духа. После изучения пенициллина в лабораториях в Глазго она перебралась ко мне в штат Нью-Мексико, и в офисе шерифа из Санта-Фе мы заключили наш брак. Высоко в горах мы купили каменный домик, и там я принялся за книгу под названием «Обзор доисторических связей между Полинезией и Америкой». Из окон моего скромного кабинета открывался вид на долину Лос-Аламос, где Оппенгеймер и его коллеги создали первую атомную бомбу. Когда Нобель изобрел динамит, он думал, что отныне на земле установится вечный мир. К сожалению, история пошла по другому сценарию, и его последователи рассчитывали добиться того же результата с помощью еще более мощного оружия.

Именно тогда началось мое длительное сотрудничество с археологами из Музея штата Нью-Мексико, расположенного в Санта-Фе. Ивонна сразу поверила в мою теорию миграции народов Полинезии, и в дальнейшем она неизменно поддерживала меня в самые тяжелые моменты моих бесконечных сражений с научными оппонентами.

По возвращении в Норвегию я купил несколько старинных домов в той части Осло, которая носит имя Майорстун. Красные деревянные дома под огромными каштанами полукольцом охватывали просторный внутренний дворик. Здесь мы с Ивонной жили, когда я планировал экспедицию на остров Пасхи, сюда мы вернулись, чтобы обработать ее результаты.

А тем временем Лив познакомилась с Джеймсом Стилменом Рокфеллером, более известным под прозвищем «Пибл» — «Камушек». Он только что закончил кругосветное путешествие на маленьком парусном судне. Заходил и на Маркизские острова. То, что Лив прожила там целый год, произвело на него такое сильное

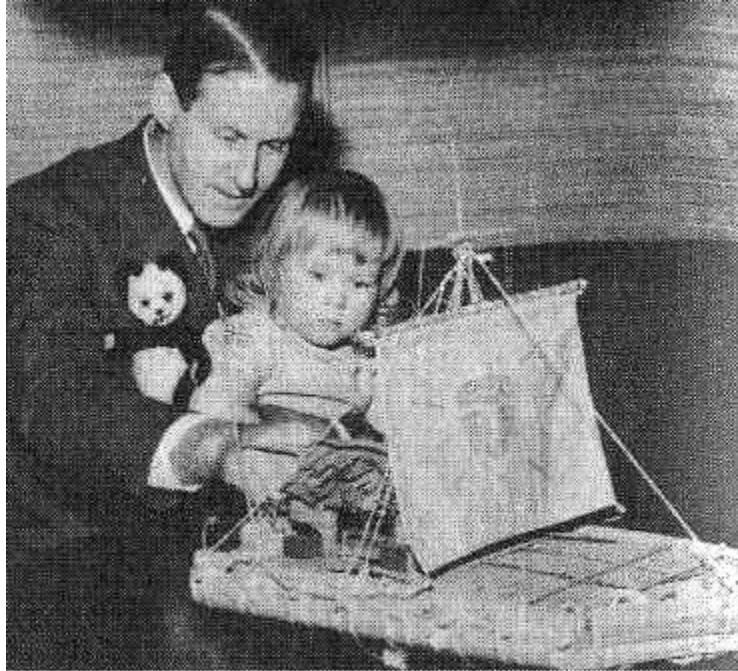
впечатление, что он тут же сделал ей предложение. Я благословил их союз, и Лив уехала в Штаты.

Мои противники, во множестве появившиеся после плавания на «Кон-Тики», испытали новый прилив энергии в связи с экспедицией на остров Пасхи. Дошло до того, что два норвежских археолога публично утверждали, будто я нарочно, ради сенсации, выбросил плот на скалы. И столичные газеты охотно отводили под подобные статьи целые полосы! В сложившейся обстановке я решил, что мне будет спокойнее работаться где-нибудь за границей.

В 1958 году мы с Ивонной открыли для себя крохотную деревушку Колла Микери на Лигурийском побережье Северной Италии. Из окон полуразвалившихся средневековых домов были видны покрытые лесом холмы, тянувшиеся до суровых пиков прибрежных Альп, а стоило повернуть голову, и взгляду открывалось бирюзовое Средиземное море с дикими горами Корсики на горизонте. Мимо одного из домов проходила старинная, построенная еще римлянами, дорога, некогда соединявшая две католические столицы, Рим и Авиньон. Мемориальная доска на крохотной церквушке гласила, что в 1814 году, по дороге из Авиньона, Папа Пий VII остановился здесь передохнуть и благословил жителей деревни. В одном из домов, среди сваленных в кучу фигур святых, лежало кресло, в котором он отдыхал.

Два события практически опустошили деревню — сильное землетрясение и строительство Наполеоном новой дороги вдоль побережья. Мы купили и восстановили почти все дома. С одной стороны наше поместье охраняла высокая римская сторожевая башня, с другой — средневековая башня для охоты на птиц. В ней-то я и устроил свой кабинет на долгие годы. Однако потом мне пришлось перебраться еще дальше на юг.

Когда мы с Ивонной впервые ступили на остров Пасхи, с нами была наша двухлетняя дочурка Анетт. Она уморительно карабкалась по валунам и называла статуи, разбросанные вокруг каменоломни, «своими большими куклами». Ее смерть в юном возрасте стала величайшей потерей моей жизни. Я лежал, смотрел на бесчисленные звезды, и старая боль вновь сжимала мое сердце.

Я показываю своей дочке Аннет
модель "Кон-Тики"

Мы в Италии - Ивонна и наши дочери

Моя последняя ночь на острове Пасхи была такая же звездная. Все звезды южного полушария смотрели на меня. Странная все-таки штука — время. Можно одним взглядом охватить все звезды, а ведь между ними тысячи световых лет. Когда мы глядим на самые удаленные звезды, мы погружаемся в самые глубины времени, а когда переводим взгляд на те небесные светила, что находятся ближе к Земле, то становимся на миллионы лет ближе к нашему веку. На своей планете мы видим то, что происходит в данный момент, но частями, фрагментами. И неизвестно, где находится начальная точка времени. Может быть, совсем рядом, но она недоступна нашим взорам. Возможно, будущее хранится в хромосомах, а время вырабатывают некие гены, отвечающие за процесс развития, будь то превращение семени в дерево или планктона в человеческое существо.

Наука выяснила, что давным-давно солнечные лучи вдохнули жизнь в дотолу безжизненные частицы, плававшие в просторах

мирового океана. Отсюда начался процесс развития от простейшей клетки к сложным генам и хромосомам и далее, ко всему разнообразию земной природы. Но разве не могло солнце точно так же создать еще и время?

— Ты меня спрашиваешь?

Мне следовало бы догадаться, что аку-аку не упустит появиться в момент, когда у меня на душе царят спокойствие и мир. Кроме всего прочего, именно здесь его родина. На острове Пасхи, когда мы достали из-под земли невиданную прежде коленопреклоненную статуэтку, покойный мэр острова Педро Аттейн и Лазарус сказали мне, что это — мой аку-аку.

Нет, конечно, я и сам знал ответ. Вовсе не современные ученые открыли, что вся жизнь на земле своим существованием обязана солнцу. В древние времена, когда предки христиан поклонялись Ваалу, а предки норвежцев — моему суровому тезке с молотом в руке, другие строили пирамиды в честь бога Солнца. Они-то и знали истину.

Шумеры, хетты и создатели древнейших культур в Египте, в долине Инда поклонялись Солнцу как символу невидимого творца. Когда европейские конкистадоры убивали инков, то была величайшая несправедливость — ведь инки считали себя детьми Солнца, в то время как пришельцы из-за океана привезли с собой крест, предшественник электрического стула, в качестве символа бога любви. Я думаю, если бы сам Христос выбирал символ своей жизни и смерти, а также людского терпения и всепрощения, он остановил бы свой выбор на Солнце, а не на кресте, к которому его приковали палачи.

Во время нашей первой экспедиции на остров Пасхи Эд Фердон обнаружил древнее святилище, Оронго, на вершине вулкана Рано-Као. Он открыл солнечную обсерваторию и каменные барельефы трехмачтовых серповидных лодок из камыша. Рядом с лодками древние художники изобразили свое верховное божество, Маке-маке, с огромными круглыми глазами, олицетворявшими солнечный диск. На Фату-Хива старый Теи Тетуа открыл мне, что Тики — это бог-человек, а создал его Атеа, что значит «свет». Точно такая же связь была между богами древнего Перу Тики, Коном и Виракоча.

Мои размышления о том, что между быстротекущим временем и Солнцем, стоящим у истоков всего, имеется некая связь, столь же не новы, как и самопоклонение Солнцу. В мифологии Полинезии и Перу

часто повторяются рассказы о предках, которые пытались захватить солнце, чтобы остановить время. Но эта задача оказалась слишком тяжелой даже для строителей пирамид, и им пришлось ограничиться созданием календаря. Этот календарь, с его годами, месяцами и днями, мы используем до сих пор.

— *Быстротечность времени — величайшее благо. Если бы оно остановилось в дни горя и беды, твои мучения никогда бы не кончились. А если бы оно остановилось в момент полного счастья, радость быстро превратилась бы в скуку и тоску.*

Аку-аку сказал абсолютную истину. Память так устроена, что она искажает картины прошлого в нашем мозгу. Дар помнить и дар забывать. Искусство пользоваться этими дарами во благо себе и остальным. Способность вычеркнуть из памяти дурное и хранить воспоминания о добром — вот залог счастливой жизни. Я не смог сдержать улыбку при мысли о том, какими беззаботными казались сейчас мне и моим друзьям прошедшие пятьдесят лет. Пятьдесят лет известности, путешествий, приключений, встреч с интересными людьми, пятьдесят лет дружбы, солнечного света, радости, вкусной еды. Все действительно так. Но было и другое. Стоит мне подальше углубиться в закоулки моей памяти, и я буду только рад, что эти годы остались позади.

Помню, какая буря разразилась, когда мы добрались, наконец, до берегов Полинезии, живые и здоровые. И она только усиливалась в последующие годы, по мере того, как я собирал все новые и новые доказательства того, что полинезийцы говорили правду. Они утверждали, что их острова открыли пришельцы с востока, в то время как европейцы, сами, кстати, добравшиеся туда тем же путем, настаивали, что этого не может быть, что освоение Полинезии шло только с запада.

Я всегда рассматривал местные легенды как наиболее надежный источник информации и с опаской относился к общепризнанным научным догмам. Однако я никогда и ничему не верил безоговорочно. Поэтому, когда меня охватывали сомнения, я брался либо за лопату археолога, либо за весло древнего корабля и проверял, правду ли говорят древние сказания.

Еще когда я готовился в библиотеке Крёпелина к поездке на Маркизские острова, я впервые прочитал, что все полинезийцы

помещают родину своих праотцов на востоке, а все современные ученые утверждают совершенно обратное. Где бы ни записывали миссионеры прошлого века легенды и сказки полинезийцев, на всем пространстве от Таити до Новой Зеландии, от Самоа до острова Пасхи, везде повторялось одно и то же. В 1827 году миссионер Эллис написал:

«Занятно, что во всех без исключения историях о морских путешествиях, будь то древние легенды или рассказы более позднего времени, указывается одно направление движения — с востока на запад...»

В те дни, когда я принял решение строить плот «Коники», самым большим авторитетом по Полинезии считался сэр Питер Бак. В пользовавшейся огромной популярностью книге «Мореплаватели солнечного восхода» (я с большим удовольствием прочитал ее после возвращения с Маркизских островов в 1938 году) он приводит текст песни маори:

«И вот я направляю мое каноэ
Туда, где поднимается Бог-Солнце.
Тама-нуи-те-ра, Великий сын Солнца,
Не дай мне сбиться с пути,
Позволь мне достигнуть земли,
Земли моих отцов».

Именно поэтому Питер Бак и прозвал полинезийцев «мореплаватели солнечного восхода». Но, тем не менее, он тоже считал, что прародина полинезийцев находится на западе, потому что в Новой Зеландии, равно как в остальной Полинезии, в Перу и в Египте, словом, во всех краях, где поклонялись Солнцу, существовало поверие, будто души умерших отправляются на запад, вслед за солнцем. Однако уважаемый ученый упустил из виду один факт: полинезийцы считали, что солнце опускается в туннель, идущий через весь подземный мир и выходящий на поверхность на востоке, в доме Солнца. Пройти весь этот путь вместе со светилом полагалось только мертвым. Живые же могли отправиться прямо на восток, о чем и пелось в песне.

Бак опубликовал научный труд «Введение в антропологию Полинезии» всего за два года до экспедиции на «Кон-Тики». Как и все остальные, он не сомневался, что плот из бальсового дерева не может доплыть до Полинезии. На первых же страницах своей книги он подчеркивал, насколько непроницаем занавес между Перу и Полинезией:

«Поскольку индейцы Южной Америки не имели ни подходящих судов, ни необходимого опыта для того, чтобы переплыть океан между южноамериканским побережьем и ближайшими к нему островами Полинезии, мы можем смело исключить их из числа возможных предков островитян».

Когда плот «Кон-Тики» прорвал бумажную стену, возведенную учеными к востоку от Полинезии, и открыл острова ветрам и течениям со всего мира, мы, самостоятельно испытавшие невероятные плавучие свойства бальсового дерева, ожидали, что все вокруг будут счастливы. После первой недели суматохи и торжеств я очень обрадовался, когда меня предупредили по телефону, что первой реакцией ученого мира на наше путешествие станет газетное интервью с сэром Питером Баком.

Потом я прочитал вырезку из «Окленд Стар», и моя радость несколько поутихла. Сэр Питер явно считал нашу экспедицию забавной шуткой, не более того. «Когда я спросил его о „Кон-Тики“, он громко расхохотался», — сообщал журналист.

Каковы же были его контраргументы?

«Ни один рыбак не выйдет в море с женщиной на борту. А в соответствии с их теорией, переселенцы были должны высадиться на необитаемых островах — так кто же, я вас спрашиваю, стал матерями полинезийцев?»

Именно тогда я понял, что в наш век узкой специализации крупнейший эксперт по Полинезии может ничего не знать об Америке. Например, о том, что Писарро, когда он плыл из Перу в Панаму, перехватил бальсовый плот, на котором были и мужчины, и женщины. Это случилось еще до того, как испанцы открыли для себя империю инков. На плоту испанцы захватили тридцать тонн груза, к тому же они взяли в плен пять женщин и в дальнейшем, во время завоевания

Перу, использовали их в качестве переводчиц. И еще: а если бы рыбаки плыли не с востока на Запад, а с запада на восток, им что, было бы легче размножаться?

Обычно весьма серьезно настроенный научный мир с радостью подхватил шутку, прозвучавшую с берегов Новой Зеландии. Но, тем не менее, плавание плота из бальсового дерева продолжало будоражить умы широкой публики. Возможно, многим это представлялось как морской бой, в ходе которого мореплаватели с востока таранили своими плотами деревянные каное столь любимых сэром Баком мореплавателей с запада. Кстати, эти каное были столь тяжелыми, что долго в океане не протянули бы.

На сем наше заочное общение с сэром Баком закончилось. Но мне говорили, будто он пришел на премьеру фильма о «Кон-Тики» в Гонолулу.

Весь научный мир ополчился против так называемой «теории „Кон-Тики“», а средства массовой коммуникации разнесли разногласия моих противников по всем закоулкам планеты, от Америки до Австралии, и даже преодолели «железный занавес», окружавший Советский Союз. Газеты с готовностью взяли на себя роль секундантов. Они радостно публиковали каждый новый выпад против меня и с еще большей радостью — мои ответы. Удары сыпались со всех сторон, и все происходящее больше напоминало мне борьбу не на жизнь, а на смерть с превосходящими силами противника, нежели академический научный спор. Атаки и контратаки занимали столько времени, что мне пришлось скрываться в хижине на склонах норвежских гор, чтобы написать книгу об экспедиции на «Кон-Тики». Я рассчитывал, что ее издание принесет достаточно денег, а также повысит интерес к предыдущей чисто научной публикации на ту же тему, которую никто из ученых не хотел читать и ни одно издательство не хотело издавать.

Норвежский издатель Харальд Григ, владелец «Гюллендаль Норвегиан Паблишерз», оказался первым, кто рискнул напечатать мою книгу. До войны он уже издал мои воспоминания о приключениях на Фату-Хива и еще до начала экспедиции «Кон-Тики» поспорил на пять тысяч крон, что тут без книги тоже не обойдется. В США нью-йоркский издатель Даблдей отказался печатать рукопись, потому что на плоту не было секса и никто не утонул.

Но затем Адам Хелмс, хозяин маленького издательства «Форум», прочитал рукопись и распродал рекордное для Швеции количество экземпляров. Следом за ним решил рискнуть Рэнд МакНэлли из Чикаго, и книга взлетела на верхнюю строчку рейтинга бестселлеров и оставалась там несколько недель подряд. Английский издатель сэр Стенли Анвин потом говорил, что если бы он сложил стопкой все экземпляры моей книги «Экспедиция „Кон-Тики“», проданные им, то получилась бы гора выше Эвереста. Со временем ее перевели на шестьдесят семь языков, в том числе на эсперанто, эскимосский, телугу, сингальский, монгольский и многие другие.

— *Вот уж, наверное, прекрасное было времечко!*

— Я предпочел бы о нем поскорее забыть. Чем популярнее наша шестерка становилась среди широкой публики, тем меньше нас любили в научных кругах. Моя рукописная теория, обосновывавшая смысл экспедиции на «Кон-Тики», так и лежала мертвым грузом. Никто не хотел ее читать — во-первых, из-за внушительного объема, а во-вторых, потому что одних только ссылок там насчитывалось более тысячи.

С другой стороны, популярная версия была написана в расчете на широкую аудиторию, и в ней я избегал научного жаргона. В те времена настоящему ученому считалось неприличным писать иначе, чем для узкого круга посвященных. Наука должна была развиваться ради науки, и никому не позволялось выходить за рамки избранной специализации. Я знал правила игры, но нарушил их, чтобы пробить стену, возведенную между Полинезией и Америкой, а также между различными областями науки. Ведь только объединив усилия ученых различных направлений можно разгадать головоломку, которая называется «пути миграции в Тихом океане». Еще я хотел, чтобы обыкновенный человек с улицы тоже узнал о том, что происходит в науке — ведь порой посторонний обладает более свежим взглядом, нежели специалист.

С течением времени оппозиция ученых добилась своей цели — мой научный эксперимент стал восприниматься просто как спортивное достижение. Я же выглядел авантюристом, неучем, нагло вторгшимся в святая святых. Парадоксальным образом я, с моим только недавно изжитым ужасом перед водой, приобрел репутацию отчаянного мореплавателя, в то время как наше великолепное судно, словно на

ковре-самолете доставившее нас в Полинезию, считалось не более чем грудой связанных веревками бревен. Порой я не знал, плакать мне или смеяться — меня, до экспедиции не знавшего, что такое парус, наперебой звали в различные яхт-клубы и на коктейли с адмиралами, а ученые всего мира не пускали на порог.

Пока я в одиночку защищал свое доброе имя и свою теорию, в Нью-Йорке открылся 29 Международный конгресс американистов. По такому случаю в Американском музее естественной истории была развернута выставка. Называлась она — «Через Тихий океан». Название давало повод предположить, что путешествие на «Кон-Тики» могло оказаться в центре внимания конгресса. По возвращении в Копенгаген известный датский антрополог, профессор Биркет-Смит, дал интервью. Его ответ на вопрос, как специалисты оценивают результаты моей экспедиции, удостоился быть вынесенным в заголовок:

***«ЭКСПЕДИЦИЮ НА „КОН-ТИКИ“ СЛЕДУЕТ ЗАМАЛЧИВАТЬ,
ПОКА О НЕЙ ОКОНЧАТЕЛЬНО НЕ ЗАБУДУТ».***

Вскоре после этого другая бомба разорвалась на противоположном конце Скандинавии. Финский антрополог профессор Рафаэль Карстен не выдержал и нарушил обет молчания, к которому призывал его датский коллега. Статья в крупнейшей ежедневной газете, выходящей в Хельсинки, называлась «МОШЕННИЧЕСТВО ПОД НАЗВАНИЕМ „КОН-ТИКИ“».

Редакция представила профессора Карстена как всемирно известного специалиста. Я действительно слышал его имя: оно упоминалось в связи с запланированной экспедицией по Амазонке. Задолго до того, как мы подняли парус на «Кон-Тики», профессор предрекал, что одно лишь чудо поможет нам избежать верной гибели. Он и теперь не отказывался от своих слов и добавил только следующее — поскольку в наше время чудеса случаются редко, все наше путешествие с начала до конца было просто мошенничеством! Плот, очевидно, был сконструирован таким образом, что, даже перевернувшись, мог донести экипаж до цели. Закончил же он

утверждением, что если хотя бы половина того, что я написал в своей книге, окажется правдой, это просто невероятно.

Теперь уж члены команды «Кон-Тики» не могли молча проглотить оскорбление, но прежде чем мы успели достойно ответить, события вышли из-под контроля. «РАЗОБЛАЧЕНО ЖУЛЬНИЧЕСТВО С „КОН-ТИКИ“», — кричал заголовок другой финской газеты. «СЕНСАЦИЯ В НАУЧНОМ МИРЕ: ЗНАМЕНИТЫЙ ФИНСКИЙ УЧЕНЫЙ ОБЪЯВИЛ ПУТЕШЕСТВИЕ НА „КОН-ТИКИ“ МОШЕННИЧЕСТВОМ», — вторила ей шведская пресса. «БЫЛ ЛИ „КОН-ТИКИ“ ПРОСТО РЕКЛАМНЫМ ТРЮКОМ?» — вопрошала датская газета. И с моей родины тоже эхом донеслось: «МОШЕННИЧЕСТВО, МОШЕННИЧЕСТВО!»

В день, когда вышло интервью профессора Карстена, я находился в Стокгольме на презентации любительского фильма о путешествии на «Кон-Тики». Когда я понял, в каком направлении пошла газетная дискуссия, я почувствовал, как почва уходит у меня из-под ног. Что подумает моя мама? Она не верила в Бога, но для нее не было ничего превыше правды. Всего один раз я видел ее плачущей — когда я, еще мальчишкой, провел день, катаясь на велосипеде по автомобильному шоссе, а ей соврал, будто играл в саду у соседа.

Мне казалось, будто целая армия невидимых врагов напала на меня из-за угла и нанесла мне смертельную рану. Уж лучше бы я действительно утонул, как предрекали мои оппоненты, чем дожить до такого позора! В тот момент я не слишком верил в божественную справедливость, да и само существование Бога казалось мне под вопросом. Но ведь было и другое! Мы налетели на риф в Полинезии, и волны вцепились в меня мертвой хваткой. Казалось, сам океан со всей своей силой хотел оторвать меня от каната, за который я держался из последних сил. В тот момент у меня было такое ощущение, что я бросил короткий взгляд по ту сторону жизни и смерти и увидел там нечто помимо темноты и бесконечности. Я поклялся тогда, что если нам всем суждено выжить среди гигантских волн, я никогда не забуду свое видение. Я вспоминал данную клятву, когда я выбрался на песок атолла Рароиа и с бесконечной благодарностью убедился, что никто из моей команды не погиб. Я опустился на колени и набрал полные горсти горячего сухого песка. Откуда пришла ко мне та удивительная, сверхъестественная сила, о которой я молил на краю гибели? Мы

лежали на песке, изможденные духовно и физически, и над нами в синем небе парили белые птицы, словно голуби — посланцы небес из христианских легенд. Но та помощь, тот удивительный прилив сил, который я ощутил в бушующем океане, пришел не извне. Мы нашли его в себе. Возможно, помимо Рая с большой буквы, о котором говорится в Библии и в Коране, существует еще другой рай? И этот рай, невидимый для глаз, находится внутри каждого человека?

В тот вечер я никак не мог заснуть в тесном гостиничном номере. Мысли роились у меня в голове. С какими глазами я выйду к людям завтра утром? Каким образом я смогу опровергнуть газетную клевету? Отчаявшись заснуть, я решил почитать. Но у меня не было с собой никакой книги. И тогда я открыл ящик комода. Там, как обычно в отелях, лежала Библия. В черном мрачном переплете, словно предназначенная исключительно для похорон и печали.

Жизнь моя казалась такой же черной. Я наугад открыл книгу, в первую очередь чтобы попытаться отвлечься от тяжелых мыслей, но в то же время и со слабой надеждой прочитав нечто такое, что можно истолковать как послание свыше.

Итак, я открыл ее и не глядя ткнул пальцем. Передо мной была притча о Давиде и Голиафе.

Я рассмеялся и отогнал от себя мрачные мысли. Затем накрылся с головой одеялом и крепко заснул.

Научная братия

Раздавшиеся у подножья горы голоса вырвали меня из плена воспоминаний. С минуты на минуту они окажутся здесь и нарушат одиночество, которым я наслаждался в компании с молчаливыми каменными Голиафами острова Пасхи. Я пошел навстречу людям, пробираясь между разбросанными тут и там незаконченными статуями, уставившимися в небо незрячими глазами. Древнее поле битвы, усеянное окаменевшими телами павших гигантов.

«Очень символично», — подумал я и отправился показывать русским единственную на острове коленопреклоненную статую. Иногда мне казалось, что только она одна выжила после битвы с «короткоухими» и теперь на коленях просит пощады. Эта статуя относилась к древнейшему периоду истории острова. Мы ее откопали и поставили в вертикальное положение во время нашей первой экспедиции. Все другие фигуры не имели ног, их туловище было словно обрезано. Они стояли, скрестив на вместительном животе руки с длинными ногтями. Самые первые поселенцы вырезали из камня коленопреклоненного гиганта, совершенно не похожего на остальные здешние статуи, но словно скопированного с аналогичных изваяний доинкового периода, встречающихся в Андах вблизи озера Титикака. Все другие фигуры на острове Пасхи напоминали друг друга, словно близнецы, и не имели аналогов нигде во всем мире.

По просьбе русского телеоператора я встал рядом с одиноким гигантом. Он стоял на коленях, опустив руки на бедра и подняв голову к небу, словно в молчаливой молитве. На его фоне я казался карликом. Неведомые солнцепоклонники древности, которые высекли из камня этого гиганта, принесли на остров дотоле невиданное искусство. Остальные павшие исполины, вновь вознесенные на постаменты — «аху», — выстроились вокруг с прямыми спинами и презрительно сжатыми губами, упорно отказываясь замечать суесящихся вокруг людишек. Как правильно угадал капитан Кук, они олицетворяли собой богоподобных королей «длинноухих», и чем могущественнее был древний король, тем выше вздымалась посвященная ему статуя над жалким муравейником простых смертных.

Телевизионщики хотели продолжить съемку на берегу залива Анакена, где находился широкоплечий гигант, которого мы первым водрузили на его «аху». Его глубокие пустые глазницы первыми встретили взгляд европейцев. Когда я впервые заглянул в его глаза, то с чувством, близким к потрясению, осознал, что точно такие же глубокие отверстия на месте глазниц я видел у статуй времен империи хеттов во внутреннем Средиземноморье. А еще у статуй, каменных и деревянных скульптур, относившихся к древнейшему периоду истории Мексики и Перу — правда, там в отверстия вставляли глаза из кости или раковин со зрачками из черного обсидиана, и только когда они выпадали, становилось очевидным их сходство с гигантами с острова Пасхи.

Я рассказал русским, как еще в 1975 году в своей книге я выдвинул предположение, что и у статуй с острова Пасхи некогда в глазницы были вставлены глаза, но мои оппоненты дружно отвергли эту идею, поскольку-де такое совершенно не вписывалось в традиции полинезийского искусства. «Зато вписывалось в традиции искусства Центральной и Южной Америки, — отвечал я, — а из множества тихоокеанских островов остров Пасхи к Америке ближе всех». Но меня не хотели слушать. А всего два года спустя молодой археолог Соня Хаоа на раскопках в Анакена нашла первый огромный глаз от статуи классического среднего периода. Позже она же обнаружила еще один глаз — теперь уже от фигуры древнего периода.

Но с тех пор произошло много важных событий. Найденная в Перу маска мумии из Сипана с искусственными глазами подвигнула нас начать раскопки пирамид в Тукумане. Для того, чтобы вставить в маски усопших королей глаза голубого цвета, как у голубоглазых светловолосых богов-людей из легенд, древние перуанские мореплаватели отправлялись далеко на юг, где на территории современного Чили находится единственное в Южной Америке месторождение голубой ляпис-лазури. Зрачки же они делали из черного обсидиана.

Лазарус со своими людьми смог поднять широкоплечего гиганта на предназначавшийся ему постамент без помощи современных технических средств, и теперь величественный исполин в гордом одиночестве возвышается к востоку от залива Анакена. Позже различные команды археологов, вооружившись подъемными кранами,

вернули многочисленные «моаи» на их «аху». Тем из нас, кому довелось в свое время заглянуть в глубокие пустые глазницы древних статуй, порой становится не по себе при виде выстроившихся рядами каменных истуканов. Они молча стоят, как на параде, повернувшись спиной к заливу, и зловеще смотрят на вас огромными, величиной с блюдо глазами.

Второй раз за тысячу лет хрупкие двуногие существа из плоти и крови открыли глаза огромным Голиафам. Если бы они нас увидели и если бы они могли разомкнуть свои плотно сжатые губы, то они поведали бы, насколько мало изменилось человечество за последнее тысячелетие.

Пока русские снимали статую и суетились вокруг камышовой лодки Китина Муньоса, я незаметно ушел на другую сторону холма и лег на землю. Передо мной расстилался залив Анакена, похожий на божественное голубое зеркало в золотистой оправе песчаного пляжа. Очень непросто мысленно возвращаться в печальное прошлое, когда настоящее так прекрасно и насыщено событиями, когда ты находишься на том самом месте, где высадился Хоту Матуа, и видишь каменных исполинов на берегу, а трехмачтовый корабль из камыша мерно раскачивается на гребнях набегающих волн.

— *Но чем же все закончилось? Поразил Давид Голиафа камнем из пращи?*

— Я никогда не пытался причинить кому-либо вреда. Я всегда оборонялся и никогда не атаковал. Если я порой и бывал агрессивным, то исключительно в качестве ответной меры.

Враждебные действия со стороны профессора Карстена неожиданно закончились, когда Академия наук Финляндии пригласила меня в Хельсинки для участия в публичной дискуссии. Я не замедлил откликнуться, но Карстен не явился. Он предпочел встретиться со мной за закрытыми дверьми своего дома. Секретарь Академии проводил меня до его квартиры. Нас обоих впустили внутрь, но раздавшийся с антресолей голос настоял, чтобы я поднялся один. Я шел следом за мило улыбающейся пожилой дамой и перебирал в памяти ученые доводы и аргументы. Но случилось чудо. Голиаф оказался мирным старичком, сидевшим в кресле-качалке с чашкой чая. Мне тоже дали чашку, но не позволили обсудить мою теорию. Оказывается, он не называл экспедицию «Кон-Тики»

мошенничеством. Скандальный заголовок придумали журналисты. Спустя некоторое время он написал соответствующее опровержение. Я сидел, пил чай с пирожным и слушал, как человек, до недавнего времени бывший моим главным врагом, рассказывает о своих путешествиях.

Казалось, с капитуляцией Карстена наступит мир. Но я и понятия не имел, какие страсти и какие схватки неутоленных честолюбий кипели за кулисами научного сообщества. О, там были великие бойцы! Они выстроились плечом к плечу с единственной целью — вытащить меня на плаху и торжественно, прилюдно отрубить мне голову.

Сперва их объединенные усилия не дали желаемого результата. Датский ведущий антрополог профессор Биркет-Смит считал, что пресса должна просто замолчать экспедицию «Кон-Тики», словно ее и не было. Финский профессор Карстен, наоборот, развязал против меня газетную кампанию по всей Скандинавии. И, наконец, вице-президент Шведской академии наук профессор Карл Скоттсберг придал дискуссии чисто научный оборот.

Скоттсберг действительно заслужил право именоваться крупнейшим экспертом по культурам тихоокеанского региона. В моей так и не опубликованной рукописи я часто ссылался на его работы, но он не мог об этом знать. Когда Скоттсберг выступил в качестве моего очередного оппонента, на его стороне было одно важное преимущество. В отличие от меня, он уже побывал на острове Пасхи. В то время я лучше знал более удаленные от материка острова. Как ехидно заметил уважаемый профессор, сперва я провел там год в шкуре дикаря, а затем приплыл на плоту-развалюхе.

Перу Скоттсберга принадлежал целый ряд работ по ботанике, а также отчет о путешествии на остров Пасхи. Поскольку в качестве объекта критики он выбрал мой рассказ о путешествии на «Кон-Тики», мое заочное и поверхностное знакомство с островом Пасхи стало, в его глазах, моей ахиллесовой пятой. Он рассыпался в комплиментах по поводу моих достоинств как моряка, но, увы, он не мог признать Хейердала настоящим ученым. Рассуждения Хейердала о способах передвижения статуй на острове Пасхи содержат ряд существенных неточностей, равно как приводимые им измерения. Прежде чем высказывать свое мнение, Хейердалу следовало бы почитать знаменитого французского этнолога Альфреда Метро.

На страницах той же газеты я ответил, что информацию о способах передвижения статуй я нашел как раз в книге Метро, а данные измерений я позаимствовал из работы самого Скоттсберга.

Больше ничего членораздельного я от профессора не дождался. Он выступил с еще одной короткой заметкой, в которой привел три латинских названия растений, встречающихся на острове Пасхи. На его взгляд, эти названия служили окончательным и бесповоротным доказательством того, что остров заселяют выходцы из Азии, а не из Америки. И на сим счел дискуссию победоносно завершённой.

Скоттсберг не мог предположить, что он ступил на территорию, где я чувствовал себя, как рыба в воде. Перед отплытием на бальсовом плоту я тщательно изучил этот вопрос и мог призвать себе на помощь авторитет его коллеги с Гавайев ученого-ботаника Ф. Б. Х. Брауна. Два из упомянутых профессором растений размножались с помощью семян, которые могли преодолеть пространство океана без помощи человека. Третье же; *Hibiscus tiliaceus*, в доисторической Южной Америке встречалось так же часто, как и в Азии.

Только восемь лет спустя мои и Скоттсберга пути вновь пересеклись. К тому времени моя рукопись «Полинезия и Америка» вышла под названием «Американские индейцы на Тихом океане. Теоретические предпосылки экспедиции „Кон-Тики“». Скоттсберг написал положительный отзыв. Теперь он выступил в поддержку моей теории и в качестве основного довода привел следующее соображение: жители острова Пасхи строили свои камышовые суда из пресноводного камыша тотора. Этот вид встречается только в Южной Америке и, следовательно, никак не мог попасть на остров, кроме как с кораблями первопоселенцев.

Тем временем кольцо атакующих сжималось вокруг нас все туже и туже. Схватка на страницах шведских газет бушевала уже несколько недель. Швеция по праву гордилась своими специалистами в области ботаники с тех пор, как Карл Линней присвоил латинские названия всем видам растений и животных. Другой ученый, Эрланд Норденшёлд, в ходе археологических изысканий на границе Перу и Боливии создал школу антропологии Южной Америки и привез в Гетеборг богатую коллекцию образцов. Среди его учеников был археолог Стиг Рюден.

После того как вынужден был замолчать ботаник Скоттсберг, его место занял археолог Рюдэн. Он перевел дискуссию в совершенно другую плоскость. Рюдэн специализировался на районе Тиауанако в окрестностях озера Титикака. Именно там, согласно легендам, правил светлокотий и бородатый Кон-Тики, прежде чем исчезнуть вместе со своими спутниками в просторах Тихого океана. Рюдэн единственный из археологов Скандинавии лично проводил раскопки в Тиауанако, и теперь он утверждал, будто сами эти легенды — не более чем выдумка. Индейцы Тиауанако такие же краснокожие и безбородые, как любые другие. Голова статуи Кон-Тики из Тиауанако, которую мы нарисовали на парусе как символ экспедиции, вовсе не имеет бороды. За бороду у нее приняли изображение кольца в носу.

С помощью скребка и щетки грамотный археолог открывает такие тайны древней истории, которые никогда не были записаны на бумаге, камне или папирусе. Но совсем другое дело — умение читать написанное. Я мог бы с легкостью привести множество цитат из испанских хронистов, в которых упоминаются легенды инков о белокожих и бородатых «вираоча» — именно за них инки поначалу приняли испанских конкистадоров. Затем можно было сослаться на предшественника Рюдэна, американца Уэндела Кларка Беннетта. Именно он обнаружил статую Кон-Тики и описал ее как портрет бородатого мужчины. Голова, украсившая наш парус, представляла собой точную копию рисунка Беннетта из его рукописи.

В дискуссии о том, была ли борода у бога древних инков, последнее слово осталось за мной. Я предложил Рюдэну зайти в наш этнографический музей и посмотреть на экспонат под номером таким-то. Жаль, что я не видел его лицо, когда он выполнил мою просьбу и увидел кувшин эпохи праинков с побережья Перу с изображением мужчины, обремененного такой бородой, что ему позавидовал бы сам Санта-Клаус.

Нелегко приходилось норвежскому ученому в Швеции, даже несмотря на громкие аплодисменты, которыми разражались переполненные аудитории при появлении участников нашей экспедиции. Но еще труднее приходилось ему в родной Норвегии. Каждый день газеты соседних стран высыпали на меня обвинения в непорядочности и безграмотности. Профессора зоологии, мои бывшие учителя, не упускали случая сказать обо мне что-нибудь хорошее и

приглашали меня читать лекции в университете, а географ Вернер Веренсколд даже решительно выступил в прессе в мою защиту, но я все равно оставался в одиночестве. Ни один из моих заступников не мог считаться специалистом по вопросу миграций в Тихом океане.

Я держал пращу наготове и ждал появления очередного Голиафа, когда в Стокгольме произошло чудесное событие. В лекционную аудиторию Шведской академии наук, где я демонстрировал фильм о путешествии «Кон-Тики», неожиданно вошел один из истинно великих ученых, Свен Гедин, и после показа он присоединился к бурным аплодисментам. Насколько непопулярны были политические воззрения Гедина во время войны, настолько знаменит он был — и вполне заслуженно — благодаря своим рискованным экспедициям в малоисследованные районы Центральной Азии. Через несколько дней после той памятной лекции он прислал мне по почте визитную карточку как напоминание о том, что над тем, кто дерзает, всегда кружат вороны, а по пятам за ним крадутся волки. Но таковы уж правила игры.

Поздней осенью 1949 года меня неожиданно навестил секретарь Шведского королевского общества антропологии и географии профессор Карл Мисон Маннерфельт. Носителем звонкого титула оказался элегантный спортивного вида молодой географ примерно моих лет. Он доставил мне послание от Свена Гедина. Мне предлагалось защитить свою теорию на заседании Общества перед лицом светил шведской науки. Выполнив поручение, Маннерфельт уже от себя лично пригласил меня на обед, где мне предстояло познакомиться с самым молодым профессором в Швеции, доктором Улафом Селлингом, только что вернувшимся из Полинезии. Очевидно, перед началом главного события меня хотели проверить на менее искусственном оппоненте. Селлинг был на три года младше, чем я, но уже успел сделать блестящую карьеру. Он получил степень доктора ботаники за то, что впервые применил в Полинезии технику пыльцевого анализа. К тому же, единственный из всех ботаников нашего столетия, он открыл новый подкласс растений: его именем были названы пятнадцать особей растительного мира. На недавно состоявшихся выборах директора палеоботанического отделения Национального музея в Стокгольме Селлинг одержал убедительную победу, оставив позади многих убеленных сединами соискателей.

После встречи с Ивонной моя личная жизнь кардинально изменилась. Точно такой же неожиданный поворот произошел в моей жизни как ученого в тот день, когда мы с Ивонной отправились на обед с Калле и Эббой Маннерфельт и их гостем Улафом Селлингом. У несколько отрешенного и чопорного профессора ботаники оказалась завораживающая улыбка, яркое свидетельство отличного чувства юмора. Его мгновенная реакция и пронизательный взгляд говорили о необычайной остроте ума. Неудивительно, что с такой памятью и интеллектом он намного опережал свое время.

Вечер в очаровательном доме Маннерфельтов в пригороде Стокгольма начался в довольно натянутой обстановке, но Ивонна и Эбба с первого взгляда понравились друг другу. А когда мы, мужчины, уселись в кресла с бокалами в руках, нам тоже стало ясно, что мы говорим на одном языке, и разведка боем плавно перетекла в дружескую беседу.

Когда же мы сели за стол, последние остатки напряженности растаяли так же быстро, как кусочки льда в ведерке с бутылкой прекрасного белого вина. Следуя шведскому обычаю, хозяин попросил нас забыть о званиях и чинах. Поскольку у меня в то время вообще не было ни званий, ни чинов, я более чем охотно согласился. В тот вечер был заложен фундамент долгой и верной дружбы, которая ничуть не ослабла и теперь, когда дебаты вокруг «Кон-Тики» уже пятьдесят лет как стихли.

Как выяснилось, Улаф близко знаком с двумя из моих самых яростных преследователей, сэром Питером Баком и профессором Карлом Скогтсбергом. Более того, перед тем как приступить к пыльцовому анализу на островах Тихого океана, ассистент Скогтсберга Улаф Селлинг посетил на Гавайях музей, где директорствовал Бак. Там же, на Гавайях, Улаф познакомился и подружился с ботаником Ф. Б. Х. Брауном.

Форест Б. Браун! Человек, благодаря которому я решился выйти в океан на бальсовом плоту! Автор трехтомного фолианта о флоре Маркизских островов, чьи исследования в области генетики натолкнули меня на мысль взять с собой в плавание сладкий картофель, тыквы и кокосы из Перу, оказался личным другом Улафа. Он называл его просто «Форест»! Мой личный друг Теи Тетуа, сын

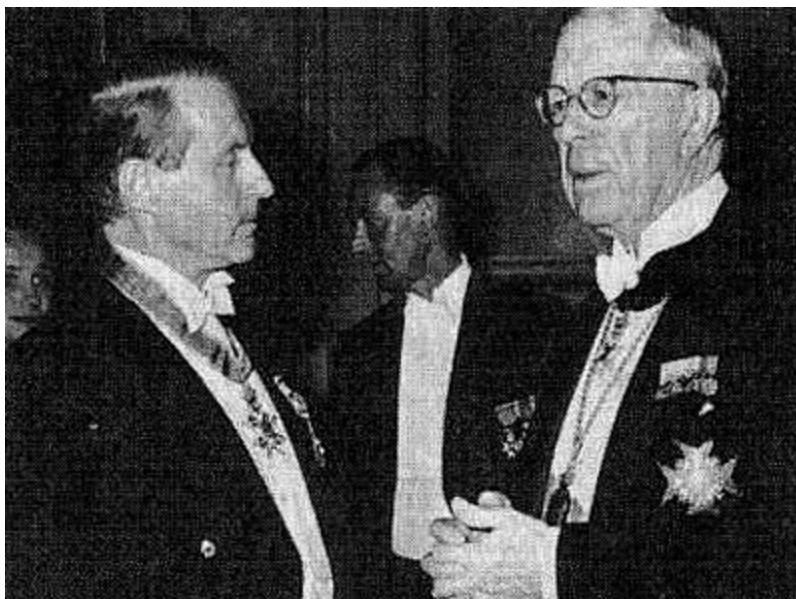
каннибала Ута с острова Фату-Хива, не раз говорил мне, что друг Улафа Форест — хороший человек. Все это начинало мне нравиться.

Географу Калле тоже с каждой минутой становилось все интереснее и интереснее. Для него, знавшего аксиому о том, что Земля круглая, расстояние от Азии до Южной Америки вдоль экватора равнялось расстоянию от экватора на север до Берингова пролива и далее на юг снова до экватора, хотя со стороны такой маршрут мог показаться вдвое длиннее. Калле понимал, что океан пронизан невидимыми реками, которые обязательно донесут любой плавающий объект в южном полушарии от Южной Америки до Полинезии, а в северном полушарии — от Азии мимо островов северо-западного побережья Америки и тоже до Полинезии.

А затем наступил великий день, 23 сентября 1949 года. В зале Шведского королевского общества антропологии и географии не оставалось ни единого свободного места. Выходя на трибуну, я поймал ободряющий взгляд знаменитого Свена Гедина, занимавшего кресло в первом ряду прямо передо мной. Это помогло. Все остальные лица слились для меня в некую многоголовую массу, смотревшую на меня кто с любопытством, кто с сочувствием, а кто и с открытой враждебностью.

Выступление прошло хорошо. Даже, может быть, слишком хорошо. Куда подевались мои противники? Отсутствие критических замечаний не столько успокоило меня, сколько выбило из колеи.

А самым неожиданным результатом стало вручение мне моей первой научной награды — серебряной медали Рециуса за организацию и осуществление научной экспедиции. Ни один из многочисленных призов, полученных мною впоследствии, не радовал меня так сильно, да и, честно говоря, не имел такого большого значения для моей непрекращающейся борьбы, как первое официальное признание от Шведской академии.

Король Швеции Густав VI Адольф
вручает мне награду

Но битва с постоянно прибывающими силами противника была еще отнюдь не закончена. Все последующие месяцы я не имел ни единой свободной минуты. Улаф не только обладал отличной коллекцией литературы о Тихом океане, у него еще были самые современные архивы по любой теме, которая могла иметь отношение к моим изысканиям, связанным с Полинезией.

Мы сняли летний домик под Стокгольмом. Ивонна наносила ежедневные визиты в Королевскую библиотеку с карточками из архивов Улафа и возвращалась нагруженная немислимым количеством книг. Вместе с сестрой она день-деньской барабанила на пишущей машинке, а я резал и склеивал листы моей нескончаемой рукописи. Некоторые из них уже достигали нескольких метров в длину.

Правда, я едва не потерял своего научного покровителя. Некий высокопоставленный ученый, который посчитал себя обойденным, когда Улафа назначили директором палеоботанического отделения Национального музея, попытался лишить его этого поста и объявил моего друга сумасшедшим. Улафу пришлось сменить все замки на Дверях своего отделения, потому что его соперник повадился приходить туда по ночам и тайком уносить то гербарии, то важные документы. В газеты потоком пошли письма протеста. Как может

Шведская королевская академия наук объявлять сумасшедшим совершенно нормального человека?

Шум, поднявшийся вокруг «войны ключей», вынудил Академию оставить Улафа на прежней должности. Взбудораженная общественность изъявила готовность собрать достаточно денег, чтобы оплатить услуги двух ведущих психиатров, которые должны были осмотреть жертву наветов. Популярный шведский писатель Вильгельм Муберг написал пьесу, в основе которой лежали события «войны ключей». Пьесу перевели на многие языки и поставили во многих театрах, в том числе и за «железным занавесом», в Москве.

Селлинга признали абсолютно нормальным, а через несколько лет, по представлению Шведской академии наук, наградили рыцарским орденом Шведской Северной Звезды.

Атаки на меня лично в шведской прессе постепенно сошли на нет, и вскоре в Швеции состоялся мой первый успех в качестве исследователя, писателя и кинооператора. Этот триумф тотчас же отразился эхом у меня на родине, где Норвежское географическое общество пригласило меня прочитать цикл лекций о путешествии на «Кон-Тики». По завершении лекций меня провозгласили почетным членом Общества и пригласили выступить в Норвежской академии наук. В первом ряду, неподалеку от короля Хокона, сидела моя старушка-мама и с ужасом ждала, что на ее сына набросятся недоброжелатели. Два крупных специалиста в области языка пообещали до начала заседания, что камня на камне не оставят от моей теории миграции. Я закончил выступление, но ни один из них так и не встал с места. Король выжидательно смотрел на них до тех пор, пока кто-то не сказал, вполне дружелюбно, что поскольку лектор согласен с тем, что полинезийский язык имеет отдаленные общие корни с языками Юго-Восточной Азии, у них нет возражений против теории миграции.

— Вы согласны со мной, профессор? — поинтересовался он у своего коллеги, эксперта по азиатским языкам.

Тот вскочил на ноги, выпалил: «Согласен» и снова сел.

Мама внесла посильный вклад в прозвучавший затем гром аплодисментов и гордо удалилась. Норвежский издатель Харальд Григ, первым опубликовавший полную версию «Кон-Тики», спешно

принялся готовить второе издание. Я был на седьмом небе от счастья и не ведал, что тучи вновь сгущаются над моей головой.

В Париже я оказался из-за фильма о путешествии на «Кон-Тики». Директором ЮНЕСКО тогда был французский этнолог доктор Альфред Метро. Безусловный успех книги породил интерес китов киноиндустрии к нашей любительской киноплёнке. Но чем больше нами интересовалась общественность, тем больше негодовали те, у кого в голове не укладывалось: что это за ученый такой, что не опубликовал ни единой серьезной работы, а уже обрел мировую известность? Между тем до издания моей научной рукописи оставалось совсем немного. Она лежала в виде груды листов в кабинете норвежского издателя Адама Хелмса.

Нью-йоркский просмотр неотредактированной версии фильма о путешествии «Кон-Тики» обернулся полным провалом. Президент Трумэн пришел в восторг от нашей экспедиции, что тут же отразилось на страницах американской прессы. «Нью-Йорк Таймс», журнал «Лайф» и прочие крупнейшие издания широко освещали это событие. Кинопродюсеры настояли, чтобы норвежское посольство организовало показ всех 800 футов неотредактированной любительской пленки для аудитории из потенциальных покупателей.

Это был какой-то кошмар. Перед самым отъездом в Перу я купил маленькую заводную кинокамеру с тремя съемными линзами в фотомагазинчике в Осло. Продавец за двадцать минут объяснил мне, как ею пользоваться, и на этом закончилось мое кинематографическое образование. На просмотре выяснилось, что половина пленки безнадежно повреждена водой, а остальное снято в режиме замедленной съемки. Больше всего это напоминало съемку из медленно движущегося поезда, который то и дело ныряет то в один тоннель, то в другой, причем оператор лежит в раскачивающемся гамаке. Редкие связные кадры то и дело перемежались ослепительными вспышками света, когда на экране с трудом различалась то пасть акулы, то бородатая голова, то грязная нога, то извивающаяся рыба.

Один за другим зрители выходили на цыпочках из зала. Время тянулось бесконечно медленно. В конце концов, в зале остались только я и один-единственный покупатель из компании РКО. Он предложил

двести долларов за всю пленку в надежде, что из нее наберется достаточно приличных кадров на десятиминутный ролик для новостей. Сделка не состоялась.

Мне ничего не оставалось, как подавить разочарование. Вместе с приятелем, владельцем небольшого монтажного стола, я заперся в номере нью-йоркского отеля и принялся монтировать немой фильм. Мы не имели возможности посмотреть, что у нас получилось, поэтому как только мы склеили последние обрывки пленки, я выбежал на улицу, поймал такси и поехал в известный клуб «Путешественник» — я был самым юным его членом еще со времен возвращения с Фату-Хива. Никогда я не был так удивлен. В переполненном зале стояла гробовая тишина. Я сидел и изнывал от отчаяния — самые лучшие кадры оказались безвозвратно загубленными и отправлены в мусорную корзину. И вдруг раздались аплодисменты. На мне все еще висели долги за экспедицию, и я без размышлений подписал контракт с агентом по организации лекционных туров. Он предложил мне очень высокий процент при условии, что я сам буду оплачивать расходы на жилье и переезды. В течение следующих трех месяцев я исколесил все Соединенные Штаты и прочитал более ста лекций, сопровождавшихся показом фильма. В самолетах и железнодорожных вагонах я провел больше ночей, чем в постели дома. Из Нью-Йорка в Сан-Франциско, затем в Вашингтон, затем снова в Лос-Анджелес. Однажды из канадского города Торонто мне пришлось срочно лететь в Читтанугу, штат Теннесси, и мой заработок за вычетом дорожных расходов составил целых семь долларов — и это при том, что за лекцию платили не меньше двухсот!

Затем наступила очередь Европы. В Стокгольме билеты во все лекционные залы были распроданы задолго до моего приезда, и тогда принц Леннарт Бернадот догадался предложить фильм Голливуду. На него не произвел никакого впечатления мой горестный рассказ о максимальной ставке в двести долларов. Пока мои товарищи по путешествию, сменяя друг друга, читали лекции перед переполненными залами в Швеции, мы с принцем отправились в Копенгаген. Там состоялся показ для королевской семьи. Королева Ингрид, принцессы и другие высокопоставленные особы сидели в первом ряду, практически уткнувшись носом в экран, и некоторым даже стало дурно от вида морских волн и от качающейся в Руках

оператора-любителя камеры. В темноте раздался характерный звук, мимо пробежал взволнованный служитель с опилками в тазике, и королева вежливо поинтересовалась, является ли это обязательной частью программы.

Леннарт Бернадот хотел смягчить дьявольскую качку на экране и увеличить скорость пленки (напомню, я снял все в замедленном темпе). Он купил первый в Европе «Прибор оптической печати», который позволял перевести шестнадцатимиллиметровую копию в тридцатипятимиллиметровую путем перефотографирования каждого третьего кадра. Затем кадры-оригиналы заменяли на копии, и скорость пленки подгонялась под скорость стандартного кинопроектора. На следующее утро мы подписали контракт на шведском и норвежском языках, согласно которому каждому из нас полагалась равная доля прибыли от кинопроката, и я отправился в Вену, а Леннарт вернулся в Стокгольм. Тот контракт на одной рукописной страничке куда-то потерялся, но вновь созданная небольшая компания под названием «Артфильм», состоящая из самого Леннарта и его старого друга Уле Нордемара, сумела все-таки переделать фильм в тридцатипятимиллиметровый формат. Полученную в результате их усилий пленку они продали кинопродюсеру голливудской фирмы «Тарзан» Солу Лессеру, а тот в свою очередь — студии кинопроката РКО. Если бы мы с РКО заключили сделку с самого начала, то и они, и я получили бы гораздо большую прибыль, чем после всех этих операций.

За короткий срок мы заключили не меньше контрактов на показ фильма, чем на переиздание книги, и в конце концов завоевали два приза «Оскар» в жанре документального кино, один за работу продюсера, другой — за операторскую работу. Я опять с головой ушел в научные дебаты и отказался ехать в Голливуд на вручение наград. В конечном итоге своего «Оскара» я получил из рук продюсера фирмы «Тарзан» в здании музея «Кон-Тики».

Некоторое время спустя я все же оказался в Голливуде, и Сол Лессер устроил в мою честь вечеринку. Он поинтересовался, с кем из здешних знаменитостей я хотел бы познакомиться. К своему стыду, я не смог припомнить ни одного имени. После долгих размышлений я назвал Уолта Диснея. Великий мультипликатор пришел на вечеринку и оказался очень застенчивым и интеллигентным человеком, который

ничем не выдавал, что обладает чувством юмора. С исключительно серьезным видом он обменялся со мной рукопожатиями и поблагодарил за то, что я рекламировал его имя в своей книге. «Я вас рекламировал?» — недоуменно переспросил я. Я вообще не помнил, чтобы я его хоть раз упомянул. «Да, — подтвердил он. — Вы трижды назвали мое имя. Во всех трех случаях вы описывали фантастических морских существ, настолько фантастических, что даже фантазии Уолта Диснея не хватило бы, чтобы придумать нечто подобное».

Тринадцатого января 1950 года в Стокгольме состоялась мировая премьера нашего фильма. Среди почетных гостей были шведская королевская семья, Свен Гедин и Улаф Селлинг. Я присутствовал только на нескольких самых первых представлениях, но французы проявили к нему неслыханный, интерес. Некая фирма выторговала право торжественно провезти наш плот по дорогам Франции, и через некоторое время он закончил свой триумфальный путь на Елисейских полях. По дороге его тащили через какие-то фруктовые сады, и он приехал в Париж с яблоками, застрявшими между бревен. Тем временем в Осло мы заканчивали строительство музея, в котором почтенному путешественнику предстояло найти вечное пристанище.

Я прибыл в Париж за день до премьеры и, несмотря на торжественную встречу в аэропорту, был не в лучшем расположении духа. Альфред Метро развязал против меня очередную кампанию. Снова на страницах одного Французского научного журнала я предстал в качестве банального авантюриста. Какой-то журналист показал мне газету, в которой Метро обозвал меня лжеученым. Меня попросили прокомментировать заявление французского ученого, на что я ответил, что с удовольствием это сделаю, но только в присутствии самого Метро.

На следующее утро меня привезли в его офис в здании ЮНЕСКО. Он встретил меня в обществе доктора Уолтера Лемана, ведущего специалиста парижского Музея человека в области южноамериканской археологии. Там же сидел газетчик с блокнотом и ручкой наготове.

Как только мы покончили с формальностями, я открыл портфель и извлек на свет божий авторский экземпляр своей научной работы под названием «Американские индейцы на Тихом океане». В книге было восемьсот двадцать одна страница, библиография из более чем тысячи

названий и множество иллюстраций. Мои оппоненты явно смутились и растерялись. После того как они задали заранее заготовленные заковыристые вопросы и получили на них ответы, наступила моя очередь. Я достал толстую пачку фотографий, сделанных на Маркизских островах, на острове Пасхи и в Андах на всем протяжении от Сан-Агустина в Колумбии до Тиауанако в Боливии. В свое время Метро неоднократно утверждал, что статуи в этих местах ничем не похожи друг на друга. Я положил фотографии на стол и попросил их отделить полинезийские статуи от южноамериканских.

Доктор Леман начал было их сортировать, но вскоре заколебался и передал всю пачку Метро. В конце концов, это было по его части. Метро взял фотографии с покровительственной ухмылкой.

— Вот эта — из Полинезии, — отложил он одну из фотографий.

— А вот и нет, — злорадно перебил я. — Из Сан-Агустина!

— И эта тоже из Сан-Агустина, — невозмутимо продолжил Метро.

— Нет, — снова вмешался я. — Я сам ее сделал на Маркизских островах.

И добавил, что если два крупнейших специалиста не видят между ними разницы, то, возможно, они согласятся признать наличие некоторого сходства?

Они согласились. Метро взглянул на часы и вежливо предложил пройти в бар. Так мы и сделали, и признаться, никогда еще я не пил ничего вкуснее.

В тот вечер кинотеатр был забит до отказа и дышал атмосферой ожидания. Среди собравшихся оказались самые знаменитые путешественники и альпинисты Франции, в том числе полярный исследователь Поль Эмиль Виктор и покоритель вершины Аннапурна Морис Герцог. Перед началом сеанса с кратким представлением картины выступил Поль Эмиль, и с того вечера в моей жизни стало на два верных друга больше.

Проснувшись утром, я обнаружил у дверей своего номера свежую газету. «Репортаж о поединке Давида с Голиафом», — подумал я, глядя на статью о вчерашней встрече в здании ЮНЕСКО. В верхнем левом углу — большая фотография Метро с большим бокалом в руках. В нижнем правом — моя, поменьше, и с маленьким бокальчиком. «Хейердал почти убедил Метро», — гласил заголовок. Далее автор

статьи рассказал, как два крупнейших специалиста раз за разом ошибались, пытаясь отличить полинезийские статуи от южноамериканских. Более того, Метро официально опроверг свои слова и признал, что я являюсь настоящим ученым.

Когда Адам Хелмс собрался с мужеством и издал мою объемную рукопись, Метро выступил с очень благоприятной рецензией, причем в той же самой шведской газете, со страниц которой он некогда обрушился на меня.

В своей рецензии он отметил, что для постороннего человека может показаться невероятным, как мог такой молодой ученый собрать такое количество важного научного материала, к тому же относящегося к разным областям науки, и затем объединить разрозненные факты в одну стройную теорию.

Его партнер по экспедиции на остров Пасхи, бельгийский археолог доктор Анри Лавашери, никогда не присоединял свой голос к травившему меня хору, а после того как я вернулся из первой поездки на остров Пасхи, он навестил меня в Осло, чтобы ознакомиться с привезенными мной материалами. В 1975 году он написал предисловие к моей работе об искусстве островитян.

Итак, во Франции установился мир, но боевые действия продолжались. Чем большую популярность у широкой аудитории завоевывали мои книга и фильм, тем теснее спланивали ряды их противники. Многие ученые неверно понимали суть конфликта — будто бы неграмотная публика бешено аплодирует неучу, осмелившемуся вторгнуться в храм науки — и чувствовали, будто их выставили на посмешище. План профессора Биркет-Смита замолчать экспедицию «Кон-Тики» не сработал. И тогда организаторы следующего, тридцатого Международного конгресса американистов предприняли более радикальный шаг. Они послали мне приглашение прочитать на конгрессе лекцию перед аудиторией из самых знаменитых специалистов со всего мира. К тому времени «Американские индейцы на Тихом океане» уже неделю как вышли из печати, но, разумеется, за такой короткий срок никто еще не успел ознакомиться с моей работой.

Приглашение звучало как вызов. По регламенту любой участник конгресса имел право прочитать до трех лекций. Я послал заявку на

все три.

Через некоторое время мне по почте пришла программа конгресса. Руководителем секции, на которой мне предстояло выступать, был назначен не кто иной, как профессор Биркет-Смит.

Никогда я так не волновался, как в августе 1952 года по пути в Кембридж на конгресс американистов. Меня ждал важнейший в жизни экзамен, а в роли экзаменаторов будут выступать крупнейшие антропологи мира. На конгресс съехались двести ученых из тридцати стран мира, и в момент нашего с Ивонной появления многие из них уже стояли, разбившись на кучки, и приятельски беседовали. В портфеле у меня лежали тезисы трех лекций. Судя по любопытным взглядам, которые мы ловили на себе, меня узнали, но, кроме нескольких холодных улыбок, я не дождался никаких приветствий.

Ивонну, напротив, никто не знал. Я оставил ее в коридоре и пошел искать, где бы оставить тяжелый портфель. Когда я возвращался, она услышала, как кто-то сказал: «Не поворачивайся. Там идет Хейердал». Через некоторое время Ивонна о чем-то заговорила со шведским антропологом Зигвальдом Линнеем. В разгар беседы к ним подошел какой-то пожилой ученый и сказал Линнею: «Простите, что я раньше с вами не поздоровался. Я принял вас за Хейердала».

Ожидая своей очереди подняться на трибуну, я испытывал какие угодно чувства, кроме чувства уверенности. Я записался на три лекции, в то время как остальные участники редко читали больше одной. Я кожей ощущал атмосферу злорадного ожидания. Журналисты и телевизионщики, как правило, не баловавшие конгресс своим вниманием, толпились в коридорах. Их присутствие не добавило мне популярности в глазах ученых, которые с еще большей страстью желали, чтобы этот авантюрист был унижен и уничтожен у всех на глазах.

Согласно программе, моей лекции предшествовало два других выступления, но они были посвящены столь узкоспециальным темам, что послушать их пришло лишь несколько человек. Остальные ждали в коридоре и явно предвкушали нечто захватывающее. После первой получасовой лекции мы с Ивонной в числе маленькой группы слушателей честно ждали второго лектора, но он по неизвестной причине так и не появился. Обычно в таких случаях объявлялся

получасовой перерыв, но на сей раз Биркет-Смит вышел к трибуне и, глядя в практически пустой зал, предложил мне начинать.

Я поднялся на авансцену и произнес первые фразы своего выступления. В зале не было никого, кроме Ивонны и нескольких случайных и совершенно не заинтересованных слушателей. С точно таким же успехом я мог бы читать в пустой комнате. Я тщательно готовился к сегодняшнему дню, а те, для кого предназначался мой труд, гуляли в коридоре.

Так я читал вхолостую минут пять, а затем краем глаза увидел, что Ивонна встала и выскользнула из зала. Мгновением позже массивная дверь широко распахнулась, и в аудиторию буквально хлынул людской поток. Мне пришлось сделать паузу, чтобы переждать топот ног и скрип стульев. Наконец все, кому достались места, уселись, а опоздавшие выстроились вдоль стен, и я продолжил чтение. Но меня тут же перебили и потребовали начать сначала. Биркет-Смит присоединился к просьбе.

Многие в аудитории смотрели на меня с удивлением. Вместо бородатого дикаря перед ними стоял свежесбрившийся молодой человек в аккуратном синем костюме. Газетчики потом напишут, что он скорее походил на банковского служащего, чем на отчаянного мореплавателя. Уж не знаю, кто был удивлен больше, слушатели или сам лектор, но меня просто поразило молчание, воцарившееся после первой лекции. Ни одного ехидного замечания, только несколько вполне дружелюбных и достаточно простых вопросов.

На следующий день, после второй и третьей лекций, лед отчуждения между мной и слушателями окончательно растаял. Более того, серьезно обсуждался вопрос о возможной финансовой помощи коренному населению Полинезии со стороны Америки. Никто не выступил со сколько-нибудь серьезной критикой моей теории, а известный канадский специалист профессор Раглс Гейтс даже заявил, что последние анализы образцов крови, взятых в различных уголках тихоокеанского региона, говорят в пользу гипотезы Хейердала. Полностью опустошенный, но торжествующий, я в сопровождении Ивонны проложил себе дорогу на выход через переполненную аудиторию. Репортер из Осло передал в редакцию норвежской газеты новость о том, что я не только выжил, но даже удостоился слов благодарности от моего главного противника профессора Биркет-

Смита. Те же самые финские газеты, которые недавно обвиняли меня в мошенничестве, теперь опубликовали благоприятные отчеты о моих научных достижениях и отметили, что мои критики теперь вынуждены замолчать.

Спустя некоторое время я узнал имя пожилого ученого, который не поздоровался с Линнеем, приняв его за меня, — Поль Риве, знаменитый французский этнограф. Я так с ним и не встретился. Он демонстративно отказался побывать на моих лекциях, а затем выступил с проектом резолюции конгресса, в которой теория Хейердала признавалась несостоятельной. Резолюция не прошла, поскольку конгресс не мог принять точку зрения человека, лично не присутствовавшего на лекциях.

Однако до победы было еще далеко. Сразу за конгрессом в Кембридже следовал IV Международный съезд антропологов и этнологов в Вене.

Как и многие участники кембриджского форума, мы с Ивонной собрались ехать в Вену на поезде прямо из Англии. Но перед самым отправлением один дружелюбно настроенный коллега рассказал мне, что вице-президент венского съезда назначен один из самых яростных моих противников, профессор Роберт фон Гейне-Гелдерн. Он издал листовку, содержащую резкую критику моей теории, и собирался бесплатно распространить ее среди всех участников конгресса.

Мы тут же сдали железнодорожные билеты и вылетели в Вену самолетом.

В Вене я оставил Ивонну в отеле, а сам помчался на такси в офис фон Гейне-Гелдерна. Меня встретил сутулый, но вполне бодрый пожилой профессор с живым взглядом спрятанных за линзами очков глаз. Он охотно дал мне экземпляр листовки. Когда же я попросил предоставить мне возможность выступить в свою защиту, профессор со злорадством в голосе ответил отказом. На выступления надо было записываться при получении приглашения, а теперь слишком поздно.

Два студента случайно услышали, как мне отказали в праве на защиту, и пришли в яростное негодование. К профессору отправилась делегация от студентов с просьбой провести открытые дебаты в рамках съезда. Им тоже отказали.

В тот же вечер студенты, в условиях строжайшей конспирации, организовали мне встречу с их любимым преподавателем Домиником Вёльфелем. Встреча происходила в заброшенном винном погребе, потому что им небезопасно было появляться в обществе опального профессора. В научных кругах Вёльфель пользовался репутацией ученого старой закалки, обладающего отличной интуицией в вопросах контактов различных культур. Я не раз цитировал его работы о культуре первооселенцев Канарских островов. Мы сидели в полумраке, при тусклом свете газового фонаря, словно первые христиане, скрывающиеся в катакомбах от римских гонителей веры. Как выяснилось, Венский этнографический музей планировал раздать свой годовой отчет всем участникам конгресса. Ни директор музея, ни редактор-составитель отчета не были замечены в тесной дружбе с вице-президентом съезда.

На следующее утро я нанес визит директору музея и получил разрешение включить в отчет свою статью. Очевидно, директор не знал, что отчет уже вышел из печати, и направил меня к одному из соредкторов, доктору Этте Беккер-Доннер. Дружелюбная дама, известный специалист по культуре южноамериканских индейцев, продемонстрировала мне грудку отпечатанных отчетов, но тем не менее согласилась вложить в них листовку с моим ответом.

Был вечер пятницы, а конгресс открывался в понедельник.

К счастью, мои немецкие издатели, семья Ульштайнов, оказались тоже в Вене, а после огромного успеха книги о «Кон-Тики» наши отношения были безоблачными. Меня заверили, что если к воскресному утру я предоставлю готовый текст, то к вечеру воскресенья листовка будет готова.

В тот вечер я лег рано, чтобы хорошенько выспаться. Гейне-Гелдерн не удосужился прочитать мою недавно вышедшую работу. В субботу я занимался тем, что отыскивал в своем тексте цитаты, напрочь опровергающие аргументы противника — это было легко, поскольку в них не было ничего нового. Единственная свежая мысль заключалась в том, что Гейне-Гелдерн привел множество примеров того, что в определенные дни ветер над Тихим океаном менял направление и дул в сторону, противоположную той, куда плыл «Кон-Тики». На этот новый и, признаться, неожиданный довод я ответил только одно: если уж пользоваться подобным методом, то куда проще

составить список пронесшихся там ураганов и на этом основании доказать, что в районе Тихого океана жизнь в принципе невозможна.

Утром в понедельник мы с Ивонной одними из первых вошли в украшенный флагами зал конгресса. Нас тепло поприветствовали слегка смущенные президент и вице-президент съезда и пробормотали нечто комплиментарное относительно моей статьи.

Бледный как смерть Гейне-Гелдерн поднялся на трибуну и объявил конгресс открытым. До самого окончания съезда он так ничего мне и не ответил, потому что он с первого захода израсходовал все свои боеприпасы, а после его попытки доказать, что <тихоокеанские ветра дуют совсем не так, как все думают, аргументов у него не оставалось вовсе.

Следующая возможность отомстить представилась ему восемь лет спустя, в 1960 году. В Вене проходил XXXIV Международный конгресс американистов, и на сей раз Гейне-Гелдерна назначили президентом конгресса. Получив приглашение, я взвесил все за и против и решил не только участвовать, но и прочитать лекцию. На сей раз я выбрал тему из области биологии, где я имел заведомое преимущество над Гейне-Гелдерном и его учениками.

Потом я нередко задавался вопросом, нарочно или случайно Гейне-Гелдерн рассадил всех своих учеников в первом ряду. Когда я вышел на трибуну, я просто физически ощутил волны неприязни и даже ненависти. Если бы взгляды могли убивать, я упал бы замертво прежде, чем произнес первое слово. Я зачитывал свое выступление, словно в тумане, в перекрестье враждебных глаз. Никто из них даже не вслушивался в мои аргументы. Но затем произошло невероятное. Когда я произносил заключительные фразы, то краем глаза увидел, что Гейне-Гелдерн встал со своего места и быстрым шагом направляется к трибуне. Он схватил меня за руку, словно я был его лучшим другом, и рассыпался в таких комплиментах, каких я не слышал ни до того, ни после. Его ученики на первом ряду, наверное, были так же поражены не менее меня. Только потом я понял, в чем дело. Моя лекция содержала доказательства контактов между Полинезией и Южной Америкой и камня на камне не оставляла от изоляционистской теории злейшего врага Гейне-Гелдерна, Е. Д. Меррилла. Вне себя от радости, что я припер к стене американского ботаника, он совершенно забыл, что я переплыл Тихий океан в «неправильном» направлении. Ветер

дул в мои паруса с такой силой, что мне до сих пор кажется, будто он меня обнимал прямо на трибуне, хотя все свидетели в один голос утверждают, что дальше рукопожатий дело не зашло.

Скоттсберг тоже зачехлил свой меч. Он пересмотрел собственные взгляды на флору острова Пасхи и первым признал, что единственные пресноводные растения, встречающиеся на острове, камыш тотора и лекарственная трава тавари, происходят из Южной Америки и могли быть занесены сюда только на судах древних мореплавателей. Камыш тотора играл очень большое значение на безлесном острове Пасхи. А на побережье Перу из него строили лодки и дома. Все попытки доказать, что семена камыша могли быть занесены на остров Пасхи перелетными птицами, оказались полностью несостоятельными, поскольку ни одна птица не могла долететь до столь удаленного от южноамериканского побережья острова. Более того, без участия человека на остров не могли бы попасть семена сладкого картофеля, маниоки, тыквы и перца чили, а когда европейцы впервые открыли остров, местное население давно выращивало все эти культуры.

Итак, в Европе моя битва с Голиафом пришла к победоносному завершению. Но ее отголоски долго еще бушевали на другом берегу Атлантического океана, за Берлинской стеной и по ту сторону «железного занавеса».

В США книга и фильм о путешествии на «Кон-Тики» были встречены с таким же энтузиазмом, как и в Старом свете. Президент Трумэн принял участников экспедиции в Овальном кабинете Белого дома. Он произнес речь, в которой высоко оценил наше мужество, и показал альбом, куда он собственноручно клеивал газетные вырезки, посвященные этому событию.

Но американские ученые отнюдь не спешили разделить всеобщий восторг, хотя и не нападали на нас столь яростно, как их европейские коллеги. Именно в Соединенных Штатах возникло устойчивое мнение, что плот из южноамериканского бальсового дерева никак не может доплыть до Полинезии. Ведущий специалист по вопросам мореплавания в доисторическом Перу доктор С. К. Лотроп из Гарвардского университета даже написал специальную диссертацию, в которой доказывал, что бальсовый плот не продержится в океане и двух недель. Следовательно, древние перуанцы не могли с его

помощью достичь берегов Полинезии. Все ученые, включая сэра Питера Бака, неоднократно цитировали его выводы. К их числу принадлежал и милый пожилой профессор Герберт Спинден, у которого я когда-то останавливался в Нью-Йорке. Безуспешно я пытался уговорить его или кого-нибудь из его коллег прочитать мою неопубликованную рукопись. Я утверждал, что Полинезию заселили выходцы из Южной Америки, а он в ответ лишь улыбнулся и сказал: «Вот сами и попробуйте доплыть из Перу до Полинезии на бальсовом плоту».

Я принял его вызов.

Самым большим удивлением для меня стало, что после завершения нашего путешествия профессор Лотроп пригласил меня с женой к себе в гости. На пианино в его нью-йоркской квартире стояла точная копия нашего «Кон-Тики». Как выяснилось, он сделал ее сам. Не дожидаясь никаких других доказательств, он первым признал правоту моей теории.

В те дни, когда мы еще только строили наш плот на верфи Кальяо, в Перу проводил раскопки знаменитый американский археолог доктор Ричард П. Шедел. Журналисты спросили его, есть ли у нас шансы выжить, и он, как и все остальные, ответил отрицательно. После успешного завершения экспедиции ему задали другой вопрос: что же именно доказали участники экспедиции. «Ничего, — был ответ. — Кроме того, что норвежцы — хорошие моряки».

Через много лет мы с ним встретились в Перу. Теперь он был настолько убежден, что древние жители этой страны являлись опытными мореплавателями, что сам предложил мне провести совместные археологические изыскания на островах вдоль побережья. В девяностых годах его коллега и мой близкий друг доктор Даниэль Сэндвайс обнаружил следы древней культуры, существовавшей в прибрежных районах Перу в IX–X веках до нашей эры. Основным продуктом питания древних перуанцев была рыба, которую они ловили в океане.

— В пылу научных баталий как ты удовлетворял свою вечную любовь к приключениям?

— Приключения добавляют остроты в рассудочный мир научных исследований, особенно если ты изучаешь древние цивилизации. После триумфа на XXX Конгрессе американистов в Кембридже я

получил приглашение побывать на XXXI Конгрессе в Бразилии уже в качестве его почетного вице-президента. Конгресс состоялся в 1954 году, и на нем я продемонстрировал результаты моей первой археологической экспедиции на Галапагосские острова, предпринятой двумя годами раньше. Всем участникам конгресса предложили совершить путешествие в центральные районы Бразилии, и мы с Ивонной записались одними из первых. К сожалению, в связи с самоубийством президента Жетулиу Варгаса поездку пришлось отменить.

Тогда я арендовал маленький одномоторный самолетик и вместе с женой и местным гидом полетел в Санта-Изабель, крохотную индейскую деревушку на берегу реки Арагуаи в юго-западной Амазонии. С самого начала поездка пошла не так, как задумывалась.

Всю заранее закупленную провизию и снаряжение пришлось оставить в аэропорту. Из боязни перегрузить самолет пилот согласился взять на борт только удочки и ружье. Сначала полет проходил нормально. Под нами, насколько хватало глаз, тянулась сплошная зеленая крыша сельвы. Внезапно летчик резко развернул самолет в обратном направлении, и в ту же секунду мотор заглох.

— Не бойтесь, — сказал пилот. — Мне уже двадцать раз приходилось делать вынужденную посадку.

В аэропорту он поменял все свечи, и мы снова взлетели. В полете пилот ориентировался по старой школьной карте, на которой деревни были отмечены красными кружками на зеленом фоне. Через несколько часов самолет приземлился на просеке посреди джунглей. Взлетно-посадочная полоса больше напоминала картофельное поле. В непосредственной близости располагался бар, за стойкой которого стояла местная красotka. По каким-то совершенно необъяснимым причинам пилот заявил нам, что дальше лететь нет никакой возможности.

Возле берега стояло длинное каноэ, вырезанное из ствола дерева. Я решил, что другого шанса выбраться из джунглей может и не представиться. Два индейца-карайя согласились довезти нас до Амазонки. Мы взяли удочки и ружье, забрались в каноэ, и быстрое течение подхватило наше суденышко. Несколько следующих дней мы не видели ничего, кроме зеленых джунглей, бурой воды, цветастых попугаев и отчаянно орущих обезьян. Ночевали мы на берегу, либо на

песке, либо на матрасе из веток. Опасаясь незваных гостей, мы жались поближе к воде, но на ее поверхности попарно горели маленькие огоньки, внимательно изучавшие нас, и сонливость пропала как-то сама собой. Огоньками были глаза кайманов.

Они бесшумно скользили по воде, не отводя от нас взгляда. Днем стояла невыносимая жара, а единственный источник воды плескался за бортом нашего каноэ. Сперва мы пытались фильтровать мутную воду через носовые платки, но вскоре оставили эти попытки и пили прямо из реки.

Так прошло несколько недель. А потом произошла незабываемая встреча с цивилизацией. Первым мы увидели абсолютно голого мужчину. Он стоял на песчаной косе и смотрел на нас. Когда наши взгляды встретились, он повернулся и скрылся в хижине. Через мгновение он появился снова, по-прежнему голый, но с поясом на животе. В глубине леса стояли другие хижины, и вскоре нас угощали жареной рыбой, печеными черепаховыми яйцами и корнями маниоки. С наступлением темноты мы заснули в гамаках под открытым небом, но посреди ночи проснулись и стали свидетелями странных событий. Через регулярные промежутки времени мимо наших гамаков попарно пробегали обнаженные молодые девушки и исчезали в джунглях. После этого из леса доносилось причудливое заунывное пение. На песчаном берегу танцевали четыре фигуры в высоких головных уборах и длинных соломенных накидках. Мы так никогда и не узнали, что означал этот ритуал.

Зато мы почерпнули много нового об искусстве выживания посреди дикой природы — как искать съедобные корни и черепаши яйца, как ночью с помощью топора охотиться на крокодила. Мы видели дельфинов и летучих рыб в озере, которое теряет сообщение с рекой во время засухи.

Блестающие небоскребы Сан-Паулу казались отсюда чем-то совершенно нереальным, а ведь совсем еще недавно мы бродили по улицам шумного города: какой контраст с непроходимыми джунглями и убогими хижинами индейцев!

Не говоря уж о сухом мире науки, куда нам вскоре предстояло вернуться.

Переворот в общественном сознании произошел на X Конгрессе по проблемам Тихоокеанского региона, состоявшемся на Гавайях в 1961 году. Мы отправились туда вместе с Улафом Селлингом — он в качестве официального представителя Академии наук Швеции. Сейчас многие друзья Улафа дополнили собой ряды Академии. Но Форест Браун не дожил до дней триумфа, и Питер Бак тоже. Все члены экипажа «Кон-Тики» давно уже приняли Улафа в почетные члены своей команды, а теперь ему предстояло рассказать о результатах пыльцевого анализа, проведенного на острове Пасхи. Я же представил Конгрессу итоги наших совместных с американскими археологами раскопок на этом острове, а также на других островах Полинезии и на Галапагосах.

В завершение Конгресса все три тысячи участников единогласно проголосовали за резолюцию, согласно которой основными источниками информации о народах и культуре тихоокеанских островов являются Южная Америка и Юго-Восточная Азия.

По ту сторону «железного занавеса»

— *Наконец-то мы снова делаем хоть что-то разумное.*

Снова тот же знакомый голос после нескольких недель молчания. Разумное?

Я карабкался вверх на четвереньках, пробираясь между валунами застывшей лавы, усеявшими склоны вулкана Тейде на Тенерифе. Следом за мной поднималась Жаклин. Совершенно бестолковое занятие. Сегодня было воскресенье, и мы вполне могли бы отдыхать в гамаках в саду нашего дома в долине пирамид.

У меня есть святой принцип — в воскресенье никакой работы. Тут и уважение к постулатам религии, объявившей седьмой день творения днем отдыха, и холодный расчет. После воскресного безделья я с новой силой чувствую зов природы, ощущаю прилив энергии в душе и теле, с новыми силами встречаю следующую трудовую неделю.

Мне вовсе не хотелось разговаривать. Я тщательно выбирал, куда поставить ногу, чтобы не уронить какой-нибудь камень прямо на голову идущей следом Жаклин, и с трудом наполнял легкие разреженным воздухом высокогорья. Странно, что мой аку-аку именно сейчас подал признаки жизни. Прошло уже много времени с тех пор, как я спустился вниз с кратера вулкана на острове Пасхи, и в круговерти поездок и деловых встреч я совсем забыл о его существовании. Может быть, мы вспомнили друг о Друге именно потому, что вновь оказались на склоне вулкана?

Приближалось Рождество. Скоро закончится юбилейный год, и ему на смену придет следующий, который предстоит заполнить будничной работой.

Какой замечательный вид открывался отсюда! Даже черные куски застывшей лавы многообразием своих форм и размеров приносили жизнь и движение в мрачный на первый взгляд пейзаж. Мир тропического многоцветья остался далеко внизу, в долине Гуимар. Выше по склону его сменил густой сосновый лес, но и он отступил на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, возле самого края гигантского ведьминога котла. Внутренность кратера представляла

собой огромную чашу двенадцати километров в диаметре, наполовину заполненную остывшей лавой. Вершина Тейде вздымалась над океаном на три тысячи семьсот метров и считалась самой высокой точкой на территории, подвластной Испании. Мы выбирались из кратера по черной и темно-коричневой породе, похожей на пригорелую кашу, и отдельные камушки блестели, как крупинки сахара или корицы. Из растений здесь встречались только отдельные, абсолютно круглые кусты, торчавшие из каши, словно лохматые головы троллей, которые когда-то давным-давно пытались выбраться из-под земли наружу, да так и застряли в затвердевшей лаве.

Океан, горы, лес или пустыня — все это подарили нам силы созидания ко дню рождения. Природу по-настоящему любит тот, кто разделяет вкусы Творца. Войдите в Божий храм, будь то синагога, церковь или мечеть, и вы услышите одну и ту же историю о том, как Господь создал мир, а затем день отдыхал, преисполненный гордости за творение рук своих.

Мой невидимый двойник пребывал в разговорчивом настроении. Наша беседа текла легко, как и мои собственные мысли, в то время как мое брненное тело задыхалось от разреженного воздуха и молило об отдыхе для уставших мускулов.

— *Почему ты все время стремишься все выше и выше?*

— Потому что только забравшись высоко в горы можно насладиться такой красотой. И в науке — то же самое. Хотя нельзя не признать, и внизу, в долине, тоже очень красиво. Но есть риск, что со временем твой горизонт сузится до опасных пределов.

Мы добрались до уступа на высоком утесе из застывшей лавы. Куда ни бросишь взгляд, отсюда открывалась завораживающая панорама. Жаклин уселась рядом со мной, и, тяжело дыша, мы принялись осматривать окрестности.

— Сидя на вершине горы посреди острова и глядя на океан, чувствуешь себя в полной безопасности, — заметила Жаклин.

Как обычно, я согласился. Возможно, это просто атавизм — никто неожиданно не выскочит на тебя из темного леса. А может, все дело в генетической памяти, сохранившейся с тех времен, когда наши биологические предки выползли из океана на сушу и впервые вдохнули воздух. В любом случае, одно я знаю точно: океан был

источником жизни на земле, и пока в океане остается жизнь, жизнь будет продолжаться и на суше. Но если океан умрет, то высохнет и погибнет планктон, и тогда одни леса не смогут давать в атмосферу необходимое количество кислорода. И тогда нашим потомкам мало поможет тот факт, что у них легкие вместо жабр.

Мы лежали рядом и смотрели на голубое небо и голубой океан. Наши глаза мало-помалу закрывались, и вскоре Жаклин уснула.

— *В самый разгар «холодной войны» ты бывал в Советском Союзе. Что ты думаешь о коммунизме?*

Мне довелось увидеть коммунизм как изнутри, так и будучи в странах, балансирующих на грани между коммунизмом и капитализмом. Я видел страны, в которых царит ужасающая нищета, где тоненькая прослойка правящего класса отказывается признать, что его народ голодает. И я понял, что общество, в котором люди умирают от голода прямо на улицах, равно как и общество, неспособное обеспечить каждого своего члена пищей и кровом, является больным обществом. Когда человек болен, ему требуется лекарство. По-моему, коммунизм и является сильнодействующим лекарством. Если лекарство принимали достаточно долго и у каждого появилась еда и крыша над головой, можно от него отказаться. Здоровому обществу такое лекарство не требуется.

В остальном у меня нет ярко выраженной политической платформы. Пока я не знаю ни одной партии, которая выступала бы за все то, за что выступаю я, и отрицала бы все то, что я отрицаю. Во всех партиях есть что-то хорошее и что-то плохое. Помню, однажды я разговаривал со своим русским переводчиком Львом Ждановым и его престарелой матерью, маленькой, худенькой, морщинистой женщиной. Она рассказывала о своей молодости, о том, с какой радостью она участвовала в революции, о том, что красный флаг для людей ее поколения был символом новой жизни, жизни в человеческих условиях. Она говорила с таким энтузиазмом, что мне на память пришел образ Жанны д'Арк. Полагаю, окажись я в таких же обстоятельствах, что и эти люди, и я с таким же энтузиазмом встал бы под красные знамена.

При жизни Сталина книга о «Кон-Тики» была запрещена в Советском Союзе, и меня там совершенно не знали. После прихода к власти Хрущев дал согласие на ее перевод, и она тут же завоевала

огромную популярность во всех странах Восточного блока. Тираж книги достиг миллиона экземпляров, и мои спокойные дни закончились. В спор вступили ученые мужи из Академии наук.

О, то были ученые в самом глубоком, чистом смысле этого слова — они специализировались в толковании надписей, которые сами не могли прочесть! Ведь до появления европейцев во всем тихоокеанском регионе — а он занимает ровно половину поверхности всего Земного шара — совершенно не имелось никакой письменности. Единственное исключение представлял собой остров Пасхи, где удалось обнаружить двадцать деревянных дощечек, покрытых иероглифами, но даже сами островитяне не могли их расшифровать. Небольшая группа московских лингвистов и криптологов предприняла попытку прочитать надписи на «ронго-ронго», но на их труд никто не обращал никакого внимания до тех пор, пока отголоски бушевавших на Западе дебатов не просочились через «железный занавес» и не попали на страницы газет. Мой отважный переводчик, Лев Жданов, регулярно переводил на норвежский критические статьи обо мне и, невзирая на принятую в СССР практику перлюстрации писем, отсылал их мне. Словом, все началось сначала.

В те времена русских ученых практически не выпускали за границу, и уж конечно никто из них не бывал на острове Пасхи. Почта шла медленно, но после того, как я начал выступать в свою защиту, атаки советских ученых стали еще более агрессивными. Мне приходилось неделями ждать ответа на каждую свою реплику, поскольку цензоры выискивали во всем, что я писал, зашифрованные шпионские сообщения.

Но затем произошло неожиданное событие — на сцену вышел президент Академии наук СССР Мстислав Всеволодович Келдыш, человек, запустивший в космос первый советский спутник. Он пригласил меня в Москву на встречу с академиками.

Я принял приглашение. Шел 1962 год, самый разгар «холодной войны». После завершения финской кампании я ни разу не встречал ни одного русского коммуниста, поэтому было вдвойне интересно предстать перед залом, битком набитым советскими учеными во главе с самим Келдышем.

Келдыш открыл собрание и предоставил слово руководителю отделения антропологии. Из зала поднялся крепко сбитый товарищ с

внушительными усами а-ля Сталин, живое воплощение западного представления о коммунистах.

Я не понимал ни слова из того, что он говорил, но, судя по громогласному голосу и угрожающим жестам, он явно не рассыпался в комплиментах в мой адрес. Когда он закончил выступление и вернулся на свое место, наступила гробовая тишина. Переводчик как мог сгладил острые углы, но тем не менее суть аргументации моего нового оппонента оказалась для меня совершенно неожиданной.

Моя теория миграции в тихоокеанском регионе, оказывается, полностью не соответствовала ленинскому учению. Основатель советского государства утверждал, что причина любой миграции — либо перенаселение, либо вражеское нападение.

В зале воцарилось напряженное ожидание. Что я мог ответить? Переводчик смотрел на меня несчастными глазами. Действительно, о какой дискуссии могла тут идти речь?

И тут у меня вырвалось:

— Вот уж не знал, что Ленин был антропологом.

Наверное, я испугался не меньше, чем окружающие. Посреди гробового молчания переводчик дрожащим голосом перевел мое богохульство. Но я заметил, что некоторые пытались скрыть улыбки. Чтобы сгладить неловкость, Келдыш пригласил меня на трибуну. И тут до меня стал доходить смысл происходящего. В зале действительно сидели академики, но выступавший до меня двойник Сталина вовсе не был ученым, просто партия наградила своего верного функционера и поставила его во главе отделения Академии. Любое направление искусства, культуры или науки в СССР возглавлял человек, напомилавший Сталина, если не внешне, то внутренне. Человек с усами выполнил свой долг, напомнив собравшимся про учение Ленина. Больше ему сказать было нечего.

Я честно выдержал свое выступление в духе марксизма-ленинизма. На примере Перу я показал, как с давних пор перенаселение и давление со стороны внешних врагов было главной проблемой рыбаков, населявших узкие речные долины в пустынных прибрежных районах Анд. Одна культура сменяла другую, пока в 1530-х годах империю инков не захватили испанцы. Завоеватели выяснили, что вся история покоренной империи записана на деревянных дощечках, хранящихся в храме Солнца в Куско, и

незамедлительно сожгли их. Но некоторые из «амаута», ученых жрецов древних инков, спаслись благодаря частым миграциям. Последняя из них случилась всего за три поколения до прихода испанцев. Тупак Инка Юпанки, дед покоренных европейцами правителей, покинул свою империю и завоевал государство Чиму, а также все поселения на четыре тысячи миль на юг от экватора. Узнав же от покоренного населения, что в Тихом океане находятся обитаемые острова, он построил флот из сотен бальсовых плотов и с половиной своей армии отправился в плавание. Через девять месяцев Тупак Юпанки вернулся и привез с собой темнокожих пленников.

Понятия не имею, знали ли все это мои русские слушатели. Они сидели тихо и слушали меня вполне благожелательно. Я также добавил, что прибрежная часть Перу часто страдала от природных катастроф. Спускающиеся с гор грязевые потоки и приходящие с океана ураганы не раз вынуждали местное население искать спасения на плотках. В годы, когда бушевали ураганы, возникало мощное океанское течение от берегов Перу прямо к острову Пасхи. В заключение я отметил, что у нас нет никаких оснований полагать, будто люди, населявшие далекие страны в давно прошедшие времена, обладали меньшим мужеством, любопытством, алчностью и любовью к приключениям, чем мы сегодня. И когда их охватывала тяга к перемене мест, ничто не могло остановить их.

Возражений не последовало. Келдыш пригласил выступить противников моей теории происхождения полинезийцев. Несколько человек встали со своих мест, но только для того, чтобы задать уточняющие вопросы. Мои ответы, похоже, всех удовлетворили.

Человек, отправивший в глубины Вселенной первого космонавта, спокойно и уверенно вел дискуссию о покорении просторов Тихого океана в древние времена. Он ничем не выдал своего собственного мнения, пока не высказался последний участник дебатов. И только потом совершенно ясно дал понять, на чьей он стороне. В заключительном слове он резко критиковал своих коллег за то, что они плохо подготовились к научному спору и не смогли убедительно обосновать свое критическое отношение к моей теории. С улыбкой повернувшись ко мне, он выразил надежду, что в моей следующей экспедиции обязательно найдется место для русского.

Так благополучно завершилась моя личная маленькая «холодная война» с академиками из Советского Союза. В знак примирения от имени Московского Государственного университета мне вручили медаль М. В. Ломоносова. Несмотря на то, что я уже состоял почетным членом Академии наук Нью-Йорка, мне присвоили почетную докторскую степень АН СССР. В те годы это было неслыханно, и я уверен, что не кто иной, как Келдыш проделал это маленькое отверстие в «железном занавесе».

Через несколько лет, когда я планировал путешествие через Атлантический океан на корабле из папируса в составе многонациональной команды, я вспомнил слова Келдыша. Я написал ему и попросил подобрать для моего экипажа доктора, владеющего английским языком и обладающего чувством юмора. В результате, с трапа самолета в каирском аэропорту сошел Юрий Александрович Сенкевич, распространяя вокруг слабый запах водки и смущенно улыбаясь. Каким-то образом Келдыш победил советскую бюрократическую машину, и Юрий стал первым русским, получившим разрешение самостоятельно покинуть страну и принять участие в путешествии на капиталистической лодке из папируса. Я специально просил человека с чувством юмора, потому что не хотел получить фанатичного партийного функционера, к тому же юмор занимает на борту мало места, а значит очень много. Позже Юрий признался, что специально крепко выпил в самолете, чтобы с первых минут знакомства произвести на меня впечатление рубахи-парня.

Со временем Сенкевич возглавил медицинский центр по подготовке советских космонавтов, а после трех наших экспедиций на лодке из тростника получил приглашение из США принять участие в дискуссии, посвященной теме мирного сосуществования представителей различных национальностей в условиях перенаселенности и повышенного напряжения.

Советские специалисты по «ронго-ронго» также превратились из моих самых ярых оппонентов в самых надежных союзников, когда дело дошло до расшифровки иероглифов на деревянных дощечках с острова Пасхи.

На XXXII Международном конгрессе американистов, состоявшемся в Копенгагене в 1956 году, сенсацию произвел дотолемикому не известный человек. Немецкий специалист-дешифровщик по

имени Томас Бартель заявил, что нашел ключ к пониманию надписей на «ронго-ронго». Сенсация достигла апогея, привлекла внимание всей мировой прессы, когда он сообщил, будто в одной из таблиц говорится о предках островитян, пришедших на остров Пасхи с Раиатеа в Полинезии в 1400 году нашей эры. То есть с совершенно противоположной стороны и гораздо позже, чем утверждал я.

Даже авторитетный Музей человека в Париже выставил бартелевский текст расшифровки на стенде, посвященном острову Пасхи. Однако он провисел там недолго. К делу подключились русские языковеды. Они обработали надписи на «ронго-ронго» с помощью компьютеров и пришли к выводу, что надписи сделаны на неизвестном языке, не встречающемся нигде в Полинезии. Не зная этого языка, невозможно прочесть «ронго-ронго».

Тем не менее фантазии Бартеля переположили весь научный мир. Даже его собственные ученики опровергают результаты бартелевской расшифровки и наперебой предлагают собственные, ничуть не менее фантастичные. А пока иероглифы «ронго-ронго» хранят свою тайну.

Когда мне предложили объехать Советский Союз с моим фильмом о «Кон-Тики», я согласился на одном условии: я сам составлю программу поездки и буду передвигаться совершенно свободно. Сегодня я могу сказать, что и за время войны, и в последующие годы войны «холодной» я хорошо узнал мир по обе стороны «железного занавеса». Главный вывод — вовсе не государственная граница пролегает между друзьями и врагами.

Быстрее других в советской Академии наук я подружился с этнологом Генрихом Анохиным, ветераном войны, специалистом по скандинавским языкам и культуре. Именно благодаря ему во время моего первого визита в Москву я встречался не только и не столько с учеными, сколько с членами писательской и актерской гильдий. В тесных квартирах и маленьких затерянных в подмосковных лесах дачах водка текла рекой, икра лежала горами, и атмосфера была самая что ни на есть дружелюбная. Все знали, что я одновременно являюсь почетным членом Академии наук Нью-Йорка и почетным доктором наук АН СССР, но старательно избегали разговоров и о науке, и о политике.

В поездке по бескрайним русским равнинам и по многочисленным республикам СССР неизменно рядом со мной был переводчик книги о «Кон-Тики». Мы вместе гостили у крестьян в колхозах, заходили в деревенские православные церкви, густо пахнувшие благовониями, к моему удивлению, они всегда были полны народа. В свете множества свечей стены сияли чистейшим золотом, а за право обладать иконами, хранившимися в этих скромных храмах, владелец любого музея отдал бы правую руку. За тяжелыми церковными дверьми царила удивительная атмосфера — воспоминания о невозвратно ушедшем прошлом и надежда на лучшие времена в будущем.

Ночным поездом мы приехали на запад от Москвы в Ленинград, чтобы взглянуть на раритеты с тихоокеанских островов, доставленные в прошлом веке в царские музеи. Много дней мы ехали на восток по транссибирской железной дороге, через всю Сибирь, мимо бесконечных лесов и покосившихся заборов, и на остановках закутанные в меха пассажиры уходили в скованные морозом поселки. В конце концов, мы оказались в самом Владивостоке, где у северо-восточной оконечности Тихого океана соседствуют Советский Союз и коммунистический Китай. Далее, в океане, Япония, Курильские и Алеутские острова образуют мост до притулившейся у берегов Британской Колумбии цепочки островов, где я жил перед войной и где впервые узнал о существовании естественного морского пути из Азии в Америку и Полинезию. Меня поразило, что советские власти, совершенно не думающие об экологии на западе страны, принялись строить здесь, на востоке, Целлюлозно-бумажный комбинат — а ведь вопросы сохранения окружающей среды стоят в восточных регионах гораздо острее.

В Сибири мне было слишком холодно. Я предпочел бы, чтобы меня подхватило теплое японское течение и медленно вынесло к покрытым снегом и льдом берегам Северной Америки.

Самые прекрасные воспоминания остались у меня от Грузии. Актеры и музыканты из Тбилиси отвезли нас со Львом на рыбалку. Мы лежали в траве около кристально чистого ручья в расселине Кавказских гор и ели свежую форель, которую мы ловили с такой быстротой, что едва успевали менять наживку. Словно древние

викинги, мы пили грузинское вино из коровьих рогов. Поскольку их невозможно поставить, их всякий раз приходилось осушать до дна, прежде чем отломить кусок хлеба или взять еще одну рыбину. Согласно местному обычаю, надо было произносить тосты за каждого из гостей по отдельности, а также за женщин, за мир, за дружбу, за короля Улафа и за премьера Хрущева, за наших предков и за потомков, за любовь, за земные плоды и за долгую и счастливую жизнь. Словом, рыбалка вылилась в долгий и очаровательный обед на открытом воздухе. Даже мой верный спутник Лев потерял счет времени. В итоге нам пришлось мчаться на машине сломя голову, чтобы успеть на ночной московский поезд. Пока я на бегу благодарил наших хозяев за гостеприимство, Лев вскочил в вагон набиравшего ход поезда. Я с чемоданом в руке побежал за следующим. Назавтра в Москве была запланирована моя лекция. Я зашвырнул чемодан в открытую дверь вагона и ухватился за поручни, но состав ехал уже так быстро, что мои ноги повисли в воздухе, и не было никакой возможности поставить их на ступеньку. Поезд мчался на всех парах, а следом за ним в горизонтальном положении летел я — словно на «Кон-Тики» в сильную бурю. Я уж решил, что пришел мой последний час, но проводник вместе с другими пассажирами втащили меня в тамбур.

Все обошлось несколькими ссадинами, тем не менее ко мне вызвали медсестру. Кровь из глубокой царапины на ноге проступала поверх брючины. Сестра наложила повязку, и, надев поверх нее строгий синий костюм, я на следующий день предстал перед аудиторией. Даже по эту сторону «железного занавеса» в подобных случаях полагалась торжественная форма одежды. Кепку и рабочую спецовку в стране победившего пролетариата не приветствовали бы.

Как героя вечера и его переводчика, нас со Львом усадили в удобные кресла на подиуме. Только я собрался заговорить, как Лев наклонился и протянул руку к моей левой брючине, словно собираясь снять с нее пушинку. Я опустил взгляд и увидел, что именно его смутило — белая нитка на моем черном носке. Беда в том, что она оказалась вовсе не короткой — он тянул и тянул, а она все вытягивалась и вытягивалась. Я уже понял, что это бинт, а Лев продолжал медленно и невозмутимо вытягивать нитку и сматывать ее в клубок. Мы оба сидели с каменными лицами, но я незаметно пытался убрать ногу подальше, пока он не размотает весь бинт.

Наконец, до него дошло. Лев нагнулся и засунул клубок мне под брючину. Теперь я уже думал не о предстоящей лекции, а о том, как бы дойти до трибуны, не выронив из-под штанов моток ниток.

Мне казалось, что я снова ощущаю тот бинт у себя на ноге. На сей раз заснул я. Жаклин разбудила меня и сказала, что пора спускаться вниз. Наши мускулы все еще гудели после подъема, а ноги затекли от сна в сидячем положении, и мы едва успели дойти до начала размеченной тропы, когда на дорогу упала тень от кратера. Через мгновение солнце закатилось за вершину вулкана, одарив нас на прощание фантастической симфонией бликов, цветов и огней. Мы попрощались с силуэтами черных, как уголь, троллей, остававшихся незамеченными при свете дня и выползших на поверхность с наступлением сумерек. Но мы знали, что на завтра, когда солнечные лучи вновь заиграют на конусообразных склонах вулкана Тейде, мы уже не потеряем из виду эти удивительные скульптуры, изваянные природой из темно- и светло-коричневой лавы.

На следующий день мы спустились на самое дно кратера — безо всякой цели, просто чтобы насладиться близостью к природе. Разнообразный и яркий мир тропиков вскоре исчез за причудливыми фигурами из застывшей лавы, грудями желтого песка и черными валунами.

Мы с аппетитом съели принесенный с собой ланч. До наступления нового года оставалось всего два дня, но солнце в чистом горном воздухе палило с такой силой, что нам пришлось искать убежище в тени кустарника. Жаклин вскоре заснула на мягком матрасе из веток, так и не заметив, что кроме нас раскидистый кустарник предоставил укрытие еще и паре маленьких веселых птичек. Одна из них чуть было не села на нос спящей Жаклин.

Я познакомился с Никитой Хрущевым в музее «Кон-Тики». Он вместе со своим верным министром иностранных дел Громыко находился в Норвегии с визитом. Хрущев дал разрешение на издание моей книги о «Кон-Тики» в СССР, и теперь он хотел увидеть сам плот, к которому испытывал почти родственные чувства. Громыко всегда следовал за ним безмолвной тенью, но когда мы подошли к скульптурам острова Пасхи, он шепнул, что переводчик из их

делегации — тот самый, кто перевел с норвежского на русский мою книгу «Аку-Аку». Сам переводчик был занят по горло, потому что жизнерадостный советский лидер постоянно задавал вопросы, шутил и вообще нарушал все правила этикета, равно как и свой собственный график. Он явно предпочел бы стоять босиком вместе с нами на плоту, чем часами сидеть на скучных совещаниях, где для того, чтобы проветрить ноги, надо разыгрывать приступ ярости и стучать башмаком по пюпитру. Наконец он собрался уходить, задержавшись в музее на тридцать минут дольше запланированного. В дверях он остановился и спросил, возьму ли я его с собой в следующую экспедицию. Журналисты и переводчики разом подались вперед, просунув микрофоны на длинных рукоятках прямо мне под нос. Что я мог ответить на такой вопрос человеку, воплощавшему для всего мира идею коммунизма?

— А что бы вы там делали? — поинтересовался я.

— Я мог бы быть поваром, — раздалось в ответ. Оказывается, Хрущев умеет готовить.

— А как бы вы готовили еду на борту?

— Я бы взял с собой примус.

— Захватите икры побольше, и можно ничего не готовить, — отшутился я.

На том мы и расстались. Первое доказательство того, что он не забыл о нашем соглашении, я получил в тот же день — бочонок икры и ящик отборной водки из советского посольства в Осло. И, словно этого было не достаточно, Хрущев не замедлил продемонстрировать, что отвечает моему главному условию — чтобы русский участник экспедиции обладал чувством юмора.

Через несколько часов после встречи в музее «Кон-Тики» на мое имя из Министерства иностранных дел пришло неожиданное приглашение на неофициальный прием в честь главы советского государства. Прием происходил в особняке, незаметно стоявшем в одном из уголков парка Народного музея. По такому случаю парк на целый день закрыли для туристов. После обеда мы все вышли на свежий воздух, где пара танцоров в национальных костюмах под аккомпанемент скрипки исполнила «халлинг» национальный норвежский танец. Хрущев пребывал в отличном расположении духа и наслаждался вовсю.

У меня не возникло ни малейших сомнений, кому я обязан приглашением. На прием не допустили ни журналистов, ни представителей светских кругов только несколько политиков из обеих стран да ваш покорный слуга. В таком обществе я чувствовал себя довольно неловко, поэтому держался позади и издалека, через головы остальных гостей смотрел на представление.

Когда артисты закончили прыгать и скакать («халлинг» состоит, в основном, из прыжков), глава советского государства вышел на лужайку, знаком велел скрипачу играть и пригласил на танец министра Громыко. Громыко позеленел от отчаяния. Кроме всего прочего, он не производил впечатления спортивного человека. Получив от Громыко отказ, Хрущев невозмутимо подошел к министру иностранных дел Норвегии Харальду Ланге и низко поклонился. Я знал Ланге как опытного дипломата, умевшего находить выход из любой запутанной ситуации, но это было слишком даже для него. Он покраснел как рак и не двинулся с места. Скрипач продолжал, как заведенный, наигрывать веселые народные мелодии.

А затем я увидел картину, которая доставила мне не меньшую радость, чем чаплинские фильмы, которые мы смотрели в детстве, захлебываясь от смеха.

Маленький, кругленький Хрущев не желал сдаваться. Следующим он пригласил нашего высокого, худого премьер-министра Герхардсена. Голова Хрущева находилась где-то на уровне живота Герхардсена. Когда премьер-министр вышел в круг, силы оставили меня. Хозяева-норвежцы пытались выдавить из себя вежливые улыбки, русские стояли с каменными лицами, советский президент прыгал и вертелся, как мячик, в руках длинного премьер-министра Норвегии, а я, потеряв всякий контроль над собой, визжал от смеха и топал ногами от восторга.

Прошло какое-то время, и в очередной свой приезд в Москву я встретился с дочерью и зятем Хрущева. Она возглавляла какой-то экологический журнал, а ее муж был главным редактором газеты «Известия». Единственный из всех моих знакомых он дал мне политическую характеристику. Дело было так. Меня пригласили в редакцию его газеты. Он вывел меня на балкон с видом на дома и практически свободную от машин главную улицу.

— Все это мы построили благодаря революции, — гордо заметил он.

— Вы были в Осло вместе с вашим тестем. Вам понравилась улица Карл-Юхансгате? — спросил я.

Он признался, что очень.

— А ведь мы не устраивали никакой революции.

Он рассмеялся и повернулся к коллегам.

— Хейердал — неисправимый социал-демократ, — пояснил он.

Лед в отношениях между Востоком и Западом еще не растаял в те дни, когда я впервые побывал в Азербайджане и встретился с главой республики Гейдаром Алиевым, одним из членов Верховного Совета СССР, не принадлежащих к русской национальности. До этого я целую неделю ездил по республике в обществе президента местной Академии наук, Хасана Алиева, не подозревая о том, что они родные братья. Хасан Алиев пригласил меня в Азербайджан, чтобы показать мне самые древние датируемые наскальные изображения кораблей в мире. В нескольких километрах к югу от Баку Каспийское море отступило от своих берегов, и остатки старинных приморских поселений оказались на суше. Поскольку развалины поселений находились выше барельефов кораблей, стало возможным определить возраст изображений с помощью метода углеродного анализа. Некоторые были высечены в скалах более пяти тысяч лет назад, и они очень напоминали древнейшие египетские рисунки тростниковых судов, встречающиеся на берегах Красного моря. В довершение сходства, и у тех, и у других на носу красовался символ солнца. Менее древние изображения в точности напоминали старинные корабли викингов. Мореплаватели жили в этих краях с незапамятных времен.

За время поездок с Хасаном Алиевым я узнал и полюбил людей и природу этого замечательного края. Уже тогда, в шестидесятых годах, Хасан считался самым активным защитником окружающей среды во всем Восточном блоке. Единственное, что порой наводило меня на мысль о его высоких связях, было то, что всякий раз, заметив дым заводских труб на горизонте, он доставал блокнот и делал там заметки. «Если не удастся уменьшить ущерб, наносимый природе заводом, — пояснял он, — то придется закрыть завод». Здесь же я узнал, что мы, представители западной цивилизации, не всегда были образцом для

подражания. Не кто иной, как Альфред Нобель был одним из пионеров нефтедобычи в Азербайджане, и после него огромные пространства плодородной земли превратились в черную изуродованную пустыню.

В день моего отъезда Хасан осторожно поинтересовался, не возражаю ли я против встречи с его братом. Я почувствовал, что здесь что-то кроется, и мои подозрения получили подтверждение, когда мы оказались в президентском дворце. Встреча носила очень официальный характер, без малейших отклонений от правил этикета. И президент, и я вошли в огромный зал из расположенных в противоположных концах зала дверей и пожали друг другу руки точно посередине. Затем мы одновременно уселись по разные стороны длинного стола. С его стороны сидели политики, с моей — ученые.

После множества речей и тостов, когда количество пустых бутылок на столе многократно возросло, первоначальный порядок нарушился, и скоро уже было невозможно разобрать, где ученый, а где профессиональный коммунист. Для меня, выросшего в консервативной западной семье, где на коммунистов смотрели как на существ с другой планеты, было удивительно и даже страшно обмениваться рукопожатиями с настоящим коммунистическим вождем, сидеть за его столом и разговаривать с ним как с обычным человеком. На самом деле он произвел на меня очень благоприятное впечатление. Он и выглядел, и говорил как настоящий лидер.

После распада Советского Союза Алиева избрали президентом независимого Азербайджана. Он обрел большую популярность на Западе. Англия и Норвегия наперебой искали его благорасположения. Все хотели продолжать добычу нефти там, где ее начал основатель Нобелевской премии мира. В Азербайджан направилась английская делегация под руководством Маргарет Тэтчер, а нашему правительству дали понять, что норвежцы тоже могут приезжать, если я войду в состав делегации. Алиев запомнил нашу давнюю встречу — в годы «холодной войны» я был его единственным гостем с Запада.

Таким образом, я снова оказался в Азербайджане и снова сидел рядом с президентом Алиевым за тем же самым длинным столом. Но на сей раз я говорил не от своего имени, а от лица Норвегии, а рядом была Жаклин. Шел 1994 год, любимый старший брат Алиева уже умер, но наши рассуждения о защите окружающей среды были живы в памяти президента. Мои соотечественники надеялись получить

лицензию на разработку богатых нефтяных месторождений в шельфе Каспийского моря, и наша давняя репутация поборников экологически чистой нефтедобычи сослужила нам хорошую службу.

Алиев и его министры настаивали, чтобы я открывал все наши встречи словами «дорогие азербайджанцы».

Я так часто повторял это словосочетание, что оно невольно напомнило мне о «асерах», народе, жившем на древней родине викингов, в стране Асеров. Потом я вспомнил о наскальных изображениях судов, похожих на корабли викингов. И, наконец, в бакинском музее Жаклин обратила внимание на то, что на картинках, воспроизводивших сцены охоты времен каменного века, все азербайджанцы были светловолосыми. Директор музея пояснил, что азербайджанцы — изначально нордическая раса, а свои нынешние черты она приобрела в результате нашествия арабов. В разговорах между собой члены нашей делегации не раз упоминали, что лучший путь транспортировки оборудования из Норвегии в Азербайджан — по древней торговой дороге викингов, начинавшейся от Балтийского моря и далее пролежавшей через Россию по Волге.

Я попросил, чтобы из Норвегии мне прислали по факсу первые шесть страниц «Саги Королей». Исландец Снорри, умерший в 1241 году, написал в своей истории Норвегии, что к востоку от Черного моря и до границ турецкой империи правил вождь Один. От него произошел Харальд Прекрасноволосый и другие норвежские короли. Под ударами римлян он вынужден был покинуть свои владения и отправился на север, через Русь, землю Саксов и Данию, и закончил скитания на Скандинавском полуострове.

Всем интересно, куда ушли викинги, и никто не задается вопросом, откуда они появились. Но не вышли же они, в самом деле, из ледяных глыб в конце ледникового периода! А что, если их прародина находится в районе Каспийского моря? Может быть, именно отсюда начали свой бесконечный путь светловолосые путешественники, останки которых находят и в замерзшей тундре во внутреннем Китае, которых видели под именем берберов на африканском побережье и которые доплыли до Канарских островов?

У меня часто складывалось впечатление, что при контактах с западными политиками и журналистами лидеры коммунистического

мира специально скрывали свои истинные лица за каменной официальной маской. Мне довелось встречаться с некоторыми из них в менее формальной обстановке и составить впечатление, какими они были в обычной жизни. После падения коммунизма некоторые, вроде Гейдара Алиева, стали весьма популярны в капиталистическом мире. Другой подобный пример — Михаил Горбачев.

В 1992 году, на конференции экологов в Рио-де-Жанейро, Горбачеву предложили организовать и возглавить структуру, занимающуюся вопросами охраны окружающей среды. Вскоре после этого я получил от него письмо с просьбой выступить в качестве его личного помощника на международном съезде Зеленого Креста в Киото. То была странная встреча. Я столько раз видел его лицо по телевизору и на страницах газет, что меня не покидало ощущение, будто мы давно знакомы. Я едва удержался, чтобы по-приятельски не обнять его. И как выяснилось, зря. Оказывается, он читал все мои книги, смотрел все мои фильмы и тоже воспринимал меня как давнего друга. Так что обняться нам, как говорится, сам Бог велел.

Честные улыбающиеся глаза Горбачева и его добрая душа сразу выделяли его из мира политиков. И он доказал, что это так, когда поставил человеческую жизнь значительно выше искусственно проложенных границ и гонки вооружений. Рядом с ним становилось понятно, что он стоит на стороне всего человечества против наших общих врагов, и национальность, равно как политические убеждения, не имеют никакого значения. Он прекрасно понимал, что с быстрым развитием современных технологий и в условиях демографического взрыва наше поколение ставит под удар самую основу существования рода человеческого.

Я активно участвовал во многих экологических организациях с тех пор, как двадцать пять лет назад принц Голландии Бернхгард назначил меня координатором Всемирного фонда дикой природы. В тот год мы с Нилом Армстронгом приняли участие в торжественной встрече в Лондоне, целью которой было привлечь всех членов королевских семейств Европы к участию в Фонде. Голубой крови собралось столько, что когда Боб Хоуп вышел на трибуну и поглядел в зал, ему показалось, что перед ним — ожившая карточная колода.

Ту встречу организовал принц Филипп. Он всегда оставался главной движущей силой Фонда. И он одним из первых почувствовал,

когда пришла пора менять саму концепцию охраны природы, заключавшуюся ранее в защите животных от охотников, переориентировать ее на защиту человека от плодов его же деятельности.

Принц Филипп также сыграл ключевую роль в организации музея «Кон-Тики». Когда наш плот скромно лежал под навесом на задворках Музея мореходства в Осло, принц как-то раз пришел посмотреть на него. Через некоторое время он вернулся вместе с королевой Елизаветой и королем Хоконом. Их визит породил небывалый всплеск интереса. В результате на деньги, вырученные от продажи билетов, Кнут Хогланд построил здание музея «Кон-Тики».

Однако возвратимся в Киото. Здесь мы увидели, что даже бывший коммунист понимает: мир должен объединить усилия для спасения природы. Горбачев согласился с моей главной мыслью — прочие экологические организации уже работают над охраной животных и растений, рек и лесов. Но главная угроза человечеству заключается в том, что ветра и океанские течения не знают границ. Ветер, зародившийся в Азии, через несколько дней пронесется над Европой, и по собственному опыту я знал, как быстро океанское течение, начавшись у берегов Африки, достигает американского побережья. Во время путешествия на «Тигресе» мы отметили, что произошла смена направления муссонов. А из этого следует, что на Земле может произойти резкая перемена климата, и никто не знает, какими будут ее последствия для островов и прибрежных районов. Отсюда следовал вывод, что сейчас, пока еще далеко до всемирного объединения всех наций и народов. Международный Зеленый Крест должен как можно скорее развернуть работу на уровне государств и правительств.

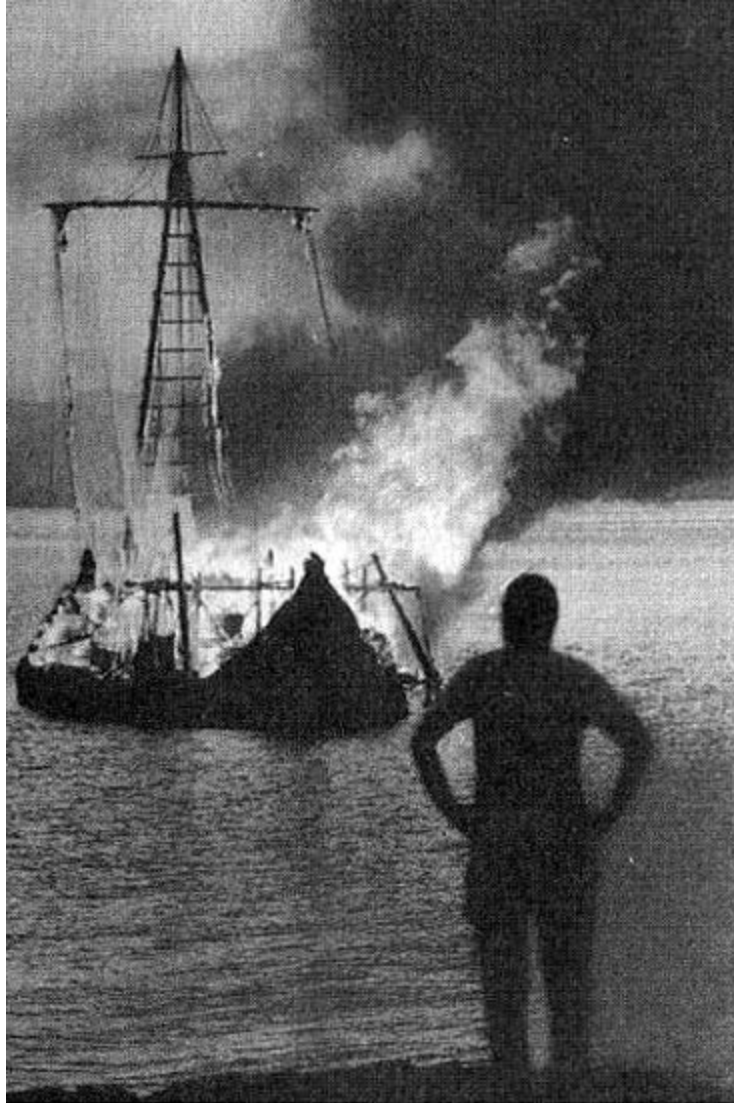
По пути в Бахрейн в носу “Тигра”
образовалась пробойна

День рождения одного из членов экипажа.
Юрий Сенкевич угощает нас черной икрой.

**Загрязнение океана - нефтяной след
без начала и конца тянется по воде**

Прощай, Тигрис!

Михаил Горбачев в детстве искренне верил в необходимость защиты природы. Он рассказывал мне, что он понял это, когда мальчишкой играл в саду возле родительского дома. Однажды в Гааге во время конференции Зеленого Креста мы с ним зашли в синагогу посмотреть на обряды верующих. Потом мы вышли наружу и остановились под раскидистым деревом. Я очень люблю большие деревья. Я указал на крону над нашими головами и признался:

— Вот мой храм.

Он взял меня за руку и прошептал:

— И мой тоже.

Тут я заметил, что рядом стоит раввин, и быстро добавил:

— Но все же следует признать, что существует некая сила, которая воздвигла этот храм.

И мы втроем обменялись рукопожатиями.

Горбачев хотел, чтобы я привлек к участию в Зеленом Кресте знакомых мне государственных деятелей. Я упомянул его бывшего товарища Фиделя Кастро, такого же ярого защитника природы, как и сам Горбачев. Русскому экс-президенту понравилась моя идея, тем более что он сожалел о разрыве между Кубой и Россией. Горбачев сказал, что с радостью готов встретиться с Кастро в любое время и в любом месте. Я пообещал попробовать организовать такую встречу. Когда я в последний раз видел Горбачева, тот выступал с платформы под открытым небом перед большим количеством народа. После окончания речи он, в сопровождении свиты, прошел мимо меня. Приветственно помахав рукой, он бросил на ходу: «Помнишь про свое обещание?»

В первый и последний раз тогда я попытался вмешаться в международные отношения и потерпел неудачу.

Кастро проявил большой интерес к задачам Зеленого Креста, но добавил, что на Кубе Горбачев сейчас очень непопулярен. Он предложил мне рассказать о Зеленом Кресте со страниц главной газеты острова, «Гранма». Когда же я прямо спросил, хочет ли он встретиться с Горбачевым, Фидель вздохнул:

— Человек с такими глазами не может не вызывать симпатию, но он причинил Кубе столько бед.

Редко я встречал двух людей, имевших столько общего — не только любовь к природе и желание оберегать ее. Но мне не удалось свести их вместе.

Я в гостях у Фиделя Кастро

...и у Индиры Ганди

**“Клуб путешественников” сделал несколько
передач с моим участием.**

**Ведущий - участник экспедиций на “Ра”,
“Ра-2”, “Тигресе” Ю. Сенкевич**

**Президент АН СССР М. Келдыш
с энтузиазмом слушает мои рассказы
об экспедициях**

Супруги Горбачевы стали нашими друзьями.

Красный остров на голубой планете

Мы остановились перевести дыхание на склоне вулкана. Теперь я мог свободно поговорить и с Жаклин, и с моим аку-аку. Облака, похожие на маленькие кусочки ваты, мирно и бесшумно плыли по небу, вызывая в памяти многие страницы моей жизни. Я видел их и на Фату-Хива, и во время плаваний на кораблях древних мореходов. Они вели меня от берегов Африки мимо Канарских островов к Америке и далее через просторы Тихого океана, к островам Пасхи, Таити и Фату-Хива. Далеко внизу волны разбивались о прибрежные скалы, и я знал ту силу, что породила их. Канарское течение несло океанские валы в направлении Барбадоса, куда мы высадились на «Ра». А также в направлении Кубы, где высадился Колумб.

— *Куба. Вы могли приплыть туда на «Ра»?*

— Вполне могли. Но странным образом, посещением Кубы я обязан путешествию на «Кон-Тики». После победы революции 1959 года первой книгой, которую издал Фидель, была книга об экспедиции «Кон-Тики». «Разумеется, то было пиратское издание», — он сам с улыбкой признался мне в этом при встрече.

Когда я еще жил в Колла Микери, я постоянно получал приглашения на обед от кубинского посольства в Риме. Но я всякий раз отговаривался, ссылаясь на большое расстояние между столицей и моей деревушкой в Северной Италии. Я не понимал причин повышенного внимания посольства к моей скромной персоне и подозревал наличие каких-то политических интриг. Откуда мне было знать, что за приглашениями стояла фигура Фиделя. Он очень интересовался всем, что связано с океаном, и даже распорядился построить отлично оборудованное научное судно.

Однажды в крохотный городок неподалеку от моего дома приехал посол Кубы. Не соглашусь ли я пообедать с ним? На сей раз отказаться было невозможно. Он ждал в ресторане вместе с крупным чиновником из Гаваны, прибывшим в Европу с визитом. Во время аперитива они поставили на столик микрофон и от имени Фиделя Кастро передали мне приглашение побывать на Кубе. Я ответил, что уже был на Кубе во

время правления Батисты, за год до плавания на «Кон-Тики». Торговое судно, принадлежавшее моему доброму другу Томасу Ольсену, высадило меня в Сантьяго-де-Куба. Агенты Томаса снабдили меня железнодорожным билетом до Гаваны и забронировали для меня номер в пятизвездном отеле, где я провел некоторое время, дожидаясь места в первом же самолете на Нью-Йорк.

Нигде еще я не видел такой нищеты и страданий, меня поразили контраст, когда я вошел в роскошный отель. Уже в дверях меня атаковал целый сонм мальчишек в униформе. Каждый хотел донести до номера мой единственный чемодан, и все наперебой совали мне в лицо альбомы с фотографиями местных красоток. Когда я не проявил интереса, они шепотом поинтересовались, не хочу ли я маленьких девочек?

Перед включенным микрофоном я принял приглашение в надежде увидеть новую и лучшую Кубу.

Ивонна была типичной горожанкой из Осло, все ее друзья и родные жили там. Наш домик в Италии она воспринимала как дачу за границей. Я же настаивал на том, чтобы жить там постоянно. После «Кон-Тики» я много путешествовал в одиночку, и Ивонна не могла разделять со мной опасности и трудности моих многочисленных морских экспедиций. Ивонна жила одна в Кола Микери вместе с нашими дочерьми Анетт, Мариан и Беттиной, чудесными девчушками, которые еще долго удерживали нас вместе, даже после того, как в нашем браке появилась трещина. Основной причиной крушения нашего брака, скорее всего, послужили мои частые и долгие отлучки. Ивонна являла собой образец терпения, но все же трудно жить с человеком, который появляется дома от случая к случаю и постоянно и охотно рискует жизнью. Различия во взглядах на воспитание детей тоже сыграли свою роль. Я пытался взять на себя функции строгого стража порядка и морали, но слишком редко бывал дома, чтобы хорошо справиться с этой ролью. Мне некого винить в нашем разводе, кроме самого себя.

Я оставил Ивонне дом в Кола Микери и снова налегке отправился в открытый мир.

На сей раз у меня не осталось никаких обязательств перед Ивонной, и я встретил Лилиану. Она вошла в мою жизнь на несколько

лет, пока я не покинул Европу и не поселился в Перу. С теплыми южными глазами и волосами цвета воронова крыла, она ничуть не походила ни на одну из моих прежних жен. Ее прадед был индийским торговцем, водившим караваны от Калькутты в Индии до Карфагена в Тунисе. Его сын женился на дочери берберского вождя, и мать Лилианы родилась от этого брака. Она убежала из дома, поскольку ее отец, раввин, не разрешал ей выйти замуж за итальянца католика. Лилиана родилась в Италии и походила на героиню сказки из «Тысячи и одной ночи». Так считал не я один. Каролина, принцесса Монако, приблизив ее ко двору, говорила: «Ты — просто настоящая принцесса из сказки. У меня есть только титул».

В мою первую поездку на Кубу к Фиделю Кастро я взял с собой Лилиану.

По прибытии нас отвезли в дом, расположенный на окраине старой Гаваны, на берегу озера, окруженного роскошным садом. Раньше в этом районе жили богатые кубинцы, бежавшие из страны после прихода Кастро к власти. Теперь в оставленных ими домах селили важных иностранцев. Моя встреча с Фиделем была назначена на следующее утро.

Едва мы вошли в дом, как ветер снаружи усилился и вскоре превратился в сильный шторм. Сильный дождь застучал по крыше, в воздухе проносились обломки веток. Служители бросились заклеивать окна полосками бумаги — ожидался ураган. Лилиана ушла в спальню, легла на кровать и натянула на голову одеяло. Вдруг дверь распахнулась настежь, и на пороге возник огромный человек в плаще с поднятым капюшоном. Он назвал свое имя — Чоми — и передал, что Эль Команданте интересуется, не хотим ли мы посмотреть на ураган из машины. Я не знал, кто такой «Эль Команданте», но конечно предположил, что это сам Кастро. Поэтому я ответил, что если Эль Команданте считает, что это безопасно, иначе он, разумеется, не стал бы делать такое предложение, то я буду только рад. И мы поехали.

На Кубу обрушился страшной силы ураган по имени Кэт. Упавшие деревья перегораживали улицы, и нам постоянно приходилось искать объездные пути. Наконец мы достигли волнореза напротив Малекона, прогулочной набережной в старой части города. Но сегодня невозможно было различить, где кончался океан и начиналась суша: всюду неслись вспененные потоки воды. Машина то

и дело застревала в грязи, и тогда мы вылезали под струи дождя и брызг и выталкивали ее. Наконец, Чоми сдался и предложил оставить бесполезные попытки и зайти к нему на чашку кофе. Мне стало интересно посмотреть, как живет кубинский шофер, и я согласился.

Ураган оборвал электрические провода и опрокинул столбы передач, поэтому во всем городе не светило ни одного окна. Мы остановились перед кирпичным забором, окружавшим низенький дом, и бегом добежали до калитки. На наш стук вышла пожилая дама со свечой в руке. Она проводила нас в просторную комнату. Редко мне доводилось видеть столь странную обстановку. Огромные картины и фотографии Фиделя на стенах, подарки Фиделю из разных стран мира, антикварные гончарные изделия из Перу и Мексики. Все говорило о том, что здесь живет ученый.

— Нет, я не ученый. Я врач, личный врач Эль Команданте. Я сопровождаю его во всех поездках, а он хранит здесь сувениры, которые привозит из-за границы.

Пройдя через несколько темных комнат, мы оказались в небольшой, но уютной гостиной. Дама, оказавшаяся женой Чоми, предложила мне присесть в просторное, уютное кресло.

— Я промочу ваши кресла. Я мокрый с головы до ног, — ответил я.

— Хотите, я дам вам пару сухих брюк?

Меня проводили в тесную туалетную комнату и вручили фонарик и брюки хозяина. Я с наслаждением вылез из своей промокшей одежды и натянул штаны Чоми. Однако он был настолько крупнее меня, что его брюки не держались у меня на поясе. К тому же у меня не было ремня. Придерживая штаны рукой и чувствуя себя довольно нелепо, я вернулся в гостиную. В этот момент дверь распахнулась, и в комнату вошел сам Фидель Кастро, в форме, кепке и бороде, в точности как на фотографиях. Мы стояли лицом к лицу и смотрели друг на друга. Затем Фидель открыл мне объятия. Одной рукой придерживая сползающие брюки, второй я обнял лидера кубинской революции.

Так состоялась моя первая встреча с Фиделем.

Кастро спросил у Чоми, не пострадал ли ботанический сад. Поскольку телефоны не работали, Чоми не знал. Кастро приказал ему

поехать и лично все выяснить и добавил, что я, если хочу, могу его сопровождать. Затем Эль Команданте резко повернулся и ушел.

Порывы ветра несколько стихли. Мы с Чоми долго ехали в темноте. Гавана осталась далеко позади. Наконец мы оказались в огромном то ли парке, то ли саду. Ни одно из здешних деревьев не пострадало — ураган прошел стороной.

— Он будет доволен, — заметил Чоми. — После научно-исследовательского корабля ботанический сад — его самое любимое увлечение.

Убедившись, что все в порядке, личный врач Фиделя отвез меня домой, а наутро он снова появился у наших дверей. Прошедшей ночью острову был нанесен значительный ущерб, поэтому утренняя аудиенция отменялась. Эль Команданте собирался лично оценить последствия урагана и интересовался, не захочу ли я составить ему компанию. «Берите зубную щетку и смену белья, и поехали».

Я пообещал Лилиане, что скоро вернусь.

Чоми сел за руль, и мы помчались. Всюду в глаза бросались страшные разрушения. В составе колонны из четырех машин мы отправились в печальную экскурсию. В первой машине сидела охрана, во второй — Фидель, третьими ехали мы, и замыкала колонну еще одна машина охраны. В последующие три дня я практически не разлучался с Фиделем Кастро. Ураган пронесся вдоль всего южного берега Кубы и не оставил неповрежденным ни одного поселка, ни одного завода.

Первую ночь мы провели в каких-то металлических военных ангарах. Наутро Фидель ждал нас у накрытого на улице длинного стола. Когда мы расселись, я обратил внимание, что перед каждым из нас стоит по одному стакану, а перед Фиделем целых пять. На мой недоуменный вопрос Кастро ответил, что сейчас нам подадут козье молоко с близлежащей фермы, и он должен определить, какая порода коз дает более вкусное молоко. Я не мог не припомнить, что в детстве тоже пил исключительно козье молоко.

— Тогда вы мне поможете, — тут же решил он, и мне тоже выдали пять стаканов.

Мы с Фиделем, словно виновные дегустаторы, с торжественным выражением отпили из каждого. Разница была трудноуловима, но я все же сделал свой выбор. Как ни странно, наши вкусы совпали. После

этого нам оставалось только побыстрее закончить завтрак и ехать дальше.

Никогда не забуду маленькую рыбацкую деревушку, в которой не осталось ни одного дома. Отовсюду к нам бежали люди с криками: «Эль Команданте, Эль Команданте!» Их энтузиазму и восторгу не было границ. Мы вышли из машин и отправились осматривать разрушения. В стороне ото всех стояла старая женщина и прижимала к груди сломанный радиоприемник. Фидель подошел к ней и крепко обнял ее. Лицо старухи озарилось радостью, и она воскликнула:

— Пусть я потеряла все. Зато увидела Эль Команданте!

Спустя некоторое время Фидель собрал в мансарде кирпичного дома все местное руководство. Первый этаж дома был завален обломками, как после взрыва. Мне казалось, что я снова оказался на фронте в Финляндии — здесь царил тот же дух товарищества. Всю ночь при свете свечи Фидель раздавал приказы и решал всевозможные проблемы.

— Сколько грузовиков вы можете доставить сюда? Где находится ближайший склад цемента? Сколько там мешков?

И далее в том же духе. Он обладал несомненным организаторским даром и умением отдавать приказы таким образом, что люди бросались их выполнять с радостью и энтузиазмом.

К концу третьего дня мы прибыли в такое место, где мог приземлиться его маленький личный самолет, и Фидель, Чоми и я вылетели в Гавану.

Во время моего первого приезда на остров я выяснил, что ученые всего мира не поддерживают контактов со своими кубинскими коллегами и поэтому почти ничего не знают о местных археологических открытиях. Я же проводил много времени среди кубинских археологов, а результатом этого общения были многочисленные встречи с Кастро.

Фидель оказался весьма необычным диктатором. Он жил очень просто — никто не знал, где именно, но я подозреваю, что в том же районе, где располагался наш особняк. Несчетное количество раз я обедал с ним и его ближайшими друзьями, но никогда за столом было ни одного политика или военного. Круг друзей Кастро состоял исключительно из художников, писателей и ученых. Каждый раз мы

собирались у Чоми, в той самой комнате, где я впервые встретил Фиделя, путаясь в чужих штанах.

Нам часто приходилось его ждать и до десяти, и до одиннадцати часов вечера, потому что он работал буквально круглые сутки. Порой около полуночи посыльный доставлял записку, чтобы мы начинали без него. Тогда мы с тем же посыльным отправляли еду со стола к нему в кабинет.

Даже самые яростные противника Кастро признают его вклад в развитие образования и медицинского обслуживания на Кубе. Во время одного из моих приездов на остров, задолго до визита Папы Римского, я с удивлением узнал, что этот коммунист позволил католическим монашенкам ухаживать за больными. На мой недоуменный вопрос он спокойно ответил:

— В больницах много стариков, и им легче, когда за ними ухаживают монашки.

Хотя мне и не удалось уговорить Кастро встретиться с его бывшим коллегой Горбачевым, он охотно согласился повидаться с норвежским капиталистом Кнутом Клостером. Незадолго до этой встречи Клостер приобрел огромный корабль «Франция» и теперь собирался построить самое большое на планете судно под названием «Мир». Судно должно было курсировать между Майами и Гаваной и служить мостом между Кубой и США.

Мы знали, что любимое блюдо Кастро — спагетти с томатным соусом и сыром пармезан, и всякий раз, когда мы летели на Кубу из Италии, Лилиана покупала огромное количество этого лакомства. Таким образом, встреча Фиделя и норвежского судовладельца произошла за блюдом спагетти. После еды Клостер достал чертежи будущего корабля. Кастро, как и мы сами, был явно поражен грандиозностью замысла. Когда они пустились в рассуждения, как лучше распределить доходы — направить их на модернизацию гаванских отелей или оставить на счету местного порта — я никак не мог понять, кто же из них коммунист, а кто акула капитализма. Но потом их разговор переключился на тайны религии, и дело дошло до происхождения жизни и теории Большого взрыва, я с улыбкой предложил им вернуться на грешную землю.

Клостер не отступился от планов построить огромный корабль, но мечта о мосте через Флоридский пролив так и осталась мечтой.

Моя скромная попытка навести мосты между учеными по разные берега этого же пролива увенчалась гораздо большим успехом. Невзирая на блокаду, я сумел привезти на Кубу двух американских археологов и организовать им встречу с Эль Команданте. Результатом встречи стал договор сроком на пять лет о научном сотрудничестве между Институтом Карнеги и Гаванским Университетом. Вскоре появился и первый плод сотрудничества — книга «Искусство и археология доколумбовой Кубы», написанная совместно двумя американскими и двумя кубинскими археологами. А я сочинил к ней вступление.

На протяжении восьмидесятих годов я разрывался между исследованиями на Кубе и раскопками на острове Пасхи. Однажды, когда я ждал машину, чтобы отправиться в аэропорт Гаваны, дверь распахнулась, и в комнату вошел хорошо знакомый бородатый человек в форме цвета хаки. Он сел в кресло и попросил чашечку кофе.

— Куда теперь? — поинтересовался он, глядя на чемоданы.

— На остров Пасхи.

— Угу, — погладил он свою бороду. — Только не говори там, что ты приехал с Кубы. Остров Пасхи принадлежит Чили, и тамошний губернатор женат на дочери Пиночета.

— Ничего подобного, — ответил я. — Губернатор острова действительно дружен с дочерью Пиночета, но женат он на американке. Кстати, он сам археолог, и мы с ним работаем вместе. Он прекрасно знает, откуда я приеду.

Фидель казался приятно удивленным и спросил, как я думаю, примет ли губернатор острова Пасхи коробку сигар в подарок от президента Кубы? Я точно не знал, курит ли Серхио.

— А пьет? — настаивал Фидель.

— Совершенно точно пьет.

Фидель тут же послал на кухню за бутылкой «Гавана Клуб». Шофер, отвечавший за то, чтобы я вовремя попал в аэропорт, начинал заметно нервничать. Когда бутылку, наконец, принесли, Кастро достал ручку и написал на этикетке:

«С наилучшими пожеланиями губернатору острова Пасхи от Фиделя Кастро».

Только я засунул бутылку в сумку, как в ту же секунду шофер подхватил меня и с быстротой молнии доставил в аэропорт, откуда я вылетал в Сантьяго-де-Чили с пересадкой в Панаме.

Ни на одной таможне никто не проявил интереса к моей сумке. Губернатор острова устроил в мою честь прием с местными танцами и вечеринкой в отеле. Я не успел распаковать свои вещи, а губернатор был тут как тут, со стаканом виски в руке. Тут я вспомнил о подарке и попросил его пройти со мной в мой номер. Там я вручил ему бутылку и попросил обратить внимание на надпись на этикетке. В тот же миг я услышал звон разбитого стекла и по комнате распространился запах пролитого спиртного. «Пропал подарок Фиделя», — пронеслось у меня в голове. Но тут я увидел, что упала не бутылка, а стакан с виски. Бутылку же губернатор держал обеими руками.

— Когда ты снова отправишься на Кубу, — рассмеялся он — я дам тебе ящик красного чилийского вина в подарок Кастро от Пиночета.

При отъезде я напомнил ему про обещание, но он только улыбнулся.

— Боюсь, у Пиночета не столь тонкое чувство юмора, как у Фиделя, — только и сказал он.

Райские кущи

С высоты был виден океан, окружавший Тенерифе огромным голубым кольцом без конца и без края. За бесчисленные прошедшие века ни наша планета, ни мы, ее обитатели, ничуть не изменились в размерах. Порой нам кажется, что из-за того, что мы стали быстрее путешествовать, стараясь наверстать упущенное время, Земля стала меньше. На самом деле наши предки были просто богаче нас. Они обладали избытком времени, которого нам теперь катастрофически не хватает.

Около 1200 года нашей эры исландец Снорри Стурлусон гусиным пером на пергаменте написал свою королевскую сагу «Круг земной». До открытия европейцами могущественных империй ацтеков и инков оставалось еще целых три столетия. Но уже тогда горизонты Вселенной Снорри не были ограничены берегами Исландии. Он писал о колонии в Гренландии, об открытии Винланда, лежавшего где-то на северо-западе за Атлантическим океаном, о побережье Африки, о Черном море и о граничащих с Азией Кавказских горах. В то самое время, когда он доверял бумаге свои познания в истории и географии, его отдаленные родственники из Норвегии отправлялись в торговые экспедиции, а ладьи викингов появлялись в самых отдаленных уголках известного ему мира. Перед ними лежал безграничный и свободный океан. Тот самый океан, который точно так же манил в неизведанные края других путешественников, живших за тысячи лет до появления мореходов со Скандинавского полуострова. С того самого дня, как человек научился строить первые примитивные лодки, множество авантюристов покинуло родные места, отправляясь либо в глубь океанских просторов, либо вверх по рекам к их истокам, скрытым среди первобытных джунглей. Люди научились грести веслами и поднимать паруса раньше, чем седлать лошадей и задолго до изобретения колеса.

В 1977 году я снова бросил вызов судьбе, и мое четвертое морское путешествие стало самым продолжительным. Пять месяцев

одиннадцать человек плыли на тростниковом судне от Ирака до долины Инда и далее через Индийский океан к берегам Африки.

За семь лет до этого наш международный экипаж, в котором не было ни одного профессионального моряка, преодолел на папирусной лодке «Ра И» расстояние между Африкой и Америкой, не потеряв в пути ни единого пучка папируса. Но к концу путешествия наше судно впитало в себя столько воды, что все обросло ракушками и сидело так глубоко, что акулы могли с легкостью заплывать к нам прямо на палубу. Всю последнюю неделю путешествия мы провели на крыше хижины из бамбука, и единственным нашим утешением было то, что промокшие насквозь связки из папируса по-прежнему сохраняли плавучесть. Вообще-то, мы долго могли еще плыть с палубой, едва возвышающейся над океаном, но на Барбадосе мы высадились на берег и отправили плот на грузовом корабле в Осло, где его ждало место в музее «Кон-Тики».

В чем-то мы допустили ошибку. Древние египтяне не строили бы суда из папируса на протяжении многих сотен лет, если бы груз на них не удавалось сохранять сухим до конца плавания. Изображения богоподобных предков, бороздивших океанские просторы на кораблях из папируса, встречаются на стенах древнейших храмов Месопотамии, Египта и Перу, на металлических печатках, обнаруженных в долине Инда, на бронзовых церемониальных барабанах времен первых китайских династий. На Ближнем Востоке я видел рисунки таких больших кораблей из папируса, что на их палубе хватало места для двух хижин, для груза крупного рогатого скота и для многочисленного экипажа. И в Китае Их рисовали столь же реалистично, как в Египте, в окружении императорской семьи и свиты. Инки в Перу оставили изображения подобных судов, на верхней палубе которых стоят король и его воины, а на нижней пленники и горшки с питьевой водой.

Так что же они делали, чтобы папирус не впитывал воду?

В поисках ответа на этот вопрос я построил свой третий тростниковый корабль, «Тигрис».

Для первых двух кораблей я нашел папирус по берегам Нила на территории Эфиопии, а мастера, умевшие строить лодки из тростника, жили в Африке на озере Чад и в Южной Америке на озере Титикака. Но и там, и там после рыбалки лодки всегда вытаскивали на сушу или

на мелководье. Никто понятия не имел, сколько дней подряд продержится на воде такая лодка. Ученые считали, что не больше двух недель, как и плот из бальсового дерева. На собственном опыте мы сумели доказать их неправоту. И бальсовое дерево, и папирус вполне годились для постройки кораблей, способных переплыть через океан. Но по-прежнему никто не мог нам сказать, каким образом древние мастера увеличивали срок службы папируса в воде.

— *Но могут ли люди забыть то, что они знали на протяжении тысяч лет?*

— За ответом мне пришлось отправиться в Ирак к так называемым «болотным арабам». Племя мадан никогда не покидало земель своих предков, получивших от древних греков имя Месопотамия, «Междуречье». Остальная часть Ирака давно превратилась в пустыню, а этот народ по-прежнему жил на плавучих островках из тростника. Генералы железной рукой правили страной из Багдада, но здесь, в краю бесконечных болот, где Тигр и Евфрат сливаются в одну могучую реку, несущую воды в Персидский залив, ничто не изменилось со времен шумеров. Недаром и Библия, и Коран именно сюда помещали блаженные Райские кущи. Ни одна дорога не вела в глубь тростниковых, болот, ни одна антенна не поднималась в небо, указывая на присутствие цивилизации.

Укрывшись от окружающего мира на пятнадцати тысячах квадратных километрах непроходимой топи, болотные арабы на протяжении пяти тысяч лет хранили в неприкосновенности древнюю культуру своих предков. Исторические бури и смерчи, пронесившиеся над нашей планетой, ни разу не заглядывали в эти края.

Два британских исследователя, Тезигер и Янг, недавно вернулись оттуда, полные впечатлений о почти библейском быте местных обитателей. Поскольку на болотах нет ни глины, ни камня, люди племени мадан строят свои прекрасные дома из артистически переплетенных связок тростника, ни на йоту не отступая от образцов, оставшихся им еще со времен шумеров. В древности судоходные и ирригационные каналы покрывали всю территорию современного Ирака. Согласно древним шумерским летописям, их первый царь прибыл со своим войском в эту равнинную страну на больших кораблях из тростника и построил столичный город Ур. Археологи относят это событие к 3100 году до нашей эры. Многие

свидетельствует о том, что египетская цивилизация зародилась примерно в то же время.

Хотя человечество живет на Земле уже два или три миллиона лет, цивилизация возникла по обе стороны Аравийского полуострова, на берегах крупнейших рек Египта и Месопотамии, одновременно, внезапно и сразу приняв развитые формы. В ближайшей долине со сходными природными условиями, на берегу реки Инд, в то же самое время появилась древняя индийская цивилизация. Все три старейшие культуры зародились практически синхронно и имеют поразительно много общего. Культ солнца, строительство пирамид, жилые дома из кирпича-сырца, развитое городское планирование, высокотехнологичная металлургия, письменность — все, что свойственно цивилизациям на высокой ступени развития. И в каждой сохранились воспоминания о первом правителе, приплывшем откуда-то из-за океана со своей мифической родины на корабле из тростника.

Сперва все три плодородные долины процветали и наслаждались невиданным могуществом. Но с годами каналы в Месопотамии пропали, словно их и не было, а пригодные для сельского хозяйства земли исчезли под песчаными дюнами во времена шумеров, вавилонян и ассирийцев. Только развалины дворцов и храмов в пустыне, окружающей болота и редкие оазисы, напоминают о безвозвратно ушедшей золотой эпохе, как безмолвные свидетельства недолговечности человеческого величия.

Впервые я оказался в этих краях в начале семидесятых годов. В Ираке только что произошла революция, ознаменовав собой падение шахского режима и конец английского влияния. Во главе страны встали два генерала-диктатора, лидеры партии Баас, и первым делом закрыли границы для туристов. Они еще не определились, кто будет их главным врагом, Сирия или Иран. Словом, далеко не лучшее время, чтобы обращаться за разрешением путешествовать в районе болот. Я получил визу в римском посольстве Ирака только потому, что пользовался определенной известностью как ученый и к тому же ехал в со-провождении некоего капиталиста из Мексики, специализировавшегося на импорте техники из коммунистического Китая. В глазах посла Ирака Китай был истинным раем на земле.

Нас тепло встретили археологи из Багдадского музея. Мы почерпнули много нового как из общения с ними, так и от изучения

экспонатов музея. Там были и модели шумерских лодок из тростника, и их изображения на глиняных табличках и цилиндрических шумерских печатях. Мы даже получили приглашение на ланч с генералами-диктаторами, которым очень понравилась наша идея построить большой корабль из тростника и отправиться на нем в плавание из их страны. Они попытались выставить условия, представителей каких национальностей можно, а каких нельзя зачислять в наш экипаж, но быстро пошли на попятную, когда я намекнул, что с таким же успехом могу отправиться и из Ирана. В конце концов, они обещали полное содействие без всяких ограничений, а также разрешили нам ехать в край болот и использовать помощь местного населения при строительстве корабля.

Никогда я не встречал людей, подобных болотным арабам. Другие иракцы тоже мне нравились, но моей дружбе с Саддамом Хусейном, со временем ставшим единоличным правителем страны, вскоре пришел конец. Я был благодарен ему за возможность увидеть народ, на протяжении тысячелетий живший в гармонии с природой и с соседями. Тогда я не знал, что тот же генерал отдаст жестокий приказ осушить болота в Междуречье и тем самым уничтожить саму среду обитания племени мадан. Кроме того, он взбесился, узнав, что я сжег «Тигрис», на который у него, очевидно, имелись свои планы. А когда наш интернациональный экипаж после пребывания в его стране подписал петицию о мире и отправил ее в ООН, ярости его просто не было границ. Мы, прожившие бок о бок в мире и согласии целых пять месяцев, утверждали, что если прекратятся поставки оружия на Ближний Восток, то люди, живущие по берегам Персидского залива и Красного моря, будут вынуждены перейти на дубинки и мечи, как в старые времена. Это очень не понравилось генералу.

При первой встрече с Саддамом Хусейном я не испытывал никаких предубеждений. Я знал, что он обладает огромной властью — вот и все. Признаться, он лично произвел на меня столь незначительное впечатление, что от совместного обеда у меня осталось только одно воспоминание — о вкусной еде. Да еще о том, что он поддержал мой проект.

В качестве базового лагеря для строительства корабля нам позволили использовать заброшенную гостиницу под названием

«Райские кущи». Она располагалась чуть выше места слияния Тигра и Евфрата, перед самым началом болот. В нескольких метрах от окружавшего гостиницу забора росли пальмы и лиственные деревья. Между ними находился массивный покрытый мхом пень, обнесенный изгородью и залитый воском оплавившихся свечей. Именно здесь, по мнению евреев, мусульман и христиан, появились на свет Адам и Ева. Табличка с надписью на арабском и английском языках не оставляла сомнений, что пень принадлежит не чему-нибудь, а библейскому Древу познания добра и зла. Сам Авраам, гласила далее табличка, приходил сюда молиться. Все вокруг было пропитано духом Библии и Корана.

От Райского сада до начала болот мы проплыли на лодке по спокойной реке всего за несколько минут. Нам сразу стало ясно, почему люди жили здесь тысячелетиями, не сталкиваясь с агрессией и не испытывая необходимости защищать свою землю. Посторонний человек, не знакомый с лабиринтом практически не различимых на взгляд каналов, и не помышлял о том, чтобы проникнуть сюда. По здешнему мелководью не мог проплыть даже самый легкий плот, а стоило ступить ногой за борт, как болото тут же засасывало свою добычу. Ни конь, ни верблюд, ни танк не прошли бы по этой почве и метра. Именно поэтому воинственные ассирийцы, фаланги Александра Македонского и современные механизированные колонны ни разу не нарушили покой людей из племени мадан. И только генералу из Багдада удастся победить болотных арабов, вытащив у них из-под ног тростниковый ковер, столь долго служивший им надежной защитой.

В болотах Междуречья я перенесся во времена, когда еще не было изобретено колесо, когда над миром царила тишина, телевизор не сбивал людей с толку, а звезды и солнце оставались единственным источником света.

Меня и переводчика из Багдадского музея ждали к югу от городка Курна, где заканчивалась судоходная часть реки. Два «болотных араба» в белых одеяниях до пят плыли к нам на узком каноэ, плавно отталкиваясь от дна длинными шестами.

Обменявшись с ними принятым в здешних краях приветствием — приложив руку к сердцу — мы с переводчиком сели на дно узкой

«машуф», чтобы неловким движением не перевернуть ее, и провожатые, похожие в своих белых балахонах на ангелов без крыльев, повезли нас в свой мир, столь отличный от нашего. Стена из высокого, в рост человека, тростника сразу же смыкалась за кормой лодки. Через некоторое время каналы стали шире и глубже, и мы с удивлением отметили, что вода в них чистая и прозрачная, а не желтая от грязи, как в реке. Со дна проток поднимались зеленые водоросли, гирлянды лютиков струились по поверхности, а под ними стремительно проносились стаи рыб. Наша лодка бесшумно скользила вдоль сплошной стены из тростника и рогоза, и с каждым движением шеста мы чувствовали, что все дальше уходим от современности и погружаемся в далекое прошлое. Но не в то прошлое, где царило варварство и право сильного, а в мир не менее цивилизованный, чем наш, но гораздо более естественный и незамысловатый. Не я один испытывал эти ощущения, мой переводчик-араб был столь же тронут и взволнован.

Через некоторое время мы увидели несколько струек дыма, поднимавшихся над тростником, — верный признак того, что до жилья осталось недалеко. Больше ничего не выдавало человеческого присутствия — не было ни возвышающихся над окружающей растительностью строений, ни мусора, верного спутника цивилизации. Гуси, утки и прочие водоплавающие птицы всех цветов и размеров бесстрашно плавали вокруг, словно в природе еще не существовало огнестрельного оружия. Одиноким орел, устав от безжизненной пустыни, парил в вышине. Белоснежные журавли и красноклювые аисты, замерев в ожидании добычи, стояли неподвижно, словно дорожные указатели, а жирные пеликаны жадно набивали бездонные клювы рыбой. Однажды мы заметили, как сквозь заросли с шумом пробирается иссиня-черный кабан. Когда же до поселения оставалось совсем немного, протоку перед нашей лодкой лениво перешло стадо могучих водяных буйволов. Их черные спины блестели на солнце, подобно мокрому тюленьему меху. Они равнодушно проводили нас глазами, ни на миг не переставая жевать свою жвачку из водорослей и отгонять мух размеренными ударами тонких хвостов.

И тут появились первые дома. Они вписывались в окружающую растительность так же естественно, как птичьи гнезда. Единственным доступным здесь строительным материалом был тростник. Твердая

земля заканчивалась на окраине болот, где возвышались последние финиковые пальмы, поэтому все дома покоились на фундаменте, сплетенном из толстых пучков тростника. На небольших озерах, то тут, то там встречавшихся посреди болот, дома стояли на искусственных тростниковых островках, плававших по водной поверхности. Со временем нижние слои таких островков начинали гнить от переизбытка влаги, и жителям приходилось периодически их надстраивать. Стены домов смыкались вверху, образуя изящные арки, открытые с одной или с двух сторон. Основу строений составляли туго перевязанные пучки из тростника, поверх которых привязывали толстые тростниковые же циновки. Ни одного куска дерева, ни одного гвоздя. На связку тоже шли сплетенные из тростника веревки. Все здания, независимо от их размеров, были одной формы, будь то крошечная хижина, построенная для того, чтобы укрыться от дождя, просторный жилой дом или огромные, смахивающие на самолетные ангары, общественные здания, до крыши которых было не дотянуться гребным шестом.

Эта завораживающе прекрасная архитектура сохранилась в неизменности со времен древних шумеров, и я смотрел на каждый дом, как на маленький храм, построенный в честь давно ушедших времен. Удивительно прозрачная вода медленно текла по направлению к Персидскому заливу, и, чтобы дома не сносило течением, каждый был окружен частоколом из похожего на бамбук тростника. В зависимости от времени года уровень воды то повышался, то падал, и островки с домами то поднимались, то опускались вместе с ним. По каналам между домами скользили изящные лодки — «машуф», и на ум невольно приходила ассоциация с Венецией.

Некоторые островки были такие маленькие, что на них едва хватало места для жилого дома и загона для скота, и больше всего они напоминали Ноев ковчег. «Болотному арабу» редко приходится долго идти до своей лодки. Он проводит ночь на платформе из тростника, отделенный лишь тоненькой перегородкой от своих буйволов, уток и кур, а когда утром он открывает ворота загона, вся живность плюхается в воду и плывет на берег, в то время как пастухи скользят за нею следом на своих каноэ.

Ночевал я в доме у местного шейха. Дом стоял в конце гравиевой дороги, ведущей к паромной переправе Мадина. С ним я договорился

о дальнейшем путешествии в глубь болот, но сперва он угостил меня таким завтраком, какого я долго не забуду. Кофе, чай, свежее молоко буйволицы, простокваша, яйца, ветчина, баранина, цыплята, финики, арабские лепешки, пирожные и джем. После такого гостеприимства я едва доковылял до лодки, чтобы отправиться в затерянное посреди болот местечко Ом-эль-Шейх. Там жил хаджи, самый старей человек в округе. Шейх утверждал, что если кто и помнит секреты древних корабелов, так это только столетний хаджи.

Я не слишком рассчитывал на память столь старого человека. И оптимизма у меня вовсе не прибавилось, когда после долгого плавания я увидел настоящего белобородого Мафусаила, который сидел перед входом в свою плавающую резиденцию. Мы с переводчиком вышли из лодки. Устоять на тростниковом острове оказалось так же непросто, как на подвешенном гамаке. Пока мы размахивали руками и цеплялись друг за друга, долгожитель поднялся на ноги и быстрым шагом пошел к нам навстречу.

Мы обменялись приветствиями. Я заглянул ему в глаза и увидел в них бездонный свет мудрости и дружелюбия, перед которым отступали понятия времени и места. Старец явно заслуживал то уважение, которое выказывали ему его многочисленные соплеменники, усевшиеся в два ряда на полу вдоль стены просторного дома. Мы сидели, скрестив ноги, и внимали мудрым речам старого хаджи, в то время как его соплеменники раздули костер и приготовили нам чай. Здесь не знали электричества, сквозь просветы в крыше нам подмигивали звезды, а тени от костра плясали на стенах свой замысловатый танец.

Затем арабы разрезали по длине несколько огромных рыб, развернули их, словно бабочек, и повесили хвостами вверх над огнем. Когда рыбы стали темно-коричневыми снаружи, но белыми и сочными внутри, их сняли и завернули в толстые арабские лепешки. Угощение оказалось необычайно вкусным, и я набросился на него так, словно шейх из Мадины морил меня голодом. От внимания патриарха не ускользала ни одна мелочь, и он проследил, чтобы мои соседи подкладывали мне лучшие куски и кормили, словно наследного принца. По завершении трапезы, в соответствии с обычаем, появился человек с водой, мылом и полотенцем для омовения рук.

Словно не заметив моего аппетита, хаджи извинился, что угощение было таким скромным, и пообещал, что в следующий раз подготовится получше. Я с удовольствием пообещал приходить еще. Ведь вкусная еда — одна из важнейших радостей и в жизни вообще, и в путешествиях в частности.

Но не только из-за еды я с радостью общался с людьми, жившими среди зарослей тростника. Мне довелось близко узнать так называемых «примитивных» обитателей Полинезии, Америки и Азии, это слово несколько не подходило к «болотным арабам». Просто их цивилизация совершенно не походила на нашу. Физически же и духовно мы несколько не отличались друг от друга. И мы, и они прошли одинаково длинный путь от наших диких предков. Увы, в последнее время наш образ жизни слишком переменялся. Мы зарабатываем наш хлеб насущный в мире компьютеров и транспортных пробок. Никто из нас, в отличие от хаджи и его народа, не живет посреди того, что дает ему ежедневную пищу. Чем дальше мы удаляемся от природы, тем более сложные формы приобретают условия нашего существования. Все дольше становится путь, который проделывает рыба из рек и картофель с полей, чтобы попасть к нам на стол. Мы ухитрились сделать сложным все то, что раньше было простым, а теперь пытаемся исправить положение, придумывая правила автомобильного движения и компьютерные программы, переплачивая докторам, чтобы они спасали нас от последствий неправильной диеты и сидячего образа жизни, а также юристам, чтобы они выводили нас из дебрей придуманных нами же законов. Наша жизнь полна скрипа тормозов и гула отчаянно бьющихся сердец, мы ищем радость в сексе и на экране телевизоров и считаем, будто мы живем полной жизнью, когда наблюдаем за судьбами других людей. Мы верим, что мы богаты, только потому, что у нас есть деньги на банковском счету.

— Мы вовсе не бедные, — говорил хаджи, хотя лично ему принадлежала только циновка, на которой он сидел — Наша гордость — вот наше богатство. И никто не голодает у нас на болотах.

Эти люди были богаты духовно. Они никому не завидовали. Вот почему их цивилизация прошла через века, в то время как ассирийцы, персы, греки и римляне, вознесясь к вершинам, исчезли с лица Земли. Они обладают теми основами, которых нет и у нас: уважением к

предкам и уверенностью в будущем. Мы тешим себя уверенностью, будто первыми создали цивилизацию, которая не обречена на гибель, но никак не можем остановить свой бег. Мы постоянно строим что-то новое, но строим безо всякого плана, и поэтому в процессе строительства у нас возникают все новые проблемы. Стрессы, детская преступность, безработица, гонка вооружений, терроризм, перенаселенность, глобальное потепление, истощение природных ресурсов, загрязнение воздуха, воды и земли.

На самом деле мы испытываем счастье только во время отпуска, когда напряжение и повседневная гонка остаются где-то позади. Именно тогда мы приобщаемся к природе: уходим в леса и долины на охоту или рыбалку. При этом нам жалко «примитивные народы» — ведь им постоянно приходится жить такой жизнью.

Столетний хаджи сидел посреди своего дома, величественный и полный уверенности, и перемешивал палкой угли в глиняной жаровне. Никого здесь не мучило желание обладать чем-то им неизвестным. Старик развлекал нас историями, пронизанными отменным чувством юмора. Языки пламени отражались на лицах арабов, сидевших вдоль стен и молча внимавших ему. Кто-то разлил чай из элегантного заварного чайника по маленьким, стаканчикам в оправе из серебра, и воздух наполнился тонким ароматом божественного напитка.

Я окинул взглядом просторное и высокое помещение. Основу его составляли семь дуг из тростника, толще человеческого тела. На них, точно на ребрах, держались толстые тростниковые циновки. Я поневоле почувствовал себя как библейский Иона в чреве кита. Но по обе стороны этого чрева открывался захватывающий дух вид ночного неба, усеянного переливающимися звездами. Мне стало интересно, что «болотные арабы» думают о внешнем мире.

Словно прочитав мои мысли, хаджи рассказал, как он однажды был в Багдаде и что там ему безумно не хватало тишины и спокойствия родных краев. Он считал, что города порождают ложь, зависть и алчность.

— На болотах не бывает воров, — сказал он. — Хвала Аллаху, у всех есть все необходимое, и ничего лишнего. Буйволам хватает травы, в протоках кишмя кишит рыба, в изобилии цыплят, уток и дичи, а также арбузов. Здешние циновки и корзины из тростника всегда можно выменять на чай и муку. Чего еще человеку надо?

Кроме того, — тут старец торжественно воздел руки к небесам, — наши женщины добры и красивы.

У него самого — четыре жены. Вдоль стен раздался оживленный шепот и смешки. Белобородый старец знал, о чем он говорил.

Как известно, находясь в Райском саду, следует с опаской относиться к искушениям. Но однажды я в обществе мексиканца, экспедиционного механика, оказался на мосту, стоящем на краю болот. Он разделял мою слабость к красивым лицам и изящным формам, и когда мимо проплывала на каноэ удивительной красоты женщина, он не удержался и схватился за камеру. Он не видел, но я-то видел, что по направлению к нам мчится со всех сил, путаясь в развивающемся белом балахоне, араб с поднятым копьём в руке. Мне пришлось силой выхватить камеру у незадачливого фотографа. Мы убежали с быстротой молнии и оставили красотку на попечении ее стража.

Женщин на болотах охраняли очень тщательно. Им не позволялось ни есть в нашем обществе, ни даже подавать нам чай. Словно для того, чтобы не подвергать опасному искушению слабых потомков Адама, все они кутались в черные балахоны. Однако иногда сквозь щели в тростниковых стенах, да еще когда они кормили кур, пекли лепешки или плыли в каноэ, удавалось мельком увидеть очаровательное лицо или изящную ступню. Лепешки на болотах пекли на внутренних стенках больших глиняных сосудов, похожих на кувшины. Если вы, привлеченный божественным ароматом, незаметно пробирались поближе, то можно было увидеть и блестящие глаза, и бело-снежную улыбку, но только на один короткий миг, пока обладательница этой красоты, заметив вас, не отворачивалась или не закрывала лицо черной накидкой. И женщины, и мужчины обладали тонкими, четко очерченными профилями. Женщины не уступали мужчинам в умении управлять тяжело груженными каноэ, но появляться в мужском обществе, а также смеяться и махать руками, когда мы проплывали мимо, разрешалось только или очень юным, или очень старым.

Развлечения, которым без усталости предается окружающий мир, не добрались к ним сквозь заросли тростника, но, судя по смеху и улыбкам, они прекрасно обходились и так. Хаджи знал, что мы, горожане, обязательно должны зарабатывать деньги себе на машины и на электричество.

Но он далеко не был уверен, что планы багдадского правительства провести в болота электричество и завезти кирпич для строительства домов сделают его народ счастливее. «Когда люди счастливы, они улыбаются», — говорил он. Но на улицах Багдада никто не улыбался ему навстречу.

— В городе слишком много народа, — объяснил я. — Всем не наулыбаешься.

Хаджи ходил и по безлюдным улицам. И там ему тоже никто не улыбнулся.

Дугообразные связки тростника, составлявшие основу главного дома во владениях хаджи, в точности напоминали те, из которых состоял корпус «Ра II». Многие здесь могли изготовить отдельные детали, необходимые для строительства корабля, но сами корабли они никогда не строили, только дома на плавучих островах. По каналам они передвигались на каноэ из досок, залитых асфальтом. Если бы они научили нас, как в течение долгого времени удерживать на плаву конструкцию из тростника, то и мы, с помощью индейцев с берегов Титикака, помогли бы им вернуть к жизни забытое искусство их предков-кораблестроителей.

Впервые направляясь в край болот, я не знал, смогут ли хаджи и его соплеменники понять, чего я хочу. Старец слушал меня внимательно и охотно. С его внешностью, его легко можно было принять за богатого нефтяного шейха, отставного дипломата или видного ученого. В своей белой хламиде он походил на библейского пророка, столь же бессмертного, как и тот дом, в котором он жил. Иногда мне казалось, что напротив меня сидит сам Моисей или Авраам. Ну не мог старый патриарх не знать ничего о лодках из тростника!

Он действительно знал. В дни его молодости существовало три вида лодок. Первые два были плоскодонными и держались на воде потому, что их обрабатывали асфальтом изнутри и снаружи. Одна, круглая, звалась «гуффа» и по форме напоминала ирландскую кожаную лодку, вторая, продолговатая — «джиллаби» — была предшественницей современных деревянных каноэ «болотных арабов». Я видел модели этих древнейших судов в Багдадском музее и даже плывал на одной такой по реке в окрестностях Вавилона. Третья

называлась «элепурбати», и ее не пропитывали асфальтом. Она состояла из туго перевязанных пучков тростника, между которыми не оставалось пустых мест, благодаря такой конструкции она держалась на плаву.

То самое, ради чего я приехал! Но ведь тростник со временем промокает?

«Он не промокает, если его срезать в августе», ответил хаджи, и все вокруг закивали головами. Это было общеизвестно. Общеизвестно здесь, посреди болот, но не на берегах эфиопского озера Тана, где заготавливали тростник для «Ра» и «Ра II» в декабре. В августе, в месяц полной луны, тростник вырабатывал особый сок, который препятствовал увлажнению. В умных книгах об этом не было написано ни слова, но кто же ищет ответы в умных книгах!

По стопам Ноя

Вместе с десятком товарищей из разных стран мира мы плыли по направлению к океану, и меня не покидало ощущение причастности к описанным в Библии событиям. От места при слиянии Тигра и Евфрата, где появились на свет Адам и Ева, наш путь лежал туда, где праотец Ной открыл новую главу в истории христианской и мусульманской религий. Еще в детстве меня поразил рассказ о Всемирном потопе и Ноевом ковчеге. Та же сказочная атмосфера царила на берегах Тигра, когда «болотные арабы» связывали тростник в огромные пучки, чтобы построить судно, названное нами в честь реки, которая понесет нас к океану. Имя «Ной» символизировало зарю кораблестроения. В древнейшие времена корабли не строили из досок; шумерские рисунки изображают людей и животных на борту лодок из тростника.

Из тростника можно сделать корабль любого размера, и на болотах росло неограниченное количество этого материала. Мы пересекли Атлантический океан на двенадцатиметровом «Ра II», и на его палубе стояла одна хижина. «Тигрис» был длиннее на шесть метров и имел две хижины. По сравнению с пирамидами и теми кораблями, которые строили могущественные шумерские владыки, мы отправлялись по стопам Ноя на очень скромном суденышке.

Я всегда буду вспоминать о старом хаджи как о законном наследнике трона шумерских царей и легендарного Райского сада. Подтверждением его достоинства служили его внутреннее величие и вековая культура, к которой он был причастен всю свою жизнь. Саддам с его импортными танками и бесчисленными арсеналами оружия чувствовал себя в Багдаде завоевателем среди покоренной империи. Его предки-арабы пришли в Месопотамию под знаменем Корана, захватили старинные шумерские, вавилонские и ассирийские города, чтобы воплотить в жизнь обещание Господа, данное им Аврааму. Когда Авраам привел своих людей в Средиземноморье и в страну Фараонов, он утверждал — об этом говорится и в Библии, и в Коране — что Господь посулил ему и его потомкам все земли между

Тигром и Нилом. Много поколений спустя этим предлогом воспользовался пророк Мухаммед, он даже расширил зону своих завоеваний на запад от Нила и на восток от Тигра. Но, возвещая о пророчестве, Авраам не мог себе представить, что на его наследство станут одновременно претендовать и евреи, и арабы.

Во времена Авраама построить тростниковый корабль не составляло никакого труда. Тростник, как и сейчас, рос в изобилии, и к услугам Авраама был тысячелетний опыт местных корабелов, умевших придавать выходящим из-под их рук судам не менее изящную форму, чем у деревянных каравелл более поздних времен. Раскопки показывают, что мастера тех лет вязали отменно крепкие веревки из тростниковых волокон. По берегам реки на всем ее протяжении жили крестьяне, рыбаки и торговцы, и поэтому быстро загрузить корабль и отправиться в долгий путь было легко и просто.

В наше время все гораздо сложнее. В результате нефтяного бума в Ираке покупательский спрос значительно превысил предложение. Граница с враждебным Ираном проходила как раз посередине реки, и ее ни в коем случае нельзя было пересекать, невзирая на любые мели. В дельте реки торговые суда неделями ждали своей очереди, пока им будет позволено подняться с грузом вверх по течению. Товары, которые сгружали с судов в портах по берегам Тигра и Евфрата, расходились среди местных покупателей прежде, чем оказывались на прилавках магазинов. Никто больше не умел плести веревки из волокна растений, строить корабли из тростника, и, кроме горстки ученых, никто и слыхом не слыхивал о «магурах», кораблях шумерских купцов. Если мы и выбирались в Багдад за покупками, то возвращались с пустыми руками.

Искусство строить серповидные корабли, способные сохранить свою форму под ударами океанских волн, предопределило развитие мореплавания как на Ближнем Востоке, так и в Южной Америке. Но сегодня это искусство сохранилось только на берегах озера Титикака. Когда «Ра II», помещенный в музей «Кон-Тики» в Осло, окончательно высох, то стал плоским, как лепешка, и нам пришлось разыскивать в Южной Америке тех самых мастеров, которые строили его для нас. Только они могли вернуть ему первоначальную форму. Ни современные ученые, ни корабелы не могли решить эту задачу.

— *Выходит, древние варвары знали то, что не знаем мы?*

— Индейцы аймара с берегов озера Титикака — далеко не варвары. Их предки, жившие на территории современной Боливии, основали замечательную цивилизацию Тиауанако и построили пирамиду Акапана, ничуть не уступающую ни величию, ни размерами как старейшим пирамидам Египта, так и пирамидам Месопотамии.

А еще индейцы аймара построили статую Кон-Тики, которую мы воспроизвели на парусе нашего плота. Инки прозвали этого персонажа Виракоча, что значит «Морская пена», поскольку он был мореплавателем. Завоевав все древние царства на территории Перу и окрест, они стали называть его «Кон-Тики-Веракоча», потому что того же легендарного бога и правителя прибрежные индейцы знали как «Кон», а жившие вокруг озера Титикака — как «Тики» или «Тичи». Испанским завоевателям индейцы Тиауанако рассказали, что этот бог явился их предкам в сопровождении белокожих бородатых людей и что он приплыл из-за океана на кораблях из тростника. Он объявил себя сыном Солнца и построил пирамиду, а затем ушел туда же, откуда пришел. И во всех уголках огромной империи инков испанцы слышали ту же историю, какую четыреста лет спустя на берегах озера Титикака поведали мне индейцы аймара. Совершив свои легендарные завоевания и подвиги, божественный царь и священник со всей своей армией отправился на север, где сейчас расположена республика Эквадор. А потом, достигнув побережья у города Манта, погрузился на суда и уплыл на запад.

Привезти его потомков в Ирак оказалось непростым делом. Август — самый жаркий месяц в болотах, а индейцы аймара живут на высоте четыре тысячи метров над уровнем моря и дышат ледяным воздухом высокогорных Анд. Сперва предстояло забрать всю четверку с их родного острова посреди озера Титикака и поселить их на две недели в джунглях Боливии, чтобы они освоились с непривычным давлением и температурой. Затем их надо было перевезти в Багдад самолетом, прибывающем ночью, чтобы они оказались в гостинице «Райские кущи» прежде, чем установится обычная для этих мест и убийственная для них дневная жара. Только трое из четырех умели строить лодки из тростника, и говорили они исключительно на своем родном языке. Четвертый был переводчик. В его обязанности входило

переводить их слова на испанский. Затем я буду с испанского переводить на английский для моего переводчика из Багдада. Тот, в свою очередь, переведет на арабский одному из «болотных арабов», а он донесет смысл сказанного до своих соплеменников, изъяснявшихся только на языке племени мадан.

Я часто думал, насколько символично, что мне придется преодолевать этот многоступенчатый языковой барьер именно здесь, неподалеку от развалин легендарной Вавилонской башни. Я не преминул посетить знаменитые руины. Они представляли собой невыразительную гору песка, вокруг которой валялось несколько кирпичей из глины, и увенчанную табличкой с надписью: «Вавилонская башня». Табличку поставили иракские археологи. Возможно, раньше это было нечто вроде ступенчатой пирамиды. Итак, под моим началом работали люди, говорящие на одиннадцати языках, причем двадцати «болотным арабам», не знавшим иного языка, кроме наречия племени мадан, предстояло научиться плести тростниковые лодки у трех индейцев, изъяснявшихся исключительно на языке аймара.

В первое утро по прибытии я решил дать индейцам хорошенько выспаться и изрядно напугался, когда заглянул в их комнату и обнаружил, что она пуста.

Я их нашел в окружении группы «болотных арабов» в тени финиковых пальм неподалеку от «пня Адама и Евы». Их теплые шерстяные шляпы и ярко раскрашенные пончо резко контрастировали с белыми одеяниями арабов. Все они отчаянно жестикулировали, и у всех в руках были пучки тростника.

— Эти сеньоры очень умные, — пояснил мне переводчик из Боливии. — Они не понимают ни слова из того, что мы говорим, но отлично понимают, что мы хотим сказать.

— Тотора, — произнес он и протянул облаченному в белое собеседнику стебелек тростника.

— Берди, — ответил тот, принимая дар.

Переводчики нам так и не понадобились. Крупнейшие специалисты по тростнику встретили своих не менее продвинутых коллег. Кто-то становится экспертом в одной области, кто-то — в другой, но голова у всех устроена одинаково.

Беда заключалась в том, что помимо мастеров-кораблестроителей мне требовались и другие специалисты. Во всем Ираке не удалось найти ни одного человека, который умел бы делать паруса!

Парусной ткани здесь тоже не нашлось, и ее пришлось доставлять из Европы. А пока груз находился в пути, я отчаянно разыскивал хотя бы одного человека, который мог бы сшить простейший парус для «дхоу» — типичной для этих мест лодки. Никто даже не слышал о таких мастерах. Парусные суда на реках встречались не чаще, чем верблюды на шоссе. Мы опоздали на одно поколение.

Я объездил весь берег реки до самой дельты и даже забрался на территорию Кувейта в надежде увидеть хоть одну парусную «дхоу». С незапамятных времен «дхоу» бороздили здешние воды. Их паруса были чем-то средним между древним квадратным парусом и современным треугольным и, очевидно, являлись промежуточной ступенью между ними. На вид они больше всего напоминали старинный египетский парус, поникший в отсутствие ветра. К тому времени, когда я впервые попал в Ирак, все до единого владельца «дхоу» давно спилили мачты у своих суденышек и установили моторы. Бензин в странах Персидского залива стоил дешевле, чем ветер. Однако раньше я видел белые паруса на индийских «дхоу», приплывавших в Басру из Бомбея за грузом фиников. Контрабандисты нанесли большой урон этому бизнесу, и мне пришлось обратиться к индийскому консулу в Басре с просьбой найти в Бомбее трех моряков, которые помогли бы нам сшить парус, а затем провели бы нас через Персидский залив, забитый нефтедобывающими платформами и кишаций кораблями.

Мы приехали в Багдад встречать индийских моряков, но их не оказалось в числе пассажиров. Зато мы получили телеграмму из Индии, в которой говорилось, что моряков последний раз видели в Нью-Дели, когда они собирались в консульство Ирака за визами. Затем их след потерялся.

Две недели спустя мой местный помощник Али появился во время завтрака и сообщил, что нашел пропавших. Они стояли около дверей. Одного из них звали Сулейман.

Мы обращались к ним и по-арабски, и на всех европейских языках. Тору в отчаянии заговорил по-японски, а Юрий — по-русски. Бесполезно. Только Сулейман знал пару английских слов, чего

оказалось достаточно, чтобы объяснить им, куда положить их мешки, и усадить завтракать.

После съеденного с завидным аппетитом завтрака вновь прибывшие отправились знакомиться с судном. Их глаза округлились от удивления при виде могучего тростникового корабля, блестящего золотом в лучах утреннего солнца. Не знаю, что было с нашими глазами, когда Сулейман спросил, куда мы собираемся установить мотор. Оказывается, все, что им сказали в Бомбее, — это то, что им предстоит плавать на какой-то свежестроенной «дхоу». Никто из них никогда не ходил под парусом, и они никогда не бывали в Персидском заливе.

После долгих лингвистических упражнений выяснилось, что единственное, в чем могут нам помочь наши новые друзья — это убирать со стола после еды. От отчаяния мы поручили штурману экспедиции Норману решить проблему парусов. Оказавшись в безвыходном положении, Норман родил блестящую идею. Он поедет в Басру вместе с тремя индусами. С их помощью он опросит всех встречных индийских моряков и, возможно, узнает что-нибудь о парусах для «дхоу». Юрий одолжил в советском посольстве в Багдаде новенькую сияющую машину русского производства, и Норман в отличном расположении духа отправился вместе с индусами по широкому оживленному шоссе.

Прошло совсем немного времени, и мы снова увидели Нормана. Он возник в дверном проеме, весь обмотанный бинтами. Из-под бинтов торчали только одно ухо и красный исцарапанный нос.

— А где индусы?

— В больнице.

— Что случилось? — в ужасе спросил я.

— Машина перевернулась три раза.

— А где араб-переводчик?

— В полиции. Он был за рулем.

— А что с новой советской машиной?!

— Лежит колесами кверху. Это уже не машина.

Когда троица индусов, наконец, дохромала до гостиницы, один с покалеченной ногой, другой с покалеченной головой, а третий с покалеченной спиной, есть они не хотели. Они хотели только одного — чтобы я с первым самолетом отправил их назад в Индию.

После этого мы уже были готовы к очередному сюрпризу. Он не замедлил случиться. Растерянный араб прибежал и рассказал, что с тыльной стороны дома стоит человек в европейской одежде и швыряет колбасу в реку.

Я пошел посмотреть и обнаружил докрасна загорелого мужчину. Он действительно кидал в реку колбасу. Я осторожно приблизился, и когда он, размахнувшись подобно метателю молота, зашвырнул в воду очередной батон, вежливо поздоровался. Он повернул ко мне залитое потом лицо. Я не мог не посочувствовать — действительно, изнурительное занятие, в такую-то жару. И тогда он рассказал мне свою печальную историю, которой суждено было оказать огромное влияние на все последующие события. Незнакомец оказался водителем грузовика, прибывшим из Гамбурга с деревом для мачты и прочими не-обходимыми нам вещами.

— Катастрофа, — сообщил он. Я не мог не согласиться, осознав, что он скармливает рыбам не что иное, как предназначавшееся для нас продовольствие. Из недр грузовика раздавалось зловещее потрескивание. Он сказал, чтобы я не пугался, — это трескается на жаре бамбук. А затем я увидел открытый ящик с консервными банками, раздувшимися до размеров пушечного ядра.

— Таможня! — пояснил немец и больше не сказал ни слова, пока Али не принес ему из холодильника бутылку холодного пива.

Грузовик принадлежал самой надежной компании в Гамбурге. Компания послала машину с экспедитором и двумя водителями, чтобы доставить груз быстро и в полной сохранности. Поскольку фургон не имел системы охлаждения, они ехали круглые сутки, меняя друг друга за рулем, и рассчитывали доехать до пункта назначения в положенные четырнадцать дней. Все шло хорошо, пока они не достигли южной части Турции. Тут по ним начали стрелять курдские снайперы. Они прибавили газу.

Отделавшись несколькими пулевыми пробоинами в машине, они догнали большую колонну, тоже на всех парах мчавшуюся по направлению к границе Ирака. От волнения они забыли получить разрешение у иракских таможенников, получивших из Багдада инструкции пропустить их без излишней волокиты. Вместо этого они понеслись дальше на юг. Жара становилась все более невыносимой. Они проехали Багдад, проехали поворот на гостиницу «Райские кущи»

и остановились только в забитом машинами порту Басры. Сочувствующий полицейский показал им дорогу, и неожиданно для самих себя они оказались на таможенном терминале, где все места в тени были уже заняты. На солнце было 45 градусов, а в грузовике — все 70, и на третий день стояния у таможни и экспедитор, и два шофера чуть не померли от жары. Какая-то добрая душа, к тому же говорившая по-английски, наконец, помогла им позвонить в Багдад и получить разрешение покинуть таможню. После этого шоферы отправились напрямик в Европу, предоставив экспедитору доставить груз по назначению.

Что он и сделал, правда, в весьма необычной манере.

— Вся еда пропала, — яростно прокричал он и, прежде чем кто-либо успел его остановить, швырнул в реку последний батон колбасы.

С быстротой молнии самый молодой член нашего экипажа перемахнул через перила и бросился в воду. Спустя мгновение он вернулся на сушу, прижимая к груди, словно ребенка, драгоценный батон. Но, увы, последний. Все остальное поглотила река.

Райский сад, где мы строили корабль, находился далеко от океана. И в Перу, и в Марокко мы спускали наши суда на воду, и нам в паруса тут же ударял океанский ветер. Здесь же нам предстояло провести тростниковый корабль по реке, змеящейся между Ираком и Ираном, до самого Персидского залива. Затем проплыть через весь забитый кораблями залив, миновать Хормузский пролив, и только после этого мы оказывались в открытом океане.

Первая проблема, с которой мы столкнулись, спустив корабль на воду, была загрязненная вода, и чем ближе мы приближались к дельте, тем грязнее становилось за бортом. Белые ломти пены, словно куски льда, парили по поверхности реки. Это были сбросы целлюлозно-бумажных комбинатов. На комбинатах тростник под воздействием химикатов превращался в мягкую массу, из которой делали бумагу. Мне, единственному из всей команды, уже доводилось плыть по этой самой реке на тростниковом плоту. Араб, живший в стоявшей на нем хижине, пригласил меня на чашку чая. Все на плоту, за исключением глиняной жаровни, было из тростника. Я измерил огромное сооружение: тридцать четыре метра в длину, пять метров в ширину и три метра в высоту. Плот высоко поднимался над водой, потому что

состоял из уложенных крест-накрест пучков тростника, срезанного в августе. Араб жил на борту целых два месяца в ожидании своей очереди пригнать плот на целлюлозный комбинат. Больше всего мы сейчас боялись, что наш ковчег растворится в насыщенной химикалиями воде прежде, чем мы достигнем залива.

То, что плодоносные сады Эдема и Вавилона лежат в наши дни под слоем песка, объясняют по-разному. Некоторые считают это наказанием Божиим, другие видят причину в неумеренной хозяйственной активности шумеров. Но наше поколение пошло еще дальше и измазало черными нефтяными пятнами и золотой песок, и зелень растений. В конце двадцатого века дельта Тигра больше походит на выход канализационного коллектора или на внутреннюю часть заводской трубы. Иран и Ирак глядят друг на друга с противоположных берегов, подобно Каину и Авелю, и ведут бесконечное соревнование, кто больше изуродует нефтяными вышками прекрасную землю. Корабли со всего света стояли на якоре, одни под погрузкой нефти, другие собираясь плыть вверх по реке с товарами на борту. Нам же хотелось только одного — поскорее поймать парусами ветер и выйти в чистый открытый океан, подальше от этого хаоса.

В тропических водах всегда существует взаимосвязь между потоками атмосферного воздуха и океанскими течениями. Круглый год экваториальные течения и торговые ветра в Атлантическом и Тихом океанах имеют одно общее направление — с востока на запад. В Индийском океане, где властвуют муссоны, иная картина. Шесть летних месяцев течения испытывают влияние ветра, дующего с юга на север, а в последующие полгода — с севера на юг. Только здесь течения меняют направление в зависимости от сезона. Арабские и индийские парусники умело пользовались этим обстоятельством в своих плаваниях в Персидский залив и обратно. Смена муссонов происходила с регулярностью часового механизма и не знала сбоя.

Но сейчас, похоже, и Аллах, и боги погоды отвернулись от залива. Они больше не поддерживают вековых традиций, словно чувствуют, что время парусных судов ушло в прошлое. Сезон дождей наступил на месяц раньше положенного, а местные арабы пожаловались нам, что в последние два года ветра стали совершенно непредсказуемыми. Когда мы оказались в Персидском заливе,

наступил штиль, хотя в ноябре северный ветер должен был подхватить нас и вывести в открытый океан.

Нам пришлось обходиться редкими и слабыми порывами ветра. Точно так же, как песок похоронил под собой поля и города шумеров, наносы ила полностью изменили береговую линию. Рядом с портами возникли огромные мели, тянущиеся на многие сотни километров до самого острова Файлака у берегов Кувейта. Там мы и оказались против своей воли, пытаясь избежать столкновения с невероятных размеров супертанкером. Сильные порывы ветра с юга норовили затащить нас обратно к иракскому берегу с его кашей из кораблей, и нам пришлось идти гораздо ближе к острову, чем нам того хотелось. Однажды ночью впередсмотрящий услышал шум прибоя и тут же разбудил нас всех. Шум постоянно нарастал и вскоре превратился в неумолчный рев, раздававшийся откуда-то спереди. Земля. Рифы или скалы. Мы бросили якорь в надежде, что он зацепится за топкое дно, но только потеряли оба якоря и канат. Тогда мы выбросили якорь-тормоз — нечто вроде открытого мешка, предназначенного замедлить скорость судна. Нам повезло — было так мелко, что он зацепился за дно и удерживал нас до рассвета.

Наутро мы смогли обойти риф, возвышавшийся посреди длинной илистой мели. Однако в результате этих маневров мы оказались еще ближе к мелководью, тянущемуся вдоль острова Файлака. Ни одно судно не смогло бы пройти здесь. Вода за бортом доходила всего лишь до колена, но под ней скрывалась предательская трясина.

Мы находились в той части залива, о которой навигационные карты не писали ничего хорошего. До берега острова нельзя добраться из-за мелей и рифов, единственная гавань на острове была на его противоположной стороне. К тому же существовала большая вероятность встречи с пиратами.

И пираты действительно появились, неожиданно, как в сказке. Точно так же они появлялись и во времена Синдбада-морехода, и во времена шумеров. Они не бросились на абордаж. Они вообще ничего не предпринимали, просто ждали.

Сначала мы заметили свет керосиновых ламп на земле между скалами и послали им ответный сигнал в наивной надежде, что нам с берега показывают путь между камнями. Но на рассвете мы увидели сперва одну маленькую лодку, качавшуюся на волнах между рифами,

затем другую. Через некоторое время они подошли поближе, но недостаточно близко для ружейного выстрела. Они продолжали держаться на расстоянии и только смотрели, как мы медленно, но верно приближаемся к смертоносным волнам прибоя. Нам стало понятно, что в столь трудный час мы очутились в явно неподходящей компании.

По нашему любительскому радиоприемнику Норман услышал русскую речь. Юрий заменил его у микрофона и на своем родном языке объяснил ситуацию капитану советского корабля, стоявшего на якоре в заливе. Прошло несколько часов, и на горизонте появились очертания «Славска». Он бросил якорь как можно ближе к опасному берегу Файлака и отправил нам на помощь большую спасательную шлюпку под командованием самого капитана.

После нескольких попыток русский матрос освободил наш якорь, застрявший в грязи. Ветер тут же подхватил нас и понес навстречу рифам и нас, и русскую шлюпку, несмотря на то, что она включила мотор и пыталась оттащить нас в противоположном направлении.

Уроженец Ирака Рашид, единственный из нас, кто говорил по-арабски, предложил доплыть на резиновой лодке к ожидающим добычи пиратам и объяснить, что у нас нет мотора и мы можем разбиться о скалы.

Вскоре он вернулся и принес ответ: они требуют в качестве выкупа весьма солидную сумму. В противном случае они могут и подождать.

Я склонялся к тому, чтобы начать переговоры, но капитан «Славска» Игорь взбеленился и взял бразды правления в свои руки. Он предложил им шесть бутылок водки и два ящика вина. Рашид снова отправился в путь и, вернувшись, сообщил: они мусульмане, и Аллах запрещает им пить спиртное. После этого одна лодка отошла подальше и принялась якобы ловить рыбу, а другая отважилась подойти на расстояние человеческого голоса. Рашид перевел: они удвоили цену. Русские продолжали тянуть, но нас обоих неуклонно сносило к рифу. Тут появилось третье судно, побольше, очевидно пришедшее откуда-то с материка. Оно подошло совсем близко и при ближайшем рассмотрении оказалось «дхоу» со спиленной мачтой. Если предыдущие члены команды походили на рыбаков, то эти выглядели как настоящие бандиты.

Толстый гангстер в тюрбане и с более светлой кожей, чем у остальных, сидел на подушках, скрестив ноги, и неприязненно и оценивающе разглядывал нас. Его пухлые руки явно никогда не касались рыболовецкой снасти, в жизни я не видел более отвратительной рожи. Команда представляла собой сброд. Он сразу сообщил, что ждут от нас выкупа и что с наступлением темноты нам суждено разбиться о скалы. Тем, кому удастся спастись, суждено просидеть голым на рифах неведь сколько времени. Мы снова погрузили якорь в грязь, русские тоже бросили свой, но ничего не помогало. Я приказал Рашиду начать торговаться. До захода солнца оставался один час. Никакое сторожевое судно не забредет в эти опасные воды. Нам всем доводилось слышать, что именно здесь высаживаются бандиты, занимающиеся перевозкой нелегальных рабочих из Пакистана в богатый Кувейт. Файлака была частью королевства Кувейт, причем его черным ходом, закрытым для законопослушных путешественников.

**Мохенджо-даро существовал
в III тысячелетии до н.э.**

**Там были мощные улицы, кирпичные дома,
водопровод, канализация**

**Мы попали в зону военных действий у берегов
Джибути - в небе военные самолеты, вертолеты...**

Бандиты отказались снизить сумму выкупа. Они явно согласовали ее заранее. У нас не было кувейтских денег, но они согласились на иракские, ходившие в этих краях как твердая валюта. Они потребовали, чтобы Рашид перешел на их «дхоу» в качестве заложника. К нам подошла лодка, и я отсчитал купюры в руку одного

из них, а тот передал деньги толстому вожаку. Не вставая с подушек, толстяк махнул рукой, и Рашид перепрыгнул на борт «Тигриси».

Моряки бросили фал на «дхоу», и она, совместными усилиями с советской шлюпкой, медленно отбуксировала нас поближе к «Славску». Попрощаться мы не успели — едва мы вышли на глубину, как «дхоу» на полной скорости ушла в сторону мелководья.

Не дожидаясь приказа из Москвы, Игорь взял курс на Бахрейн и не покидал нас до самых территориальных вод этого острова. Дальше путь русской команде был заказан, несмотря на то, что они спасли нам жизнь.

Мы оказались в тех самых местах, откуда началась письменная история человечества. Никогда еще я не чувствовал такого волнения. Согласно глиняным табличкам шумеров, после Потопа их первый царь высадил людей и скот в земле Дильмун. В эпосе «Гильгамеш» ассирийцы утверждают то же самое. Археологи из Дании, сначала П. В. Глоб, а позже Джоффри Бибби, в ходе раскопок установили, что легендарный Дильмун и современный султанат Бахрейн — одно и то же. Не успели мы бросить якорь, Бибби вылетел первым самолетом из Аартуса, чтобы своими глазами увидеть, как к берегам Дильмуна снова, как тысячи лет назад, подходит тростниковое судно.

В Бахрейне только что построили самый большой в мире сухой док, рассчитанный на танкеры водоизмещением до 450 000 тонн. До официального открытия дока оставалось всего два дня, и тут появились мы, как живой анахронизм. Бибби приземлился в суперсовременном аэропорту, и мы с ним отправились на другую сторону острова, где время словно остановилось пять тысяч лет назад и рыбаки выходили в море на лодках, связанных из охапок пальмовых листьев.

Во время поездки по острову мы были поражены тем, как легко люди порывают со своим прошлым в наивной уверенности, что произошедшие перемены необратимы. Все пальмы были вырублены, и разбросанные повсюду пни придавали острову сходство с небритым лицом. Конечно, ведь финики всегда можно купить в магазине! Товары со всего света можно было купить в магазине, и денег было много, потому что по трубам с материка безостановочно текла нефть.

Древний Дильмун превратился в важный перевалочный пункт транспортировки нефти со всего Аравийского полуострова.

В самом центре острова мы застыли в восхищении. Родники чистой воды выбивались из-под земли и образовывали ручьи, которые во множестве текли посреди остатков старинной ирригационной системы. «Это вода с высоких гор, расположенных посреди Аравийской пустыни», — пояснил Бибби. Когда там идут дожди, вода уходит сквозь камни и по подземным рекам бежит под пустыней и под Персидским заливом, чтобы выйти на поверхность здесь, посреди острова.

Я попил вкусной прохладной воды, сел на пенек и задумался. Чем руководствовались древние шумеры, когда возносили богам хвалу за щедрые дары? Возможно, верой, а возможно, и суеверной боязнью лишиться всего из-за собственной неблагодарности. Мне на память пришел текст на одной из шумерских глиняных табличек, в котором божество Энки, покровитель мореплавателей, просил верховное божество одарить Дильмун пресной водой:

Пусть бог солнца Уту, живущий на небесах,
Даст тебе чистую воду из земли,
Из прозрачных источников.
Пусть он наполнит водой твои бассейны,
Пусть твой город забудет слово «жажда»,
И пусть вода в Дилмуне никогда не закончится.

Пока мы не построили свой собственный мир, мы были благодарны за все божественные подарки, которые нам делала природа. Неважно, каким именем при этом мы называли бога, которому молились. Посреди соленого залива, в царстве безжизненных песков, необъяснимая игра природы и законов гравитации вытолкнула на поверхность непересыхающие источники питьевой воды. Ее пили многие поколения жителей Дильмуна, и до сего дня она, журча и переливаясь на солнце, струится, сбегая к океану.

Посреди величественных развалин здешнего старинного порта я почувствовал, как оживают древние тексты о мореплавании, в изобилии встречающиеся на глиняных табличках шумеров. Бибби

рассказал, что во время прилива большие корабли могли становиться на якорь прямо напротив складов, построенных около городских ворот. В отлив же снабженные киями суда вынуждены были в спешке убираться подальше, чтобы не перевернуться на мелководье. Теперь настала наша очередь продемонстрировать, что кораблю из двух прилегающих друг к другу огромных вязанок тростника не страшна мель, смертельная для судна, состоящего из корпуса и кия. А будучи застигнутым отливом, наш корабль всегда может просто лечь на дно вместе со своим грузом и ни за что не перевернется.

Бибби привел нас на развалины складов и показал собранные им свидетельства прочных торговых контактов островитян с шумерами и с обитателями долины Инда, цели нашего маршрута на «Тигрис». Не требовалось большой фантазии, чтобы мысленно нарисовать себе картину существовавшего здесь когда-то оживленного порта. Я стоял на краю причала около городских ворот и смотрел на волны, не разделявшие, а объединявшие самые древние цивилизации планеты. И я чувствовал себя органичной частью этой сложной связи. Перед тем, как покинуть Ирак, я тщательно изучал переводы древних текстов, собранных в багдадской библиотеке, и еще яснее понял следующее.

Наши современники настолько подвержены влиянию теории эволюции Дарвина, что искренне считают, будто пять тысяч лет назад люди были на пять тысяч лет ближе к обезьянам, нежели сейчас. В интересах истины это заблуждение следует самым решительным образом развеять. Если уж пользоваться временной шкалой для измерения развития человечества, нам придется отправиться в гораздо более далекое прошлое, нежели эпоха написания самых старинных текстов. А если мы говорим о культуре, то хронологическая шкала нам не понадобится вовсе. Некоторые районы Азии, Африки и Америки уже в глубокой древности находились на гораздо более высокой ступени развития, нежели Европа в сравнительно недалекие от нас средние века. И произошло это благодаря мореплаванию.

В текстах, написанных древними шумерами, больше всего меня поразило то, что психологически они от нас почти не отличались. В своем эссе «Морская торговля Ура» специалист по шумерской культуре Оппенгеймер пишет, что самое интересное в надписях на глиняных табличках — это описание той роли, которую сыграло развитие мореходства в жизни города, превратившегося в важный

торговый порт. Были очищены каналы, как в самом городе, так и за его пределами, и в дальнейшем за их состояние отвечали специальные чиновники, отчитывавшиеся перед самим царем. Портовые власти собирали налоги с приходящих кораблей, а капитаны обзавелись заверенными печатями документами с информацией об их судах и о перевозимом грузе.

Грузоподъемность самых больших тростниковых кораблей шумеров измерялась в «гурах», что составляет от 30–40 тонн и выше. Рядом с такими гигантами наш «Тигрис» показался бы малюткой. Согласно финскому языковеду Салонену, такие корабли назывались «магур». Еще их называли «корабли богов», «корабли, плавающие по океану» и «корабли с высокими мачта-ми». Мы дали нашему судну имя реки, послужившей отправным пунктом нашего путешествия. Но шумеры тоже дарили своим кораблям романтические имена, например, «Хранительница жизни», «Утро», «Услада сердца». В древних текстах говорится о пассажирских кораблях, паромах, рыбацких баркасах, боевых судах, транспортах для перевозки войск, частных и рейсовых торговых кораблях. Грузом могло быть все, от дерева, меди, слоновой кости, кирпича, шкур и тканей до кукурузы, муки, хлеба, рыбы, молочных продуктов, вина и домашнего скота.

После впечатляющей картины старинного порта мы отправились в другое место, также поразившее меня и существенно повлиявшее на мои представления о взаимосвязи прошлого и будущего. То было самое большое из известных науке древних кладбищ. Бескрайнее песчаное поле лежало перед нами, усеянное множеством могильных холмов. Археологи насчитали здесь более ста тысяч захоронений. Большинство представляло собой просто горки плотной земли, но некоторые имели весьма впечатляющие размеры. Самые большие располагались ближе к морю и, очевидно, были сделаны в самом отдаленном прошлом, пока места на кладбище имелось в избытке. Остальные были разбросаны безо всякого плана и походили на гигантские черепаши яйца. Гробокопатели не пощадили ни одной могилы.

Я знал, что в древности Дильмун являлся такой же святыней для шумеров, как Иерусалим для христиан и Мекка для мусульман. Даже ассирийцы совершали сюда паломничества, что засвидетельствовано в их клинописных табличках. Возможно, они хотели быть

похороненными на родине первых богоподобных правителей. Ибо именно здесь первый царь ступил на землю после Потопа.

В наши дни никто не питает уважения к этим разграбленным могилам. Те, кто разбогател на нефти, улетает в Мекку. Мое внимание приковали к себе несколько самых больших захоронений, лежавших в непосредственной близости от современного арабского поселения. Бибби провел меня вокруг могильного холма и показал результаты деятельности местного населения. Они выламывают для своих нужд известняковые плиты, из которых были сооружены пирамидальные конструкции, лежащие в основе могильных холмов. Известняк такого типа не встречается нигде на территории Бахрейна, его привозили на остров на борту величественных «магуров». Я узнал эти тщательно подогнанные известняковые плиты — точно из таких же, только скрытых под слоем высохшей глины, состояла знаменитая пирамида Ниппур в Ираке.

В один из дней я в одиночестве вернулся на заброшенное кладбище, забрался на купол одного из самых больших захоронений, откуда мне открывался вид на долину мертвых и на белые дома их ныне здравствующих потомков, и предался размышлениям.

— *Ты помнишь, о чем ты тогда думал?*

— Я думал о том, что пять тысяч лет назад на этом самом острове зародилась письменная история человечества, и я пытался угадать, что напишут о нем еще через пять тысяч лет, когда иссякнет нефть, струящаяся сейчас по трубам, проложенным с материка.

Я думал о том, что мы, европейцы, скептически относимся к устным преданиям и считаем, что достоверная история начинается с изобретением письменности. Но если исторические события записаны не нами самими, с помощью букв, унаследованных от финикийцев, мы все равно не воспринимаем их всерьез. В моей памяти были еще свежи воспоминания о багдадской библиотеке и о хранящихся там древних шумерских летописях. И тогда, лежа на высоком могильном холме и глядя на сто тысяч забытых захоронений, я поклялся себе, что сделаю все, что в моих силах, чтобы записи старинной шумерской цивилизации никогда не канули в Лету.

Еще я думал, что и иудеи, и христиане, и мусульмане восприняли легенду о Ноевом ковчеге и о Великом потопе. Эту легенду принес из Месопотамии Авраам. В детстве на меня произвел огромное

впечатление рассказ о том, как Ной спас всех зверей на земле. Но тогда я не думал, что настанет день, когда я задамся вопросом — каким образом эта история стала частью религиозных мифов? Библия помещает ее сразу за рассказом о сотворении мира, а в Коране она упоминается неоднократно.

Если мы мысленно вернемся в Ур, где на протяжении более чем двух тысяч лет клинописные глиняные таблички шумеров хранили первоначальную версию легенды о Потопе, мы поймем, что там произошло нечто, важное, для всех нас.

Никто и не подозревал о существовании шумеров до тех пор, пока археологическая экспедиция из Пенсильванского университета при раскопках пирамиды Ниппур не обнаружила библиотеку из тридцати пяти глиняных табличек с надписями. Многие из них содержали рассказ о Потопе.

Для шумеров это была не легенда, а их собственная история. Из Библии мы знаем о Потопе, но версия шумеров гораздо более реалистична. По их версии, любимый богами царь, спасший человечество от потопа, зовется Зиусудра. У него на борту не было ни слонов, ни жирафов — только обычный домашний скот. И его ковчег пристал не к вершине горы, а к благословенному богами острову Дильмун в Персидском заливе. Оттуда спустя много лет потомки царя перебрались в Ур, бывший тогда портовым городом в дельте впадающей в залив реки.

Рассказ шумеров скуп на детали, но из него тем не менее следует, что бог солнца Уту посоветовал царю построить большое судно из тростника. Потоп свирепствовал семь дней и семь ночей. «И корабль носился по волнам, как щепка». Когда же Потоп закончился и бог солнца осветил небеса и землю, царь простерся перед ним ниц и принес в жертву быка и овцу.

Когда шумеры исчезли с лица земли, наступил черед ассирийцев писать историю человечества. Они продолжили начатое шумерами. Древнейший известный эпос, «Гильгамеш», рассказывает о том же самом ужасном потопе, уничтожившем на земле все живое. По представлениям ассирийцев, его наслало божество Энки, а ковчег построил царь Утнапишти.

Ассирийцы, чья столица находилась посреди суши, позволили себе некоторые исторические фальсификации. По их версии, потоп

продолжался шесть дней и семь ночей, а на седьмой день корабль причалил к вершине горы в верхнем Курдистане. Покидая Ур, Авраам запомнил именно ассирийский вариант легенды, поэтому в Библии ковчег находит спасение на горе Арарат, а в Коране на горе Эль Джуди. Обе вершины хорошо известны жителям верхнего Курдистана. Но автор эпоса выдает себя признанием, что слышал историю о потопе из уст самого Утнапишти, жившего в ту пору на Дильмуне!

Авраам дополнил историю о потопе некоторыми интересными деталями. Согласно ассирийскому тексту, в надежде обнаружить землю царь выпустил голубя и ласточку, но обе птицы вернулись на корабль. Позже он выпустил ворона, и когда тот не вернулся, царь понял, что вода пошла на убыль и можно искать сушу. Он сошел с корабля вместе с остальными спасенными, принес щедрое жертвоприношение, и бог пообещал никогда больше не наказывать всех за грехи немногих.

По версии иудеев сперва выпустили ворона, но он вернулся. То же произошло с голубем. Но на седьмой день Ной снова выпустил голубя, и тот вернулся с оливковой ветвью в клюве. Еще через семь дней другой голубь отправился на поиски земли и не вернулся. После этого Ной покинул свой ковчег вместе со всеми животными и принес благодарственную жертву богу, а тот пообещал в дальнейшем быть милостивее к людям.

— *Мог ли Ноев ковчег быть сделан из тростника?*

Во времена шумеров не было других больших судов, кроме тростниковых «магуров». И в изложении ассирийцев, Утнапишти получил приказ разобрать свой тростниковый дом, чтобы построить большой корабль. Вот как гласит текст:

«Тростниковый дом, тростниковый дом. Стена, стена
Слушай, тростниковый дом! Слушай, стена! Человек из
Шуруппака, сын Убара-Туту. Сломай свой дом, построй
корабль!»

Тростник, из которого был сделан «Тигрис», не был ничем пропитан, но он прекрасно держался на плаву все пять месяцев нашего путешествия. А затем мы сожгли его в знак протеста против войны в Красном море. Но мы испытывали большое искушение

воспользоваться советами, тем более что все упомянутые им составляющие можно было легко достать в современном Ираке.

«Шесть саров смолы вылил я в кипящий котел, и три сара асфальта добавил я туда. Три сара масла дал я ремесленникам и оставил один сар на грузовой палубе и два сара — в каюте капитана».

В современной выверенной англоязычной Библии Бог советует Ною построить более современный ковчег:

«Построй ковчег из кипарисовых досок, застели палубу тростником и пропитай его изнутри и снаружи смолой».

— *А что наука говорит о Потопе?*

Когда в конце двадцатых годов нашего столетия британцы приступили к раскопкам Ура, Леонард Вули обнаружил, что под священным городом шумеров находится трехметровый слой совершенно однородного речного ила. А ниже этого ила британцы нашли остатки гораздо более древнего поселения, уничтоженного гигантской волной. Эта волна затопила всю нижнюю часть Месопотамии восьмиметровым слоем воды и, отступив, оставила после себя илистые отложения. В точно таком же иле мы застряли во время нашей встречи с пиратами, и произошло это у тех же берегов.

Датский археолог Глоб, пятнадцать лет проведенный в раскопках на Дилмуне, первым из всех ученых всерьез воспринял шумерские легенды о потопе. Он сопоставил их с трехметровым слоем ила, поверх которого шумеры построили город пять тысяч лет назад.

— *В тот далекий год много странных вещей произошло на нашей планете.*

— Примерно пять тысяч лет назад, или в 3000–3100 годах до нашей эры, древнейшие мировые цивилизации переживали эпоху интенсивного развития. Не только одни шумеры, покинув Бахрейн, основали свое государство в устье месопотамских рек. Предки фараонов приплыли на берега Нила и положили начало государству Египет. На какое-то время они обложили данью могущественные государства, внезапно возникшие на Крите и на Кипре. Вскоре, если не одновременно, другие мореплаватели высадились в низовьях Инда и

дали жизнь третьей древнейшей мировой цивилизации. Все они пришли неизвестно откуда, были носителями высокоразвитой культуры, владели письменностью, и в их религиях значительное место занимали богоподобные правители на тростниковых кораблях.

Наверное, ничто не занимало меня в жизни больше, чем вопрос: что же случилось в те годы с нашей планетой? А ведь что-то определенно случилось.

Именно тогда огромная трещина расколола Исландию пополам и пролегла дальше, по морскому дну, через подводный Срединно-Атлантический хребет. Когда через несколько тысячелетий на остров приплыли викинги, они созвали первый в Европе парламент как раз в этой расселине. Исландские ученые обнаружили ствол дерева в застывшей лаве, вырвавшейся на поверхность при этой катастрофе, и углеродный анализ позволил установить дату возникновения трещины — около 3000 года до нашей эры.

В климате тогда тоже произошли значительные изменения. Исследуя отложения пыльцы, ботаники выяснили, что именно в то время начали высыхать реки и озера в Северной Африке, а Сахара и Месопотамия превратились в пустыни.

Изменения произошли и в тихоокеанском регионе. В наши дни все знают о течении Эль-Ниньо, зарождающемся через регулярные промежутки времени у побережья Южной Америки и вызывающем штормы, наводнения и засухи во всем мире. За несколько лет до того, как я начал раскопки вокруг пирамид в Тукумане, Эль-Ниньо полностью разрушил находившуюся там деревню. Следом за нами раскопки в прибрежных районах Перу продолжил Даниэль Сандвейс. Он и его американские коллеги обнаружили следы дотоле неизвестных рыбацких поселений, в течение десяти тысяч лет живших рыбалкой и сбором моллюсков. На основании изучения раковин тропических моллюсков в древних выгребных ямах им удалось точно установить, в какие годы на протяжении последних пяти тысяч лет Эль-Ниньо обрушивался на побережье. И самое интересное — впервые это произошло за 3000 лет до нашей эры. До этого никакого Эль-Ниньо не было и в помине! Под воздействием совершенно не известных причин именно 5000 лет назад у берегов Перу возникло это тропическое течение, оказавшее значительное влияние на климат всей планеты.

Современные ученые могут только приблизительно определять даты событий, на тысячу и более лет предшествовавших Рождеству Христову. Ведь наше собственное летосчисление не проникает настолько глубоко в глубь времен. Мы принимаем за точку отсчета год рождения Христа, мусульмане — год, когда Мухаммед пришел в Мекку (по нашему календарю это 622 год н. э.). Буддисты ведут летосчисление от смерти Будды — по-нашему от 544 года до н. э. Но в противоположных уголках планеты предки индусов и индейцев майя имели основанный на астрономических наблюдениях календарь, настолько точный, что нам впору задуматься и пересмотреть свои представления об истории. Оба календаря возникли независимо друг от друга в одном и том же столетии, за три тысячи сто лет до Рождества Христова по нашему летосчислению.

— *Но что же случилось?*

Больше других наук индейцев майя интересовали астрономия и история. Европейцы сожгли все их написанные на бумаге книги, но на стенах своих храмов майя оставили вырезанные в камне результаты астрономических наблюдений и математических расчетов. Они вычислили, что в году 365,2329 дня. Эта цифра на 8,64 секунды точнее нашего современного календаря и дает ошибку всего в один день раз в 5000 лет. Интересно отметить, что исходной точкой своего календаря майя считают 4 ахау 2 чумху, по-нашему 12 августа 3113 года до н. э.

Не только шумеры ведут свою историю от природного катаклизма. С потопа начинают экскурс в прошлое и ацтеки, и инки. О нем же вам расскажут на любом острове Полинезии. Единственный в Америке письменный источник доколумбовой эпохи, избежавший гибели в костре инквизиции, — это священная книга майя-киче «Пополь Вух» («Книга Народа»). Оригинал бесследно исчез, но с него успели сделать копию, которая хранится в Гватемале. Для меня это часть всемирной истории, рассказанная в форме сказки. Бог Хуракан создал первых людей, но они ему не понравились, поскольку у них не было сердец и они походили на деревянных кукол. Он вознегодовал и наслал на них ужасное наводнение:

«Сердце Неба позвал воду, и она обрушилась на головы деревянных фигур... Таково было наказание за то, что они не думали о своем отце и о своей матери, Сердце Неба,

Хуракане. И лицо земли потемнело, и пошел черный дождь, и шел он и днем, и ночью».

Согласно легенде, гватемальские правители происходят от вождя, первым ступившего на берег после Потопа, когда темнота отступила в глубь континента в поисках нового убежища.

— *Вернемся на берега Атлантического океана. Тебе не избежать разговора об Атлантиде.*

— О ней столько говорили, что ученые стали пугаться этой темы, как огня. Но глупо отбрасывать ее, не попытавшись проанализировать, как возникла эта легенда, и проследить, какие формы она принимала. В 400 году до нашей эры Платон якобы разговаривает со своими соотечественниками, Солоном и Сократом, — прием, типичный для эллинской культуры. Солон вспоминает о своем посещении Египта и о том, как местные священники смеялись над исторической безграмотностью греков. Но затем они признали, что у греков имелось оправдание: их ученые погибли, когда огромная волна обрушилась на средиземноморские страны, причем греки и их соседи оказались в числе наиболее пострадавших народов. Спаслись только пастухи высоко в горах, поэтому грекам пришлось восстанавливать свою культуру практически с нуля. А потом Солону рассказали об острове, некогда возвышавшемся у входа в Средиземное море. Папирусы говорили о том, как давным-давно жители острова отрядили огромную армию, чтобы покорить города Европы, но афиняне отразили нападение. А затем Солон пересказывает египетский вариант легенды о потопе:

«Потом начали случаться землетрясения и наводнения невиданной силы, и в один ужасный день и последовавшую за тем ужасную ночь земля поглотила всех воинов, а океан поглотил весь остров Атлантиду, и больше его никто не видел. Вот почему там до сих пор нельзя плавать кораблям, они цепляются днищем за то, что когда-то было островом».

Никто не может точно сказать, что же случилось пять тысяч лет назад, но неведомое событие стало точкой отсчета событий и времени для цивилизаций всего мира. Чтобы попытаться пролить свет на эту

тайну, фонд ФРИ в качестве одного из первых шагов своей деятельности собирается организовать в университете штата Мэн международную конференцию на тему: «Климатические и культурные перемены в третьем тысячелетии до нашей эры».

Возможно, наука будущего больше узнает о нашем прошлом, и мы перестанем суетиться, как деревянные куклы, а посвятим свои мысли нашим матерям и отцам, которые воистину являются Сердцем Неба.

Водная гладь и небесная твердь

Я сидел на берегу Тихого океана в северо-западной Америке и смотрел вдаль. Где-то там, на севере, Азия и Америка склонялись друг к другу настолько близко, что между Сибирью и Аляской оставался только узкий пролив. Невысокие волны Японского течения ласково набегали на широкий песчаный берег и останавливались у самых моих ботинок. Я размышлял о жизни.

Итак, круг замкнулся.

Второй круг. Первый раз это случилось в Перу, на праздновании 50-й годовщины плавания на «Кон-Тики». Минул год, и судьба забросила меня в Британскую Колумбию, к индейцам американского северо-запада. Именно здесь я начал поиски ближайших родственников туземцев из Полинезии, поиски, столь внезапно и жестоко оборванные войной.

Я до сих пор уверен, что именно здесь будущие полинезийцы рубили деревья для своих катамаранов и именно отсюда ветра и течения подхватили их и понесли в сторону Таити. Добравшись же до Таити, они начали один за другим завоевывать острова Тихого океана, на которых уже жили люди, приплывшие из Перу на бальсовых плотках.

Пятьдесят лет назад все утверждали, что я устраиваю бурю в стакане воды. Волны по-прежнему ласкали песок у меня под ногами. Они зародились на просторах Тихого океана, занимающего половину Земного шара — ровно столько же, сколько все остальные океаны и континенты, вместе взятые. Ничего не зная ни о каких научных теориях, океан жил своей жизнью. По его безграничным просторам вращались, едва не сталкиваясь в районе экватора, два могучих течения. Одно, южное, закручивалось против часовой стрелки и помогало судам, плывущим из Перу в Полинезию. К северу от экватора океан вращался по часовой стрелке и нес свои волны к тем же островам. В доме одного из здешних индейцев висело два стеклянных шара поплавки от японских сетей, выброшенные волнами на здешний берег. Вместе с Жаклин и моим американским коллегой археологом Дональдом Райаном я приехал в Британскую Колумбию, чтобы

доделать то, что не успел в свой первый визит много лет назад. Научные круги в Виктории и университетском городе Ванкувере встретили нас так же тепло, как и в прошлый раз. В Королевском музее Британской Колумбии нам тоже очень обрадовались. Директор, антрополог, а не зоолог, устроил нам экскурсию по обновленному зданию, а затем пригласил на обед. Странно было снова увидеть те экспонаты, которые много лет назад пылились в картонных коробках в подвале старого музея. Здесь не забыли, как в 1939 году я сидел в кабинете директора, окруженный книгами и каменными топорами, и убеждал всех и каждого, что полинезийцы бывали на этих берегах.

Я в своем кабинете (1939)

Позже мы отправились на остров Ванкувер, в самое сердце страны индейцев квакиютль. Нас сопровождали два крупнейших в Канаде специалиста по культуре прибрежных индейцев, антрополог Джером Кибульски и археолог Бьёрн Симонсен. Кроме них, с нами ехал индеец племени квакиютль по имени Стэн Уоллес. Джером работал в Национальном музее в Квебеке и был настолько дружен с индейцами — в наши дни они называют себя «Первый народ», что те даже разрешили ему исследовать скелеты своих предков. Археолог Бьёрн представлял в этом районе и власти, и музей, потому что никто лучше него не знал все местные племена, острова, бухты и бухточки.

Стэн был восторженный археолог-любитель и незаменимый помощник Джерома.

Мы с Жаклин так устали во время долгой автомобильной поездки на остров Ванкувер, что нас не интересовали ни вышедший на дорогу медведь, ни высеченные на скалах индейские рисунки, ни восхитительные пейзажи. Позади осталась совершенно сумасшедшая неделя, за которую я сразу после приезда из Европы ухитрился побывать в четырех американских университетах. Сперва, облачившись в мантию и академическую шапочку почетного доктора наук, я выступал перед шестью тысячами первокурсников университета штата Мэн. Затем, уже в другой мантии и шапочке, под проливным дождем, я принял еще один почетный диплом от Хартфордского университета. А на следующий день читал лекцию о роли океана в развитии цивилизаций в аудитории музея Пибоди при Йельском университете.

Менее чем через двадцать четыре часа Дон Райан поджидал нас в аэропорту Сиэтла, чтобы отвезти к индейцам квакиютль. Он работал в Лютеранском университете Тихого океана, что в городе Такома. На обратном пути мне предстояло выступать там тоже. Нам хотелось только одного — поскорее добраться до индейцев, которые и были истинной целью нашего путешествия.

Дремучий лес окружал со всех сторон крошечную гостиницу «Приют пионера» на северной оконечности острова Ванкувер, где мы остановились на ночлег. Здесь начинались исконные земли квакиютль, и отныне роль провожатого переходила к Стэну. Сам он поселился неподалеку, у своих родственников в новой индейской резервации Кватсино. Наутро, еще до восхода солнца, он заехал за нами, и мы отправились в Старый Кватсино, где он родился. Мы все сели в просторный и быстрый катер и отправились в путь.

Трудно представить, но даже в Норвегии меньше фьордов и островов, чем в Британской Колумбии. На карте пролив Кватсино напоминает вырезанного из камня человека с длинными распростертыми руками. Головой исполин прижимается к возвышенности на побережье, а длинное узкое тело тянется на запад до самого Тихого океана. Сперва мы причалили в районе головы и позавтракали в Угольном заливе, небольшом городке при заброшенной угольной шахте. После этого на протяжении всего плавания мы

больше не встретили никаких признаков присутствия человека, кроме кучек раковин моллюсков возле заброшенных стоянок да нескольких покинутых домов.

Одно из таких зданий оказалось бывшей школой — единственное, что напоминало о старом индейском поселении Кватсино, в котором вырос сын вождя Стэн. От других домов не осталось ни следа. У меня комок встал в горле, когда, пробравшись через кусты, мы оказались на кладбище у кромки леса. Все вокруг было усеяно полусгнившими кусками дерева и испещрено следами медведей. Но посреди этого запустения возвышались хорошо сохранившиеся могильные памятники в форме огромных рыб и плывущих китов. Вырезанные из дерева и раскрашенные, как индейские тотемы, они были закреплены на воткнутых в землю шестах. Только один изображал волка с задранной головой, словно бы воющего на луну. На материке тотемы обычно изображали лесных зверей и птиц — медведей, бобров, а также орлов. Тут преобладали морские твари. На каждом шесте висели гирлянды из почти свежих цветов.

Я не стал задавать никаких вопросов. Здесь нашли покой родные люди, память о которых еще жила.

— Это не идолы, — тихо произнес Стэн. — Чужаки думают, что тотемы предназначались для поклонения или для того, чтобы отпугивать врагов. Но мы, подобно вам, верим в незримого бога. Животные — символы наших родов. По высокому тотему можно узнать историю целого рода.

Мы перекусили на берегу и отправились дальше. Под навесом из сгнивших досок мы обнаружили хорошо сохранившийся череп. Мы не стали ничего трогать — прежде чем взять образец для анализа на ДНК Джером должен был получить разрешение от совета старейшин племени. Позже мы добрались до очаровательного маленького островка. Вдалеке Бьёрн заметил, как что-то белое блестело под солнцем в грудке раковин моллюсков, оставшейся после древнего стойбища. Даже Стэн никогда не бывал здесь раньше. Островок покрывала густая растительность, и когда мы пробирались сквозь кустарник, Бьёрн вдруг криком подозвал нас к себе. Под уступом на склоне небольшого холма он обнаружил открытую могилу, в которой под сгнившими бревнами лежало три скелета. Один из черепов, ослепительно белый и прекрасно сохранившийся, отличался очень

странной формой. Прибрежные индейцы владели многими видами искусства и обладали совершенным вкусом, вполне в духе современности. Они часто искусственно удлиняли черепа своих новорожденных детей, как это делали представители многих древних цивилизаций. Но ни в одном музее я не видел такого длинного и узкого черепа. Я решил, что нельзя оставлять подобную редкость в заброшенном месте, где за ней не следят ни родственники усопшей красавицы, ни посетители музея.

Позже Стэн привел нас к себе в гости, в просторный дом на территории новой резервации. При виде красавиц-индианок мои мысли перенеслись от суровых здешних лесов к поросшим пальмами южным островам, омываемым водами этого же океана. На стенах висели фотографии представителей старших поколений. Дедушка Джимми Джамбо и его жена были индейцами из Кватсино, а двоюродный дед в меховой шапке по виду ничем не отличался от вождя племени маори.

Маленький частный самолет доставил нас в северную часть архипелага, и при расставании Стэн достал из кармана небольшую книжку, расписался на ней и протянул ее мне. Подарок назывался «Легенды индейцев квакиютль». В свое время автор книги П. Уитакер записал их со слов отца Стэна, вождя Джеймса Уоллеса. А я-то думал, что мне больше не придется возвращаться к рассказу о Всемирном потопе.

Здесь, вдали от империи шумеров, о приближающемся наводнении узнал не один-единственный правитель, а целый народ. Индейцы соединили шестью все свои каноэ и загрузили их сушеным мясом, рыбой, моллюсками, ягодами и деревянными бочонками с водой. Когда дозорный увидел гигантскую волну и криком оповестил соплеменников об опасности, они в спешке уселись в лодки. Поток поднял их выше уровня гор, и в наступившем хаосе им долго пришлось уворачиваться от стволов вырванных с корнем деревьев и от обломков их собственных домов. Когда вода отступила, индейцы обошли все горы в поисках случайно уцелевших. Некоторые каноэ унесло в открытый океан на верную смерть. Но несколько лодок выбросило на незнакомые берега, и индейцы поселились там и дали начало новым племенам.

Возможно, я потому неизменно внимательно слушаю рассказы так называемых «примитивных народов», что никогда за всю свою жизнь не встретил никого, кто был бы значительно «примитивнее» нас самих. После того, как старец на Фату-Хива поведал мне историю о появлении божественного Кон-Тики, и я сопоставил этот рассказ с легендами индейцев аймара с берегов озера Титикака, я без малейших предубеждений отношусь к преданиям народов, никогда не знавших письменности.

С того самого дня, как я впервые предположил, что архипелаг у берегов Британской Колумбии служил перевалочным пунктом на миграционном пути из Азии в Полинезию, я допускал, что индейцы со здешнего побережья могли помнить нечто важное. Поэтому, как только Стэн передал мне сборник легенд его предков, я сразу почувствовал, что мне в руки попало сокровище.

Я предполагал, что бог-путешественник, сыгравший столь важную роль в культурах Мексики, Перу и всего тихоокеанского бассейна, мог посетить и индейцев квакиютль. Оказывается, они помнили его как «Кане-акелу» или «Кане-аквеа». Стэн произносил его имя: «Кане-келак». Книга содержала множество историй о нем и его деяниях, о том, как удивились индейцы, когда он и его брат пристали к берегу в бухте Сэнд Нек около двух тысяч лет назад. Он совершал удивительные чудеса с помощью двухглавого змея которого он носил вместо пояса и иногда использовал в качестве пращи.

Сказки? Мифы? Разумеется. Но праща применялась только в некоторых уголках Земного шара, а перуанские и мексиканские легенды всегда рисуют прародителя своих культур с пращей в руках. На изображениях доинкского периода, распространенных на побережье Перу, Кон-Тики всегда предстает опоясанным двухглавой змеей.

К тому же, Кане-аквеа индейцев квакиютль, чьим знаком было солнце, слишком уж походил на полинезийского бога света Кане-акеа. Слова «акеа» и «атеа» во всей Полинезии обозначали и свет, и высшее божество. К тому же, полинезийцы чтили могущественного богочеловека по имени Кане. Особенно развит был его культ на Таити, где даже солнце называли «Место, где отдыхает Кане». А солнце, обозначаемое во всей Полинезии словом «ра», на Таити называлось «ла» — сравните с «нала» индейцев квакиютль.

Все эти мысли не давали мне покоя, когда мы с Жаклин, Доном и двумя канадскими археологами попрощались со Стэном и забрались в крохотный самолет.

Мы летели, едва не задевая верхушки деревьев. Внизу проплывали необитаемые берега пролива Хакай, долина Белла Кула, где я жил, когда в Европе разразилась война, затем холодные волны океана. Наконец мы приземлились в Белла Белла, главном поселке индейцев квакиютль.

Нас ждали. Старейшины проводили нас в длинный дом посреди деревни, где за угощением состоялась долгая беседа с патриархами племени. Стены дома украшали тотемы и рисунки животных — покровителей племени, но посреди комнаты стояли компьютеры и факсы.

То была незабываемая встреча. Седая древность и дух современности слились воедино. По крайней мере, половина внимательно изучавших меня лиц живо напоминала мне о Полинезии. Они тоже знали то, что я впервые заметил в 1940 году и на что сразу же обратили внимание капитаны Кук и Ванкувер, очутившись здесь после плавания среди полинезийских островов: здешний «Первый народ» удивительно напоминал чертами лица тех, кто приветствовал европейцев в южной части Тихого океана. Теперь все отмечали это сходство. Представители местного населения уже побывали на Гавайях и не раз принимали гостей с Гавайских островов, Самоа и Новой Зеландии. Индейцы с севера и туземцы с юга общались между собой, как родственники, и чувствовали себя частью одного народа.

Выяснилось, что индейцы квакиютль по-прежнему обладали высоким ораторским мастерством. Их предки не знали письменности, но умели говорить поэтичными образами, далеко превосходившими лучшие образцы красноречия многих других народов. Умение красиво выразить свои мысли высоко ценилось в их обществе. Участники встречи со вниманием и достоинством выслушали мой рассказ о причинах, приведших меня к ним. Время от времени то один, то другой делали абсолютно уместные и продуманные замечания, причем в разговоре участвовали в равной степени как мужчины, так и женщины. Готовясь к нашей встрече, каждый из них расспросил своих старых родственников и теперь мог сообщить нечто интересное. Я не мог не обратить внимание на то, что прибрежные индейцы, после

долгих лет прозябания, вступили в новую стадию развития. Когда в 1940 году я жил среди индейцев долины Белла Кула, только один охотник на медведей Клейтон Мак имел свое собственное каноэ, купленное в магазине. Теперь во всех поселках старики учили молодежь, как сделать лодку из ствола кедра и как украсить ее резьбой в традиционном стиле их предков.

Фрэнк, молоденький парнишка, которого на год изгнали из племени на маленький необитаемый островок за то, что он воровал и принимал наркотики, превратился в замечательного мужчину. Именно он возродил традиционные гонки на каноэ вдоль всего побережья, в которых с незапамятных времен участвовали все молодые представители «Первого народа». Позже мы познакомились с кинопродюсером с Полинезии по имени Карен Уильямс, приехавшим снимать гонки. Его отец был маори, а мать родилась на острове Тонга, и она настолько прониклась уверенностью, что именно здесь находится земля ее предков, что после окончания соревнований осталась, чтобы снять другой фильм о сходстве культур.

Много лет назад я вместе со своим двухлетним первенцем Туром сидел на пристани в долине Белла Кула и мечтал когда-нибудь добраться до берегов залива Хакай. С тех пор минуло шестьдесят лет, и я, наконец, оказался близок к осуществлению давнишней мечты, правда, средством передвижения должна была послужить не лодка, а самолет-амфибия. Когда встреча подошла к концу, трое из старейшин так просились присоединиться к экспедиции, что нам пришлось оставить в поселке Дона и Джерома, а вместо них два пожилых индейца и одна их соплеменница столь же почтенных лет заняли места в креслах и пристегнули ремни.

Под серым небом, шарахаясь из стороны в сторону под порывами ветра, мы летели над макушками холмов к долине Белла Кула. Наконец между большими островами заблестела вода пролива Хакай. Мы снизились, на уровне поросших лесом берегов пролетели вдоль всего пролива и, наконец, оказались в открытом океане. Я подумал про себя, что, если кто задумал бы бежать из зажатой меж гор Белла Кула, он не нашел бы лучшего пути в море, нежели через пролив.

Именно в этом я и хотел убедиться. Долина Белла Кула тянулась вдоль длинного узкого залива, окруженного крутыми горами, и уходила далеко в глубь континента. Это была самая большая и

цветущая долина на всем побережье. Некогда индейцы племени салиш пришли с юга и захватили ее, тем самым расколов земли квакиютль надвое. Этнологи терялись в догадках, как такое могло произойти. Скорее всего, они незамеченными прокрались со стороны материка. Но я задавался другим вопросом: что случилось с теми, кто вынужден был бежать из долины?

Я надеялся найти остатки старинных поселений на необитаемых берегах пролива. Мы летели над самой водой. Справа возвышался остров Калверт, слева — острова Налау и Хекате.

Пилот посадил самолет в тихом заливчике, защищенном от ветра высоким мысом неподалеку от того места, где залив переходил в открытый океан.

Нас ждал забавный сюрприз. После Белла Белла мы не видели с высоты ни единого дома. Позади остались разбросанные, как в причудливой мозаике, поросшие сплошным лесом бесчисленные острова и островки. Но здесь, где я надеялся найти остатки старинного поселения, стоял недавно построенный дом! Живший в нем в одиночестве человек был удивлен не меньше нашего. Сам он оказался с острова Питкерн в Полинезии, все жители которого являются потомками мятежников с «Баунти». После завершения экспедиции на остров Пасхи я заходил туда на своем исследовательском судне. В тот раз я собрал все мужское население острова и отвез их на поросший лесом необитаемый островок под названием Хендерсон. Им срочно требовалось дерево для поделок, которые они продавали туристам, и только тем и жили. Наш же новый знакомец, оказывается, охранял дом, построенный для туристов, но временно пустовавший до начала летнего сезона.

Я не мог избавиться от чувства разочарования. И тут мой взгляд упал на огромное дерево, рухнувшее неподалеку от стены дома. Между вырванными из земли корнями что-то белело: гора ракушек, отбросы, оставшиеся после древней стоянки! Новый дом оказался построен поверх фундаментов старинного поселения, не замеченного археологами. Вместе с нашими тремя пожилыми спутниками мы отправились в гущу леса и, пробравшись мимо гигантских деревьев, через кусты и беспорядочно разбросанные валуны, наконец, увидели просвет, открывающийся к океану. Еще миг — и мы стояли на широком песчаном пляже, самом красивом пляже, который мне

доводилось видеть в Америке. Это была внешняя сторона пролива Хакай.

Мы сели на огромное бревно, выброшенное волнами на берег. Мы наслаждались красотой вида и величием момента. Именно здесь, согласно древним преданиям, в давно ушедшие времена ежегодно устраивали ритуальные собрания индейцы племени квакиютль со всего побережья. Старики рассказали нам, что сюда приплывало на каноэ столько людей, что грохот барабанов разносился далеко над океаном. Они знали такие подробности, будто сами некогда принимали участие в древних таинствах. Еще они рассказали, что в устье пролива ветер и течение достигали порой такой силы, что даже современные рыболовецкие суда сбивались с курса, и им на помощь приходилось высылать спасательные корабли из Виктории.

Мы слушали, как замороженные. Затем, чтобы продемонстрировать бесконечное богатство океана, старые рыбаки подвели нас к отполированному ветром вертикальному камню, стоявшему на краю пляжа, словно гигантская ширма. В испещрявших его поверхность вертикальных трещинах прятались живые морские звезды, разноцветные анемоны и прочая морская живность. Их всех выбросило сюда приливом, и теперь они ждали начала следующего прилива, чтобы вернуться в свои родные океанские глубины. Я чувствовал себя, словно в огромном театре, где лес играл роль задника, песчаный пляж — освещенной огнями рампы сцены, а колышущиеся грохочущие волны были зрителями. Но потом что-то изменилось. Волны снова стали просто волнами, а мы — не более чем маленькой группой людей, сидящих на бревне и думающих, что представление играется для нас. Но мы, дети цивилизации, пришли слишком поздно. Спектакль уже закончился.

И тут я услышал шепот суфлера.

— *Тебе больше нравится сидеть здесь и слушать рассказы индейцев, чем самому стоять на кафедре в профессорской мантии и четырехугольной шапочке с кисточкой...*

«Слушающий узнает больше, чем говорящий», — ответил я про себя. А ветер и люди, живущие одной жизнью с природой, знают еще много такого, чего не услышишь в университетских аудиториях.

Ученый должен уметь отличать легенды от мифов и использовать и те, и другие. До самого недавнего времени все на здешнем

побережье знали легенду об учителе Кане Акеа. Когда же он под тем же самым именем появляется в качестве основателя королевских домов на островах Полинезии, эта легенда наполняет жизнью побелевшие от времени находки археологов и этнологов. И она не становится мифом от того, что современники наделяли настоящего Кане божественными свойствами. То же самое происходило с фараонами, с правителями инков, с японскими императорами и странствующим богом викингов, Одиным.

Настоящий Кане умер, а его мифический образ слился с образом солнца. Но когда и индейцы квакиютль и туземцы на Таити передают из поколения в поколение один и тот же миф, науке стоит призадуматься и признать этот миф культурной параллелью и частью великой головоломки, связанной с миграциями тихоокеанских народов.

Аку-аку настолько освоился в моем старом доме на Tenerife, что стоило мне прилечь, дабы собраться с мыслями после дневных трудов, как он смело вошел в гостиную и уселся рядом. Жаклин включила телевизор, но вместо интересных новостей о столкновениях на Ближнем Востоке и испытании ядерной бомбы в Пакистане там показывали чемпионат мира по футболу. Я демонстративно закрыл глаза, но тут Жаклин подпрыгнула в кресле и закричала:

— Подумать только, Норвегия выиграла у Бразилии 2:1!

К концу двадцатого века люди окончательно сошли с ума. Во всем мире только и говорят, что о футболе. Десятки тысяч «болельщиков» усаживаются рядами с раскрашенными лицами и орут что есть мочи, глядя на то, как кто-то гоняет мячик по зеленой траве.

— *Тебе не нравится футбол?*

— Я всегда оставался к нему равнодушен, но сейчас во мне просыпается интерес: что же в нем видят остальные?

Тоненький голосок не унимался. Неужели я, который всегда поддерживал усилия ООН и всех других организаций, ставивших своей целью мирное сосуществование народов, не вижу — наконец-то люди получили нечто вне политики? Представители разных национальностей и рас собираются вместе и просто играют, не думая ни об оружии, ни о политике. Здесь, в здоровом спортивном

соревновании, маленькая африканская страна может бросить вызов сверхдержаве и победить, не потратив ни копейки на пушки и ракеты.

Мне нельзя терять связь с происходящим на земле. Я начал это понимать, когда выступал с приветствием на церемонии открытия Олимпиады в Лиллехаммере. Нельзя закрывать глаза на тот факт, что пинг-понг или футбол доступны большему количеству людей и могут сделать больше для дела мира, нежели любые политические лозунги или пятилетнее соглашение между США и Кубой о совместном проведении археологических работ.

— *Но тебя же больше интересует прошлое, чем настоящее.*

— Нет, меня интересует будущее. Но его еще рано изучать. Нельзя путать будущее с настоящим. Настоящее не реально. К нему только потянешься, а его уже нет. Оно не более чем вечно длящийся шаг от того, что было, к тому, что будет. На этом фундаменте ничего не построишь. Мы все идем в неведомое «завтра», и только оглядываясь назад и изучая свои собственные следы, можно понять, куда мы идем и прям ли наш путь.

Самый главный урок, который нам преподает прошлое, — это то, что все предыдущие цивилизации канули в Лету. И чем выше пирамиды, замки и статуи, которые они возводят в честь своих богов и самих себя, тем тяжелее падение. Некоторые из них исчезли практически без следа, и только усилиями археологов потомки узнали о самом факте их существования. Огромные дома и могущественные армии не производят ни малейшего впечатления ни на божественное солнце, ни на неведомую созидательную силу, стоящую за Большим взрывом. Им гораздо ближе те цивилизации, которые уважают своих создателей и испытывают к ним непреходящую благодарность.

Люди, строившие большие здания, вели и большие войны. Когда археологи раскапывают руины, оставшиеся от великих цивилизаций, как правило, под ними они находят следы еще более древних культур. И уместно будет отметить, что самая передовая цивилизация не всегда находится сверху.

— *Цивилизации приходят и уходят, а примитивные народы как жили, так и живут посреди дикой природы.*

— Да, и убивают друг друга из луков. Они существуют на этой планете столько же, сколько и мы, и по существу мы изменились так же мало, как и они. Мы считаем, что ушли далеко вперед, но наш так

называемый «прогресс» если и имел место, то в промежутках между мировыми войнами, и меняли мы окружающую среду, а не себя. Мы, строители цивилизации сегодняшнего дня, с помощью металлического шеста получаем изображение сквозь стены и крыши домов, мы можем изменить все — от озонового слоя, погоды и ветра до жизни, которая существовала в лесах и океанах задолго до нашего появления. Еще мы пытаемся поменять наш внешний вид с помощью спортивных упражнений и правильного питания, но лучшее, чего нам удастся добиться, — это сохранить свои мускулы и здоровье такими же, какими их получили от природы наши предки.

Как обычно, я остался лежать, погрузившись в размышления, после того, как Жаклин выключила телевизор и взяла с полки книгу. Всю свою жизнь я пытался понять тайну тех людей, которые больше всего улыбаются. Улыбка — это дар богов, который живет в каждом человеке. Все-таки есть внутри нас нечто такое, чего не могут обнаружить врачи, поскольку оно исчезает прежде, чем за дело берется патологоанатом. Какой-то приемник и передатчик, настроенный на иную с телевизором волну, но для которого стены и крыши тоже не являются преградой и который заведует такими понятиями, как инстинкт, интуиция и совесть.

Частично мы унаследовали его у животного мира. Пока тумблер жизни находится в положении «включено», каждое живое существо знает, как пользоваться своими органами чувств, крыльями, ногами и гениталиями. Мы называем это инстинктом или интуицией. Но человек рождается с чувством ответственности за свои поступки — это называется «совесть». И со времен Адама мы обладали способностью поддерживать обратную связь с себе подобными. Те, кто не утерял этот дар, посылают беззвучные просьбы о совете и помощи. Цивилизованные люди полагают, что Создатель лучше их услышит и станет к ним ближе, если они построят церковь или храм. Но мой жизненный опыт говорит, что встроенные в каждого из нас приемник и передатчик прекрасно справлялись со своими обязанностями задолго до того, как мы убедили себя и окружающих, будто Бог предпочитает замкнутое пространство.

Когда мы покидали длинный дом в деревне индейцев квакиютль, один из них сунул мне в руки листовку. Вот что писал о местных тотемах Вождь Мум-Хоу, крещенный под именем Джеймса Сьюида:

«Наши предки обладали глубокой жизненной философией, и мы, их потомки, выросли именно на основе их философии и их законов. Они видели красоту окружающей их природы во всем ее многообразии и пытались отобразить часть этой красоты в своей ежедневной жизни, в своих легендах, танцах и искусстве. Мой народ верил во всемогущую силу, создавшую этот мир, и его переполняло чувство благодарности и благоговения перед величием Создателя».

Свои любимые книги и коллекцию индейского искусства Жаклин хранит отдельно и очень бережно. Кстати, ее сокровищница многое говорит о схожести наших вкусов. Я попросил Жаклин достать одну из ее книг, которая в значительной мере отражает нашу общую жизненную философию. Книга называется «Прикоснись к земле. Автопортрет индейского философа».

Один из авторов, индеец Татанга Мани из «примитивного» североамериканского племени, пишет:

«Да, я ходил в школу белых, я научился читать учебники, газеты и Библию. Но со временем я понял, что этого мачо. Цивилизованные люди попадают в зависимость от печатного слова. И тогда я обратился к книге Великого Духа. Он писал эту книгу на скалах, на деревьях, на воде. Эта книга может дать действительно многое. Если вы бросите книги на землю, через какое-то время солнце, дожди и насекомые уничтожат их без остатка. Но Великий Дух подарил нам всем возможность бесконечно учиться в его университете природы, рек, лесов, гор, животных и людей».

«Бог существовал задолго до Большого взрыва, а также до Будды, Иисуса и Мухаммеда, — думал я. — Но цивилизованные люди не видят ничего, кроме крыш, стен, телевизионных экранов и транспортных пробок. Как мы можем поверить, что нас кто-то создал, когда вокруг себя мы видим только то, что создали мы сами?»

Индеец племени сиу по имени Охийеса попытался раскрыть нам внутренний мир своего народа.

— В жизни индейца есть только один неизменный долг — долг вознести молитву в знак благодарности Невидимому и Вечному. Ежедневная молитва важнее для него, чем ежедневная еда. Вот он проснулся на рассвете, надел мокасины и пошел к реке. Он искупался в чистой прозрачной воде или омыл ею свое лицо. Потом он поворачивается лицом на восток и смотрит, как встает над горизонтом солнце. Его губы не шевелятся, но в душе он возносит молитву. Его жена тоже может молиться, но ни в коем случае не рядом с ним. Каждый должен в одиночестве встретить утреннее солнце, запах пробуждающейся земли и Великую Тишину.

В любое время в течение дня стоит краснокожему охотнику увидеть нечто поражающее своей красотой и величиим — черное грозное облако, рассеченное многоцветной радугой на фоне горы, вспененный водопад в зеленом каньоне, бескрайнюю прерию, порозовевшую в лучах заката, — он остановится на мгновение и замрет в молчаливой молитве. Он не видит смысла считать святым седьмой день недели, ибо для него все дни принадлежат Богу.

Я тоже считаю, что ничто не может символизировать нашего невидимого Создателя лучше, чем солнце. И это относится не только к тем, кто не знал или не понимал, почему христиане поклоняются кресту. Инки, например, возносили молитвы великому незримому Виракоча, воплощенному на небе в виде «инти» — солнечного диска, а на земле в облике царя-жреца. На меня произвело особое впечатление то, что инки считали солнце отцом всего сущего на земле, а океан они звали «Мама-Окльо», то есть «Мать-океан».

Самое интересное заключается в том, что современная наука пришла к такому же выводу. Солнце оплодотворило океан своими лучами, и на океанских просторах возникла первая жизнь — частицы соли и минералов, еще бесконечно далекие от генов и хромосом, но уже испытывавшие на себе несущие жизнь ласковые лучи. И от этих качавшихся на волнах частиц произошло все живое на планете Земля. Впервые мысль о родстве людей и животных высказал святой Франциск Ассизский в глубоком средневековье, но только после исследований Дарвина наука признала нашего общего предка, до сих пор совершающего ежедневное путешествие в бескрайних небесах. Нимб, сияющий вокруг головы святого, есть не более чем знак преемственности.

— *Следует ли из сказанного, что предки человека спустились на землю с деревьев?*

— Лично я так не думаю. По мне, так они скорее обитали на границе воды и суши. Тот, кто обрел безопасность в ветвях деревьев, ни за что добровольно не вернется на землю. Там уже было множество зверей. Как говорят биологи, «все ниши в экосистеме были заняты». Если бы уж мы оказались на деревьях, там бы мы и оставались, холя и лелея свои хвосты и цепкие лапы. Какой смысл искать общества всех этих бегающих и прыгающих внизу тварей с рогами, когтями и острыми клыками? Мы не прожили бы там и минуты и тут же бросились бы назад на спасительные ветки. К тому же, по опыту собственных лет, проведенных в джунглях, я знаю, что орехи и фрукты растут как раз на верхушках деревьев, а на земле нет ничего, потому что туда не доходят солнечные лучи.

Мы появились на свет нагие и безволосые — за исключением волос на голове и бороды — чтобы ходить по дну, держа голову над поверхностью воды. Мы получили прямоходящую походку и свободные при ходьбе руки, чтобы в случае вражеского нападения броситься с берега в воду и быстро уплыть. Мы оставили джунгли древесным обезьянам, гориллам и четвероногим зверям, а себе взяли берега рек и морей, где всегда было куда убежать и где никогда не было недостатка в пище для последних детей природы. У кромки воды для наших предков всегда был накрыт стол — разнообразные и многочисленные моллюски.

— *Ты веришь в сотворение мира?*

— От этого никуда не уйдешь. Нельзя не прийти к выводу, что нечто неведомое и непознаваемое стояло за Большим Взрывом, создавшим все из ничего. Должно было быть нечто сверхъестественное, что подарило Вселенную нам, появившимся на пустой планете под воздействием солнечных лучей.

Даже в своем труде «Происхождение видов» Дарвин признавал, что нелепо представить, будто такой сложный инструмент, как глаз, мог появиться естественным путем.

— *Ты веришь в Бога?*

— Я верю в того же Бога, в которого верили Авраам, Иисус и Мухаммед. В Великого Духа американских индейцев. Я полагаю, если бы вдруг разом закрылись все церкви, синагоги и мечети, это стало бы

величайшей трагедией для всего цивилизованного мира. Не каждый может установить обратную связь со своим внутренним «я» в реве транспортных пробок и развлекательных программ современного урбанистического общества. Нам нужно, чтобы что-то напоминало нам о другой стороне нашего существования.

— *Ты христианин?*

— Я христианин, если христианство началось с рождением Иисуса из Назарета и не включает тех, кто пришел за ним следом. Я христианин, если для этого достаточно считать Христа великим мыслителем и важнейшей фигурой в истории человечества. Я полагаю, что ни у кого из живших на земле до и после него не были столь развиты совесть, интуиция и разум.

— *Но веришь ли ты в Троидного Господа?*

— Не думаю, что Бога можно и следует считать. Считать надо материальное — апостолов, Римских пап, Библии. Авраам не считал Своего Бога, равно как и Мухаммед, и уж тем более Иисус, который протестовал даже, если его почтительно называли «отцом». Есть только один Отец, — отвечал он. — Наш Отец небесный. А мы все — братья.

— *Ты веришь в Библию?*

— Я считаю ее чрезвычайно интересным собранием отлично сохранившихся древних сказаний, имеющих в наши дни неравнозначную ценность. Я очень внимательно читал первые главы как Ветхого, так и Нового Заветов. История сотворения мира начинается со света и океана, и процесс создания описан хронологически верно — от рыб и птиц к сухопутным животным и, наконец, к человеку. Это не может быть случайностью, тут поработали либо могучий ум, либо чуткая интуиция.

— *Ты веришь в Духа Святого?*

— Я полагаю, Церковь воспользовалась этим словосочетанием для обозначения того, что я называю «совестью». На мой взгляд, это обратная связь с внутренним «я» человека. У науки нет более точного термина для такого странного и важного феномена — чего-то такого, что есть у каждого, но чего никто не видел.

— *Ты веришь в будущее?*

— Мы сами создаем будущее, прямо сейчас, пока у нас еще есть для этого время. Наука достигла такой степени развития, что в

состоянии расщепить природу на атомы, а атомы — на элементарные частицы. Было бы разумно выяснить, как потом все это снова собрать вместе, пока природа еще не предприняла решительных шагов для своего и нашего спасения. Если бы мне было позволено загадать единственное желание на будущее, я попросил бы, чтобы все разногласия из-за веры побыстрее закончились и чтобы все, кто верит в неведомую созидательную силу, воспользовались интеллектом, совестью, интуицией, Святым Духом и всем, что есть в нашем распоряжении, чтобы сохранить природу, пока не поздно и пока длится седьмой день отдохновения.

— *Ты веришь в меня?*

— Тот, кто не верит в самого себя, никогда ничего не добьется.

Красная нить

— *Какая жизнь! В ней трудно разобраться. Ты хоть сам понимаешь, что вело тебя все эти годы?*

— Вообще-то, я часто слышал этот вопрос. В качестве единственного ответа могу перечислить все мои экспедиции. Они были лейтмотивом моей бурной и неустроенной жизни.

Все началось с поездки на Маркизские острова в 1937–1938 годах. Я ставил перед собою двоякую цель. Как философ-экспериментатор — попробовать вернуться к естественной жизни и к тому же взглянуть на цивилизацию со стороны. Как ученый — понять, как зародилась биологическая жизнь на островах, грудями безжизненного камня поднявшихся когда-то из морской пучины. Ответ на первый вопрос был таков: человек не может вернуться назад во времени, но с другой стороны, невозможно идти вперед, не планируя последующих шагов. Что же касается второго вопроса, то разгадку появления жизни, на островах Полинезии следовало искать прежде всего в ветре и океанских течениях.

В 1939 году я отправился в Британскую Колумбию, чтобы отыскать следы тех древних мореплавателей, которые в раннем Каменном веке покинули Юго-Восточную Азию, но достигли Полинезии только в начале нашего тысячелетия. В итоге я выяснил, что индейцы, населяющие северо-западное побережье Америки, вполне могут быть тем самым недостающим звеном между азиатами и полинезийцами.

Экспедиция «Кон-Тики» началась в 1947 году. Ее целью было опровергнуть догму, будто бы плоты из южноамериканского бальсового дерева не могли переправить людей и культурные растения через океан от берегов Перу до Полинезии. Я доказал, что бальсовый плот вполне может справиться с таким путешествием и на самом деле обладает лучшими мореходными качествами, чем любое судно доевропейской эпохи. Так что когда предки современных

полинезийцев впервые ступили на эти острова, они вполне могли оказаться уже обитаемыми.

Я организовал экспедицию на Галапагосские острова в 1952–1953 годах, чтобы произвести профессиональные археологические раскопки там, куда, как считалось, до прихода европейцев не ступала нога человека. Мы обнаружили обломки кувшинов и отдали их на экспертизу. Специалисты из Американского музея естественной истории определили, что это — осколки по меньшей мере 131 горшка, изготовленных в Эквадоре и Перу еще до возникновения культуры инков.

Следующую группу археологов я привез на остров Пасхи в 1955–1956 годах. Мы искали следы путешественников, которые могли приплыть сюда из Перу на плотках из бальзового дерева задолго до предков нынешних полинезийцев. Мы обнаружили остатки доселе неизвестной цивилизации, предположительно с южноамериканскими корнями. Результаты раскопок, равно как услышанные легенды, пробудили во мне интерес к кораблям из тростника как к возможному инструменту распространения древних цивилизаций.

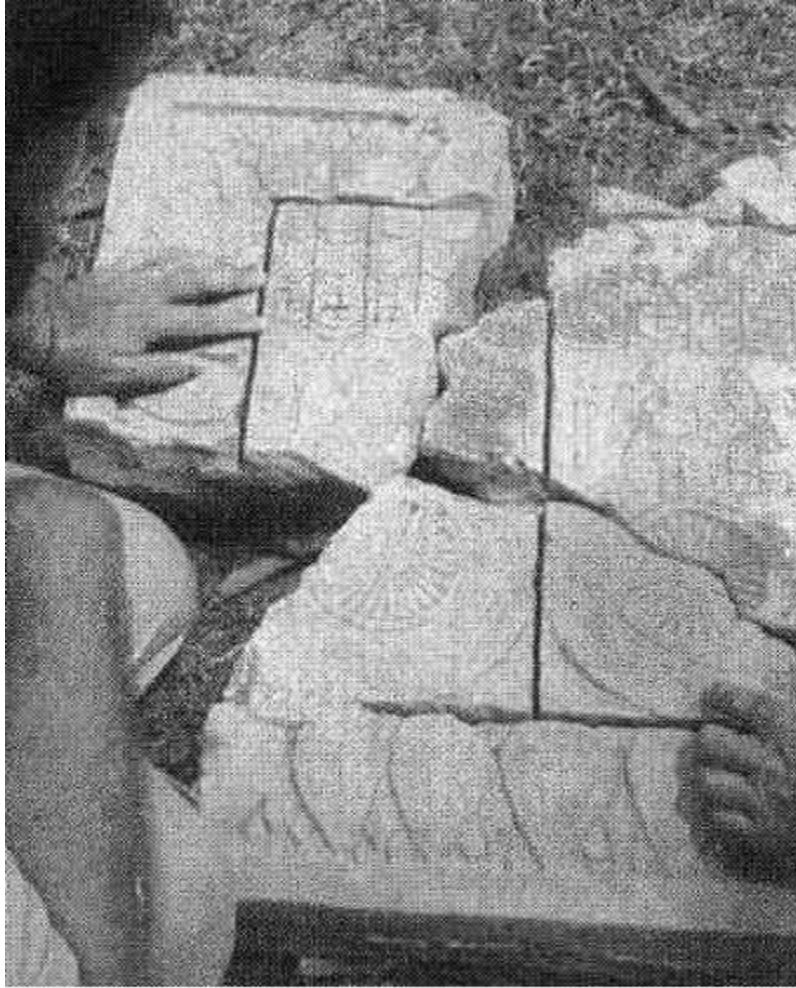
В 1961 году я отплыл от берегов Марокко на тростниковом корабле «Ра I» с целью опровергнуть догму, будто тростниковые суда могли использоваться исключительно на реках, поскольку тростник-де не выдержит в воде более двух недель. Мы выяснили, что суда из папируса могут месяцами держаться на плаву при условии, что пучки тростника связаны надлежащим образом.

В 1970 году на борту «Ра II» я проплыл от Марокко до Барбадоса и доказал, что правильно построенному тростниковому кораблю вполне по силам пересечь Атлантический океан. Мы также продемонстрировали, что папирусные суда древнейшего населения Северной Африки и Средиземноморья могли добраться до Америки не хуже ладей викингов или европейских каравелл.

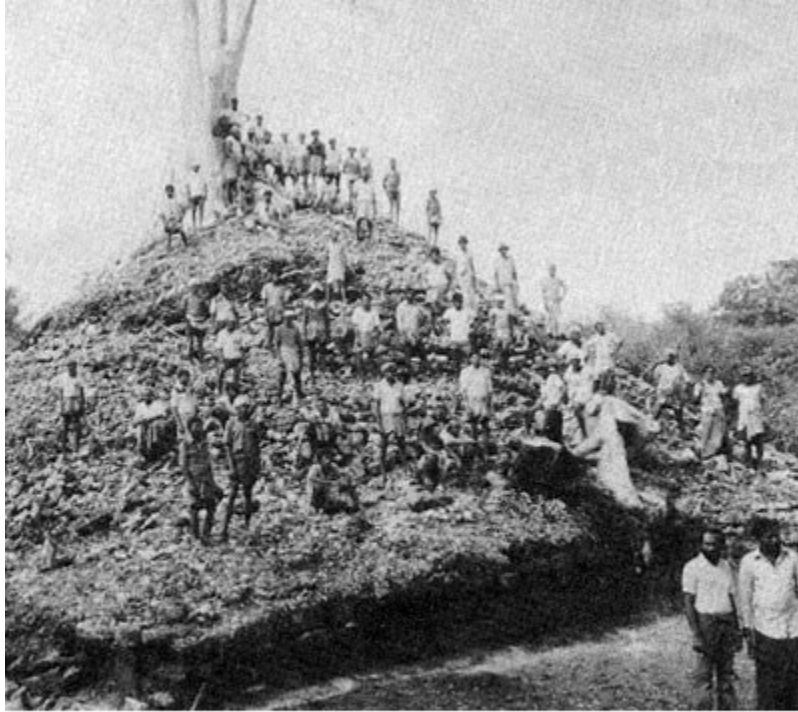
Во время экспедиции 1977–1978 годов на «Тигресе» я снова ставил эксперимент как над кораблем, так и над командой. Я хотел

доказать, что даже в условиях ограниченного пространства и сильного стресса люди различного цвета кожи, национальности и вероисповедания вполне могут мирно сосуществовать и вместе работать. Также я доказал, что месопотамский тростник «берди» ничуть не хуже подходит для строительства кораблей, чем папирус. Если срезать «берди» в правильное время года, то он держится на плаву достаточно долго, чтобы построенные из него суда шумеров могли в одно плавание достичь и берегов долины Инда, и побережья Красного моря.

Экспедиции на Мальдивы в 1983 и 1984 годах имели своей целью подтвердить предположение, будто древние мореплаватели посещали затерянные посреди Индийского океана коралловые рифы задолго до Васко да Гама и арабов. Раскопки показали, что еще до открытия Мальдив арабами в 1153 году буддисты построили там свои алтари на развалинах индуистских храмов. Кроме того, мы обнаружили следы еще более древних обитателей островов — каменные скульптуры неизвестных мореплавателей с элегантными усами и удлинненными ушами, похожие на истуканов с острова Пасхи.

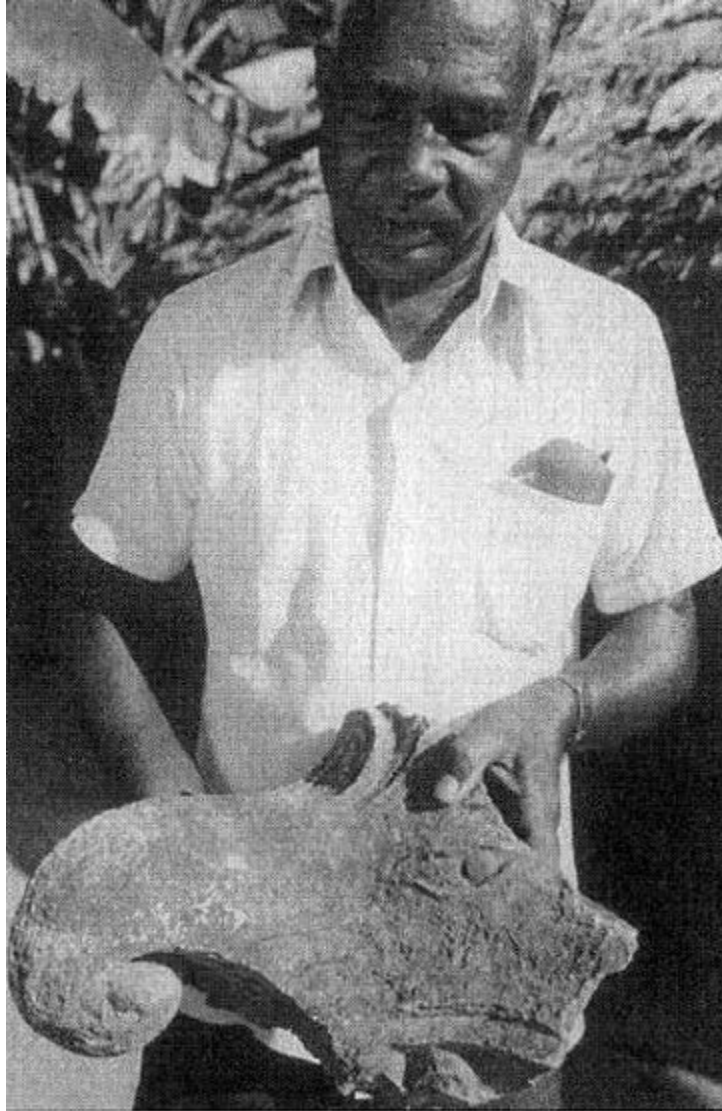
**Обнаружив недостающие фрагменты
каменной плиты со свастикой,
мы восстановили ключ к мальдивской загадке**

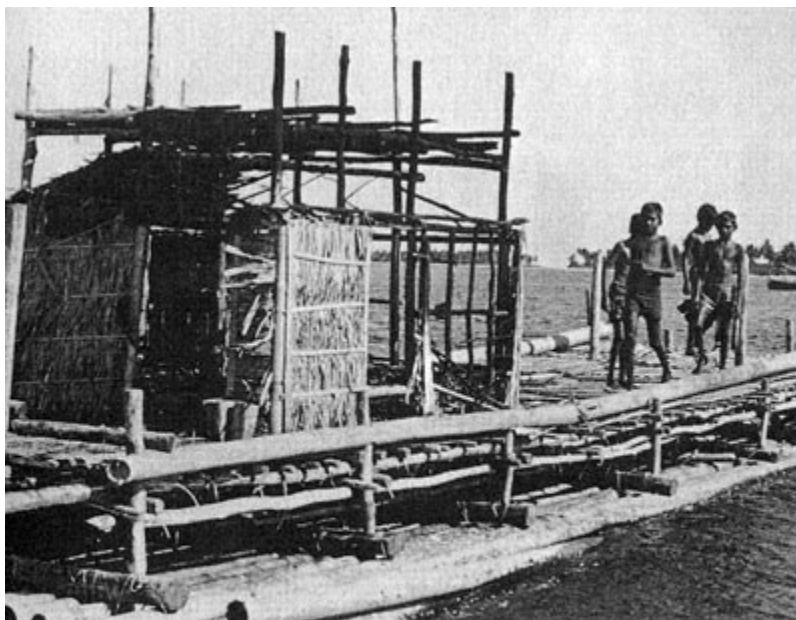
**Рабочие расчистили от зарослей холм
на Гааф-Гане, остатки построек напомнили
нам муравейник**

Островитяне нашли две бронзовые фигурки, доказывающие, что до прихода на Мальдивы мусульман в 1153 г. здесь побывали и другие мореплаватели

Лутфи держит голову Макары -
древнего индуистского бога вод

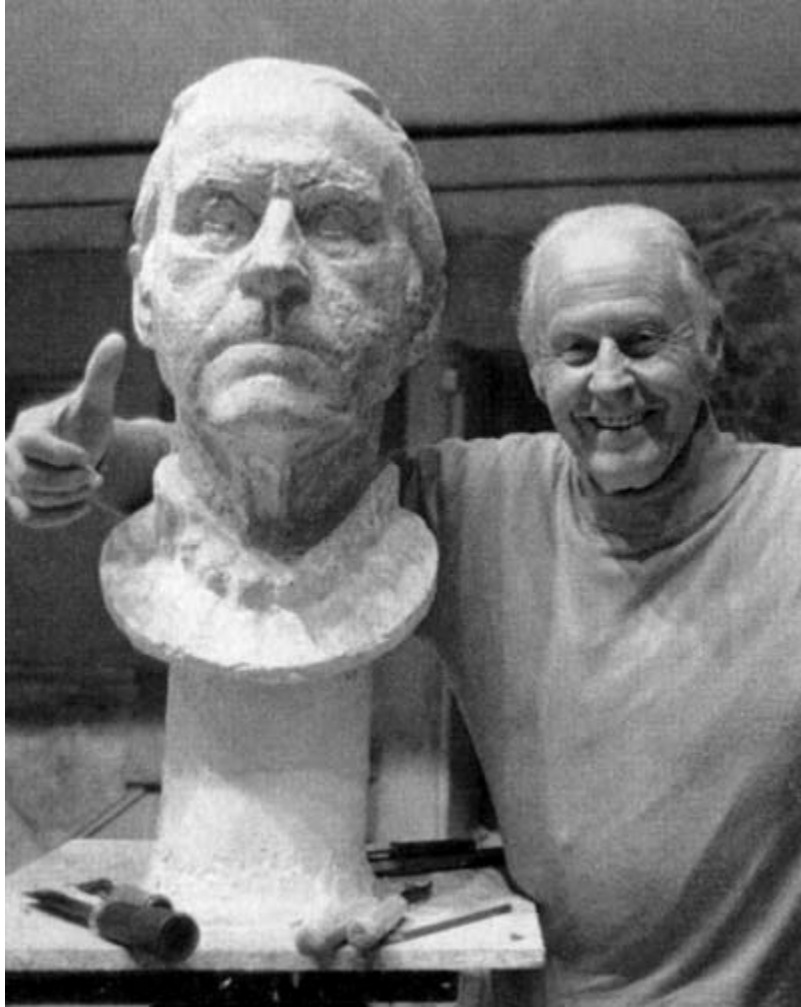
**Этот бамбуковый плот вышел из Бирмы,
т.е. прошел 4000 км**

В 1986, 1987 и 1988 годах мы предприняли экспедиции на остров Пасхи, чтобы продолжить раскопки и поэкспериментировать с перемещением статуй, установленных в вертикальное положение — ведь недаром местные жители утверждали, будто бы каменные великаны «ходили», переваливаясь с боку на бок. Раскопки под фундаментом храма, построенного легендарным правителем в заливе Анакена, показали, что элегантные стены были сложены в первые годы островной цивилизации и, следовательно, строительная техника была завезена сюда извне. Опыты чехословацкого инженера Павела Павела подтвердили, что если привязать канаты к голове и основанию статуи, то даже небольшое число местных жителей могло передвигать исполина, наклоняя его из стороны в сторону и подталкивая вперед основание.

Археологический проект в Тукумане был организован в 1988–1993 годах совместно с правительством Перу и музеем «Кон-Тики» с целью найти доказательства того, что мореплавание в этом регионе существовало задолго до испанского завоевания. Мы выяснили, что население прибрежной полосы существовало исключительно за счет рыболовства и морской торговли начиная с незапамятных времен и вплоть до вторжения индейцев с гор под предводительством Тупак

Инка Юпанки, случившегося за три поколения до прихода испанцев. Мы также обнаружили отчетливую связь между материковой культурой и культурой острова Пасхи в виде изображений тростниковых кораблей и управляющих ими людей с птичьими головами, а также символических рисунков, не встречающихся больше нигде, кроме острова Пасхи.

В 1990 году я перебрался на Канарские острова и остался там навсегда. Первоначальной моей целью было исследование ступенчатых пирамид в Гуимаре на Тенерифе — раньше их принимали просто за груды валунов, оставшихся после того, как первые испанские поселенцы расчистили от камней землю под поля. Мне удалось установить, что на самом деле это — астрономически ориентированные храмовые пирамиды, сложенные из блоков вулканического происхождения. Ступени вели с запада на восток и заканчивались на вершине, на усеянной мелкими камнями платформе. В той самой долине, где стоят пирамиды, последний король гуанчей сложил оружие к ногам испанцев. Это случилось вскоре после первого плавания Колумба к берегам Америки. Колумб и стал последним из череды белых бородатых мореходов, из века в век живших в легендах индейцев Мексики и Перу.

notes

Примечания

1

Искаженная цитата из Библии.